

БИБЛИОТЕКА
РАСОВОЙ
МЫСЛИ

Эрнст Крик

**ПРЕОДОЛЕНИЕ
ИДЕАЛИЗМА**

**Основы расовой
педагогики**

Ernst Kluge

БИБЛИОТЕКА
РАСОВОЙ
МЫСЛИ

Эрнст Крик

ПРЕОДОЛЕНИЕ ИДЕАЛИЗМА

Основы расовой педагогики

*Перевод с немецкого А.М. Иванова
Под редакцией В.Б. Авдеева и А.М. Иванова*

Москва 2004

Сканировал и создал книгу - vtakhankov

В серии вышли книги. «Расовый смысл русской идеи. Вып. 1»; Людвиг Вольфман. «Политическая антропология»; В. Авдеев. «Метафизическая антропология»; Ганс Ф.К. Гюнтер. «Избранные работы по расологии»; «Расовый смысл русской идеи. Вып. 2», Карл Штрац «Расовая женская красота».

Редколлегия серии «БИБЛИОТЕКА РАСОВОЙ МЫСЛИ»

В.Б. Авдеев, *председатель*

А.М. Иванов, А.Н. Савельев, С.Н. Удалова, *члены редколлегии*

Эрнст Крик

Преодоление идеализма. Основы расовой педагогики /Пер. с нем. А.М. Иванова. Предисловие В.Б. Авдеева и А.М. Иванова. Серия «Библиотека расовой мысли». — М.: Белые альвы, 2004. — 432 с., илл.

ISBN 5-7619-0185-4

Данное издание представляет собой сборник лучших работ Эрнста Крика (1882-1947), одного из крупнейших немецких философов XX века. Прямой продолжатель идей Фридриха Ницше, он развивал направление, получившее название «философия жизни». Посвятив всю свою жизнь проблемам образования, он явился революционером в этой области, ибо сумел создать принципиально новую науку — «расовую педагогику», которая активно формирует процесс познания исходя из расовых наследственных задатков самого познающего. Борец за торжество истины, он никогда не шел на компромиссы, из-за чего всегда наживал себе много врагов, особенно в среде «профессиональных» философов и педагогов. Однако потрясающая работоспособность, упорство и высочайший уровень эрудиции снискали ему прижизненную славу и признание, что позволило ему занять кафедру педагогики в Университете Франкфурта-на-Майне, а позднее сделаться ректором Гейдельбергского Университета. Яростный противник химер классического немецкого идеализма, Э. Крик всю жизнь разрабатывал учение, способное устранить проблему дуалистического мировидения. Только целостный, органический подход к истолкованию проблем бытия способен излечить душу народа, терзаемого в жерновах истории. Яркий, энергичный и афористический стиль изложения в совокупности с бунтарской этикой вызовет симпатию и у русского читателя данного издания. Само имя Эрнста Крика сегодня настойчиво вымарывается из скрижалей науки в угоду политкорректности, ибо вся «вина» философа заключается в том, что он родился в неудобное время и расцвет его творчества пришелся на период национал-социализма, что, однако, никак не умаляет его значения для понимания общего развития философских идей в XX веке. Многие конструктивные идеи Эрнста Крика актуальны и в условиях современной России, так как, по мысли философа, каждый может добиться лучшей участи только через непрестанное самообучение и самосовершенствование.

Сборник работ немецкого философа снабжен его подробной биографией, выполненной В.Б. Авдеевым и А.М. Ивановым.

ISBN 5-7619-0185-4

© Авдеев В.Б., Иванов А.М., предисловие, 2004.

© «Белые альвы», 2004.

СОЗДАТЕЛЬ РАСОВОЙ ПЕДАГОГИКИ ЭРНСТ КРИК (предисловие)

*«Глубокая магия состоит в том,
чтобы уметь, найдя точку соприкосновения,
вывести одну крайность из другой».*

Джордано Бруно

*«Сколь иным ни давала б наука
Равного лоска, она тем не менее в каждом изгладить
Первоначальных следов дарований природы не может».*

Тит Лукреций Кар

Если люди различаются в расовом и национальном отношении, и эти различия наследственно обусловлены, то значит, воспитывать и образовывать этих людей нужно по-разному.

Эта простейшая и совершенно естественная мысль лежит в основании такой науки, как **расовая педагогика**. Однако, чтобы прийти к этому нехитрому умозаключению, европейской системе образования и шире, всей европейской системе ценностей, пришлось преодолеть долгий и тернистый путь эволюции. С воцарением идеалов эпохи Просвещения в общественном сознании прочно укоренилась ничем не обоснованная догма, что посредством единообразного воспитания представляется возможным сделать всех людей одинаково духовными и культурными. Предполагалось, что назидательные лекции и увещания могут превратить каждого человека, независимо от расы, национальной принадлежности и религиозного вероисповедания в носителя гуманистических идей. Волна либеральных буржуазных революций, прокатившаяся по всей Европе на протяжении XVIII и XIX веков, укрепила позиции этого абсурдного измышления, которое благодаря трудам «одномерных» революционных просветителей обрело статус почти божественного откровения.

Первая мировая война, четыре года терзавшая Старый свет, действовала весьма отрезвляюще, ибо совершенно равнозначные в

культурном отношении народы истово истребляли друг друга с жестокостью и вандализмом, каких еще не знала Европа. Мало того, впервые начали применять технические новшества, приводившие к гигантским жертвам среди мирного населения. Крах идеалистического рафинированного гуманизма был неизбежен, ибо сделалось очевидным, что культура здесь не при чем, и просвещение не снимает глубинных противоречий между людьми. Наследственные различия не устраниаются нивелирующей «общечеловеческой» обработкой.

Сама логика развития, таким образом, предопределила возникновение новой науки, основанной на иных, принципиально отличных от классической педагогики, принципах. Произошла революция в науке, о которой немецкий теолог и философ Эрнст Трельч (1865-1923) писал: «Это начало великой мировой реакции против демократического Просвещения, против рационального самовозвеличивания разума и связанной с этим догмы о равенстве людей». Наука, как творческая деятельность единых, исторически эффективных сообществ всегда связана с характерными особенностями их происхождения. Она представляет собой выражение в определенной форме расовых задатков и тесно связана в своем становлении с волей этих сообществ, являясь по сути квинтэссенцией национального характера. Как и право, искусство, политика и экономика, наука тоже возникает в результате постоянного взаимодействия расовых задатков, творческой воли и судьбы. Ареной ее действия является сам человек, который способен принимать решения. И его решения будут иметь тем более плодотворное воплощение, чем правильной мировоззрение отражает его внутреннюю суть.

Творческие личности исторически воплощают различные типы мировоззрения, так как для выражения той или иной идеи требуется вращение наследственно обусловленного характера в сознание человека. Именно так возникают пророки, цари, художники, мыслители и полководцы — биологические носители мировоззрения. Некий абстрактный дух не существует сам по себе, витая в безбрежных пространствах Вселенной. Дух всегда гнездится в сознании человека действующего и способного отвечать за свои поступки, человека, вторгающегося волей в субстанцию бытия и подчиненного законам своей расы и расовой же судьбы.

Этот нервный излом, обозначившийся со всей ясностью на границе ценностей старого миропорядка и новых горизонтов расовой революции, произошедшей в сознании европейской элиты, проходит сквозь все сочинения Эрнста Крика — выдающегося немецкого философа и педагога первой половины XX века. Его имя

совершенно неизвестное у нас в России, настойчиво стирается и со скрижалей мировой науки, как неудобное, хотя при детальном рассмотрении оказывается, что духовная революция, предвосхищенная им, подобна той, провозвестником которой был Джордано Бруно (1548-1600), тоже считавший, что в мире нет ничего неживого — все одушевлено. По воле судьбы, о роли которой в жизни каждого творческого человека им написано множество строк, он во многом повторил судьбу этого итальянского бунтаря-интеллектуала XVI века. Философ Эрнст Крик также взошел на костер мученичества во имя идеи, вросшей в его сознание и придавшей характеру невиданную стойкость. Подобно врачам, — первопрходцам иммунологии, делавшим себе прививки болезней, чтобы изучить ход их течения, он, переболев старым европейским идеализмом, создал противоядие, имя которому **биологическое мировоззрение**. И вакцина его новой философии — эффективное средство против всех форм вирусного либерального идеализма. Именно за это его имя предано анафеме с университетских кафедр. Но костер мракобесов, так же как и заговор молчания бессилён над магическим всевластием расовой судьбы.

Эрнст Крик как воспитатель расового сознания

В 1890 г. в Германии вышла анонимно книга «Рембрандт как воспитатель» наделавшая много шума. Ее автор, Юлиус Лангбен (1851-1907), призывал немцев к выработке национального самосознания, которое не имеет ничего общего с национальным зазнайством и развитию которого больше способствует созерцание картин Рембрандта, нежели зрелище военных парадов.

Но Рембрандт мог быть воспитателем лишь косвенно. Германии нужны были настоящие, профессиональные воспитатели, но существовавшая тогда система препятствовала их появлению и тем самым собственными руками готовила себе гибель.

Когда говорят «В здоровом теле — здоровый дух», перевирают подлинный смысл изречения Ювенала, а этот древнеримский сатирик лишь выражал пожелание: «Дай Бог, чтобы в здоровом теле был и здоровый дух», т. е. второе вовсе не вытекает автоматически из первого. И Германия эпохи Второй Империи была ярким примером такого несоответствия.

В начале XIX века политически слабая и раздробленная Германия была духовным маяком для всего мира; к концу этого века она

объединилась, стала могущественной Империей, но потеряла свою душу. Немцы гордились своими победами, своей армией, своей бурно развивающейся промышленностью, а имена Шеллинга и Гегеля были забыты, их книги трудно было достать. На опасность такого положения указывали одинокие пророки, прежде всего, Пауль де Лагард (1827-1891) и Ницше, но это были голоса вопиющих в пустыне.

Такова была обстановка, в которой происходило формирование духовной личности Эрнста Крика. Он был выходцем из народа, потомком простых крестьян, и тем не менее добился академического признания, получив в 1923 г. звание почетного доктора философского факультета Гейдельбергского университета, хотя сам никогда ни в каком университете не учился и был всего лишь простым учителем народной школы, т. е. принадлежал к «пролетариям класса ученых», как называл учителей К. Маркс. Учителя так и остались пролетариями, даже в той стране, которая провозгласила марксизм своей идеологией, — в Советском Союзе; остаются ими и в нынешней России. Для Эрнста Крика в кайзеровской Германии с ее кастовой системой образования должность учителя была пределом возможностей, поэтому он всю жизнь воевал против этой системы. Немецкая педагогика была задушена «методическим схематизмом» Гербарта-Циллера, преподавательская деятельность не доставляла никакой радости. Как писал сам Крик, «школа превратилась в большую казарму». Благородную профессию педагога довели до того, что учитель, вместо того, чтобы быть образцом для своих учеников, превратился в пугало. Страшные образы таких пугал дали в русской литературе Ф. Сологуб (Передонов в «Мелком бесе»), а в немецкой — Генрих Манн в своем романе «Учитель Унрат» (сама фамилия этого учителя означает «мусор», «отброс»).

Впервые Крик подверг эту систему критике в ее мангеймском варианте, выступив против собственного начальника по учебной части Зиккингера, который ввел понятие «нормального интеллекта» как нормы «жизненной одаренности», связав все это с социал-дарвинистской идеей отбора. Крик осудил мангеймскую систему как авторитарно-бюрократическую, за что получил от мстительного Зиккингера плохую аттестацию.

Во времена III Рейха Крик столкнулся на этой же почве с Вильгельмом Хартнакке (1878-1952) (ниже мы расскажем подробней об этой полемике). Крик осудил педагогические идеи социал-дарвиниста Хартнакке как «архиреакционные»: «Буржуазия снова претендует на монополию в образовании и науке и обосновывает эти притязания своей «наследственностью...» Это очень простое

решение проблемы расы и отбора. Его суть — в кошельке... Раб должен оставаться рабом».

Э. Крика, как человека из народа, такой подход устроить, естественно, не мог. Он не был революционером, отрицательно относился к классовой борьбе и мечтал о единстве буржуазии и рабочего класса в солидарном национальном сообществе. Он пытался найти баланс между либерализмом и социализмом, выдвигая идею «циркуляции элит». Идея эта созвучна теории Вильфредо Парето (1848-1923), но если у Парето новая элита вытесняет старую в процессе дарвиновской борьбы за существование, Крик хотел, чтобы смена элит происходила мирным путем, а рычагом ее была система образования. Крик еще в 1922 г. в своей работе «Философия воспитания» полемизировал с натуралистической утопией расовой педагогики, исходившей из того, что здоровые расовые задатки механически способны породить здоровый расовый дух. Подобные установки очень похожи на упомянутое ложное толкование изречения Ювенала.

Школьный учитель

Эрнст Крик родился 6 июля 1882 года в Фегисхайме в Бадене. Он происходил из протестантской семьи, его отец был инженером-строителем, а предки крестьянами и ремесленниками. Жизнь была трудной, ибо нужду и одиночество он познал уже в раннем детстве. Десятилетним мальчиком он покинул семью и поступил в реальную школу в Мюльгейме. В 1898 году он поступает слушателем на педагогический семинар в Карлсруэ и по окончании курса в 1900 становится младшим учителем народной школы. За четыре года он шесть раз сменил место работы, преподавал в разных городах Бадена и все время оставался младшим учителем. Эту должность он занимал вплоть до 1924 года. Только целеустремленность и невероятная сила характера позволили ему выжить в этих условиях и заниматься всесторонним самообразованием.

Медленно приходил он к пониманию того, что его собственная нужда лишь уменьшенное отражение той нужды, в которой живет весь народ. Крик искал ответа на вопрос: «Почему?» Своим духовным поискам он мог посвятить только свободное от работы время. Из общеисторического плана волновавшей его проблемы постепенно выделился вопрос о духовном складе народа.

В своей одинокой комнатке Крик начинает готовиться к борьбе со всей ненавистной ему системой западного просветительского рационализма, которой впоследствии он посвятил всю жизнь. В те

годы ему помогла известная книга «Единственный и его собственность» Макса Штирнера (1806-1856), так как никто не может долго опираться лишь на себя самого. Любой одинокий человек стремится преодолеть свою нужду «в духе». В условиях того духовного убожества, в которых жила кайзеровская Германия, Крик, как и многие другие представители мыслящей молодежи, обратился к великому философскому наследию немецкого классического идеализма. К тому же источнику в обстановке безмозглого потребительства обращают свои надежды и крупнейшие идеологи современной Германии, такие как Хорст Малер и Рейнхольд Оберлерхер. Крика захватило неоиdealистическое движение, порожденное политическим кризисом немецкого народа. Он изучает немецкий идеализм по Лессингу, Гаманну, Гердеру, Фихте, Гегелю и Канту, затем обращается к первоисточникам — к древней Греции, к Платону. Хотя он тогда не мог еще осознать подлинные причины, по которым его так влечет к античному полису, но им двигал верный мировоззренческий инстинкт. Крик подозревал, какие революционные возможности таятся для немецкого народа в осуществленном полисом единстве политики, воспитания и мировоззрения. Но время этого откровения еще не наступило.

Однако в 1910 году в Гейдельберге выходит объемистая книга «Личность и культура», в которой Крик показал, как и чему он научился в своем стремлении выразить всю полноту немецкого духа. Это было его самое большое по объему сочинение (510 страниц), в котором содержался обзор развития всей европейской культуры на протяжении 2500 лет, притом современной культуре он дал крайне негативную оценку за ее деструктивный и дегенеративный характер. Первый блин вышел комом. Книга была неудобочитаемой, осталась незамеченной и сам Крик был ею недоволен. В те же годы Крик отходит от христианской религии. В развернувшейся тогда полемике вокруг книги Артура Дрекса (1865-1935) «Миф о Христе» Крик выступил на стороне Дрекса. В том же году в брошюре «Новейшая ортодоксия и проблема Христа» он коснулся общественных проблем и впервые начал говорить своим языком.

В 1913 году он делает следующий шаг на пути выработки своего самостоятельного мировоззрения. В книге «Лессинг и воспитание человеческого рода» проблема истории немецкого духа рассматривается уже на более углубленном уровне.

Все его поколение жило в смутном предчувствии большой войны. И когда она разразилась в 1914, Крик, как и множество его сверстников, направился на фронт. Позднее он весьма самокритич-

но писал, что «воином он был неважным». В 1916 году он после тяжелой болезни был комиссован и вернулся из казарм обратно в школу, с тем, чтобы возобновить рутинную работу учителя. Германия еще была полна патриотического воодушевления, веры в свои силы и желания выиграть войну на два фронта. Но Криком овладел страх, что судьба может нанести Германии тяжелый удар, потому что народ живет в невежестве.

И вот, как результат провидческих размышлений в 1917 году выходит его книга «Немецкая государственная идея». Эта книга была первым программным политическим произведением Э. Крика. Она тоже не получила широкого общественного признания, хотя ее распространяли в войсках. В этой книге прусская корпоративная модель государства времен реформ барона фон Штейна подавалась в новом свете в сочетании с идеей самоуправления. Но Макс Вебер (1864-1920) отказался признать эту книгу научной, так как в ней содержались и политические пророчества. Одно из них касалось «Третьего Рейха». Собственно с этого сочинения и начинается настоящий Эрнст Крик. Немецкий народ еще жил иллюзиями близкой победы, а скромный школьный учитель, осознав масштабы надвигающейся катастрофы, уже создавал идеологическое средство для спасения нации, потому что крах, согласно его предчувствиям, был неминуем. И только вера в свои силы, а также силы своего народа внушала Крику осознание моральной правоты. Это было опорой всего творчества. Сразу же после заключения Версальского мира, унижительного и разорительного для Германии, он начал строить плотину на пути потока, который грозил унести немцев в безбрежность послевоенного хаоса. На протяжении двух десятилетий самообразования он все яснее осознавал, что немцы были плохо подготовлены к решению задач, поставленных перед ними мировой войной. Тяжелый каждодневный труд учителя окончательно укрепил его во мнении, что возрождение нации — вопрос воспитания.

Так впервые увидела свет концепция Третьего Рейха. Данное понятие, окруженное сегодня черным ореолом в сознании большинства современных людей, никак не нужно ассоциировать с Третьим Рейхом, который провозгласил Адольф Гитлер придя к власти. Более правильный его перевод на русский язык означает «Третье Царство». Оно взято из пьесы Ибсена «Цезарь и Галилеянин», так как имелось в виду Царство, в котором должны соединиться материя и дух, чтобы преодолеть дуализм европейской философии, навеянный христианской церковью, разделившей мир на «низкое» — царство плоти и «высокое» — духа. Таким образом, изначально концепция

Третьего Рейха замысливалась ее создателем исключительно как миролюбивое, гармоничное единство, призванное перевоспитать европейского человека, столетиями терзающего себя фантомами дуалистической морали. Агрессия, милитаризм, концлагеря, геноцид народов и иные inferнальные события второй мировой войны, очернившие само это понятие — результат чудовищного искажения сути безграмотными эпигонами. Ученики извратили идею своего учителя, что, к сожалению, не редкость в мировой истории.

В «Немецкой государственной идее» впервые со всей ясностью проявились черты нового мировоззрения, которое затем так резко выделит его на фоне академических философов. Именно этот пафос бунтаря впервые привлек к нему интеллектуалов, озабоченных будущим своего народа.

Беспокойный человек

В марте 1918 года Эрнст Крик начал печататься в журнале правых социалистов «Ди Глокке» («Колокол»). Своей целью он ставил объединение буржуазии и рабочего класса под национальным флагом. Идею правой социальной демократии он позднее проповедывал в кругах младоконсерваторов, в журнале «Гевиссен» («Со-весть»), идеологом которого был Артур Меллер ван ден Брук (1876-1925). Но буржуазию Крик не увлек своими идеями, а молодые консерваторы после смерти Меллера ван ден Брука превратились в консервативных реакционеров, с которыми Крик никогда не имел ничего общего. В 1919-20 годах развернулась полемика вокруг постулата Макса Вебера о свободе ценностей и объективности науки. Против Вебера выступил критик Эрих фон Калер, близкий к кругу Стефана Георге. Крик в работе «Революция в науке» (1920) занимал еще промежуточную позицию, так как не соглашался с Бергсоном и Калером, в том, что наука может строиться на интуиции. Наука должна быть рациональной — в этом он был согласен с М. Вебером.

Его интенсивная работа идет теперь в трех направлениях: он продолжает преподавать в Мангейме, пишет статьи и обращения и разрабатывает новые основы немецкого воспитания. «Революция в науке» знаменует собой начало этой разработки. Небольшая брошюра «Воспитание и развитие» (1921) пророчествует, что предстоят большие научные события, которые будут иметь решающее политическое значение. В 1922 году вышел главный труд Крика по педагогике начального периода творчества под названием «Философия воспита-

Die deutsche Revolution marschiert.

Prof. Dr. h. c. Krieck

---

in Westfalen vom 11.-16. Juli

Der Name Krieck bedeutet:

Wegweiser für alle Erzieher gleichgültig welcher Art,

einer der Führer des jungen nationalen Deutschlands,

Vorkämpfer für die geistige Revolution.

Auf allen Gebieten des geistigen, wirtschaftlichen Lebens, des völkischen Lebens überhaupt, vollziehen sich grundlegende Umwandlungen. Jeder Erzieher muß mitwirken am Neubau des deutschen Gesamtstaats.

ния». За него в 1923 году он был удостоен от философского факультета Гейдельбергского университета звания почетного доктора.

27 ноября 1923 года социал-демократическая газета «Фольксштимме» (Мангейм) обозвала Крика «гитлеровцем от педагогики», но он подал в суд за клевету и выиграл процесс. Ставили ему в вину тогда и связи с Меллером ван ден Бруком.

Эрнст Крик познакомился с ним еще летом 1917 года в Берлине. Меллер ван ден Брук не был реакционером-консерватором, а выступал за эволюционное обновление имеющегося культурного наследия, однако вычурный экстатический стиль позволял по-разному интерпретировать его мысли. Вырождение буржуазного духа было определяющим мотивом для протеста деятелей «консервативной революции». Артур Меллер ван ден Брук предложил Эрнсту Крику стать выразителем идей «Младоконсервативного движения» в области педагогики, однако статья по этому вопросу даже в узком, элитарном кругу была сочтена «слишком ученой». Концепция «Третьего пути» консервативных революционеров в силу внутренней противоречивости оказалась утопией, хотя полуграмотные «теоретики Традиции» до сих пор вывешивают эти лозунги, имитируя мистический ореол неких высших эзотерических знаний.

В 1923 г. вышла книга Меллера ван ден Брука «Третий Рейх». Это название было навеяно идеями Крика, но ни о каком «плагиате» здесь не может быть и речи, поскольку эти два автора работали в совершенно разных плоскостях, и путаницу вносит лишь то, что в немецком языке используется одно слово «Рейх» там, где мы используем два. У Крика мы имеем эсхатологическую, историко-философскую идею Третьего Царства, у Меллера ван ден Брука — реально-политическую идею Третьей Империи на базе сочетания национальной и социалистической идей. Одиночество Меллера ван ден Брука в кругу махровых реакционеров привело его к самоубийству, а от его концепции Третьей Империи национал-социалисты после 1933 г. отмежевались, так что гитлеровский III Рейх строился не по Крику и не по Меллеру ван ден Бруку.

Но Крик отнюдь не был человеком, витающим в облаках, он высказывал и чисто практические соображения о будущем вполне земной Германской Империи на страницах журнала «Ди Тат» в период подготовки к Веймарскому национальному собранию (январь 1919). Крик был противником парламентской демократии, поскольку видел в ней ширму капиталистической плутократии. Он считал, что в Германии демократия может быть только временной, вынужденной, переходной формой к «органическому государ-

ству», но большинство немцев пребывало тогда в демократической эйфории, как большинство русских в 1991 г. Э. Крик приветствовал даже идею власти Советов, поскольку понимал, что это была стихийная форма народного самоуправления — то, что у нас именовалось «советской властью» после того, как коммунисты подмяли под себя Советы, было лишь вывеской, лишенной своего изначального содержания.

Порвав все связи с консервативными революционерами, Крик вместе с тем прекращает работу в школе, для того, чтобы целиком посвятить себя проблемам немецкого бытия. Ему нужны покой и уединение для работы над новой наукой о воспитании. До 1928 года он оставался так называемым, «свободным художником», но теперь его личная судьба, как никогда до этого была тесно связана с судьбой его народа.

Несколько фундаментальных работ определяют этот этап становления его мировоззрения: «Философия воспитания» (1922), «Формирование человека» (1925), «Системы образования культурных народов» (1927).

В контексте нашего историко-биографического исследования творчества Эрнста Крика следует особо выделить его книгу «Формирование человека», так как именно в ней были заложены основы его высокого и строгого стиля изложения. Именно с ее страниц впервые повеяло дыханием вождя и законоучителя. «Каждая система воспитания получает свою конечную форму только в иерархии ценностей, которая является ее осью. Если вся жизнь подчинена одной высшей ценности, ориентирована на одну цель, общественные формы и основные функции обретают смысл, на службе которому они взаимодействуют и формируют определенный тип. Теории развития образования от одного корня столь же бесосновательны, как соответствующие теории развития общества. Каждое сословие, каждая профессиональная организация создает свою систему образования. Происхождение и развитие системы образования не подчиняется общей схеме».

Крик был решительным противником влияния клерикалов на образование, т. е. того, что угрожает нам сегодня в России. Примером для него в этом плане был великий немецкий историк Теодор Моммзен (1817-1903), который незадолго до смерти выступил против вмешательства церкви в сферу образования.

Католическая пресса набросилась на Крика за его статьи, но ее аргументацию Крик с присущим ему темпераментом отметл как «тупоумную» и свидетельствующую о «разжижении мозгов» оппонентов. Особенно усердствовал прелат Шофер, сепаратист, который

пытался в начале 20-х годов создать «Рейнскую республику», за что Крик обвинил его в измене Родине. Теперь же интриги Шофера помешали Крику получить место в пединституте Гейдельбергского университета. Крик впал в глубокую депрессию и, чувствуя себя своего рода «политическим эмигрантом», уехал в Гессен.

К 1927 году относится его первая культурно-политическая статья «Государство и церковь в борьбе за образование», которая получилась весьма эмоциональной и резко антикатолической. В том же году он берет в свои руки издание вюрцбургского журнала «Ди фрайе дойче Шуле» («Свободная немецкая школа»), умерший основатель которого Бейль боролся против клерикальной системы образования. А в 1928 году Крик издал книгу «Немецкая культурная политика», заключительная глава которой имела характерное название «Рим против Германии». В ней он критиковал Веймарскую республику, за усиление позиций политического католицизма в системе высшего образования. Его неприятие государственной машины послевоенной Германии постепенно становится все более открытым и вызывающим. Борьба переносится в аудитории, конференц-залы и на улицу. Крик ведет бурные споры с министрами и прелатами.

Естественно, что реакция не заставила себя долго ждать. Крик вынужден был переехать в Гессен в ноябре 1928 года. Еще в 1924 году он отклонил предложение возглавить педагогическую кафедру Дрезденской высшей технической школы, так как хотел закончить очердную книгу. Но теперь, когда поздней осенью 1928 года министр образования Пруссии Беккер пригласил его в Педагогическую академию во Франкфурте-на-Майне, Крик принял предложение, чтобы работать с молодежью, влиять на нее самолично, а не только своими литературными трудами. Беккер симпатизировал Крику и разделял многие его взгляды на проблемы воспитания, ибо сам проповедывал идеалы «нового гуманизма», рассматривая человека, как гармоничное целое души и тела, а не как схематичное «разумное» существо. Новая должность позволила философу извлечь ряд преимуществ: посетил Австрию, Чехию и Саарскую область с официальными лекциями по проблемам национального образования. В поисках более широких возможностей он устанавливает контакты с различными молодежными движениями и продолжает писать.

В 1927 году помимо вышеуказанных публикаций выходят в свет книги «Воспитательная функция музыки» и «Государство немцев», а в 1928 году «Мусическое воспитание». В 1929 были напечатаны работы «Государство и культура», а также «Социальная функция воспитания», в 1930 «История образования».

И вот в феврале 1931 Эрнст Крик получил персональное приглашение от Альфреда Розенберга выступить с докладом на первом Имперском съезде молодежи в Потсдаме, но он отказался, опасаясь репрессий. Но репрессий все же избежать не удалось. Во время праздника летнего солнцеворота на Таунусе, устроенного студентами Франкфуртской педагогической академии в ночь с 20 на 21 июня 1931 года Крик выступил с несколько патетической и сентиментальной речью. На фоне костра он говорил о немецкой тоске по вечной Империи, о ее прошлых формах и о будущем ее возрождении, а закончил свое выступление здравицей в честь Третьего Рейха и вскинул руку в приветственном жесте. Как автор концепции он имел в виду одно, но окружающие восприняли это совершенно иначе: как пропаганду национал-социализма в духе Адольфа Гитлера. Затесавшийся на праздник студент — социал-демократ донес по своей партийной линии, еврейка Журдан подняла скандал в местном Ландтаге и, несмотря на протесты, под которыми подписывались даже политические противники Крика (в нынешней России такого благородства от врагов ожидать не приходится) его перевели с понижением в Педагогическую академию в Дортмунд, а позднее в апреле 1932 года за этим последовали снятие со службы и судебный процесс. Философ получил в награду свободное лето, посвятив его литературному труду. Но ситуация в Германии стремительно менялась.

Раса — это судьба

1 января 1932 года Эрнст Крик вступил в основанный в 1929 году Гансом Шеммом в городе Хофе Национал-социалистический союз учителей. Это было одновременным вступлением в партию (билет № 710670), и как ее член Крик, не опасаясь судебных преследований, впервые открыто выступил 4 апреля 1932 года в берлинском Спортпаласте с речью на тему «Воспитание и образование в национал-социалистическом государстве». В это же время вышла его брошюра «Национально-политическое воспитание», первая его книга, которая имела большой успех. Ее выпустило лейпцигское издательство «Арманен-Ферлаг», специализировавшееся впоследствии на публикации трудов Крика. Крик с головой окунулся в политическую деятельность, хотя, по собственному признанию, не чувствовал себя способным и призванным к политике. Однако его увлек энтузиазм молодежи, с которой он работал. Месяцы накануне июльских выборов 1932 г. Крик называл потом счастливейшим временем

своей жизни. Авторитет Крика, как политического пропагандиста рос, книги, тираж которых увеличивался, все чаще служили незаменимым аргументом на общественных диспутах. Стиль его речей и печатных изданий становился все более строгим, отточенным, избилующим образными сравнениями и броскими афоризмами. Увлечение канонами античной педагогики все сильнее сказывалось в его выступлениях и на манере держаться, что производило неотразимое впечатление на окружающих. Его открыто сравнивали с древнеримским ритором времен расцвета Империи. Ряды его убежденных сторонников множились.

В этой судьбоносной книге мотивы расовой педагогики начинают звучать завораживающим победным маршем, а ясность определений и четкость постановки задачи достигают апогея. «Раса это закон, который одинаковым образом охватывает тело, душу и дух и создает постоянный тип, который в конечном счете реализует себя в соответствии с определенной иерархией ценностей. Раса соединяет людей одного типа тесными жизненными связями и включает их в качестве звеньев в цепь сменяющих друг друга поколений. Раса остается постоянным фактором в процессе исторических перемен и формирует основные черты характера и кровные связи в обществе и в цепи поколений». К 1943 году свет увидело 20-ое (!!!) издание книги «Национально-политическое воспитание», ставшей классикой новой педагогики. Наконец, и оппоненты из числа либералов и католических профессоров философии увидели, что этому, скромному на вид, школьному учителю, никому не удастся заткнуть рот.

С лета 1932 года Эрнст Крик начинает выступать на родительских собраниях Национал-социалистического союза учителей в больших городах Рурской области, а в августе этого же года процесс против него заканчивается полной реабилитацией и отменой наказания, так как власти начинают бояться и отказываются принимать решения, которые не одобрили бы многие миллионы немцев. В октябре Крик с триумфом возвращается в Педагогическую академию во Франкфурте-на-Майне. 1 мая 1933 года он получил наконец-то кафедру педагогики во Франкфуртском университете, а в июле, после смерти Макса Шелера (1874-1928), унаследовал от него кафедру философии и одновременно был избран первым национал-социалистическим ректором этого университета. Ясно ощущая ветры политических перемен и тонко чувствуя конъюнктуру Крик в это же время основывает свой собственный журнал «Фольк им Верден» («Народ в становлении»), тираж которого в лучшие времена достигал 5000 экземпляров. Полиграфически прекрасно оформленное, это ежеме-

Volk im Werden

Herausgegeben von Ernst Krieck

4. Jahrgang · 1936 · Heft 4

Armanen-Verlag · Leipzig

Обложка журнала «Фольк им Верден»

сячное издание было посвящено широкому спектру мировоззренческих, политических, педагогических и искусствоведческих проблем. В нем было представлено множество глубоких взвешенных аналитических статей по вопросам монументальной архитектуры и врачебной этики в новом государстве, традиционно уделялось много внимания проблемам женского образования и работы с молодежью. Характерно само название журнала, которое выражало динамичес-

кий подход Крика к проблеме народа и, соответственно, расы. Свою задачу как педагога Крик видел в том, чтобы должным образом влиять на это становление. Но все же этот великолепный журнал родился под несчастливой звездой, так как по кругу задач и идеологическому формату составлял непосредственную конкуренцию полуофициальному печатному органу партии «Националь-социалистиче- тские монатсхейфте» («Национал-социалистический ежемесячник») и поэтому с самого начала возбудил зависть и враждебность Альфре- да Розенберга — его главного редактора.

Заместитель Розенберга — один из официальных философов Третьего Рейха — Альфред Боймлер (1887-1968) в 1932 году тоже выступал с призывами к преподавателям педагогики протестовать против наказания Крика, но всего год спустя резко изменил свою позицию. Народная мудрость, гласящая, что моральные качества друзей и единомышленников проверяются не столько во времена гонений и неудач, сколько в дни признания и триумфов, в данном случае подтвердилась полностью. В своем журнале Крик указывал на необходимость разработки картины истории, причем не философ- ской в обычном смысле слова, а той, которая могла бы включить в себя биологическую сферу в рамках целостной антропологии, стать синтезирующей моделью будущей педагогики, раз и навсегда сни- мающей дуалистические представления о человеке христианской традиции и их светские варианты в лице либерализма и марксизма. В этом же году Крик издал свои новые программные работы «Наци- онал-социалистическое воспитание» и «Обновление университета».

В январе 1934 года состоялась встреча с Гитлером, в ходе которой у Крика создалось впечатление, будто фюрер лично узако- нил его научную и педагогическую деятельность. Однако различия в образовательном уровне сказались самым не тривиальным обра- зом, ибо в противном случае ход мировой истории пошел бы по другому, менее драматичному пути. Но реальные политики, к сожа- лению, высокомерно пренебрегают мнением таких прозаических лю- дей, как школьные учителя. Гитлер, как известно, учителей вообще не любил. Множество кровавых трагедий мировой истории возникло на почве этого старого, как мир конфликта.

Также в январе 1934 года Крик получил предложение от Гей- дельбергского университета занять кафедру философии и педагоги- ки вместо уволенного Генриха Риккерта (1863-1936), и дал на это согласие 1 апреля того же года. Вожди национал-социалистическо- го союза студентов этого университета были выходцами из рабочих промышленного района Мангейм-Людвигсхафен и среди них были

сильны революционные радикальные настроения. Крик опирался на этот круг в своих планах реформы высшей школы. Этой, крайне важной в его понимании, теме была посвящена еще одна программная работа «Наука, мировоззрение, реформа высшей школы».

Однако началом краха задуманной Криком реформы высшей школы в III Рейхе стала «ночь длинных ножей» 30 июня 1934 г. Крик какое-то время еще продержался на плаву благодаря своему членству в СС, которое имело свою предысторию.

В 1929-30 гг. Крик был связан с эфемерной организацией под названием Младогерманский Орден, которая быстро сошла со сцены, не выдержав конкуренции с национал-социалистами. Член этого Ордена Рейнхард Хен, который читал в Гейдельбергском университете государственное право, был большим поклонником Крика и принадлежал к Службе безопасности Рейхсфюрера СС. Рассчитывая использовать эту связь в качестве рычага влияния, Крик в апреле 1934 г. вступил в СС (членский билет N 107221) и стал экспертом сектора науки, однако в 1938 г. все научные вопросы перешли в ведение другой организации — «Аненербе».

Одновременно с этим он по заданию СД занимался аналитической работой по изучению политических противников движения. В 1935 году он возглавил Баденский союз доцентов, а в 1937 стал первым национал-социалистическим ректором Гейдельбергского университета. Кульминацией карьеры Эрнста Крика в Третьем Рейхе стало празднование 550-й годовщины со дня основания Гейдельбергского университета 27-30 июня 1936 года. В том же году во Франции праздновался юбилей Декарта (31 марта 340 лет со дня рождения) и философская дискуссия по вопросу о ценности его творческого наследия приобрела откровенно антинемецкую направленность. Крик публично вступился за авторитет немецкой науки, сделав это с достоинством философа и изяществом оратора. Однако все эти успехи и признание не уберегли его от мести академических завистников, нацепивших свастики в качестве демонстрации своей политической благонадежности. Еще вчера они нападали на Крика, называя его «трехсотпроцентным национал-социалистом», а сегодня клеймили за «искажение основ национал-социализма и произвольное их толкование». Человека, придумавшего Третий Рейх, поучали, что же это такое на самом деле. Даже очередная книга «Воспитание в национал-социалистическом государстве», вышедшая в 1935 году не исправила положения. Последние остатки гуманистической идеи, заложенной Криком в основание доктрины Третьего Рейха, были уничтожены во время событий 30 июня 1934 года. С этого момента философ начина-

ет понимать, что цель всей его борьбы — реформа системы образования — всего лишь красивая мечта, рассыпающаяся в прах от каждого соприкосновения с политическими реалиями эпохи.

Но идеализм и реализм продолжают уживаться в нем самым необычным образом, а его донкихотство становится все более истовым и вместе с тем осознанным. В июле 1934 года во введении к работе «Наука, мировоззрение, реформа высшей школы» по горячим следам судьбоносных событий он писал: «Я постоянно боролся за обновление науки на новом уровне реальности. Данная книга — последний плод этой борьбы за новую науку, часть борьбы за обновление народа и государства. И если профессора, нацепившие свастику, не являются моими союзниками в этой борьбе, это свидетельствует не о неправоте моего дела, а о неправоте этих профессоров. История нас рассудит». Но при этом он подчеркивал, что «радикально-консервативный характер национал-социалистической революции проявляется именно в том, что она устанавливает связь между отдаленным прошлым и будущим». И только расовое мировоззрение способно избавить от идеалистических оценок прошлого и необоснованных притязаний на будущее. «Расовая теория переросла натурализм и материализм. Наша раса определяет направление нашей жизни, служит становым хребтом народного сообщества. И для расовой теории вера имеет приоритет над теоретическим знанием». Однако при такой качественно новой оценке истории, действительности и культуры меняются местами все акценты, а за ними и вся привычная картина мира. «Тайна силы, возвышения и господства Рима — как раз в его негуманном государственном воспитании. Идея героизма заменяет идею гуманизма. Нужно оспорить притязания духа на высшее происхождение и принадлежность к высшему миру: дух должен взаимодействовать со всеми другими силами. Он, как и они, рождается на общей расовой основе. Нужно оспорить прежде всего притязания так называемой культуры на роль высшей ценности. Когда мы избавимся от этих идеалистических притязаний и предрассудков, будущее нашей нации станет таким, как предопределено Судьбой».

Наконец расчистив завалы старого хлама идеалистической философии, Эрнст Крик уверенно приступает к формированию новых идеологических принципов целостной науки. «Цель одна — всеобщая и неделимая наука о мире и человечестве в целом, которая включает в себя биологию и антропологию и преодолевает роковой антагонизм естественных и гуманитарных наук. Философия и наука — это промежуточные звенья между мировоззрением и картиной мира».

Снова против течения

В феврале 1936 года вышла первая часть трехтомника «Национально-политическая антропология», труда всей жизни Эрнста Крика. Изобретателем самого этого термина был педагог и психолог Освальд Кро, который в 1934 заявил о необходимости создания «всеобщей науки о человеке», способной заменить собой философию в качестве основы всех наук. Новая синтетическая антропология включала в себя социологию и социальную психологию, находившуюся в стадии формирования биологическую этологию (Якоб фон Иксюль (1864-1944)) и типологическую психологию (Эрнст Кречмер (1888-1964), Эрих Рудольф Енш (1883-1940)). Принципы новой науки разрушали этноцентризм классической немецкой педагогики, ибо вопрос расы с подачи Крика окончательно выходил на первый план. Национально-политическая антропология представляла собой междисциплинарный синтез всех наук, относящихся к человеку. Это было сущим переворотом в мировоззрении, и подрывало привычные устои гуманитарных наук.

Едва первый том увидел свет, как с критикой на него обрушился Альфред Розенберг, который обвинил Крика в произвольной интерпретации национал-социалистического мировоззрения. Концепция «панбиологизма» шла в разрез с биологическим монизмом, возобладавшим в официальной партийной литературе. Дело в том, что знаменитый немецкий биолог Эрнст Геккель (1834-1919), последователь Чарльза Дарвина еще в конце XIX века создал учение о социальном дарвинизме и основал Монистическую лигу, служившую инструментом пропаганды его политической философии. Случай с Геккелем достаточно курьезен. Известно, что его высоко ценил Ленин, в то время как сам Геккель всячески открещивался от социализма и считал, что дарвинизм скорее подводит теоретическую основу под существование аристократии, «Дарвинизм есть все, что угодно, - писал он, - только не социализм! Если уж связывать с этой английской теорией какую-нибудь политическую тенденцию, то эта последняя может быть аристократической, а никак не демократической, и менее всего социалистической».

Э. Крик, со своей стороны, видел в концепциях Геккеля корень всех пороков своих идейных оппонентов. Геккеля он называл «папой всех тупиц, пытающихся дать позитивистское объяснение всех мировых загадок», считал геккелизм «заслуженно похороненным» и был крайне удивлен тем, что снова в силе позитивисты геккелевского толка: он думал, что «этот вид обезьянолюдей вымер».

Ввиду того, что большинство руководителей Рейха не имели высшего образования, комплекс новых идей, излагаемых Криком, в их понимании обрел явные черты диссидентской доктрины, покушающейся на духовные устои немецкой науки. Большого «святотатства» и представить себе было нельзя.

Против Крика выступили биологические позитивисты, которые группировались вокруг журнала «Фольк унд Рассе» («Народ и раса»), издаваемого расово-политическим ведомством Вальтера Гросса (1904-1945). Главным противником Крика выступил бывший член Дрезденского школьного совета Вильгельм Хартнакке, который после 1933 года одно время возглавлял министерство по делам культов Саксонии. Хартнакке был приверженцем «политической антропологии» Людвиг Вольтмана и учения Отто Аммона (1842-1916), которые были созданы еще на рубеже XIX и XX веков. В их основе лежала концепция механического перенесения биологических закономерностей на общественную и политическую жизнь. Учение Крика напротив с самого начала было проникнуто героическим пафосом и высокой эстетикой витализма.

Хартнакке еще с 20-х годов занимал весьма реакционную позицию, и даже официальный орган НСДАП — газета «Фелькишер Beobachter» в своем выпуске от 3 декабря 1930 года изобличила его расовую теорию как «антинационал-социалистическую», ибо та основывала притязания буржуазии на монополию в образовании и науке. Позднее Хартнакке стал одним из соиздателей журнала «Фольк унд Рассе», и в октябре 1937 года подверг с его страниц резкой критике первый том «Национально-политической антропологии», а заодно объявил земляков Крика, жителей Шварцвальда, наследственно неполноценными. Крик естественно не сдержался и написал гневное письмо главному редактору журнала Бруно К. Шульцу, а Хартнакке в свою очередь подал в суд за это письмо. Но Крик, будучи опытным бойцом только этого и добивался, ибо в полной мере осознавая силу своего полемического таланта, надеялся развязать публичную дискуссию. Дело приняло не шуточный оборот, в результате чего руководитель расово-политического департамента партии Вальтер Гросс был вынужден обратиться к Альфреду Розенбергу с открытым заявлением, в котором сообщал: «Так называемое гуманитарное направление требует для себя неперменного первенства в политике и науке, самым безоговорочным образом отвергая любую критику со стороны ученых-естественников. В свою очередь, Хартнакке имеет выдающиеся заслуги как представитель образа мыслей, последовательно развивающих принципы био-

логии наследственности, на которой основаны все предпосылки практики отбора и демографической политики.

Крику окончательно было поставлено в вину то, что он атаковал ведущие позиции политической биологии в науке Третьего Рейха, на которых находились специалисты в области биологии наследственности, расовой теории и расовой гигиены. Чувствуя безвыходность положения Крик даже пытался противопоставить Хартнакке самого Гитлера, понимание расы которым, по мнению философа, не было столь «грубо натуралистическим». Кроме того он обвинил Хартнакке в том, что тот принципиально неверно понимает антропологию как таковую. Кончилось тем, что против Крика сформировался целый фронт из ученых-естественников, в лице таких авторитетов, как профессора Пауль Шульце-Наумбург (1869-1949), Мартин Штеммлер, Отто Рехе (1879-1966) и Адольф Хельбок. Все они были первоклассными специалистами и глубоко порядочными людьми, но положение в Германии и мире в целом было таковым, что не давало официальным властям Рейха никакого пространства для маневра в области идеологии. Победить не минуемо должна была одна магистральная линия.

Рейнхард Гейдрих в ноябре 1937 года по предложению Вальтера Гросса запретил публичную дискуссию между Эрнстом Криком и его оппонентами. Дискуссии были нежелательными, так как нарушали картину «монолитного единства» партии. Не позволивший затыкать себе рот либералам, коммунистам и клерикалам, Крик как бескомпромиссный борец за чистоту идеи, в знак протеста покинул пост ректора Гейдельбергского университета осенью 1938 года, а 20 октября того же года уволился из СС в чине оберштурмбанфюрера.

Человек изобретший саму идею Третьего Рейха оказался в открытой оппозиции к собственному детищу, и с 1938 года в его жизни начинается период, который он сам назвал «внутренней эмиграцией».

Однако треволнения внешней жизни решительно никак не сказались на качестве литературного труда и плодovitости. Он так же регулярно пишет серьезные аналитические статьи для журнала «Фольк им Верден», а в 1937 и 1938 годах как ни в чем не бывало издает второй и третий тома главного труда всей своей жизни.

В чем же суть мировоззрения Крика и почему оно пришлось не ко двору в III Рейхе?

Насчет того, было ли в III Рейхе определенное мировоззрение, и если да, то какое именно, написано много, а путаницы

наворочено еще больше. У одного и того же автора можно встретить совершенно противоположные утверждения. Например, Фриц Штиппель пишет, с одной стороны, в своей книге «Разрушение личности» (изд. Людвиг Ауэр, Донауверт, 1957), что национал-социалистические идеологи ощущали свою связь, прежде всего, с мировоззрением немецких романтиков и идеалистов, пронизанным иррациональными, иногда даже мистическими элементами, что «иррациональный, во многих отношениях даже мистический основной элемент национал-социалистического понятия расы специфичен для этой расовой теории, в отличие от научных», а с другой стороны, констатирует, что «национал-социалистическое мировоззрение с самого начала имело чисто посюстороннюю ориентацию». Чему же верить?

Мистический ореол вокруг национал-социализма, созданный благодаря таким книгам, как «Утро магов», постарался развеять Ален де Бенуа (см. журнал «Атака», N 201). Он отмечает, что национал-социализм на практике был «коричневым якобинством», точно так же, как большевизм был «красным якобинством». Анализируя тексты опубликованных частных бесед Гитлера, А. де Бенуа находит в них много «самого плоского рационализма и сциентизма» и цитирует такие высказывания Гитлера, согласно которым «единственной целью» национал-социализма «должно быть научное обоснование доктрины, которая будет не чем иным, как культом разума» или: «Такое движение, как наше, не должно давать увлечь себя в уклоны метафизического порядка. Нужно придерживаться духа точной науки».

С учетом этих высказываний становится понятным, почему в Германии гитлерапобедил биологический материализм расовых теоретиков позитивистского толка, а не точка зрения Э. Крика.

Книга «Революция в науке», написанная в 1920 г. уже была направлена против сциентистской веры в абсолютный прогресс науки. В идее прогресса Э. Крик видел секуляризованный вариант иудео-христианских мифов, а в мифе о прогрессе рационалистической метафизики — эрзац христианского мифа о Спасении.

Французский философ Эмиль Бутру (1845-1921) пропагандировал тезис «о случайности законов природы», Э. Крик доказывал их условность. «Так называемые «законы природы», конечные аксиомы, выводятся не из природы на основе «опыта»... а из неизбежно антропоморфной функции действующего человеческого сознания. Это сознание навязывает природе исторически обусловленные «разумные формы» как условности».

«Познающий и обладающий волей человек ощущает мир не как общечеловеческое существо, а согласно своему историческому типу, своему характеру и расе (системе ценностей)».

«Все физические «законы» основаны на гипотетических спекуляциях, содержание которых ученые черпают из своего мира, а не непосредственно из «опыта»...

Леонардо, Галилей и особенно Ньютон, у которых миф о природе сменил старую метафизику, создали техноморфную картину мира, отражающую мир ремесленника начала нового времени».

На этой почве Э. Крик неизбежно должен был столкнуться с пропагандистами «немецкой физики», вроде Филиппа Ленарда (1862-1947).

Конечный вывод Э. Крика: «Так называемые законы природы отражают не природу «в себе» через опыт, а являются вспомогательными средствами, которые следует оценивать по их целесообразности, а для объяснения мира «в себе» они непригодны».

Что же представляет собой этот таинственный криковский «мир в себе»? Чем отличается его «панбиологизм» от «биологического монизма» его оппонентов?

Э. Крик назвал свою творческую автобиографию «Преодоление идеализма». Но на проверку выясняется, что преодолел он идеализм все же не до конца. Как верно отмечает автор большой монографии о Крике Герхард Мюллер, Крик объявив метафизическое «суеверие субстанции» самым долгим заблуждением западной истории, сам снова ввел метафизику в процесс познания» (Эрнст Крик и национал-социалистская реформа науки. Бельц Ферлаг, Вайнхейм и Базель, 1977, с. 308). То, что Э. Крик «недопреодолел» идеализм — хорошо это или плохо? И надо ли преодолевать идеализм вообще? Может быть, есть разные идеализмы, и одни из них действительно необходимо преодолеть, а другие стоит оставить на разводку?

Э. Крик был противником христианской дуалистической метафизики с ее противопоставлением духовного начала — Бога — и материального мира. Он хотел видеть и представлял себе эти начала едиными как в космическом масштабе, так и в человеке. Не признавал он и другой дуализм — живой и мертвой материи. Э. Крик сводил все мироздание к «панбиотическому» принципу «All-Leben». У нас этот термин переводят как «Все — жизнь», хотя правильной, наверное, «вселенская жизнь». Мы встречаем это понятие у Макса Шелера, преемником которого на кафедре философии Франкфуртского университета был Э. Крик. У Шелера это универсальная жизненная движущая сила: «Жизнь во всех индивидуумах метафизически есть одна и та же жизнь».

Но в этом метафизическом полумраке все кошки становятся серыми, стираются все различия между расами, нациями, отдельными людьми. Э. Крик доказывал, что нет общечеловеческого познания, что познание имеет расовый характер, но мир «в себе» он объявил, по сути, непознаваемым и наклеил на это белое пятно своего мировоззрения трансцендентную идею под названием «All-Leben». Влияние Канта он так из себя до конца и не вытравил. Такую же трансцендентную идею под названием «Бытие» Крик высмеивал, сравнивая ее с бочкой для сельди, куда пытаются запихнуть всю полноту мира, и явно метя при этом в Хайдеггера, с которым он в 1933 г. даже отказался даже вместе выступать как с «метафизическим нигилистом», но и сам без такой идеи все же не смог обойтись.

Современный французский философ Пьер Шассар — непревзойденный мастер по выслеживанию и отлову христианского Бога за всякими метафизическими абстракциями. В своей книге «12 теорий государства и общества» (изд. Мангаль, Брюссель, 2002) он подчеркивает, что концепция Крика приводит нас к отправной точке философской экологии с ее универсалистскими и эгалитаристскими фантазиями: все — Жизнь, следовательно, мы, как люди, имеем не больше прав на существование, чем деревья или камни. При этой концепции почти исчезают многообразие и разнообразие реальности, все ее различия и противоречия. По сути, в ней не было ничего нового. Как и у древних философов, все сводится к фиктивному Единому началу. Преодолев всякие дуализмы, Крик остался в плену теологизма и его фикций.

Прав ли Шассар? Зачем понадобилась Кригу его «Все — жизнь»? А понадобилась она ему по той же причине, что представляет собой скрытую под другим именем шопенгауэровскую Мировую Волю, которая, как высшая инстанция, санкционирует у Крика абсолютную свободу человеческой воли.

На словах Крик отвергал любые абсолюты. Но человеческую волю он ничем не связывал. Законы природы он, как мы видели, отрицал, законы истории тоже. Ни Божественное Провидение, ни Судьба не могут препятствовать проявлению воли.

Проблеме Судьбы Э. Крик посвятил особую главу своей книги «Человек в истории». Он проводил различие между восточным фатализмом и арийской верой в Судьбу. Судьба, неоднократно говорил он, складывается из событий и характера, но «за характером стоит кровь, раса. Когда внешние события наталкиваются на расовый характер, способный оказать им сопротивление, то в борьбе рожда-

ются герои, одерживающие победу, даже если они трагически гибнут... Эта победа разрывает цепи неизбежного, рокового». Увлеченный национальным подъемом, Крик поверил, будто расовый характер может победить Судьбу. В американском концлагере у него было достаточно времени, чтобы убедиться в обратном.

Вожди национал-социализма тоже верили, что твердая воля способна сокрушить все препятствия, почему же они не нашли общего языка с Криком? Да потому что его «все — жизнь», точнее «все — воля», была именно волей всех. В идеологии национал-социализма воля всех подменялась волей одного человека.

«Национально-политическая антропология»

Это большая и обстоятельная работа содержит новое учение о человеке, его жизни и деятельности. Термин «антропология» вводил некоторых в заблуждение, однако Крик никогда не считал антропологию естественной наукой о человеке. Он определял ее как науку о человеке в целом и употреблял для этого специальное обозначение: «биологическое мировоззрение». Примечательно, что так же называется главный труд основателя современной научной теории систем Людвиг фон Берталанфи (1901-1972).

Его новая наука о человеке основывалась на следующих постулатах:

1) Человек, как личность это замкнутое целое, состоящее из тела, души и духа, которые находятся в полярных напряжениях по отношению друг к другу, не нарушая однако при этом единства. Они не делают человека двойственным или тройственным, это лишь фрагменты его вечно движущейся динамической структуры, сохраняющие свой физический вес в становлении личности.

2) Определенный человек не является автономной единицей, но членом общества. Его отношения с обществом подчинены тем же законам полярности, непрерывности и совпадения.

3) Этно-политически-расовое исторически сложившееся сообщество, ядром которого является национальный характер, автономный и автократичный, это главное промежуточное звено между личностью и человечеством, подчиняющее их своим законам. Оно определяет суть и задачи каждого своего члена, связанного с ним расой и судьбой.

4) Индивидуальность, принадлежность к определенной расе и к человеческому роду — три «зоны» человеческого сознания. В процессе их постоянного взаимодействия развивается «жизнь». Жизнь, это не философское понятие, а конечный смысл бытия, его основа и цель.

Отрицая религиозно-философский дуализм Духа и Материи, Крик указывал на вредные последствия этого дуализма для человека, которого тоже призывали культивировать в себе только «дух» и «умерщвлять плоть». Этому уродованию человека Крик противопоставлял древнегреческий идеал «калакагатии», в котором нравственность гармонически сочеталась с внешней красотой, а не с покрытым зловонными язвами тощим телом аскета, и систему воспитания греческих полисов, которой он посвятил специальную книгу. Это воспитание называлось «мусическим», но на наш язык оно переводится как «гармоничное», поскольку было направлено на развитие как физических качеств молодого человека, так и его эстетических вкусов.

Крик был против любой односторонности в развитии человека, включая одностороннее умственное развитие. Он видел беду современной науки в «идиотизме специализации», поэтому и стремился к тому, чтобы у всех наук был общий центр притяжения. Раньше им была философия, теперь же ее место должна была занять антропология в широком смысле слова.

Но Крик был также против фетишизации понятия «целостность», являющегося основным, например, в системе австрийского философа Отмара Шпанна, который выстраивал некую иерархию целостностей и требовал, чтобы низшие целостности подчинялись высшим. От такой теории недалеко до представления о человеке как о винтике. Для Крика же антропология это бытие конкретного человека в его связи со средой и культурном развитии. Соответственно он считал, что педагогика не может основываться ни на психологии Гербарта, ни на психоанализе Фрейда. Э. Крик ставил в вину Гербарту руссоизм, отрыв от социальных факторов и индивидуалистический подход к психологии развития.

У нас с педагогическим руссоизмом в новой форме т. н. «педологии» вел борьбу А. С. Макаренко (1888-1939). Он иронизировал над своими противниками, что они, следуя призыву Руссо, «боятся помешать природе» и очень удивляются, когда эта природа вместо «идеальной личности» рождает чертополох. Э. Крик, споря с национал-социалистическими расовыми теоретиками, тоже отрицал биологический детерминизм: сами по себе здоровые расовые задатки не гарантируют развитие расового сознания. Раса — порождение природы, но расовое сознание необходимо воспитывать. Крик этим и занимался: он воспитывал расу.

Построения данной концепции разрушают чары западного рационализма, навеянного идеалами эпохи Просвещения, но при этом

самым исцеляющим образом благотворно сказываются на укреплении подлинно нордического духа, его природной силы и самодостаточной красоты.

Биологическое мировоззрение, обнимающее действительность в целом как изначальное единство, не может больше считать схему субъект-объект основой процесса познания. Крик называет теорию познания одним из высших достижений нордической расы. Природные факторы человеческого познания делятся на общечеловеческие, расовые и личные, и когда из этой естественной триады выпала центральная расовая составляющая, то ее место было занято гностической ересью всечеловеческого универсализма. Таким образом во всей современной европейской философии произошла замена конкретного человека из плоти и крови на бесплотную абстракцию.

Эрнст Крик одним из первых в мировой философии противопоставил абстрактной теории познания гуманистического века процесс настоящего познания действительности, в котором активная деятельность познающего является предпосылкой любого знания. Описание действительности составляет фундамент национально-политической антропологии, так как в ней биологическое мировоззрение обретает власть над действительностью. Нордический человек из пассивного созерцающего субъекта, посредством новой науки превращается во всепобеждающую автократическую часть мироздания, а живой, исторически сложившийся народ с его расовой основой выступает при этом в качестве центра всех природных и исторических процессов. Отдельный волевой акт личности в этой системе координат просматривается только сквозь призму национального характера, а всякие понятия о «чистом разуме» отвергаются раз и навсегда. Эра гуманизма в национально-политической антропологии Крика перечеркивается как пережиток дегенеративной эпохи — наследницы Великой Французской революции.

Эрнст Крик, таким образом отвергает следующие догмы наивного рационализма:

1) Догму о первоначальном состоянии обособленности и дикости, ибо существуют расы, которые уже в момент своего зарождения были вполне культурными.

2) Догму о разуме, одинаково присущему всем «естественным» людям независимо от расы, народа и истории.

3) Догму о высшем (разум) и низшем (тело, природа) мирах в человеке, ибо человек это всегда единое целое.

4) Догму о том, что государство, право, экономика, язык, искусство и т. д. — плоды целесообразной деятельности разума. Все это

проявления биологической спонтанной агрессии человека в окружающей его действительности.

5) Догму о том, что все люди будут добры, если они будут свободны.

6) Догму о единстве человечества.

7) Догму о прогрессе, о политической свободе и рациональной гармонии, как конечной цели всего человечества.

Этим своеобразным катехизисом Крик по сути заложил основы секуляризованной теологии, в которой расовый разум заменил Бога и Дух. Рационалистическое представление о человеке эпохи Просвещения основывалось на статичной идее человека и никогда не включало в себя живые процессы действительности, поэтому рационализм никогда не сможет взять эти процессы под свой контроль. Сфокусировав всю суть проблемы в этом ключевом вопросе, Эрнст Крик совершил революцию в теории познания. Во введении ко второму тому он писал: «Вопрос о деятельности близок каждому человеку. Почему же нет науки, предметом которой была бы деятельность? В отличие от работы, деятельность не может иметь своей технологии, потому что она никогда не осуществляется согласно предписаниям, правилам и методам, а всегда представляется только характером действующего человека. Остается возможной лишь ее феноменология и определение ее сути на основе действительности и жизненных потребностей человека. Такая теория деятельности должна стать сердцевинной национально-политической антропологии. Но становой хребет любой деятельности — расовая иерархия ценностей и жизненная ориентация».

Для Крика народ это целое, обладающее сверхличной жизнью, поэтому он и составляет основу жизни. Не может быть никакой аналогии между народом и отдельным человеком. «Жизнь во всей своей полноте» — нечто гораздо большее, чем закономерности организма, ибо он только часть природы, в то время как народ обладает историей и деятельностью, которые происходят из его расовой сути. «Универсальная биология», как система ценностей, это не поднятая на уровень мировоззрения естественная наука о строении тела человека и его функциях, а наука о человеке как целом, свою долю в котором имеют кроме природы также история и судьба. Органическое понятие целостности поэтому не естественнонаучное, оно включает в себя все аспекты человеческого существования. Человек, как целое не автономен, он входит в иерархию других целых. Полностью автономным в истории может быть только народ. Каждый народ имеет общечеловеческие черты, но «человече-

ство», по Крику, — это самое сомнительное целое из всех. «Человечество» рационалистической и идеалистической эпохи это сугубо идеологическое целое. В сущности, оно представляет собой не что иное, как индивидуальность, возведенную в ранг универсального. Реальный живой народ это результат естественных и исторических процессов становления одной судьбы, из чего философ делает закономерный вывод: «Каждый человек может приблизиться к Богу в вере лишь в зависимости от своего расового типа и своей включенности в жизнь народа как целого. Логическое мышление линейно. Целостное — циклично».

На основе этих постулатов логично возникает новый взгляд на природу моральных ценностей. «Мысль не первопричина, а порождение жизни. Она позволяет человеку различать добро и зло, управлять собственной и общественной жизнью, выбирать путь героя или паразита. Расовая иерархия ценностей не дает нам мотивов и целей, а нормирует наши действия. Если деятельность людей в обществе регулируется ценностями господствующей расы, в нем неизбежны конфликты интересов, но преступниками в здоровом обществе могут быть только люди чуждых расовых типов».

Мораль, по Крику как, кстати, и по Ницше, вообще возникает лишь там, где существует жизнеутверждающая деятельность. Только герой обладает моралью, у пассивного стада морали нет вообще. «Судьба это проверка людей на прочность. Без Судьбы нет героев, нет посмертной славы. Героическая судьба говорит громче всего там, где приносится в жертву жизнь, где смерть вызывает грандиозные сдвиги». И именно в горниле борьбы рождается истина, которой также обладают только сильные волевые личности. «Рабы не знают истины, ее знают лишь свободные люди. Истина рождается на оси жизни, а не на ее обочине, обычно в жестокой борьбе с противодействующими силами. Рождение истины это самопознание, самоутверждение и победа воли, имеющей особую расовую основу. Путь истины к победе это путь истории, динамики отношений между народами, а не путь равенства на основе фиктивного общечеловеческого «чистого разума». Нет истины, которая была одинаковой для германцев, китайцев, индусов, евреев, негров и индейцев, но есть истина, предназначенная для людей одной расы, одного народа, одной исторической судьбы. То же относится к иерархии ценностей и форме мышления, соответствующей расовому типу».

Разрушая либеральные мифы один за другим, Эрнст Крик, как последовательный педагог и философ добивает все формы химерического идеализма вообще. «Пусть Ничто марширует дальше в го-

лом виде. Мы не знаем больше никаких абсолютов, потому что мы заглянули за все абсолюты и поняли, что это обман: все они возводятся изначально относительные, то есть ограниченные и условные понятия на уровень высшей реальности, якобы кроющейся за миром явлений. Любая метафизика это абсолютизация понятий, придуманных философами, которые, выступая в качестве глашатаев Абсолюта, претендуют на абсолютность своих собственных учений. Мы не знаем никакого абсолютного пространства и никакого абсолютного сознания (абсолютного я, чистого разума, абсолютного духа), мы знаем только истину живого сознания и представлений о реальности, которые мы проверяем только на их соответствие единству мира и человека».

Соответственно этому и ценности не существуют сами по себе в отрыве от реальной жизни, так как мораль динамически видоизменяется от соприкосновения с требованиями действительности. «Нравственность не имеет ничего общего с целью действия. Убийство может быть нравственным или безнравственным, равно как и приобретение собственности, отправление культа или половые отношения, в зависимости от соответствия законам целого. Ценности это не «идеи», а реальные силы в жизни, источником которых служит расовое начало».

Крик по сути развивает принципы этики ницшеанского «сверхчеловека», выводя всю мораль из расовой первоосновы героя, человека действующего. Сквозь эту призму **нового волюнтаризма** он оценивает и весь исторический процесс. «Самое глупое занятие — порицать историю за то, что она сделала то, что сделала. Ее можно порицать лишь за то, что она уже давно не разрешила те задачи, которые стоят перед нами сегодня. Мы хотим снова задействовать наши главные расовые ценности. Но мы не хотим возвращаться в прошлое».

Расовый фундамент Эрнст Крик обнаруживает и в основании такой, казалось бы на первый взгляд уточненной и своеобразной категории, как честь, ибо и ее узы имеют ярко выраженное биологическое происхождение. «Честь это не идея и цель, а расово обусловленная основная ценность нашего народа. Честь самой расы, крови, предков, героев, правопорядка, семьи, труда, профессии, достижений, личности, это биологически обусловленная основная ценность нашего национального и личного бытия. В большинстве этических систем прошлого мы тщетно будем искать слово «честь» — это расовая ценность, а не гуманная идея».

Однако различия в представлениях о чести необходимо подракумевают и новое «биологизированное» толкование справедливости.

Nach einer Nadelzeichnung von Jife Krefel

ERNST KRIECK
Leben

als Prinzip der Weltanschauung
und Problem der Wissenschaft

209 Seiten. In Steifumschlag RM. 5.80. In Leinen RM. 6.00
Weltanschauung und Wissenschaft Band 7

Armanen-Verlag · Leipzig und Frankfurt a. M.

Реклама книги Э. Крика «Жизнь как принцип мировоззрения»

И здесь немецкий философ с блеском и безукоризненной логической точностью соединяет различные части своей гигантской мировоззренческой конструкции. «В основе любого права и любых обычаев лежит формальный регулятор и критерий, а именно, «естественный принцип справедливости», который при всех исторических изменениях права всегда восстанавливает внутренний баланс прав и обязанностей. Делать принцип справедливости всеобщим можно лишь формально: при всех изменениях права на него накладывают свой отпечаток раса и ее ценности, характер народа, его волевые устремления и исторические задачи».

Будто Демиург Эрнст Крик из простых и ясных слов, точно первоэлементов, творит свою невиданную Вселенную, в которой все живет и движется, подчиняясь неумолимым, жестоким и прекрасным законам расы, где безукоризненно послушные воле своего творца существуют совсем другие физические законы, эталоны и принципы, где все совершенно иное. Но по мере нарастания смыслового напряжения текста трехтомного труда «Национально-политическая антропология» становится понятным устройство своеобразного механизма, искусно встроенного в сердцевину этой **расоцентрической системы**. «Расовое представление о человеке не знает равенства всех, кто имеет человеческий облик, а знает их различия в зависимости от расового характера и основанной на нем жизненной ориентации и особенно способности к политическому творчеству. Место равенства людей заменяет их различие по расовым способностям и историческим достижениям: так расы распределяются по рангу».

Именно иерархия различий и лежит в основе движения жизни как таковой. Неравенство — это причина любого движения. Высокоточная система мер и весов существует в каждом жизненном устремлении, в каждом волевом порыве, которые подчинены исключительно законам своей расы.

По прочтении этого шедевра философской литературы остается ощущение восторженно-пьянящей растерянности, как и от соприкосновения со всем новым, прекрасным, жизнеутверждающим. Наконец, постепенно начинаешь понимать, что по жанру эта книга совершенно не укладывается ни в какие привычные каноны современной литературы. Это новый мировоззренческий синтез, называемый автором «биологическим мировоззрением», по сути представляет собой изысканный и утонченный трактат по **высшей политической магии**, которому позавидовали бы многие оккультисты и эзотерики. Наконец, возможно и это самое главное: во всех книгах Эрнста Крика, и в «Национально-политической антропологии» в особен-

ности, на уровне энергетики текста явственно ощущается присутствие сильного и здорового мужчины, что является большой редкостью в философской литературе. Каждый афоризм играет мышечной массой, воспитанной в палестрах античной риторики, а холодный, но порывистый стиль изложения временами обжигает как удары северного морского ветра. Но вместе с тем, при этой энергетической раскрепощенности чувствуются потенциальная сила, логика, глубочайшая самодисциплина и большой труд, проделанный автором. Остается лишь очередной раз сожалеть о том, что химерические красоты общечеловеческих ценностей в силу хилости усредненных толкований делают недоступными даже для интеллектуалов сочинения такого ранга и значимости.

Последний аккорд

В 1939 году Эрнст Крик печатает новые свои блестящие творения: «Жизнь, как принцип мировоззрения», «Мировоззренческое решение» и «Мифология буржуазной эпохи», а в 1940 году свет увидели следующие работы: «Человек в истории», «Народный характер и осознание своей миссии», «Англия — идеология и действительность».

Все они в той или иной мере продолжали выражать магистральную линию новой расовой философии. Так в «Мировоззренческом решении» Крик указывал: «Все человечество, вся история, любое общество и любая культура подчинены закону своей расы. Каждой расе присуще свое направление развития, свой образ жизни, своя воля и свои ценности. Человек как вид создал такое богатство плодов своего творчества благодаря расам. Если американцы сегодня уверяют нас, что все люди равноценны, давайте зададим им вопрос, почему американскую цивилизацию и культуру создали не индейцы? Почему не ирокезы построили Чикаго? Почему культура тольтеков или инков столь отлична от культуры англичан? Мы рекомендовали бы ученым из Нью-Йорка последовательно посетить в какой-нибудь дождливый день синагогу, какое-нибудь негритянское мероприятие, индейский вигвам, китайскую общину и собрание квакеров или методистов. Если они и тогда не увидят расовых различий, то нужно прописать им очки, чтобы они видели действительность не в одном лишь голубом или розовом свете, а такой, какова она есть. То, что негр может выучить таблицу умножения и стать шофером, а еврей — искусным адвокатом, еще не доказывает, что нет расовых различий. Решающий момент — историческое и культурное творчество расы».

Стиль Эрнста Крика делается еще более отточенным, все смысловые излишества исчезают, давая простор максимальному выражению сути. Выпады в адрес идеологических врагов напротив, становятся все точнее и увесистее, так, например, всю политэкономию Карла Маркса он буквально припечатал, назвав ее «экономической талмудистикой». В основе творческих достижений людей всегда лежит их расовое начало. История и культура это плоды творчества доминантной расы. «Художник может выразить в своем творчестве лишь то, что он имеет в самом себе. Если в нем силен потенциал расовой жизненной основы, то этот потенциал и выразится в его творчестве. Общество понимает художника, когда он выражает его собственную внутреннюю суть, его устремления».

Наука так же как и все иные виды творчества является отражением расовой сути. Поэтому, оставаясь верным себе, Крик бичевал тех, кто еще вчера находился в лагере академических либеральных ученых, а сегодня принялся воспевать «национал-социалистическую революцию». «Опасность особенно велика, когда реакционная наука прячется за свастику. Мнимая объективность науки всегда только маска, за которой прячется либеральное или большевистское мировоззрение. Но это на руку реакции, когда в лагере революции заявляют, будто революция не должна предъявлять никаких требований к науке».

После прихода к власти Гитлера в 1933 году многие коммунисты, находившиеся до этого в официальной оппозиции к национал-социализму, быстро примкнули к новому движению, триумфально шествовавшему по Германии. Но из-за этой смены партийной принадлежности их классовое коммунистическое мировоззрение не превратилось в одночасье в расовое национал-социалистическое. И такие перебежчики быстро получили меткое прозвище «бифштексы», за «коричневую» внешность и «красное» содержание. После Маркса и либералов от Крика досталось и им. «Опасность сидит и в каждом национал-социалисте. Необходимо снова и снова преодолевать самого себя. Никто из нас не достиг цели, мы все в пути. В каждом из нас сидит частица прошлого и мы должны победить это прошлое в самих себе».

Неофиты национал-социализма и приспособленцы не простили Эрнсту Крику это разоблачение, когда в период оккупации Германии решалась его судьба. В 1945 году многие «бифштексы» вновь приобрели первозданный «красный» вид, и как ни в чем не бывало забыли о своем «коричневом» прошлом. Свалить все ошибки и преступления политического режима на скромного школьного учителя, изобретшего концепцию Третьего Рейха, оказалось совсем не трудно.

Но долгие годы борьбы вкупе с кропотливой работой закалили характер Крика, придав его настойчивости глубину осознания собственного миссионерства. Именно эта тенденция отличает такие его великолепные книги как «Народный характер и осознание своей миссии» и «Человек в истории».

В первой из них он подчеркивал: «Способ мышления всегда неотделим от характера. Высокий уровень расового и сословного сознания выражается в осознании своей миссии, а это сила, которая движет историей».

А во второй книге он указывал: «Любая вера расово обусловлена, даже если она в конечном счете исходит не от расы, а от Бога. Раса накладывает на нее отпечаток, определяет способ превращения природных процессов в историю. Раса это средство творения Бога, которое называется историей. Такая вера сдвигает горы и преодолевает мир — по милости Божией. Вера это сила, которая движет человеком, сила долга и целеустремленности. Когда вера осознает самое себя и принимает форму идеи, возникает миф, жизненный ориентир общества и его членов. Вера это движущая сила истории, миф — ее ориентир».

Именно так под воздействием своей расы, характера и веры в судьбу Эрнст Крик возвысился до сознания того, что подобно великим пророкам он способен теперь создать новый миф. Сама сила крови даровала ему эту миссию и он посчитал, что наконец-то может говорить с сильными мира сего на равных.

В 1939 году, ко дню рождения Гитлера вышло юбилейное издание «Немецкая наука», в котором было две статьи о философии, одна Альфреда Боймлера, другая Крика. Философ, верный себе, вновь нарисовал картину катастрофического упадка гуманитарных наук при национал-социализме. Национал-социализму было не до гуманитариев: он готовился к войне и отдавал предпочтение светилам военной техники. В 1939 г. Крик был в числе представленных на государственные премии, но получили их Тодт, Порше, Мессершмитт и Хейнкель. В партийных кругах вновь разразился скандал и Розенберг обратился к министру науки Русту со словами: «Комплексы Крика начинают все больше беспокоить движение». С 1940 года Министерство пропаганды начинает подвергать его сочинения предварительной цензуре, а он ничуть не унывая идет работать в это же министерство в отдел разработки методов психологической войны, с тем, чтобы поддержать высокий статус гуманитарных наук.

Он все не унимался и весной 1940 года опубликовал в своем журнале скандальную статью «Манихейская пятерка: евреи, иезуи-

ты, иллюминаты, якобинцы и коммунисты». В этой работе он включил Канта в духовную традицию эпохи Просвещения, что в свою очередь не понравилось неокантианцам из ведомства Розенберга. Однако противники Крика забывали о том, что биологический монизм примыкал к картине мира классической механики Ньютона. Канта подняло на щит не только ведомство Розенберга, сторонники т. н. «немецкой физики» в лице лауреата Нобелевской премии Филиппа Ленарда противопоставили классическую механику Ньютона, которую философски обосновал Кант, «еврейской теории относительности» Альберта Эйнштейна.

В 1943 г. ведомство Розенберга обвинило Крика в «отсутствии уважения к духовно-исторической традиции», в «полном неуважении к Канту и Ницше». Но отношение одних философов к другим — материя довольно тонкая. Тот же Ницше крайне резко критиковал Канта, а еще раньше Фихте объявил философию Канта бессмыслицей. Так что те, кто создавал вышеупомянутую традицию, сами ее и нарушали.

Другое дело, что Крик иногда бывал несправедлив по причинам чисто личного характера. Он страдал комплексом зависти бедного человека: хорошо, дескать, было Шопенгауэру с его богатством; хорошо было Ницше — он мог разъезжать по швейцарским курортам и т. п. В этой предвзятости — корни его совершенно неверной оценки Ницше, обвинения Ницше в «индивидуализме», достойные разве что какого-нибудь марксистского философа и т. п.

Этот очередной идеологический демарш Крика привел к тому, что когда 6 июля 1942 года праздновали его 60-летие, то золотой партийный значок и медаль Гете за заслуги в области искусства и науки были вручены с запозданием. Сила его авторитета по-прежнему была столь велика, что недруги оказались способны лишь на мелкие интриги, будучи не в силах опровергнуть его в честной открытой философской дискуссии. 30 января 1944 года он был награжден крестом за военные заслуги 2-го класса, но при всем этом еще в конце 1941 года ему запретили публиковать в журнале «Фольк им Верден» статьи по естествознанию и теории эволюции.

Осталась неопубликованной и его книга «Империя как опора Европы». Цензура сочла, что ее публикация могла бы осложнить отношения с Италией. Э. Крик высказал в этой книге свое отрицательное мнение о Римской империи. Прорвалась давняя враждебность, с которой Крик относился к фашистской Италии. Он был против обожествления государства и сотворения земных богов, считая это проявлением переднеазиатской расовой психологии.

Мало того: Крик был единственным преподавателем высшей школы в III Рейхе, который осмелился на открытую критику применения в этой области принципа единоначалия (Fuеhergrinzip). На первых порах, осенью 1933 г. он приветствовал введение этого принципа, надеясь с его помощью преодолеть сопротивление реакционных профессоров, но и в этом случае его надежды не сбылись. Он быстро увидел, во что это выливается на практике и, будучи давним сторонником самоуправления, резко выступил против централистской бюрократизации, для которой Fuehgerprinzip был только вывеской.

Наконец, предостережения философа начали осознавать многие окружающие, но было уже поздно. И сам он начинает понимать, что судьба, которую он столько искушал рано или поздно отвернется от него на совсем. Кредит своеволия, отмеренный ему небесами заканчивался. В 1942 году он издает книгу «Природа и естествознание», подытоживая свои взгляды на переустройство системы высшего образования, которым так и не суждено было осуществиться. В 1943 году он публикует политическое и педагогическое завещание «Счастье и сила, книга германской житейской мудрости», обращенное к потомкам, до умов и сердец которых он все еще надеется достучаться с прежним не дряхлеющим упорством школьного учителя.

Но совершеннейшим особняком стоит его творческая автобиография «Преодоление идеализма», изданная им в 1942 году, в которой, предчувствуя конец всей эпохи, он решил подвести итог десятилетиям борьбы. Это шедевр жанра, в котором человек творчества, подлинный философ, сам вызывается судить себя по законам вечности. Нордический архетип фаустовской души здесь проявляется во всей своей непреходящей мощи и трагическом великолепии. Отдающая известным самомнением фраза: «За всю свою жизнь я никогда не шел по чьим-либо следам» — в его устах звучит совершенно иначе, ибо, зная его жизнь, можно согласиться, что в основном это верно. И только из уст человека, создавшего новый миф, это не звучит смешно. Дальнейшее необходимое пояснение: «Сражаться против Канта, Фихте и Гегеля, это отнюдь не детская игра» — уже расставляет все по местам, и становится понятным, какие высокие ставки сделаны в борьбе за душу расового философа Эрнста Крика. Гомерический хохот разносится по просторам философской Вселенной, сотрясая ее устои, когда школьный учитель, осознавший в полной мере нищету авторитетов вдруг изрекает: «Много раз я критически перепахивал вместе со своими учениками «Прологомены» Канта и каждый раз обнаруживал при этом червей». Только выбравший путь небожителя может отважиться на подобное. И

Ernst Vainik

Последние годы жизни

как же в сущности оказались правы те, кто в сердцах называли его «трехсотпроцентным национал-социалистом», ибо сами они, прикрывшись свастиками, не тянули даже на пятидесятипроцентных.

Философия истории Гегеля, это по мнению Крика, нагроможденные идеи, «аптека в диалектическом оформлении». Да и вообще все окружившие его академические философы кажутся ему смешными монстрами, «непарно- и парнокопытными» в лвиных шкурах, которые осмеливаются рыком возглашать некие «истины». Таких философов нужно уничтожить вместе со всей их «философией», чтобы расчистить место для жизни. «Насколько мелкими по сравнению с великими событиями, происшедшими после 1933 года, кажутся люди современной науки! Почему у меня так много врагов среди национал-социалистов, понять трудней, вероятно потому, что для меня и после 1933 года главное — истина». И это несмотря на то, что события 1933 года были предсказаны им еще в 1917 в его книге «Немецкая государственная идея». Его пророческий дар в совокупности с беспокойным нравом вызывали негативное отношение к нему со стороны академических философов. «Мои книги никогда не способствовали моей карьере. Но я никогда не стремился к карьере, а только к истине», — честно признавался Эрнст Крик.

Бросив вызов всей современной ему науке, он в полной мере осознавал и свою судьбу и судьбу своих книг. «Неоидеалисты должны вымереть вместе со своими кафедрами, как вымерли позитивисты. Кстати, мне все равно, будут упоминать эти уходящие мое имя в своих книгах и журналах или нет. Влияние моих трудов скажется только тогда, когда они давно канут в лету. Моим единственным желанием было оставить после себя что-нибудь сопоставимое по значению с трудами Шопенгауэра (но иного направления). Это была моя мечта».

Написав это величественное и трагическое послание к потомкам Эрнст Крик с нордическим спокойствием древнеримского патриция принялся ждать решения своей участи в гибнущем Третьем Рейхе. Философ, провозгласивший жизнь основным принципом мировоззрения, как никто другой знал, что в жизни чудесам нет места. Кредит выданный судьбой был исчерпан и настало время платить по счетам.

Когда все было кончено, и Германию поделили на зоны оккупации, союзники первым делом принялись вывозить вагоны секретной документации, искать военных преступников, разработчиков новых видов оружия и партийных функционеров. Наконец вспомнили и о существовании скромного школьного учителя, придумавшего само

название тому политическому колоссу, на борьбу с которым ушло столько сил и жертв. Эрнст Крик был арестован американцами 19 ноября 1945 года и отправлен в концлагерь Моосбург на Изаре. Увы мы вероятно уже никогда не узнаем какими были его последние дни, но по официальной версии он умер 19 марта 1947 года, но у нас в свете всего вышеизложенного, есть все доводы полагать, что он был убит. При чем основания для сведения счетов с ним имели как оккупанты, так и бывшие соратники по движению. Например, официальный философ национал-социализма Альфред Боймлер, покайсявшись в своих заблуждениях стал всячески поносить фашизм, поэтому избежал участи Крика и преуспевал и в послевоенной Германии. Марксист Г. Лукач свалил в одну кучу Боймлера и Крика, причислив их к «официальным философам III Рейха», но вот парадокс: А. Боймлер, применительно к которому это определение справедливо, выкрутился, а Э. Крик, который «официальным философом III Рейха» никогда не был погиб в лагере.. Из этого можно сделать справедливый вывод, что философ Эрнст Крик, оставаясь верным себе, не покался. Ругавший либералов, католиков, коммунистов и академических профессоров, нацепивших свастику, он не пошел в услужение к новым властям. В своей книге «Преодоление идеализма» он написал: «Могу сказать о себе, что не был ничьим подданным».

Общая оценка

Э. Крик был одним из последних ярких представителей того направления, которое в истории философии называется «философией жизни». Вошедший в моду после войны экзистенциализм объявил это направление «устаревшим», хотя в философии не бывает устаревших идей — происходит их «вечное возвращение».

Мы сравнивали Э. Крика с Джордано Бруно, но оба они испытали на себе сильное влияние Парацельса (1493-1541). С Парацельса и ведет свое начало философия жизни (если не считать ее древнегреческих предшественников, особенно Эмпедокла). С Парацельса началось и разделение натурфилософии на натурфилософию органического и натурфилософию неорганического. Последняя была представлена такими именами как Леонардо, Галилей, Декарт, Ньютон, механистический подход которых Э. Крик подвергал критике как неприемлемый.

Э. Крик сам выводил свой панбиологизм от Парацельса, витализма, первым теоретиком которого был француз Луи Дюма (1765-

1813), и натурфилософии эпохи романтизма, представителем которой был Лоренц Окен (1779-1851).

Создателями современной философии жизни считаются Шопенгауэр и Ницше, ее расцвет связывают с именами Вильгельма Дильтея (1833-1911), Георга Зиммеля (1858-1918), Анри Бергсона (1859-1941), Людвига Клагеса (1872-1956) и Германа Кейзерлинга (1880-1946).

Можно ли назвать философию Э. Крика расовой философией? До какой-то степени, да. Она была расовой в своей теории познания, но переставала быть ею, когда вступала в область непознаваемого. Как ни стремился Э. Крик к цельности, его практический и чистый разум, если использовать категории Канта, вступали в противоречие друг с другом: практический разум мыслил расовыми понятиями, а «чистый» очищал себя от них.

Это противоречие преодолел П. Шассар. Свой полигенизм в вопросе о происхождении рас он смело вознес на метафизический уровень и неустанно доказывает, что в основе мироздания лежит не одно какое-то начало, а несколько. Те, кто придерживается таких же взглядов, предпочитают теперь называть Вселенную по-латыни не «Универсум», а «Плюриверсум».

Философские установки Э. Крика неизбежно сказывались и на его педагогических идеях. Поэтому на аналогичный вопрос: Можно ли назвать педагогику Крика расовой педагогией? приходится тоже отвечать с оговорками.

Подобно тому, как различают объективных и субъективных идеалистов, расовый подход можно делить на объективный и субъективный подход. Крика по этой классификации следует считать субъективным. Хотя он и признавал, что решающую роль в истории играет «специфическое мировоззрение народа» и что «мировоззрение нельзя выбрать свободным волевым решением», тем не менее, в вопросе о формировании этого «специфического мировоззрения» он занимал не очень четкую, а посему шаткую позицию.

Его борьба с «биологическим детерминизмом» была, в сущности, борьбой двух уклонов от истины, лежащей посередине. Биологический детерминизм плох, если понимать биологическое начало как чисто животное. В таком виде оно, если не вмешается опытная рука педагога, способно породить только чертополох, как говорил Макаренко. Но ведь в природе произрастает отнюдь не один чертополох.

Выступая против биологического позитивизма, Крик разошелся во взглядах и со своими союзниками из лагеря неовиталистов, в частности, с Фридрихом Альвердесом. Крик сомневался, стоит ли вводить в биологию телеологический момент в виде энтелихии в

толковании Г. Дриша. Всякая предопределенность претила Крику как нечто, стесняющее человеческую волю, отсюда и его крайне негативное отношение к О. Шпенглеру. В наше время П. Шассар тоже всячески пресекает «финализм» как один из атрибутов христианского мировоззрения.

Однако телеология телеологии рознь. Верующие думают, что конечную цель устанавливает Бог, материалисты — что сам человек. Смысл греческого слова «энтелехия» — «то, что имеет цель в самом себе». В современной натурфилософии энтелехией называют «действенную мощь, которая не является такой слепой, как физические природные силы, а наполнена смыслом, как человеческие действия. Энтелехия есть нечто реальное, но эта реальность не физическая или психическая, а метафизическая» (Философский словарь. М. 1961, с. 686).

Употреблял этот термин и Э. Крик, когда давал определение расы: «Раса это не вещь, не материальный вид, а закон ориентации и формирования, формообразующее начало» («Мировоззрение и наука». 1936. Арманен-Ферлаг. Лейпциг. Т. 1, с. 74).

Для того чтобы это определение было правильным, в нем не хватает лишь одного слова: не только материальный вид. Иначе получится как у Лагарда: нация это, прежде всего, духовная величина. Получится бесплотный дух, столь же уродливый, как и бездушная плоть, и не получится той самой целостности, к которой стремился Крик.

Крик был учителем, поэтому понятно, что он сознательно и бессознательно преувеличивал роль воспитания и недооценивал природную предопределенность развития отдельных лиц и народов.

Если раса, как материальный вид, для Крика не существовала, он и не мог быть объективным расологом, а только субъективным: его раса была «расовым царством внутри него» и «мистическим телом», объединяющим родственные души, на церковный манер.

Эрнст Крик и современная Россия

Желание ознакомить русского читателя с трудами забытого на родине немецкого философа у членов редколлегии книжной серии «Библиотека расовой мысли» вызвано рядом причин.

Прежде всего, по официальному постановлению суда по денацификации Эрнст Крик был классифицирован, как «попутчик», следовательно, к категории преступников национал-социализма не относится, а значит и никакие юридические цензурные ограничения на него

не распространяются. Данный факт нам подтвердили и историки науки из Института Всемирной философии в городе Штутгарте.

В России всегда любили бунтарей, правдоискателей, что сказывалось в полной мере и на судьбе книг немецких философов. Русский читатель из века в век «классическим» мудрецом Гегелю, Фихте, Канту всегда предпочитал «неклассических» Шопенгауэра, Штирнера, Ницше, что наглядно засвидетельствовано тиражами, потому что в немецком дисциплинированном психотипе русский человек традиционно искал присущее ему иррациональное страстное начало. Именно «неклассические» немецкие философы очаровали русский ум своей скрупулезной технологией бунта и натиска. А Крик всегда подчеркивал в своих книгах, что мировоззрение возникает из «иррациональной основы жизни», причем «правильному инстинкту снова воздается честь как мерилу правильной философии жизни». Уже это замечание делает высокими его шансы на успех в России.

Наконец все мировое сообщество давно признало высокий моральный назидательный пафос русской литературы, а Крик с подлинно русским максимализмом провозгласил, что «воспитание, это биологическая функция высшего порядка». Место Бога, как творца, хранителя мира и человека в его мировидении заняло «вселенское жизненное начало», самое чистое проявление которого — раса. Место святого духа в новой вере заняла «расовая душа». А мировоззренческую доктрину, изложенную в «национально-политической антропологии» он сам называл «новым евангелием действия». «В начале было дело», — повторял он вслед за Фаустом. Поэтому: «Дух это выражение, способ проявления всеобщей жизни, а не ее корень и первопричина». Крик видит во «вселенской жизни» всеединую реальность, которая заключает в себе «основу бытия» и вообще является первопричиной в онтологическом смысле. «Вселенская жизнь это самодостаточная целостность реальности». Немецкий «биотеизм» Крика таким образом становится удивительно похож на универсализм русской философии, придавая ей расовое измерение. Это вновь предопределяет у нас популярность его идей.

Кроме того, и это далеко не последнее, его совершенно древнерусская и такая красноречивая фамилия — Крик, производит завораживающее, гипнотическое воздействие, и подтверждает концепцию о расовой близости немцев и славян в рамках ареала распространения индоевропейцев. Философия Крика полностью отражает фамилию своего владельца, это боевой клич древнего арийца, не тускнеющий во глубине веков.

Девизом войск СС был лозунг: «Моя честь — верность». В этом плане весь жизненный путь философа имеет огромное воспитательное значение. В буквальном смысле этого слова, породив концепцию Третьего Рейха, он с настойчивостью отца бился за его гуманистическое воспитание и развитие, но дитя взбунтовалось против своего родителя, поступая наперекор его воле и тем погубило себя. Сознавая всю меру ответственности Крик предпочел последовать в небывшие за своим не удавшимся чадом, но не предал, потому что, его честью всегда была верность. Ибо не предают сына, даже если весь мир объявил его величайшим преступником. Такая трагическая принципиальность вопреки обстоятельствам и во вред самому себе, вновь делает его образ созвучным русской душе.

Его потрясающая работоспособность в условиях недружелюбного, а подчас и агрессивно настроенного окружения также служит наглядной иллюстрацией поистине безграничных возможностей человека, обладающего волей, характером и верящего в свою судьбу, что вновь имеет огромное воспитательное значение для всех людей белой расы, не зависимо от их национальности.

Только герой имеет мораль и право вершить свою участь на пиру у вечных Богов Вальгаллы, и перо учителя действительно оказывается острее меча.

Творческое наследие Эрнста Крика составляет 53 книги (!!!) и несколько сотен журнальных и газетных статей.

Ну и, наконец, самое главное.

Россия сейчас вновь стоит на пороге судьбоносных решений, и пример Эрнста Крика наглядно демонстрирует нам, какова может быть цена ошибки, если народ последует не за тем учителем. Если мы откроем его работу «Наука, мировоззрение, реформа высшей школы» (1934), то в ней мы обнаружим описание немецкого национального характера, которое может быть в точности перенесено на русский национальный характер. Это честные слова проникательно-го педагога, желающего воспитанием устранить изъяны и несовершенства психотипа своего народа. «Поведение немцев во все времена отличалось странными особенностями. Мы, немцы, не можем жить и действовать, исходя из непосредственных ощущений нашего бытия, мы не способны к стихийным действиям, нам нужно все перенести в область размышлений и часто мы на этом и останавливаемся. Такова философская сторона немецкого характера. Когда встает вопрос о смысле жизни, немец отвечает: «Мы, вечные немцы, всегда в становлении, мы стремимся к бесконечной цели, мы неутомимые путники, мы никогда не успокоимся в застывших фор-

мах». Это соответствует нашему характеру и определяет нашу судьбу. Отсюда и особенности немецкого идеализма.

Но с немецким народным характером связан и ход немецкой истории. Она отличается постоянными вспышками энергии из духовных глубин народного подсознания. Но, так как немец никогда не может остановиться на твердой форме, в его становлении нет устойчивости. Немец никогда не бывает у цели, он всегда в пути, поэтому история немецкого народа это череда падений. С точки зрения латинской формы или англосаксонской законченности характера немцы непредсказуемы и бесформенны, непостоянны и неудобны, а потому чужды и опасны. Другие народы живут в страхе перед немцами. Способность всегда начинать сначала делает немецкий народ народом революций, хотя ни одна немецкая революция в прошлом не достигла своей цели. Поэтому мы народ неисчерпаемой юности. Мы и после долгой истории остались молодым народом, и ни один другой народ не имеет таких неисчерпаемых внутренних источников жизни. Это некогда придавало силу и немецкому идеализму. Слабая сторона немецкого идеализма проявилась в бегстве от реальной истории.

Теперь для немцев настала пора преодолеть самих себя в героической борьбе и в создании новой действительности. Немецкий идеализм должен быть преодолен, если мы хотим стать политическим народом».

Столь точный, хирургически безупречный диагноз заболевания запущенной формой идеализма, в совокупности с предписаниями мер оперативного лечения заставляет внимательно прислушиваться к немецкому философу и педагогу Эрнсту Крику.

Его советы важны и полезны для России, еще и потому, что, по его словам, «нордическая раса является стеновым хребтом немецкого народа», но ведь и для русского народа она составляет биологическую культуросозидающую основу.

Как мы видим, пророчества выдающегося философа сбываются, и книги Эрнста Крика, пережив завистников и недругов, становятся актуальными сегодня, а его единственная мечта сбылась, ибо мы ясно видим, что ему в полной мере удалось оставить после себя нечто «сопоставимое с трудами Шопенгауэра (но иного направления)».

*В.Б. Авдеев
А.М. Иванов*

ПРЕОДОЛЕНИЕ ИДЕАЛИЗМА

Карл Винтерс Университетсбуххандлунг
Гейдельберг, 1942

Предпосылки

Поколение, которое вступило в профессиональную и общественную жизнь на переломе XIX и XX веков, чувствовал себя неуютно, потому что не знало, где, собственно, его место в данной ситуации. Та группа молодежи, от имени которой я могу говорить, большей частью мелкобуржуазного и крестьянского происхождения, не удовлетворенная в своих устремлениях игрой в скат или в кегли, воспринимала Империю недавно умершего Бисмарка как незыблемую, твердую почву под ногами, а нацию в либеральном смысле как необходимую предпосылку. Но к кому примкнуть? Экономический подъем укрепил положение Германии в мире, но поведение капиталистов внушало сомнения и отвращение. Мы капиталов не имели, а корпеть в конторах ради карьеры не собирались. Социальная идея воспламеняла нас, но социал-демократия и растворение в массах отталкивали, как и вся система времен Вильгельма II с ее рейхстагом, партиями и прессой. Консерваторы защищали интересы только аграриев, политический центр — промышленников, левые либералы — банковского и биржевого капитала и все они больше попадали под влияние евреев.

С мировоззрением дело обстояло так же, как и с политикой. Материализму и позитивизму мы внутренне сопротивлялись, неокантианство оставляло нас равнодушными из-за своей формалистики. Были еще театр, литература, музыка, но какое они имели отношение к нашей жизни, нашим целям? Где был наш путь? В период, когда мы переживали юношеский кризис, шедший на убыль пессимизм Шопенгауэра тоже не мог нас увлечь. Для многих спасителем в трудную минуту казался Ницше; он остался им до сих пор для тех, кто так и не вышел из детского возраста. Его философия не

отражает действительную жизнь, это лишь искусственная надстройка над пустотой повседневности. Обыватель очень любит в свободные часы воображать себя сверхчеловеком, обладающим волей к власти: это сверхкомпенсация за комплекс неполноценности!

Мне это не подходило. Благодаря случаю из тех, что никогда не бывают случайными, я набрал на радикальных левых гегельянцев эпохи накануне революции 1848 г., прежде всего на Штирнера и Бруно Бауэра, которые на первых порах удовлетворили потребности моего юношеского радикализма. Поэтому Ницше, хотя и «интересовал» меня, никогда глубоко не затрагивал: мой радикализм лежал глубже. Штирнер был для меня эпизодом, Бруно Бауэр до сих пор периодически дает мне новые стимулы. Но тот радикализм вообще оказался слепым: он разрушал старый мир, но не был предвестником нового.

Я был один, и моя внутренняя жизнь протекала без контакта с чуждой средой. У меня не было «духовных» связей, и я никогда не видел академическую аудиторию изнутри. Я стал учителем по званию, но не был удовлетворен своей профессией. Как я уже сказал, почва, на которой мы жили, казалась незбылемой, но мне не нравилось то, что ней происходит. И я избрал путь, который должны были избирать все мне подобные, кто не хотел закоснеть в голой критике: я построил для себя над действительностью идеальное пространство, убежище для чистого духа. Единственный путь туда был уже проложен: нужно было снова взять высоты немецкого философского идеализма. Я с усердием принялся за тяжелую работу и в поте лица, днем и ночью, месяц за месяцем, год за годом перелистывал с начала до конца и обратно Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, т. е. от левых гегельянцев, которые в политическом плане всегда оставляли меня холодным, я шел назад к немецкой идеологической классике, к эпохе наполеоновских войн с ее стремлениями и надеждами, с ее «царством чистого духа». Так я стал одним из первых неоидеалистов в Германии того времени, когда Шеллинг и Гегель вообще больше не существовали в немецком сознании, их книг не было в продаже, а что касается Фихте, можно было найти только его т. н. «популярные» сочинения. Издательство «Реклам» стало моим первым университетом. На большее моей зарплаты 66 рейхсмарок в месяц не хватало.

Я был одиноким и шел одинокими, может быть, запутанными путями, но я и сегодня чувствую себя представителем поколения первопроходцев в большей степени, чем оставшееся мне неизвестным т. н. «молодежное движение», которое быстро состарилось.

Историки философии писали тогда о немецком идеализме как о завершённом деле далекого прошлого. Так же сегодня филологи пишут о германской вере в судьбу: это «интересно», но — дело далекого прошлого. Для нас же идеализм был самой насущной жизненной необходимостью, делом живого настоящего и будущего. Тогда многие молодые люди, не столь одинокие, как я, шли тем же путем, но я с самого начала отличался от них тем, что чувствовал и знал: **возврат к немецкому идеализму не может и не должен быть его реставрацией.** Мы должны оглянуться назад, чтобы найти новую точку опоры, трамплин для прыжка в будущее, для постановки задач и их решения. Я хотел, чтобы идея вторгалась в действительность, преобразовывала ее, но не видел пути к этому и не чувствовал уверенности. Лозунгом этой половинчатости была «культура». Она была последним словом. Народ, социальные потребности, Империя, политика — все рассматривалось с точки зрения «культуры», как ее предпосылки. Меня никогда не удовлетворяла чистая, самодостаточная терминология идеалистов, но в термине «культура», как и в термине «образование» была половинчатость, был половинчатый «идеализм»: наполовину действительность, наполовину термин, наполовину вторжение в действительность, наполовину бегство от нее в царство чистого духа, словом, эпигонство, но с тягой к действительности, к творчеству, к народу, к динамичной истории. Но что знали мы об истории и судьбах народов? Хотя мы лучше понимали историю, чем большинство немцев в 1800 году и не отождествляли события с терминами, мы не воспринимали ее непосредственно: исторические события происходили где-то на Балканах и в Южной Африке, а у нас история закончилась в 1870 году, если не раньше, когда мировой дух достиг конечной точки своего диалектического развития в философии Гегеля. Все остальное было только политикой, но чем была тогда политика? Бесконечной и бесплодной болтовней парламентариев, партийных лидеров и журналистов. В порядочном обществе не говорили об этом, а о теноре X, актрисе Y и герое скандального процесса Z. Мужчин занимали деловые интересы, дамские салоны обсуждали театральные постановки. Но что общего у меня было со сделками и салонами? Моим убежищем было эпигонское, неоидеалистическое царство чистого духа.

Когда утром 4 августа 1914 г. учитель, работавший вместе со мной в школе, бледный как полотно сказал мне: «Сегодня ночью англичане объявили нам войну!», я подумал: Вот теперь история становится для нас современностью. Но что такое политика, я понял во время войны лишь медленно и с трудом. Канцлер Бетман

и партийные вожаки не были образцами политиков. Когда я летом 1916 г. после недолгой и отнюдь не героической службы вернулся из казарм, я с жадностью набросился на работу, впервые сблизив друг с другом идеи, действительность и практические задачи. С этого началось для меня преодоление эпигонского позитивизма, а также не и менее эпигонского неоидеализма, так как я понял, что политика это организация жизни народа, история в процессе становления, воплощение живого смысла и проявление характера. Но после пришлось преодолевать еще многие «идеалистические» рецидивы. Мой путь вел от идеологии к такой картине истории, которая формирует действительность и человека и указывает дорогу в будущее. Но достигнув прорыва в одном направлении, я на другом отступал. До окончательной победы было еще далеко.

Документом моего неоидеалистического периода является моя первая работа «Личность и культура», вышедшая в свет после шести лет работы параллельно с преподаванием в школе по 28-30 часов в неделю. Работа была для меня одновременно учебой: я самоучкой прошел академический курс. Мои формулировки были незрелыми, но в зародыше они содержали все, что было изложено мной более четко позже, в период с 1914 по 1940 год, в частности, в книге «Человек в истории».

Достопамятный факт: молодой, неизвестный учитель народной школы из Мангейма, который до того не напечатал ни одной строчки и не имел никаких «связей», сумел привлечь внимание общественности своей книгой, до сих пор остающейся самой большой из написанных мною.

Есть особые причины того, что человек после 40 лет профессиональной и 30 лет писательской деятельности, за которые мир радикально изменился, а от юношеского радикализма остались одни воспоминания, возвращается к своей первой книге и тем самым рассказывает о своем становлении. Но я должен, во-первых, четко заявить эпигонствующим неоидеалистам, которые сегодня монополизировали чуть не все кафедры философии, что я с моим неоидеализмом первого десятилетия XX века, документом которого является книга «Личность и культура», не только опередил их, но кроме того, обновление идеализма далось мне не так легко, как нынешним, потому что я все должен был изучать и усваивать сам, а не получил в готовом виде от учителей. Далее: я видел, что необходимо не только обновление, но и преодоление идеализма, чтобы нам не застрять на месте, а самим ставить и решать задачи, идти от идеи к действительности, а не бежать от действительности в мир

идей. Я не вношу это задним числом в ту книгу, которая содержит достаточно много положений, остающихся в силе и сегодня: все это четко написано в предисловии к той книге. У меня не было живого учителя. Но и философы прошлого не были для меня непрекращаемыми авторитетами. У меня были свои подходы, и я следовал свои прямым путем. Таким же свободным и независимым, каким я был тогда, работая, не будучи ничем обязанным ни одному человеку, следуя только внутренней необходимости, я остался до сих пор. За всю свою жизнь я никогда не шел по чьим-либо следам.

Десятилетиями я не возвращался к той книге из-за неуклюжего языка, но сегодня я хочу снова извлечь ее из собственного забвения, потому что выраженное в ней устремление к преобразованию действительности с помощью идей очень современно, несмотря на двусмысленность многих формулировок. Круг замыкается, хотя 1940 год требует совсем иного, чем мог дать 1910 год. Но та книга легко устоит перед высокомерием современных неоидеалистов, в том числе неогегельянцев. Если они сегодня не считают попавшего на кафедру философии школьного учителя равным себе и не уважают его, то мои чувства к ним взаимны. Только в разговорах с «философами» я называю саму философию заблуждением. В этом сегодня проявляется присущий мне радикализм. Когда профессора злятся на меня за то, что школьный учитель безжалостно нарушил покой их безобидного круга, я признаю: да, я школьный учитель, но я могу сам сказать все, что считаю нужным, если они устраивают вокруг мой работ заговор молчания. Я сам нарушу это молчание.

Некогда меня, как начинающего неоидеалиста, одни осмеивали, другие пожимали плечами при упоминании моего имени. Теперь злобу и пожимание плеч неоидеалистов и эпигонов Ницше я считаю доказательством того, что я опережаю тех, кто и сегодня остается там, где я был в 1910 году. Будущее подтвердит это, как современность подтверждает мои тезисы 1910 года и прогнозы 1917 года.

Много раз я рвал мою первую рукопись в клочки и бросал в печь, чтобы начать снова. Даже со стороны самых близких друзей я встречал непонимание. Один просто отмалчивался, когда я говорил с ним о моей тайной работе, другой ее одобрял, но я видел, что он ее не понимает, третий сказал, что в жизни не встречал человека, который живо интересовался бы Гегелем, если не считать профессиональных историков. Он был прав, но нужно было снова пройти через Гегеля, чтобы преодолеть его, а не застрять в нем. Все наследие прошлого нужно было еще раз перепроверить и задать вопрос, что из него жизненно необходимо нам сегодня. От этой проверки

ничего не осталось кроме пепла, так как сегодня нам нужен новый принцип, новый подход, чтобы мы могли выполнить поставленные перед нами судьбой задачи, совершенно иные, нежели в 1800 году.

Молодые люди могут сегодня сказать: К чему эти окольные пути, если мы должны преодолеть идеализм? Не будет ли пустой тратой времени и сил изучение неоидализма, если есть опасность застрять на пророках, мысли которых обращены в прошлое? Нет, не будет. Преодолеть препятствие может только тот, кто его преодолевает, а не обходит его стороной. На одном отрицании и кратких выводах мы далеко не уедем, даже если будем считать Ницше последним словом мудрости.

Здесь тот же случай, что и с христианством. Преодолеть значит пробиться из великой традиции к новой цели и стать победителем в этой битве. А сражаться против Канта, Фихте и Гегеля это отнюдь не детская игра. Тот, кто застывает в отрицании, в антисемитизме, антимарксизме, антилиберализме, антидемократизме, похож на человека, который остается пленником завоеванного им пространства: оба они не устремляются к новым берегам, потому что оба, хотя и с разным знаком, занимают одну и ту же позицию. Тот, кто устремлен в будущее, должен преодолеть прошлое, а тот, кто хочет победить противника, должен его сначала очень хорошо изучить. Я не раз наблюдал, как молодые люди становились пленниками позитивизма при более близком знакомстве с ним; они поддавали под власть прошлого, становились реакционерами, потому что думали: то, что они искали, но сами не нашли, уже существовало.

Мои книги никогда не способствовали моей карьере. Школьное начальство меня невзлюбило: «Беспокойный человек!» Но я никогда и не стремился к карьере, а только к истине. Как показывает «Личность и культура», и писательская работа давалась мне с трудом. Я долго думал, что никогда не смогу читать лекции. Даже в 1928 году, когда нужда заставила меня целый семестр читать множество лекций по всей Германии, я не мог произнести ни одной фразы, не сформулировав ее заранее. Но я был терпелив, и научился тому, к чему у меня не было таланта от рождения.

Личность и культура

Философский идеализм, это, в сущности, не то, о чем говорит Вольфрам фон Эшенбах в «Парцифале»: «Устремление ввысь — залог счастья в этой и иной жизни».

Имеется в виду, конечно, не стремление занять высокий пост. Но и философский идеализм это не просто устремление ввысь, служение идее. Это еще и ложный путь. Философский идеализм делит мир и человека на рациональную, высокую, божественную половину (секуляризированный потусторонний мир) и природную, низкую, неполноценную, дьявольскую. Божественны гуманность и разум, именуемый также духом, абсолютным Я или абсолютным сознанием, зло заключено во всем инстинктивном и физическом. Универсальное противостоит отдельным реалиям, гуманизм — зверству, субъект — объекту, разум — природе, дух — телу, Я — не-Я. Но идея может лишь указывать цель, но никогда не может быть самой целью. Служение идее ведет в пустоту.

В теории познания предмет познания, действительность, выводится из рационального субъекта (он же чистый разум, всеобщее сознание, абсолютный дух, абсолютное Я). Реальная Вселенная по сравнению с миром понятий как миром «истинного бытия» низводится до уровня чистой видимости, обращается в Ничто: так выглядит идеалистическая космология. А в дуалистической антропологии рациональный нравственный императив ставит своей целью превращение человека в чисто разумное существо, в чистый дух, в призрак, в универсальный субъект, в гуманное Я или в понятие, ради чего нужно отвергнуть все природное, телесное, инстинктивное, волевое как низкое, злое, недочеловеческое. Мы должны превратиться в идеальные призраки, оторванные от природы, лишённые тела, а вместе с ним и души, ибо «дух» это чистое понятие, чистый формальный разум. Что еще может означать «совершенствование путем одухотворения»? Кант и Лессинг даже вывели из рационального и формального одухотворения миф о переселении душ. Такова общая тенденция у Лессинга, у Гердера (частично), у Канта, у Шиллера, у Фихте и у Гегеля — это идеализм в чистом виде! Универсальное понятие выдается при этом за истинную действительность, чистый дух — за подлинного человека, человека будущего, который существует в мире чистого духа над отринутой действительностью. Сегодня нам проповедают, что свободный человек или сверхчеловек должен занять место умершего Бога; в те времена до этого не доходил никто, даже Фихте со своим абсолютным действием абсолютного Я.

Я же с самого начала стремился показать живого, конкретного, реального человека в живой действительности, в его общественном бытии, в его естественном и историческом становлении, в его взаимоотношениях с другими людьми, но, прежде всего — в его творческих

достижениях как формах его самовыражения. Меня интересовали живой народ, конкретное государство, история, происходящая на наших глазах, и жизнь с природой и историей как ее полюсами. Главной темой моей первой книги был путь от субъекта к личности, от объекта — к общему, общественному, от рациональной статике — к исторической динамике через конкретные проявления творческого начала.

Короче, я хотел вернуться от «рацио» к жизни, к общему, природе, истории, политике. Окончательно мои взгляды сформировались в «Национально-политической антропологии». Кроме того, мною были написаны: «Немецкая государственная идея» (1917 г.), «Революция в науке» (1920 г.), «Философия воспитания» (1922 г.), «Формирование человека» (1925 г.), «Общенациональное государство» (1930 г.), «Национально-политическое воспитание» (1932 г.) и «Наука, мировоззрение и реформа высшей школы» (1934 г.). Прежде всего мне хотелось уйти из мира автономных понятий.

Пользующийся дурной репутацией Штирнер оказал мне некогда важную услугу, поскольку он был последним аккордом в разложении гегельянства и идеализма вообще. Штирнер превратил понятие универсального субъекта в индивидуальность, в живого, конкретного, единственного в своем роде отдельного человека. Это стало для меня отправной точкой. Правда, за «Единственным» ухмыляется призрак радикального индивидуализма с его нигилизмом и солипсизмом. Но не обязательно, познакомившись со Штирнером, бросаться вместе с его миром в эту пропасть. Нужно самому встать на ноги и нащупать почву общей действительности. Рядом с Я Единственного сразу же возникает Ты другого человека, столь же реальное, как и Я. Возникает живая динамика. Так открывается путь к дальнейшим целям, в то время как суверенное и абсолютное Я Фихте, для которого не-Я синоним всего объективного и вещественного и которое принижает мир до уровня нижестоящей, чисто формальной действительности, это абсолютный тупик. От реального мира не остается ничего, кроме абсолютного призрака, и философия превращается в танец мертвецов, танец призраков.

Идеалистическое суждение о субъекте и объекте мертво само по себе, оно начинается с универсального понятия и кончается им. В живой действительности отношения между Я и Ты ставят проблему общего, «всеобщего», того, что я некогда называл «культурой» и вершину чего видел в искусстве. Далее динамика отношений между Я и ТЫ заставляет задаться вопросом о причинах этой динамики, а это, в конечном счете, вопрос о творческом начале как о двигателе истории. «Разум» и язык как средство общения дают лишь фор-

мальную возможность взаимопонимания, и лишь плоды творчества становятся всеобщим достоянием и основой общности.

Но зачем этот трудный окольный путь к преодолению идеализма через его обновление? Этот вопрос легче задать, чем ответить на него.

Тот, кто идет прямо к цели и с самого начала ясно представляет себе конечную цель, это сверхчеловек, а не человек, который должен сначала нащупать какую-то прочную основу, имеющуюся на данный момент, а потом пройти через борьбу, труд и ошибки, чтобы испытать себя и действительно преодолеть, а не перепрыгнуть все, что он должен оставить позади.

(Примечание. В период с 1880 по 1830 г. мы уже имели все элементы нашего нынешнего мировоззрения, касающиеся народа, империи, расы, истории. Почему же тогда никому не удалось придать этому мировоззрению законченную форму? Потому что был очень силен идеализм, основанный на универсальных понятиях. Напрасны были выпады барона фон Штерна против заоблачной философии, Арндт и Ян не смогли достичь победоносного прорыва, а только наметили подходы. Люден, Рюс и Гассе, проповедовавшие идею Империи, забыты историей, - у них не хватило сил для борьбы против течения. У Фриза были прекрасные задатки, но его философия была слабой, как и его оппозиция Фихте, Шеллингу и Гегелю, так как представляла собой лишь разновидность системы универсальных понятий. Гаманн, Гердер и Якоби тоже не смогли ничего сделать. Гете вернулся к натурализму, отвергнув философию, историю и политику. Только мне удалось осуществить прорыв, потому что мне противостояли не Фихте и Гегель, а слабые эпигоны изжитого мною неидеализма. Но для этого потребовалось 30 лет тяжелой работы и борьбы.)

Но не был ли легче и короче путь к цели от натуралистического позитивизма, который в 1900 году торжествовал и провозглашал себя вечным? Нет! Позитивизм был мне чужд по своему происхождению и тогда уже, якобы в своем апогее, болен, бесполезен и безнадежно туп. Это был другой тупик. Позитивизм не годился для объяснения мира, природы и истории, для формирования человека, народа и государства.

Инстинкт вел меня назад к немецкому идеализму, точнее, к движению 1813 года, чтобы с этих позиций разделаться с позитивизмом с помощью идеализма, а потом и с идеализмом с помощью его самого. Иного пути не было. Тот, кто это оспаривает, мог бы подкрепить свое мнение своим творчеством. Нельзя оставаться на позициях неидеализма, позитивизма или эпигонского нищестанства,

они не годятся для построения нового мира и его мировоззрения. Это лишь эрзацы вечно бесплодного и всегда запаздывающего. Против каждого победителя бунтовала посредственность. Есть один путь от идеи к реальности нашей национально-политической общественной жизни и человечества. Пути от материи позитивистов не было и нет. К принципу жизни можно пробиться только от живого, а не от мертвого. Неоидеализм лишь эрзац позитивизма, не преодолев его, нельзя ничего создать. Это лишь повторение пройденного. Наше будущее не в Гегеле и не в Ницше или Геккеле, не в повторении, а в прорыве к новому будущему также в мировоззрении и в науке. Но с маниакальными притязаниями на абсолютную истину надо покончить. Никто не может сделать большего, чем отмерено ему судьбой по его силам.

В 1909 году я, не опубликовав до того ни строчки, закончил рукопись «Личности и культуры», самой толстой моей книги. И произошел один из немногих счастливых случаев в моей жизни. Первый же издатель, к которому я обратился, взял первое сочинение неизвестного молодого школьного учителя и опубликовал его в середине 1910 года. Я до сих пор благодарен умершему в 1941 году г-ну Винтеру из Гейдельбергского Университетского издательства Карла Винтера. Если бы книга осталась лежать в ящике стола, это угнетало бы меня, а так, хотя она и не имела потрясающего успеха, ее выход послужил для меня стимулом для дальнейшей работы.

Почти в один день я этой книгой в издательстве Ойгена Дидерихса вышла полемическая брошюра «Новейшая ортодоксия и проблема Христа», в которой я поддержал А. Дрекса в его борьбе против теологов с опорой на идеалистическую христологию по Евангелию от Иоанна. Меня предостерегали. Хотя брошюра обратила на себя внимание, баденские власти не оставили безнаказанным учителя — еретика. Мое начальство обратило внимание на мою общественную деятельность лишь тогда, когда она стала для них политически неудобной.

Этапы преодоления

Лессинг, Кант и Фихте создали т. н. историческую философию, последнее ответвление которой якобы указывало в будущее. Якобы потому, что в действительности эти понятийно-идеалистические конструкции не имели ничего общего с реальной историей; их будущее это невыполненное, идеальное требование в плане одухотворения, освобождения человека от своей природы. Хотя в «Речах к немец-

кой нации» Фихте громко звучит «народ» как реальность и история тех времен, все эти звуки быстро снова затухали, потому что народ и история не имели ничего общего с философией Фихте, абсолютным Я или Я человечества.

В философии истории Гегеля его так называемая история, которая на самом деле представляет собой нагромождение понятий, аптеку в диалектическом оформлении, заканчивается в философском самосознании самого Гегеля. Творящий историю абсолютный, мировой дух достигает своего последнего самоосуществления, после чего он может, как Иегова, навеки почить в чистом бытии, отдохнуть от становления, от своих трудов, которые не что иное, как он сам. Таким образом, будущего нет. Философия Гегеля объявляет, что конец света и истории наступил вместе с прусской реставрацией, после того как Гегель однажды уже ощутил конец истории, восприняв Наполеона как «мировую душу на коне». С тех пор настоящая история только тем и занималась, что опровергала шаг за шагом философию Гегеля. Гегельянцы же с тех пор не занимались ничем другим, кроме манипуляций с понятиями, иначе они обрубили бы сук, на котором сидели.

В 1940 году они объявили, что события этого года вытекают из диалектического саморазвития гегелевских понятий, именуемых историей. Если бы они в 1920 году предсказали бы события 1940 года, то их объявили бы носителями истины на все времена, открывателями скрытого будущего. А толкование истории задним числом это, как и у самого Гегеля, обман. Разумное объявляется действительным, а само действительное — саморазвивающимся понятием.

Пережив мировую войну, я впервые радикально разрушил в «Немецкой государственной идее» (1917 г.), ту философию, которая объясняла мир и историю, исходя из априорных понятий. В конце этой книги предсказывается будущая история, революция 1933 года, на что никогда не были способны гегельянцы.

В этой книге политическая история идей объясняется из немецкой истории. Философия получает свое историческое оправдание лишь в той степени, в какой ее идеи оказывают воспитательное воздействие на немецкий народ. Претензии идеологов на подмену действительности понятиями, как у Гегеля, отвергаются.

«Немецкая государственная идея» сама выливается в идеологию, возникшую из веры, переживаний времен Первой мировой войны, анализа сил, постоянно действующих в народе и в истории. Идеальные конструкции исторического процесса на базе понятий при этом отвергаются. Неогегельянцы не смогли противопоставить этому ничего

подобного. Тем самым идеалистическая философия истории вместе с ее конструкциями развития была опровергнута и преодолена, равно как и господствовавшая тогда теория «свободы ценностей» Риккерта и Вебера. Макс Вебер вынужден был согласиться с исторической частью моих воззрений, но их «пророческую» часть он отверг. Между тем ход истории опроверг по всем пунктам, как науку Макса Вебера, так и гегельянство и позитивизм. Между тем наука ведет себя так, будто пережитая история для нее ничего не значит, хотя она разрушила ее конструкции, как карточный домик. В этом есть и своя выгода: всегда остается место для постройки новых карточных домиков. Наука вместе с новейшей онтологией спасается от этих ударов в пустоту, в небытие. Ничего не нужно преодолевать. Тому, кто из-за неспособности решить жизненные проблемы нуждается в наркотиках, будь то алкоголь или идеалистическая философия, это представляется ненужной тратой сил и времени. Достаточно просмотреть современные научные и философские журналы: их пустота заставляет читателя зевать на каждой странице.

Поток послевоенного периода унес «Государственную идею», как идеи этого периода были в свою очередь унесены революцией 1933 года, но наука и философия продолжают вести себя так, будто ничего не произошло. И в самом деле: на того, кто спасается в чистом, неподвижном, пустом бытии, события влияют столь же мало, как и он на них. В этом героизм нигилистов, аскетов и акробатов понятий, независимо от того, называют они себя идеалистами, онтологами или экзистенциальными философами.

«Немецкая государственная идея» была преодолением, но лишь в одном направлении. В последних работах мне пришлось преодолевать самого себя. «Революция в науке» противопоставила всем эпигонам новый смысл, новую цель, новые решения. Это было современным, так как многие эпигоны утешали себя тем, будто, будучи эпигонами, можно творить, поскольку в рамках немецкого идеализма в принципе невозможно создать что-то новое. Откуда они это знали? Почему судили о силах всего немецкого народа по себе? Глава неогегельянцев, Литт, продолжал утверждать, что идеализм это последнее слово философии. Его стрелы были направлены, главным образом, против меня. Однако новое мировоззрение победило. Вместе с тюрьмой неоидализма были разрушены основы философского абсолютизма понятий. При этом неважно, является это мировоззрение новым, оригинальным или нет: оно вытекает из задачи, стоящей перед нашим народом, и уходит своими корнями в германскую кровь, германское мировоззрение, германскую веру в судьбу,

оставляя далеко за собой абсолютизм понятий от греков до Гегеля и его эпигонов. Тот, кто удовлетворяет потребности нашего времени, выполняет свою творческую задачу. Мы отказываемся от притязаний на абсолютизм: потомки, которым для решения других задач потребуются другое мировоззрение, создадут его сами. Философия прошлого всегда обещала нам дать мировоззрение, которое нам было нужно, но никогда не выполнила своего обещания. Если нам нужны ориентиры в жизни и в истории, мы должны задуть именуемый философией блуждающий огонек, который обманывает нас на протяжении тысячелетий. Он представляет собой препятствие для политической воли. Неоидеалисты и онтологи должны вымереть вместе со своими кафедрами, как вымерли позитивисты. Естественное знание навеки связано с позитивизмом и дает ему последнее прибежище, обещая нам «биологическое мировоззрение», но оно нам его не даст, так что этот поседевший чужак не избежит своей судьбы.

Кстати, мне все равно, будут упоминать эти уходящие мое имя в своих книгах и журналах или нет. Влияние моих трудов скажется только тогда, когда они давно канут в Лету. Я описал этот круг еще в 1920 году в книге «Революция в науке». С тех пор он не изменился к лучшему, так что на нем теперь можно водрузить могильный камень.

Новые цели, новые решения. «Революция в науке» предвляла вышедшую в 1922 году «Философию воспитания», которая, продолжая линию «Немецкой государственной идеи», радикально переосмысливала педагогику. Естественная и натурфилософская основа заменила понятийную основу, расовый фактор был назван определяющим для роста и воспитания. Но все это еще оставалось в рамках «философии», основой оставался идеалистический принцип «духа». Противоречие между природой и духом не было преодолено.

Получалось: неоидеализм умер, да здравствует неоидеализм! Внутреннее противоречие книги «Личность и культура» оставалось непреодоленным. Не случайно в первом десятилетии XX века неоидеализм стал исходной точкой и трамплином революции в науке: обновление и революция казались неразрывно связанными. «Дух» теперь не означает, как когда-то, чистый разум, абсолютное сознание, абсолютное Я, способность к образованию понятий. Кроме разума и рассудка дух включает в себя душу, волю, чувства. Этот дух не «противник души» и не противник материи, не противоположность объекта, отличная от жизни. С помощью «духа» можно методом идеализма завуалировать противоположность разума и природы, души и материи, но не разрешить это противоречие. Мне

понадобилось 10 лет работы, пока я достиг конечной цели и открыл новый принцип, древнейший для германцев. Всеобщий принцип больше не дух, а жизнь, которая включает в себя дух и материю, природу и историю. Нет жизни, не воплощенной в теле, поэтому наши германские предки обозначали тело и жизнь одним словом. «Дух» как разум, сознание, это не начало, а творение жизни.

Революция привела и к смене фирменной вывески. Место прежней «философии» заняло мировоззрение, которое включает в себя космогонию и антропологию и исходит из того, что человек от природы — существо общественное. «Научная антропология» это не одна из многих возможных антропологий, а единственная, соответствующая нашему мировоззрению. Принцип жизни пронизывает не только Вселенную и человека, расу и личность, материю и дух. Он развивается через полярность природы и истории.

Идеализм и романтизм это наше наследие и бремя, которое мы тащим с собой. Хотя оно больше не нужно, нам трудно от него избавиться. Однако многое нужно отбросить или переработать ради решения будущих задач.

В области неоидеализма было открыто «органическое», но к органическому относится и «развитие».

В противоположность старому, проникшему с Запада рационализму, который во всех человеческих отношениях (государство, общество, право и т. д.) видел целесообразные конструкции, а во всех природных явлениях изготовленные Демиургом механизмы, немцы представили мир или его часть (в 1802 г. Тревиранус ввел термин «биология») как нечто растущее, «постепенно» оформляющее само себя в ходе незаметных, непрерывных процессов. Такие образования были названы организмами, а их формирование — развитием. Идеализм и романтизм распространили законы органического развития и на «дух». История, государство, общество, право, короче, все отношения, в общественной жизни людей стали пониматься с этой точки зрения.

Несомненно, это было более глубокое понимание по сравнению с прежним всевластием конструирующего разума и механистического подхода. Но вера в то, что происходит само собой, спокойно растет или развивается, отдает квиетизмом, она порождает аполитичное, пассивное поведение. Государства и народы сами растут на заданной природной основе? Империя Бисмарка не выросла сама собой, как дикая вишня. Где была бы Германия, если бы с 1918 года она следовала лозунгу органического развития? Ее бы больше вообще не существовало. Действительно ли все происходит путем метафизически заданного, само собой осуществляемого развития или прогресса?

«Органичность» это контрреволюционный лозунг консерваторов. Не приходится удивляться, что их потомки сопровождают теперь построение нового Рейха своей вечной мелодией об органичном развитии. Буржуазные романтики столь же слепы и глухи по отношению к действительности, как и близкие к ним неогегельянцы. Они живут не действительностью, а своими теориями.

В политике переворот произошел, в мировоззрении и теории нет. Положение в естественных и гуманитарных науках ничуть не лучше, чем в философии.

Я знаю, как трудно было мне самому порвать с прошлым и как поздно мне удалось это сделать. Час для этого пробил только после 1933 года. Учение о национально-политической действительности, о призвании, о роли творческой личности изложено в книгах «Национально-политическая антропология» (1936-38), «Жизнь» (1939) и «Человек в истории» (1940). В них преодолено учение о «развитии», как природном, так и духовном. Нападки реакции на эти книги свидетельствуют о значении этого прорыва к новому мировоззрению. В этих нападках позитивисты (последователи Геккеля) и неоидалисты объединились с целью показать, что все они уже давно имели национал-социалистическое мировоззрение, которое у них «органично развилось».

В политических кругах бытует мнение: что нам за дело до теории и идеологии? Пусть их создатели перемрут от собственной неполноценности. Насчет неполноценности теорий позитивистов и неоидалистов спорить не буду, но здесь есть одна опасность. Победившая Германия увидит, что мировая миссия неосуществима без научного мировоззрения. Если в самой Германии достаточно фактов и действительности, то другим народам мы должны предложить идеал. Революция ставит себя под угрозу, если поручает разработку мировоззрения реакционным силам. Создание теории такое же творческое дело, как и создание Рейха. Сами собой, т. е. «органически» ни Рейх, ни теория не возникнут.

Историю делают судьбоносные действия харизматических личностей. Это ключ к новому пониманию истории, отличному как от «органического роста» неоидалистов и романтиков, так и от рациональной деятельности сторонников механистического и позитивистского мировоззрения. Только действие ведет к теории и к исторической действительности.

Вопрос о творческом начале в человеке и истории проходит красной нитью через все мои работы от «Личности и культуры» (1910) до «Человека в истории» (1940).

Хотя в первой моей работе вопрос о творческой личности рассматривался исходя из понятия субъекта неоиdealистической теории познания, познание в ней сдвигалось в сторону действительности и, кроме того, осознавалась необходимость создания новой теории познания на основе действительности. Первая идея была развита в 1^м и 2^м томе «Национально-политической антропологии», а также в книгах «Жизнь» и «Человек в истории», вторая — в 3^м томе «Национально-политической антропологии», где разум ставится между природой и судьбой.

Все наброски этой новой теории познания были у меня еще до написания моей первой книги. Переживания периода между 1910 и 1940 годами способствовали ее созреванию и помогли окончательно освободиться ото всей шелухи прошлого, от которого и в действительности, и в идеологии остались одни клочья. Хотя обрывки прошлой идеологии повсюду еще свисают над совершенно новой действительностью, их дни сочтены. Они исчезнут, как мираж, когда история вынесет им свой приговор.

Метафизика

Много раз я критически перепахивал со своими учениками «Пролегомены» Канта и каждый раз обнаруживал при этом червей. До сих пор остается неясным, видел ли Кант в своей трансцендентальной философии только критическую основу будущей научной метафизики или хотел раз и навсегда заменить ею любую метафизику. Несмотря на все оговорки, философия Канта — часто против его воли — плыла к тем же берегам, к которым потом на всех парусах устремились Фихте и Гегель: к замене подлинной действительности рожденным чистым разумом аподиктическим, общезначимым понятием, к объявлению мира, данного нам в ощущениях, видимостью, действительностью второго или третьего сорта, ненастоящей действительностью. Мир, таким образом, сводился к рациональной формалистике. Примечательно, что в поисках непоколебимой, прочной скалы, которая могла бы стать основой его аподиктической, трансцендентальной философии Кант, в конце концов, пристал к логике Аристотеля и при этом чувствовал себя революционером наподобие Коперника!

Для Фихте и Гегеля уже не было никакого удержу: понятие — настоящая действительность, сущность метафизики. Поэтому для Гегеля все разумное действительно, поэтому он возродил онтологическое доказательство бытия Божия. Гегель был человеком рестав-

рации, который втайне радовался падению Бастилии, был врагом Империи и приверженцем Наполеона. С помощью своего знаменитого метода он мог сделать из чего угодно что угодно и всегда делал то, что в данный момент было целесообразно и имело спрос на рынке. Поэтому гегельянцы и сегодня с помощью этого метода могут приспособиться к чему угодно. Они, как еж из сказки, всегда «уже здесь». Блаженны гегельянцы, ибо могут стать кем угодно.

Кант остался во всех отношениях внутренне противоречивым. Прежде чем он начал в свой критический период превращать универсальную действительность в формализм понятий, он, как радикальный бюргер, был полностью согласен с формулой Ньютона, которую он и в «Критике способности суждения» еще считал основой познания мира: Мир это механизм. Метафизика это или нет? А если я скажу иначе: Мир это вселенская жизнь, будет ли это тоже метафизика? Обе формулы соответствуют стремлению объяснить мир с помощью единого принципа, но они еще не ведут поиски за пределами этого мира, не объявляют его видимостью, а некую иную действительность — настоящей. Но когда Шеллинг говорит об одушевленности Вселенной, он уже, несомненно, выходит за рамки этого мира и ищет там стоящее за ним, отдельное от него начало, истинную действительность, которую он по старинке называет душой, и которая, если она имманентна миру, должна быть его двигателем, творцом, смыслом. Душа противостоит видимому миру, жизнь — его начало. Две первые формулы, наоборот, не содержат в себе первоначально ничего подобного. Из наличия мирового механизма еще не следует вывод о существовании мирового механика, часовщика, архитектора, демиурга.

Метафизика это рационализированный миф о творении, даже в тех случаях, когда Кант и Геккель говорят о «естественной истории творения». Кант в своих «Критиках» просто оставил эти вещи в антиномии. Но они остаются метафизикой и тогда, когда они выдаются за «чисто формальные» идеи, имеющие условное значение, если делаются выводы о том, сотворен мир или вечен, все ли в нем причинно или существует также свобода и т. д.

Гипотетически можно использовать миф и метафизику (т. е. рационализированный миф) в целях формирования мировоззрения на базе единого начала, только нужно всегда помнить, что это гипотезы. Гипотеза это не вера, а вспомогательное средство познания мира. Но метафизика не хочет быть гипотезой, она хочет быть последней, единственной и непоколебимой истиной, всеобщим, исключительным средством познания подлинной действительности,

хотя она, наподобие церковной догмы, наследницей которой она является, почти ежедневно меняет кожу, так что в процессе этих изменений не остается ничего постоянного, кроме самих изменений.

В этом проявляется истинная природа метафизики: это эрзац догмы, как догма — эрзац живой веры. И метафизика, и догма претендуют на звание истины в последней инстанции. Разум, природа, механизм, жизнь, мир, душа, все посторонние понятия этого мира сразу же становятся метафизическими, как только к ним приплетают Бога и воображают, что познают Бога. Настоящая вера это не познание и не знание, ни метафизическое, ни догматическое, ни, тем более, гипотетическое. Настоящая вера это переживание, придание смысла, направление, воля, двигатель, а не инвентарная опись жизни, мира и действительности. Метафизика и догма «вытесняют» веру до уровня разума, знания и тем самым удушают ее. Вера творит историю; метафизика никогда не творила историю, а хотела остановить ее, заморозить, отменить.

Кант в предисловии ко 2^{му} изданию «Критики чистого разума» обронил ставшую знаменитой фразу: «Я вынужден был потеснить знание, чтобы дать место вере». Странная вера! Поскольку Бог, свобода и бессмертие не могут быть доказаны, поскольку этим метафизическим рациональным идеям не соответствуют никакие реалии, поскольку они по отношению ко всей действительности имеют лишь формальное, регулятивное значение, их можно все же «принять» для практического использования. Такой «как бы Бог» нужен тем, кому недостаточно разума как единственного двигателя (не регулятора!) нравственных действий, при чем дозволяется каждому считать чистый практический разум Богом, т. е. законодателем мира и нравственности. Это уже отдает Талмудом! В метафизике всегда один шаг от законодателя к автономному закону, от создателя мировой машины к мировой машине, которая создает себя сама.

Эту свою метафизику философы называли потом своей религией! А кто-нибудь знает, что такое религия? Я вот до сих пор не знаю. Поскольку мне не нужна метафизика, значит, у меня нет и религии. Но я знаю, что такое вера, в той мере, в какой имею ее, в какой чувствую, что должен достичь определенной цели. Это нечто иное, чем формальный «категорический императив», который, несмотря на свое «делай так», в действительности ничего мне не приказывает. Все это одна видимость.

Некогда я думал, будто знаю, что такое религия. В моих первых работах я упорно называл мой неоиdealизм моей религией, хотя совесть подсказывала мне, что все это, в сущности, лишь болтов-

ня, эрзац. Сегодня, когда я изжил свой неоидеализм, радикально освободился ото всякой метафизики вместе с идеалистической теологией, исторической теологией, религиозной философией, это означает, что у меня вообще нет больше религии. Взамен, вместо какого-либо эрзаца, у меня есть живая вера, не метафизика, не теология и не философия, а просто вера. Вместо какой-либо философии я обрел немецкое мировоззрение, которое включает в себя знание мира и человека, природы и истории. Это чисто постороннее, обусловленное кровью мировоззрение, основанное на созерцании и восприятии. Но через центр этого мировоззрения проходит ось. Это не знание, а вера, которая указывает на мое предназначение в жизни, но не имеет и не хочет иметь ничего общего с метафизикой, догмой и «религией». Это было мое самое главное преодоление: я преодолел философию и понял ее недостаточность во всех отношениях.

О вере, как творческой, движущей силе истории можно, зная о ней по своим переживаниям, говорить отстраненно и объективно. Ее можно сделать предметом познания. Вера это не знание, но она может стать предметом антропологического и исторического знания. Зато нет никакого знания о Боге; связь человека с живым, вечным Богом это только живая, вечная вера.

В философии понятие, понимание это только средство, способ познания, но не предмет познания и не может рассматриваться как настоящая действительность в противоположность видимой. Суверенность и автономия понятия, именуемого также разумом или духом, это принцип существования и одновременно первородный грех любой философии со времен Парменида и Гераклита.

Между созерцанием природы, восприятием других людей и верой в Бога понятие это только вспомогательное средство, промежуточное звено, но не принцип существования. Это конец философии.

Считая когда-то неоидеализм своей религией, я видел одновременно в классическом идеализме наряду с музыкой и поэзией высшее духовное проявление немецкого характера. Сегодня я могу это повторить лишь с оговоркой: это было самовыражение немцев в эпоху отсутствия Империи, надлома национального характера и сильных чужеродных влияний. О музыке я и сегодня прежнего мнения, она, действительно, апогей немецкого духа. Относительно поэзии у меня уже больше оговорок, но больше всего их касается философии. Я и сегодня не отрицаю в философском идеализме немецкий характер подхода к проблемам. Но нельзя говорить о его немецком своеобразии и в тех случаях, когда он сам хотел

быть не немецким, а универсальным. Универсализм и гуманизм были его целью, а путь к ней вел через абсолютизм, универсализм и реализм понятий, т. е. через замену живой действительности понятием, логосом, рацио. Немецким оставался лишь способ, которым шли по этому пути Лессинг, Кант, Фихте и Гегель. Гете как минимум в одном пункте пошел гораздо дальше философов, когда он противопоставил их универсализму понятий натурализм, причем его натурализм, в отличие от аналитически-механистического и формалистического натурализма Ньютона, Кювье и прочих, был типично немецким. Пока философы равнялись на Декарта и Ньютона, Гете отвергал их спекуляции.

Когда я противопоставил универсализму понятий созерцание живой действительности, рационализированной религии — веру, метафизике — мировоззрение, бытию — жизнь как принцип, гуманизму — расу как природную основу, короче, когда передо мной рассеялся весь туман неоидализма, я одновременно заново и глубоко пережил германские корни и основу во всем немецком: в народе, восприятии природы, общественной жизни, способа мышления, взгляде на мир, личности, вере, счастье, судьбе, творчестве, искусстве. Я почувствовал большую близость и любовь ко всему германскому, к Лютеру, Дюреру, Грюневальду, Парацельсу, ко всей непрерывности немецкой истории, проходящей через этих людей XVI века. Борьба со всем чужеродным позволила мне понять, что во всем германском уже заключено свое, готовое мировоззрение, которое сильнее чужой, универсальной философии, всегда только сдерживавшей развитие всего своеобразного. Развитие германского мировоззрения сегодня возможно и необходимо. Я посвятил этому мою «Национально-политическую антропологию», а также книги «Жизнь» и «Человек в истории». Непрерывность германского наследия доказывается в книге «Национальный характер и осознание своей миссии. Политическая этика Рейха».

И здесь круг опять замыкается. Я всегда был верен всему германскому, некогда я считал идеализм высшим проявлением германского духа. Маленьким мальчиком я читал все, что попадалось под руку. Выбор был небогат. Но три книги, которые достались мне «случайно», определили мои склонности. Это были сочинения Шиллера, популярное жизнеописание Лютера и 4 тома иллюстрированной немецкой истории швабского демократа Циммермана, известного своей историей крестьянской войны. Оба шваба, Шиллер и Циммерман, указали мне на эпоху немецкого пробуждения с 1800 по 1830 год, к которой я сегодня обратился снова, но не к идеализму, а к пробуждению немецкого национального самосознания в

студенческих корпорациях, которое было задушено прусской реакцией и снова направлено по западному фарватеру.

Сегодня мы опираемся на три эпохи немецкой истории: эпоху великих императоров, эпоху Лютера и эпоху пробуждения молодой Германии после наполеоновских войн. Тогда пробудились чувство расы и вера, национальное самосознание, тогда возник немецкий натурализм и биология стала одним из творений германского духа. Тогда пробудилось и германское историческое сознание, поскольку в мировоззрении не требовалась больше метафизика. Оно заполняет пространство между верой и единым вселенским началом, которое называется жизнью, и как таковое в природе и в истории, в расе, народе и творческой личности обретает свою высшую форму и свое последнее воплощение.

Наука о воспитании

Хотя я стал учителем по призванию, я испытывал антипатию к педагогике, которая жила традициями Песталоцци. Я произвел революцию в науке о воспитании вопреки тому, что был школьным учителем, а не потому, что им был. Я занимался многими науками, но избегал педагогики, кроме тех случаев, когда она мне просто мешала в моей профессиональной деятельности, за что я ей потом отплатил. Я немного почерпнул из того теоретического, идеологического и технологического вклада в учительское ремесло, который называется педагогикой.

При взгляде на народ и государство в аспекте естественной смены поколений, исторического становления, самопроявления их сути и воплощения их смысла проблема воспитания выглядит столь же необходимой, как и проблема политики, и обе они неразрывно связаны одна с другой. Эта тема была затронута уже в «Личности и культуре» и развита в «Немецкой государственной идее». Основы новой науки о воспитании изложены в «Философии воспитания», «Формировании человека» (1925), «Национально-политическом воспитании» (1932) и «Национал-социалистическом воспитании» (1933). Подход этот, в сущности, не нов. Он есть уже в государственной философии Платона, его сознательно применяли прусские короли, и поднял на новый уровень барон фон Штейн.

Рожденная в эпоху Просвещения и сформированная под влиянием идеализма ремесленная педагогика, которая со времен Гербарта отождествляет воспитание с преподаванием, существовала параллельно с государственной педагогикой без связи с ней. Чтобы

взорвать ее схематизм понятий, который был заимствован у идеализма и служил обоснованием претензий педагогики на звание науки, нужно было преодолеть идеализм. Это было сделано в первых главах «Философии воспитания», где критиковались индивидуализм, интеллектуализм, психологизм и эволюционизм. Позже к этому добавилась критика абсолютизма понятий и универсализма, ведущих к отрыву от природы, народа и истории. Все это вместе составляет идеализм, от которого нужно избавиться, чтобы создать настоящую науку о воспитании, прочно стоящую на своих ногах на твердой почве действительной жизни.

Правда, ни Платон, ни прусская государственная педагогика не рассматривали воспитание в историческом становлении. Для этого само государство должно полностью избавиться от идеальных конструкций естественного права. Этому способствовала мировая война...

Преобразование науки о воспитании исходит из познаний, которые противоречат образу человека согласно теории естественного права. Это образ человека «в естественном состоянии», живущего одиноко, животной жизнью, но вдруг, благодаря своему разуму, создающего общество со всеми его атрибутами (языком, государством, правом, экономикой, техникой и т. д.). На этой противоречащей всем данным истории и этнографии фикции основывались все науки буржуазной эпохи, которые имели отношение к общественной жизни.

Знание того, что человек — общественное существо от природы, что первобытное сообщество становится народом только благодаря разумному управлению им, при чем есть заданное раз и навсегда число основных функций, жизненных потребностей человека, к которым относится язык, техника добывания пищи, а также воспитание и право, подготовило для науки о человеке новый фундамент и указало новый путь. Создание новой науки о воспитании на этом фундаменте стало началом общей революции в других науках. Одна наука за другой должна была делать выводы из того, что человек — общественное существо от природы, а не становится им только после заключения какого-то выдуманного «договора». Вырисовывается совершенно иной образ человека.

Правда, ссылаются на Наторпа и через него на того же Песталоцци, которые будто бы положили идею общества в основу воспитания и педагогики. В отношении Наторпа это неверно, в отношении Песталоцци верно лишь наполовину. В учении Наторпа человек — общественное существо, но не от природы. В своих исходных тезисах Наторп, в принципе, не отличается от Руссо, Гербарта и прочих теоретиков естественного права.

Для всей теории естественного права человек изначально противостоит вещам, природе, как субъект объекту. Отсюда вытекает вся теория познания буржуазной эпохи. Но если человек изначально находится в общественной связи с другими людьми, то и теория познания приобретает совершенно новый облик.

Для новой педагогики из этого следовало, что воспитательное воздействие одного человека на другого, в частности, взрослых на детей, это не только помощь, но и непереносимое предварительное условие созревания. Это правило действительно и для других жизненно необходимых основных функций общества.

Эти функции возникли вместе с человеком, но не созданы человеком, они не имеют начала в истории, но являются постоянной предпосылкой всей истории. Создание языка, права, политического строя, техники, медицины, воспитания не может быть локализовано во времени, не имеет абсолютного начала, но является движущим фактором во всех областях общественной жизни.

На учительских семинарах нам когда-то вдалбливали методический схематизм Гербарта и Циллера. Все это очень быстро от меня отскочило. Но кроме методики была и педагогическая теория или идеология. Эти призраки понятий, шелуха без зерна, повторение задов Гербарта были мне не менее отвратительны. Они уводили учителей от реалий их профессии в идеологический туман...

Тогда я не знал того, что и сегодня еще осознал не в полной мере: что педагогика делает лишь то, что обязана делать любая наука: отвлекать внимание от действительности и обманывать. Разве сегодня физика, соревнуясь с онтологией и забыв Гете, не занимается своим традиционным делом — уничтожением природы, по крайней мере, ее искажением? Тем более удивительно, что мне удалось, правда, после жестокой борьбы, опрокинуть веками стоявшее, хотя и на шатком фундаменте понятий, многоэтажное здание научной «педагогики» и построить на его месте новое здание на основе национально-политической действительности. И должны рухнуть еще несколько старых знаний, чтобы произошла та революция в науке, которую я предрекал в 1919 году.

Политика

На Гете произвели большое впечатление слова, сказанные Мерком в 1774 году: «Твое неизменное направление — придавать действительности поэтическую форму: другие пытаются воплотить в действительность поэтическое, воображаемое, и ничего, кроме глупос-

тей, не получается». Если подставить на место поэзии понятия, то задачи науки — познать действительность с помощью понятий. Я никогда не мог довольствоваться философией, которая подменяла действительность понятиями или объявляла ее простой видимостью, отождествля мышление с бытием, разумное с действительным.

Чувство действительности рано толкнуло меня в сторону политики и истории. Я признал политику силой, формирующей историю, а политику и историю вместе — действительностью высшего ранга по сравнению с «культурой» и «духом». Так вместе с позитивизмом были преодолены идеализм и рационализм.

Проблема политического была поставлена уже в «Личности и культуре», когда я обратился к конкретному человеку, а не лежащему в основе идеализма «абсолютному Я», всеобщему субъекту познания. Философия, построенная на основе понятий, неизбежно бежит по кругу, как гиена в клетке, в тюрьме понятий.

Творческий человек, это не только гений поэзии, искусства, науки, философии и германский человек, право которого предопределено его расой и призванием, который сам устанавливает законы и ценности, придает форму тому, что потенциально заложено в обществе. Это судьбоносный герой, политический вождь.

Как крестьянский юноша из Фегисхайма пришел в политику? Стремление заглянуть за кулисы происходящих процессов это не политический дар. Интерес к политике возник у меня из стремления познать действительность.

Я уже писал о том, сколь скучной и неинтересной была политическая жизнь Германии после Бисмарка. Я никогда не мог понять, чем англичане превосходят нас, немцев, и на чем основывают свои притязания на первенство. Меня они возмущали.

Я никогда не был политиком в собственном смысле слова, у меня не было задатков вождя, и я не претендовал на эту роль. Если я стал политическим борцом и мыслителем, то только болея о своем народе, ради высших целей. Хотя я вел свою борьбу преимущественно в культурно-политической области, смысл ее всегда был один и тот же: единая и великая Германия, народ, Империя, немецкое будущее и мировое значение немецкой мысли.

И все же я не могу сказать, что именно толкнуло меня в юношеские годы в политику. Я был молодым, очень одиноким, погруженным в книги учителем со скудным жалованием. Честолюбивых мечтаний у меня не было. Моим единственным желанием было оставить после себя что-нибудь сопоставимое по значению с трудами Шопенгауэра (но иного направления). Это была моя мечта.

Ницше сказал о Шопенгауэре, что тот «не был ничьим подданным». Но Шопенгауэр мог быть независимым, будучи наследником значительного состояния; он вырос в духовной атмосфере Иены и Веймара и был аполитичным. Ницше, базельский профессор на пенсии, мог фантазировать в долинах Энгадина и в Италии о воле к власти и сверхчеловеке, но все время боязливо косился на «базельских господ», как бы они не лишили его пенсии.

А кем был я? Маленьким школьным учителем, который не кончал университетов, происходил из низов, не имел состояния, которого в любой день могли вышвырнуть на улицу вместе с женой и ребенком. Ни в батраки, ни в журналисты я не годился. В чем же я нашел опору? Откуда у меня взялась воля к свободе, к независимости? К политической борьбе? Я не знаю. Но когда я ставил перед собой какую-либо задачу, я всегда шел до конца. Только поэтому даже в период самой тяжелой политической борьбы, когда дело доходило до суда, а до 1924 года еще и работая в школе по 28-30 часов в неделю, я смог написать такие основополагающие работы как «Философия воспитания», «Формирование человека», «Системы образования культурных народов», которые требовали сбора большого количества материалов. Я не знаю, как это было возможно, помню только, что я работал непрерывно и должен был работать, потому что не мог жить без этого.

Вскоре после того, как я сдал две политические программные статьи в сборник, который готовился для Национального собрания в Веймаре (1919 г.), я провел лето, поскольку у меня подозревали туберкулез — я весил 115 фунтов при росте 1м 80 см, у себя на родине. Под впечатлением этого я написал статью «Родная Алемания».

В те годы против меня не раз выступали «красные» и «черные», потому что я призывал превратить юго-западную Германию в духовный бастион борьбы против вторжения с Запада и обвинял католическую партию Центра в сепаратизме. Я боролся в одиночку, без чьей-либо помощи и поддержки, но власть имущие были не настолько сильны, чтобы уничтожить маленького школьного учителя.

Политическая наука существует со времени «Политеи» Платона, но обычно она вырождается в политическую идеологию. Эта наука ни у кого не была столь тесно увязана с действительностью, как у меня в «Национально-политической антропологии». Поэтому меня так ненавидит немецкий научный мир. И сегодня в науке и высшей школе под лозунгами «объективности» продолжают задавать тон ученые Веймарской эпохи. Меня называют «трехсотпроцентным национал-социалистом» именно те профессора, которые

очень хорошо знают, что их наука — продажная девка, в то время как я, хотя никогда не мог жить независимо, а всегда зарабатывал на жизнь тяжелым трудом, с большим основанием, чем Шопенгауэр и Ницше, могу сказать о себе, что не был ничьим подданным.

Когда печаталась моя «Личность и культура», союз учителей Мангейма вовлек меня в борьбу вокруг т. н. «мангеймской школьной системы» и поручил мне руководство оппозиционной газетой «Фольксшувльварте». Тогда я получил первые навыки борьбы. В Веймарские времена я продолжил ее на более широкой основе вместе с моими друзьями Лакруа и Хёрдтом в газете «Бадише Шульцайтунг». Поскольку баденский союз учителей не удалось свернуть с демократического пути, я повел борьбу против него со страниц перешедшей в мои руки газеты «Фрайе Дойче Шуле» (Вюрцбург), но ее редактор был против того, чтобы газета стала целиком национал-социалистической.

«Черно-красно-желтые» ненавидели меня не только за мою культурно-политическую борьбу, но и за мои выступления против сепаратизма, который они поддерживали, в Дармштадте, Карлсруэ и т. д. Я печатался в разных газетах, но иногда у меня оставалась только «Фрайе Дойче Шуле», выходявшая раз в две недели. С 1924 по 1928 гг. «красные» и «черные» не раз выступали против меня в Бадене и прилегающих областях. Не забыть статьи против меня во «Франкфуртер Цайтунг». То, что ее издателем был Парвус (Гельфанд), один из самых грязных еврейских спекулянтов, какие когда-либо жили на свете, я тогда, правда, не знал. Но в политической борьбе всегда можно вляпаться в какую-нибудь грязь. Однако я вел борьбу, чтобы влиять на политику и влиял. Приходилось использовать те возможности, какие есть. Почему меня ненавидят «черно-красно-золотые», понятно, и я этим горжусь. Почему у меня так много врагов среди национал-социалистов, понять трудней, вероятно потому, что для меня и после 1933 года главное — истина.

Во время войны я использовал для пропаганды своих идей газету «Ойропейше Штаас-унд Виртшафтсцайтунг». В связи с полемикой в этой газете я на Троицу 1917 года встретился при драматических обстоятельствах с Максом Вебером. Когда я летом того же года впервые приехал в Берлин, я понял, каким грязным делом может быть политика. Настроения в Берлине были ужасные. Я сказал тогда одному сотруднику, что если в Берлине действительно произойдет революция, юго-западная Германия ее раздавит. Я был плохим пророком.

Моя первая статья, опубликованная в Берлине, была в поддержку Гинденбурга и Людендорфа против Бетмана. За эту статью

газета была временно запрещена. Так я получил первый урок практической политики. Я понял, что объективность, как в политике, так и в науке это лишь проявление слабости.

Когда я увидел, что политический мир, начиная с моей газеты, состоит из одних евреев и интриганов, я вернулся как провалившийся кандидат и как мокрая курица в мою школу в Мангейме. И когда я там в 1918 году прочел условия перемирия, я зарыдал. После меня уже ничто не удивило, ни Веймар, ни Версаль.

С тех пор я стал толстокожим, как носорог, и это помогло мне в последующие годы. Когда в конце 1923 года депутат Рейхстага социал-демократ Гекк со своей сворой пытались принудить меня с помощью клеветы к капитуляции, после длившегося 11 месяцев процесса, во время которого Гекк все время прятался за свою неприкосновенность, он потерпел политическое и моральное поражение. На какое-то время они успокоились, но в 1928 году на меня напал прелат Шофер, и я вынужден был уехать из Бадена, однако в Пруссии попал из огня в полымя. Против меня было возбуждено дело с целью увольнения меня со службы, но через несколько месяцев прусское правительство кануло в небытие.

Но что общего у всего этого с «изжитым неоидализмом»? Революция 1848 г. была неудачной попыткой воплотить идеализм в жизнь. Послевоенная система носила имя немецкого города Веймар, где мелкие обыватели охотно воображали себя великими за спиной Гете. Веймарская система сознательно связала себя с неоидализмом. Конституция и «свобода» были воплощением неоидализма. У этой системы были свои профессора, идеологи и литераторы типа братьев Манн. Университеты и наука до сих пор остаются крепостью неоидализма.

Борьба против Веймара и неоидализма была внутренней борьбой за политическую действительность великого германского Рейха. В высших школах и науке мы еще очень далеки от этой цели.

Политическая борьба часто ведется не на жизнь, а на смерть. Сегодня все выглядит бледновато и не очень возвышенно. У меня нет призвания к мученичеству, равно как и к тому, чтобы стать святым или сверхчеловеком. Поэтому я выразил бы смысл этой брошюры словами «Ното сум», а не «Ессе ното», как Ницше.

История

«Революция в науке» (1920 г.), критикуя Александринский историзм с его собиранием дождевых червей, возглашает грядущую

эпоху возвышенного, совершенного исторического сознания, в направлении которого XIX век смог только наметить путь. Историческое самосознание неотделимо от политической воли, творящей историю. Подвластный судьбе германский человек осознает себя в качестве исторического человека, ответственного носителя истории; это отличает его ото всех остальных людей. Его мировоззрение не исключает природу: она остается почвой и источником жизни в истории, определяемой судьбой. Взгляд на природу с точки зрения природы как на будущее придает смысл всем желаниям и действиям в человеческой жизни, включая добро и зло, здоровое и больное, правое и неправое, а также истинное и прекрасное. Этот аспект рассмотрен в книгах «Национально-политическая антропология», «Человек в истории» и «Счастье и сила».

Ранний интерес к немецкой истории, к ее великим людям подготовили меня к пониманию и объяснению событий мировой войны и германской революции. Это было началом новой картины истории, увенчивающей картину мира. Перед этим были устранены всякий рационализм, включая идеализм, и позитивизм. Но разум снова обрел подобающее ему место как начало порядка в общественной жизни народов и во всех отношениях между людьми. История это определенный судьбой путь в процессе становления народов. Политика это управление народами на этом пути, координация их общей воли. Политическое руководство это высшее проявление судьбы, поэтому оно выше всего: воспитания, экономики, права, профессий, культуры, здравоохранения. Если они в совокупности принимают участие в становлении народов, они участвуют в истории.

Таков был мой личный путь от призраков понятий философского идеализма через переживание судьбы немецкого народа и исторических событий к национально-политическому представлению о человеке в его положении между двумя полюсами — природой и историей. Первым этапом на этом пути была «Немецкая государственная идея», последним — «Человек в истории» и «Счастье и сила».

Естествознание

В то время как работа «Человек в истории» вторглась в пустое пространство и изгнала оттуда витавшие там наподобие призраков и летучих мышей представления идеалистических и марксистских эпигонов, - Ранке и ряд других историков XIX века уже проложили путь, гегельянцы здесь не были серьезными противниками, так как предпочитали оставаться в мире своих категорий, а

не заниматься реальной историей, книга «Жизнь» встретила сопротивление сплоченного фронта естественников, но падение этой стены было лишь вопросом времени. Конечно, и здесь биологи Х. Ст. Чемберлен и Якоб фон Икскуль проделали уже значительную подготовительную работу, хотя победе их идей мешало то, что они впрягли Канта в одну упряжку с Гете.

На это противоречие, равно как и на включение неовитализма в хорошую традицию немецкого натурализма указала моя ученица В. Экхард в своей великолепной диссертации о натурализме Чемберлена. Я сам был удивлен, обнаружив себя на новом пути, намеченном Чемберленом, чего до тех пор не осознавал, поскольку более тридцати лет не занимался вплотную Чемберленом. В юности он оказал на меня сильное влияние, но потом отошел на задний план.

(Примечание. В. Экхард еще больше удивила меня своей большой работой «Немецкое мировоззрение в эпоху романтизма». Она исходит из того, что в период с 1800 по 1830 г., о поэзии, философии и науке которого написано так много, осталось незамеченным возникшее тогда новое немецкое мировоззрение).

Картину природы в соответствии с принципом вселенской жизни я смог сделать наиболее убедительной, когда пробился через позитивизм и формалистику физики к натурализму и вдруг оказался в русле одной из самых сильных немецких традиций: эту картину природы создавали лучшие немцы от Парацельса до Гете и романтических натурфилософов (с оговорками!), прежде всего, лучшие медики. В ней немецкий характер проявляется не меньше, чем в музыке и поэзии, и уж конечно гораздо больше, чем в сильно зависящей от античности и от Запада формалистической философии, для которой понятие — альфа и омега действительности и сама действительность. Кант остается правым для математики, но не для естествознания, потому что он вообще не видел реальную природу, а подменял ее формализмом понятий и априорностью, сделал из вспомогательного средства познания основу природы, истинную реальность.

Уже Ньютон со своим пустым пространством и взаимодействием на расстоянии был на пути к растворению реальной природы в математическом формализме понятий. В этом за ним последовал Кант, а Эйнштейн сделал от имени формальной физики последние выводы. Физики сделали то же самое, что и онтологи и реалисты, оперирующие понятиями, независимо от того, рядятся они в одежды идеалистов или позитивистов. Декарт еще оставлял от реальной природы (именуемой субстанцией) протяженность. Отсюда можно

прийти к наглядной геометрии, к описательной кинематике, но никогда — к динамике или кинетике. Этот шаг сделал немец Лейбниц. Гете видел в природе живую волю к обретению формы со строгой закономерностью изменения форм и смены поколений. Гете снова открыл жизнь как вселенское начало, которое вообще не знает мертвой или механической природы: все механическое и динамическое она включает в себя как часть и функцию.

Между тем математическая физика, которая только себя считает физикой и естественной наукой, с помощью евреев-кантианцев и физиков-евреев промотала и кинетическое наследие Лейбница. Когда Г. Герц потребовал исключить «силу», тем самым исключалось и то, что Лейбниц называл «причиной», — движущее начало. От реальной природы не осталось ничего, кроме сводимого к математической формуле, к дифференциальному уравнению комплекса условий, а сама она сводилась к пустому пространству Ньютона. После того, как Герц убрал из естественных наук силу, Гейзенберг потребовал убрать также причинность и закономерность, вернулся к статистике и окончательно выбросил за борт кинетическое наследие Лейбница.

Вспоминается заявление одного ботаника: «Реальная действительность зиждется на наших представлениях о структуре материи». Значит, растения вырастают из представлений ботаников?

Кого только не было в едином фронте т. н. естественников, ополчившихся против немецкого натурализма! Все безобидные и посредственные геккелиоты (невозможно было себе представить, что столько обезьянолюдей еще не вымерло!) объединились с эпигонами позитивизма, с формалистическими релятивистами и абсолютистами от физики, с духовидцами, со всеми, кто превратил свое ремесло в мировоззрение, с позитивистскими техниками-целителями, чьим ремеслом было «прикладное естествознание». Даже brave неовиталисты были до смерти напуганы этим «разрушением науки», хотя речь шла о великой традиции немецкого натурализма, к которой принадлежали Парацельс, Гете, Кеплер, Ван Гельмонт, Зеннерт, Лейбниц, Диппель, Этингер, Кильмейер, Тревиранус, Эрстед и большинство великих немецких медиков и биологов эпохи Гете. Я утешал себя тем, что некогда и великого Николая Кузанского ректор Гейдельбергского университета Венк фон Херренберг обвинил в «разрушении науки», хотя он разрушил только бесплодную схоластику.

Если бы какой-нибудь географ вдруг вообразил, что параллели и меридианы столь же реальны, как суша и море, горы и реки, его посадили бы в сумасшедший дом. Однако естествоведы могут объ-

вить свои категории и понятия, свои математические формулы, свои атомы, волны, кванты и методы измерений полной реальностью, а реальность, данную нам в ощущениях, — чистой видимостью.

Меня обвиняет в разрушении науки та наука, которая сама уничтожает природу, подменяет ее понятиями, в лучшем случае — техникой! Физики делают то, что до них уже проделали философы, биологи подражают физикам, сами не зная, зачем. Теперь все они вместе со своими странными методами оказались в одном тупике и вопят о разрушении физики евреями, хотя сами в этом повинны.

Я не предъявлял к естествознанию никаких иных требований, кроме того, чтобы оно сделало своей мировоззренческой основой немецкий натурализм и стало подлинно немецким естествознанием. Это вызвало ненависть ко мне во всем естественнонаучном лагере.

Насколько мелкими по сравнению с великими событиями, происшедшими после 1933 года, кажутся люди современной науки! Каковы люди, такова и наука. Ее представители прячут головки в песок, делают вид, будто вокруг них ничего не происходит, их мир ограничен их аудиториями, институтами и лабораториями. Они прикрываются тенями великих людей прошлого.

Да, судьба даже своим любимцам не дает все сразу. Если с одной стороны расходуются много сил, то другая сторона будет долго ждать, пока призыв дойдет до нее. Кому много дано, от того много и требуется, а также много берется. Но зрелище остается жалким, когда непарно- и парнокопытные расхаживают по сцене в львиной шкуре, но издаваемые ими крики выдают их подлинную природу. Наша наука выглядит жалкой, а не героической, она ретроградна, а не строится на основе новой действительности, живет предрассудками прошлого, а не указывает путь в будущее, представляет собою скорее ничто, чем нечто. Поэтому ей так по вкусу философия «уничтоженного Ничто». Но история нас рассудит.

Новое познание живого мира, т. е. природы в человеке и вне человека, станет прочной основой, а познание пережитого исторического опыта немцев — целью и путеводной идеей науки молодых немецких бойцов. Наступит день немецкой науки, и эпигоны бесследно исчезнут из истории.

Тот, кто пережил мировую войну и послевоенную эпоху, будет благодарен за это судьбе. Для многих людей старшего поколения открылся смысл жизни. Великое будущее должно наступить и в области науки, но оно не наступит само собой. Молодежи предстоит вспахать научную целину. Мировоззренческая почва для этого подготовлена.

Благодаря этой вере для меня не тяжело и одиночество старости. Одиночество было моим уделом, но оно не превратилось в болезненную самоизоляцию, потому что я всегда жил одной жизнью со своим народом и одновременно работал ради него, хотя при этом шел своим путем, часто вразрез с господствующими мнениями. Мне всегда приходилось зарабатывать себе на жизнь, но при этом я всегда оставался свободным человеком. Поэтому я могу сказать «да» всему хорошему и плохому, осмысленному и бессмысленному в моей жизни и в моем творчестве.

Заключение

Эта брошюра была начата осенью 1940 года. Я решил подвести итог 40 лет моей профессиональной и 30 лет литературной деятельности. За это время в мировой истории произошли неслыханные изменения, которым наука должна была бы соответствовать, но не соответствует. Наука, стоя, как абсолютизм, на вечной скале вне времени и событий, не почувствовала мощное дыхание истории и тем доказала только свою косность, но не свою абсолютность. Я со своей стороны пытался идти в ногу с событиями, не изменяя при этом основной характер и принципы моей первоначальной мировоззренческой концепции: я выдерживал линию. Пути к достигнутой сегодня цели были намечены еще до Первой мировой войны. Во время нынешней войны мною написаны новые работы. «Счастье и сила» - книга, основанная на германской вере. В ней подняты основные вопросы здоровья, болезни и выздоровления. «Природа и естествознание» - описание традиции немецкого натурализма, линии Николай Кузанский — Парацельс — Кеплер — Лейбниц — Гете. С этих позиций критикуется господствующий ньютонизм и его механистические и формалистические выводы, толкающие в сторону нигилизма.

«Рейх как опора Европы» - продолжение «Немецкой государственной идеи».

Мои творческие достижения не признаны официальной наукой. Она делает вид, будто ничего не произошло, и для нее эпигонство остается мерой всех вещей.

Я наметил контуры и основные направления общенаучного мировоззрения, очистил его от всего чужеродного. Путь для новой науки свободен.

Гейдельберг, январь 1942

НЕМЕЦКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕЯ

Изд. Ойген Дидерикс. Иена, 1917

Немецкое национальное сознание

Что такое нация? Что такое национальное сознание?

Народ в ходе своего исторического становления может превратиться в нацию, не испытывая потребности в осознании собственного своеобразия. Он живет благодаря приобретенному в прошлом под влиянием природных условий и исторических событий характеру, присущему всем его членам. Одинаковые условия жизни, одинаковые нужды и задачи, господствующий в обществе образ мыслей, выдвижение определенных целей и жизненных ценностей формируют поколение за поколением. Так возникает народный характер, который имеет определенное постоянство у всех современников, несмотря на смену поколений и новые условия и события.

Но если народ достигает всемирно-исторического значения, внешнего и внутреннего величия, которое вводит его в круг ведущих наций и ставит перед ним общечеловеческую задачу, он ощущает необходимость осознать самобытность своей сути. Эта потребность возникает, как только народ осознает себя носителем особой божественной миссии в человечестве. Национальностью в высшем смысле слова народ становится, когда ощущает в себе категорический императив стать идеалом для всего человечества. Это не значит навязать человечеству свои особенности; речь идет о том, чтобы довести до совершенства вечную идею в какой-либо из областей жизни, будь то религия, нравственность, искусство или государственное строительство. Это не значит заставлять другие народы следовать за собой; речь идет о том, чтобы создать такую форму жизни, что позже все народы будут считать ее частью своей культуры, если сами захотят быть на высоте своей всемирно-исторической задачи.

Немецкий народ имеет за собой долгую историю, однако представляет собой молодую нацию, еще находящуюся в становлении.

В своем развитии он переживал, казалось бы, смертельные кризисы. Тридцатилетняя война поставила его на грань исчезновения. Перенесенные тогда им тогда страдания были следствием попытки встать в духовном и нравственном отношении на собственные ноги и сбросить иго власти, которая столетиями господствовала над народами Европы. О жизнеспособности немцев свидетельствует тот факт, что они смогли своими силами выбраться из этой ямы и стать совершенно новой нацией. Национальность предполагает внутреннюю независимость и духовную зрелость народов; Германия начала борьбу за независимость и, хотя сама потерпела в ней поражение, позволила другим европейским народам извлечь выгоду из этой борьбы.

Еще у одного народа такая же трагическая судьба. Италия, родина возрожденного жизненного идеала античности, тоже была лишена национальной самостоятельности и государственного единства. Хотя Италия не пережила такого бедствия, как 30-летняя война, контрреформации удалось подчинить ее духовную жизнь католической церкви. Не отрицая роль возрожденного гуманистического идеала античности в формировании новых национальностей, следует признать, что церковь имела в его лице более слабого противника, чем в стремлении германских народов к духовной и нравственной свободе и самоопределению. Пока церковь тратила свои силы в борьбе с этими народами, Испании и Франции удалось, по крайней мере политически, встать на собственные ноги и быстро достичь кульминационной точки своего национального развития под защитой единого и сильного государства. Наоборот, государственная жизнь немцев, со времени Карла V поставленная на службу другим державам, не смогла выдержать бурю 30-летней войны. Под развалинами сохранились, однако, зародыш обновления народа и воля к нравственному определению, из которых позже медленно возникла новая нация.

Как может народ родиться заново, если он стар? Не вдаваясь в проблему вымирания и бессмертия народов, можно сказать с оглядкой на историю, что душа немецкого народа в прошлом блуждала в поисках цели своих стремлений и не могла ее найти. Но именно в этом секрет ее неисчерпаемой жизненной силы. При всей способности к созданию государств, над немецким народом тяготеет, как проклятье, недостаток высшей политической силы, так что душа никогда не могла обрести соответствующее тело. Дважды за короткий исторический промежуток этот эффект приводил немецкий народ на край гибели. Ни один другой народ не пережил за неполных два столетия ничего подобного 30-летней войне и Наполеоновским войнам и не доказал свою несокрушимость сто лет спустя в борьбе против почти

всех остальных великих держав. История Германии в XIX веке это только попытка дать душе соответствующее тело, но, несмотря на победу в 1870 г. цель не была достигнута и нация все еще больше похожа на тень отца Гамлета — в доспехах, но без тела.

Однако новая нация проявила стремление к преодолению наследственного немецкого порока и 1756, 1813, 1848 и 1870 годы — вехи этого преодоления.

Немцы прославились в истории как в высшей степени воинственный народ. Другие его качества, чувство справедливости и стремление к неограниченной свободе коренятся в одном желании: сделать свободное Я центром и целью бытия. Этот характер определяет внешнюю и внутреннюю историю народа. Католическая церковь, опираясь на культурное наследие античности, подвергла обработке немецкий субъективизм, но только загнала инстинкт внутрь, и из него потом вырос ее главный, непобедимый противник. Немцы медленно усвоили объективные формы духовной жизни; но субъективная сторона разума у них всегда преобладала. Их высшие достижения в области искусства — лирика и музыка, их философия достигла своих высот не в области точных наук, а в философии духа и связанной с ней исторической науке. Позже всего до немцев дошло понятие объективных форм общественной жизни, государства. Первая германская империя была суммой частных прав и удерживала их в равновесии.... Такая форма государственной жизни обуславливала внутреннее многообразие Империи при высоком уровне справедливости и свободы, но политическая структура оставалась шаткой. В этой Империи не было иерархии прав. Пока Империя была здоровой, еще сохранялись ее устойчивость и сила экспансии в народе, но когда внутреннее разложение начало свое дело, Империя быстро стала добычей соседей. Единственной преградой был первоначально княжеский абсолютизм.

Особенностью нового национального сознания было то, что оно медленно и болезненно преодолело изнутри указанный дефект и дало возможность Пруссии стать лидером и образцом для создания национального государства. Хотя в это национальное государство была встроена часть старой Империи, оно имело право не считать себя ее наследником: оно было выражением новой нации. Поэтому характерно, что реакция против новой немецкой государственной идеи сложилась из церковного интернационализма и старогерманского учения о правах короля и господствующих сословий. Но это учение принадлежало прошлому и укрепилось лишь на короткое время даже в сознании консервативных кругов.

Вся история немецкого национального сознания это история самопреодоления и самовоспитания, история души, вынужденной развиваться без тела.

Немцу всегда не хватало чувства меры. Его мир имеет лишь один центр тяжести: собственное Я, устремления которого направлены в бесконечность. Немцу не хватает внутреннего равновесия. Жизнь и ее развитие для него самоцель, результат — только ступень к новому созиданию. Таким духовным задаткам соответствуют внешние и внутренние формы немецкой жизни, они определяют судьбу народа, его сильные и слабые стороны, избыток силы и отсутствие прочных и пластичных форм.

Средние века и XVI век были эпохой удивительных жизненных прорывов немецкого народа. Немецкие племена захватывали власть то в одном, то в другом месте, излишек населения переливался на Восток. Города развивали свою деятельность во всех направлениях. Возникло множество центров тяжести на границах распространения нации, но целое не имело центра, твердая центральная власть не придавала частям общий смысл и прочную форму. Чисто географически Империя была столь же «размытой и безграничной», как и в сфере государственного права. Единство было налицо, но никто не мог сказать, где оно — совершенно иррациональный факт! Оно проявлялось только на Рейхстагах.

В XVI веке все пришли в брожение: крестьяне, союзы городов, рыцарство, князья, имперская власть. Над ними словно тяготело проклятье Измаила: все сражались против всех. Религиозное движение вызвало раскол в сословиях. Однако эта война, отец всех вещей в Германии, вызвала также подъем духовной жизни и пробуждение национального сознания в широких слоях народа и образованных кругах. Распад начался только после того, как отдельные сословия стали прислуживать иностранным державам и окончательно разрушили внутреннее равновесие.

Этим воздействиям извне соответствовала внутренняя жизнь народа. Не случайно именно в этом веке была создана легенда о Фаусте, человеке, стремящемся познать суть всех вещей, тайны неба, земли и ада...

Сходная картина наблюдалась в последней трети XVIII века, такое же изобилие противоречивых духовных течений. Идеальное единство было несомненным, но к искомой художественной форме немецкий дух пришел только путем самовоспитания, руководствуясь греческими и римскими образцами. Изучая античность, немцы впервые набрали на идею государства как замкнутой само-

достаточной формы общественной жизни нации. Ход истории в те годы, несмотря на предыдущее развитие Пруссии, не позволил придать понятию государства политическое значение. Государственная идея первоначально оставалась только частью системы идей. Только с реформ в Пруссии начинается взаимодействие государственной идеи и истории...

В душе немецкого народа зарождается новый мир, и последние столетия немецкой истории были наполнены этими родовыми муками. Содержание этого нового духовного мира является предметом немецкого индивидуального и национального сознания. С развитием этого духовного мира совпадает возникновение немецкого национального сознания. Из-за политической ситуации это национальное самосознание первоначально приняло чисто духовную форму, так как духовное развитие и самовоспитание народа, с учетом аполитичности буржуазии, было единственным, что связывало немцев. Пока немецкая буржуазия медленно проникалась национальным духом, она теряла одно за другим свои политические права. Власть князей становилась абсолютной, но князья не были носителями национальной идеи. Кое-где они поддерживали духовное движение буржуазии, но внутренняя взаимосвязь установилась лишь после того, как Просвещение стало национальной духовной силой, в лице Фридриха II село на прусский трон и под именем просвещенного абсолютизма создало — пока еще не национальный — тип государства, который, как образец княжеского абсолютизма, сменил государственный идеал Людовика XIV.

Это было время многообещающих начинаний, но ничто не могло связать центробежные силы в органическое единство. Буржуазия жила глубокой духовной жизнью, ее связывала забота о возрождении родного языка. Национальная философия и тесно связанная с ней наука развились на почве, подготовленной Лейбницем. Немецкая поэзия делала свои первые, пока несовершенные опыты. Правда, просвещение стало всеобщей силой, своего рода духовным направлением нации и создало основу для взаимопонимания всех соплеменников, объединения всех духовных и политических сил. Даже его противники были вынуждены пользоваться его методами. Но оно само было, по сути, негативной силой, его духовное содержание было еще незрелым. Оно стремилось к духовной свободе, к тому, чтобы каждый мог развиваться по собственным законам на основе свободного разума. Это было не немецкое, а европейское движение, его общей идеей была организация жизни на основе познания природы. Но в Германии после

Лейбница оно получило национальную окраску благодаря принципиальной постановке вопроса о совершенстве и совершенствовании. Внутренняя борьба натуралистического учения о счастье с основанной на учении о независимой душе идеей совершенствования свидетельствовала о возникновении нового духовного мира и приходе идеи развития на смену центральному церковному понятию Спасения. Однако она еще не могла своими средствами охватить всю полноту жизни: между полюсами отдельного человека и всего человечества в целом, которое представляет собой нечто большее, чем сумму единиц, но это большее осталось неизвестной величиной, не признавались никакие промежуточные элементы.

Фридрих II не стал менять фундамент прусского государства, созданного его отцом. Он только дал своему народу в духе Просвещения возможность свободного духовного развития... Кроме того, он разработал новую государственную идею, которую описал, но не осуществил. Ни с помощью этой идеи, ни своими делами он не смог политизировать немецкое культурное сознание уже по той причине, что не преследовал немецкую национальную цель. Одновременный подъем духовной жизни и самосознания нации шел независимо, своим путем, оставаясь вне поля зрения Фридриха. Правда, своими произведениями о немецкой литературе он дал мощный стимул этой жизни, но не в том направлении, в каком хотел. М^цер в противовес ему защищал особые закономерности немецкого образования, позволяющие идти своим путем к самостоятельно намеченной цели совершенства...

М^цер мог делать такое противопоставление, потому что наперекор неисторическому мышлению Просвещения он искал в прошлом и стремился возродить смысл существования немецкого народа и находил этот смысл в литературе. В то время казалось, что французское образование высшего слоя вытесняется английским, чтобы потом быть замененным греческими идеалами жизни и искусства. Когда романтизм еще добавил к этому чуждые современности влияния, образовался запутанный мир пестрых форм. Но, как отметил М^цер, все внешние воздействия только давали материал для самовоспитания немецкого духа. Он не затерялся в чужеродном, а стал образцом универсального образования и культуры. Из всей полноты мира форм высветилась основная духовная форма, свидетельство созревшего, хотя еще не дошедшего до простых формул национального духа. Этот дух оставался господином форм, но еще нуждался в дополнительном самовоспитании, чтобы возместить недостаток формирующей силы.

При недостаточной внутренней взаимосвязи с политической современностью и общими переживаниями нации немецкий дух обрел устойчивость, пустив корни в жизнь народа и национальное прошлое... Гаманн своими магическими речами воспитывал у молодежи любовь к жизни в истории, уважение ко всему своеобразному в противовес прямолинейности Просвещения. В эпоху «Бури и натиска» молодой национальный дух заговорил множеством голосов. Г те, занимаясь мистикой природы, осмыслил красоту XVI века и создал «Г тца», «Фауста» и «Эгмонта». Напрасно отец и сын Мозеры пытались оживить идеал старой Империи и видели выход нации из ее жалкого положения в усилении императорской власти. Идея империи могла возродиться только в новой форме и на новой основе.

Аполитичный Гете, позже целиком отдавшей своей идее мировой литературы, мог однако представить себе такую только как свободное объединение национальных литератур. Будучи обязанным своей силой своей родной земле, он хорошо знал, что литература может стать великой только в тесной связи с историей, с великими переживаниями народа...

Культурный вклад эпохи Фридриха II был невелик. Гораздо более мощный стимул дала Французская революция, но ее идеи, хотя и в Германии многие увлекались теорией естественного права, были чужды немцам по своей сути. В своем стремлении к политическому дополнению своей духовной жизни немцы нашли, наконец, воспитателей в лице греков, в которых они видели также исполнение своей мечты о родственной художественной форме. В 90-х годах XVIII века встал вопрос о политическом выживании и, наряду с теориями естественного права, особенно у ранних романтиков, мы встречаем уже конкретные политические взгляды. Кант называл это время «богатым речами и бедным делами», но Гельдерлин в своих пророческих одах уже предчувствовал поступь грядущих событий...

Молодежь мечтала о политическом оформлении нации. Но призывы революции, как и произведения Фридриха II не могли поставить на твердую землю устремленный ввысь немецкий дух. Необходимо было промежуточное звено, тоже духовного характера: только когда греческая государственная идея завершила свое дело и придала политическую форму культурному сознанию, настало время для политического оформления. Это осуществил барон фон Штейн.

Ни о чем, отмечал Фихте в 1804 г., так много не говорили и не писали в последнее время, как о государстве, но это было долгим и трудным делом: воспитать немцев до уровня политической зрелости. Но именно в годы бедствий Германии родилась немецкая госу-

дарственная идея, и развитие Фихте от «Естественного права» (1796) через «Закрытое торговое государство», книгу, написанную в духе платоновской «Политеи», и через «Основы современной эпохи», содержащие решительное отрицание чисто юридического понятия государства, к зрелости его теории государства в «Речах к немецкой нации» и «Учении о государстве» 1813 г. показательно с точки зрения политического образования нации. Только после того, как немцы обзавелись собственной государственной идеей и приняли деятельное участие в великих мировых событиях, исторический смысл их бытия, до того выражавшийся, главным образом, в искусстве, религии и духовной жизни вообще, достиг своей зрелости и стал ориентиром для понимания и описания исторической жизни во всей ее полноте. События прошлого обрели плоть и кровь при подходе к ним с точки зрения Гаманна и Фихте.

Новая система духовной жизни, Третье Царство (III Рейх) после античности и христианско-церковной системы, вступило в те годы в состояние определенной внутренней завершенности, главным образом, благодаря ее динамическим основам и включению исторического мышления в философию истории. Тогда же было остро почувствовано отсутствие взаимосвязи между учением о творчестве, о свободной воле, об активной духовной жизни и энергии и совершенно не зависящей от этих воззрений, текущей по инерции общественно-политической жизнью нации. Стало ясно, что духовная жизнь для того, чтобы стать действительно общественной силой, нуждается в организованной основе в обществе и государстве, что она может укрепить и образовать нацию лишь в той мере, в какой она принимает участие в борьбе и преодолении трудностей. Настоятельной необходимостью стало развитие общественной нравственности и общественного мнения из духовной жизни и их признание государством. До тех пор политические нужды удовлетворялись путем чисто теоретических манипуляций с такими понятиями, как республика, демократия, аристократия, монархия и т. д. или в мечтах об идеальном государстве или всемирной республике как о свободном союзе равных, что было отзвуком «Республики искусств и наук» или видением масонской ложи, охватившей все человечество, чего хотели Лессинг и Гердер. Усиливающееся благодаря динамическому принципу мировоззрения стремление к действию пробудило теперь чувство своеобразия народов и эпох как необходимых элементов человечества, потребность в соответствующем душе немецкого народа теле и в четком национальном самоопределении, в общем, понимание смысла государства и исторической реальности. Фран-

цузская революция и возглавляемое Берком контрреволюционное движение в какой-то мере направляли этот инстинкт, но прообраз охватывающей все сферы жизни культуры на почве государственно оформленного общественного сознания искали и находили у греков и римлян. Одни обращались к ним от разочарования в современности, другие — в поисках идеала для будущего.

Общественное мнение и нравственность должны служить для духовных вождей критерием действительности их идей; в них осуществляется взаимодействие между отдельным человеком и народом. «— У нас в Германии — жаловался Форстер — 7000 писателей, но нет общественного мнения». Стремясь создать его, он увлекся идеями революции... «От общественного мнения зависит поведение государства, — писал Новалис. — Облагораживание этого мнения — единственная основа настоящей государственной реформы». Разрыв между идеалом и действительностью стал роковым для Гельдерлина и Клейста. В «Гиперионе» Гельдерлин перенес свою мечту о свободном и прекрасном человечестве на почву древней Эллады; расстояние, отделяющее этого мечтателя от воплощения прусской государственной идеи в «Принце Гамбургском» Клейста может служить мериллом роста осознания политической действительности. Между ними — Шиллер и его «Вильгельм Телль», гимн немецкой свободе.

«Незнание политического образования греков и римлян — источник неопишуемой путаницы в истории человечества и очень вредно для современной политической философии, которой в этом вопросе надо еще многому поучиться у древних,» — говорил Ф. Шлегель. Гердер тоже сомневался: «Есть ли у нас отечество и народ, как у древних?» «Возможен ли общественный вкус там, где нет общественных нравов?» — добавлял Шлегель. Стоит ли удивляться, что первый большой труд нового политического образа мыслей о взаимосвязи культуры и государственной жизни, «Римская история» Нибура, стал для немцев политическим учебником? Курс политического образования немцев завершила философия государства и истории Гегеля, в соответствии с которой государственная организация общественной нравственности вслед за греческой государственной идеей понимается как самоосуществление божественной воли. Решающий, богатый внешними событиями и внутренними свершениями отрезок времени лежит между вопросом Гердера и ответом Гегеля. Высшая точка национального самосознания приходится на момент самого глубокого, как казалось, безнадежного упадка немецкой государственной жизни. Те-

перь не зависящая от политической жизни, но уже более десятилетия пронизанная политическими идеями духовная жизнь должна была показать, что она обладает силами и возможностями, необходимыми для того, чтобы создать государственную основу для самой себя и обеспечить политическое возрождение нации. Основой этого возрождения было понимание того, что национальная духовная жизнь впредь невозможна без прочной и самостоятельной основы в виде государства. Наполеон пренебрегал национальной идеологией, и это была главная причина его падения. Слабостью французской нации было то, что она не могла своими силами избавиться от нежизнеспособных элементов: Наполеон преподнес ей этот подарок. Поэтому национальной идее пришлось пройти испытательный срок длиной в несколько десятилетий и освободиться от доктринерства. Но силы реставрации она не преодолела, с ними ей еще пришлось бороться с переменным успехом. Мировая история ценит труд, подарки — не в счет.

...Фихте в «Речах к немецкой нации», классическом труде немецкого национального сознания, дал такое определение: «Отличие (немцев от других наций) заключается в вере в абсолютно первичное и изначальное в самом человеке, в свободу, в возможность бесконечного совершенствования, в вечный прогресс нашего рода». С этой верой связана божественная миссия нации: путем самовоспитания дать образец и указать путь будущим поколениям. Тем самым центр тяжести нации переносится из прошлого в будущее, из того, что есть, в то, что должно быть, из знания в веру как силу, определяющую будущее.

С этим национальным самоопределением тесно связана возможность познать своеобразную сущность и идеалы других наций, т. е. понять историю. Немцы поздно обрели этот дар, но достигли в этом деле такого совершенства как ни один другой народ. Ознакомление с исторической жизнью стало особенностью немецкого образования. Поэтому в ту эпоху было дано классическое определение нации. Ответ на вопрос, поставленный в начале главы, дал Шталь: «Национальный характер в подлинном смысле слова это то, что нация признает высшей целью своих общих стремлений. Это ее полное самосознание, ее нравственная определенность... Национальный характер это божественное призвание нации». Нация — хранительница священного огня, который призван осветить путь человечеству. Если Святой Дух снизошел на народ, на него накладывается обязанность, и величие народа измеряется тем, как он выполняет эту обязанность.

Новое человеческое достоинство

Познание абсолютно первого и изначального в человеке Фихте называл основой немецкого национального самосознания. Непосредственно из этого тезиса выросло учение о внутренней независимости, самостоятельности и самоопределении вместе с верой в постоянное возвышение человечества, ибо любое изначальное должно постоянно раскрываться в жизни как сила обновления и подъем к более высоким формам существования, так что примером немецкого национального самосознания является новое человеческое достоинство, новый гуманизм: вера в Третье Царство (III Рейх).

Три великих царства идей последовательно сменяли друг друга в Европе и обеспечили ей духовное господство в мире. Чтобы понять, что такое Третье Царство и каково его происхождение, нужно сначала дать обзор духовного мира античности и христианской церкви: это предварительные ступени, и их идеи продолжают жить в измененной форме на более высоком уровне. Краеугольной точкой, связывающей все три мировоззрения, является вопрос о сути человека и его положении в мире.

Древние исходили из понятия Космоса, единственной закономерности Вселенной. Человек считался микрокосмом, в котором отражаются законы Вселенной. Его задача заключалась в том, чтобы познать закономерность Вселенной и превращать свою жизнь в произведение искусства согласно этому канону. Человеческая жизнь как венец и завершение природы в целом: таковы были смысл и основа их организации жизни, их этики. Разум, природа и требование жизни в соответствии с ней определили гуманистическую идею античности.

Когда церковь, второе Царство, прошла кульминационную точку своего развития, началось противоположное движение, которое хотело возродить и окончательно утвердить идеал античности как истину в последней инстанции. В XVII веке, в эпоху расцвета естественных наук и математики, судьба церкви, сражавшейся на два фронта, казалась решенной: она должна уступить место науке. Вооружившись средствами последней, философия также начала оспаривать у церкви область этики и религии. Это было время великих систем рационализма. В виде идей Просвещения они стали главной составной частью нового европейского образования. Их содержанием были познание природы в качестве исходной точки, религия природы и жизнь в соответствии с природой с устремлением к счастью как цели природы.

Это мировоззрение соответствует склонности человека к науке и внешним благам культуры, но оно имеет свои пределы. Оно не удовлетворяет более глубокие духовные потребности. Поэтому древние отвернулись от него, как только оно перестало быть для них ориентиром в природе, окружающем мире и жизни. Христианство не столько внесло раскол в замкнутость античного мира, в гармонию между природой Вселенной и природой человека, сколько выявило раскол, вызванный ходом истории, и поставило своей задачей его преодоление с помощью учения о Спасении. Природа перестала считаться творением божественного разума, а царством Дьявола, который борется с Богом за человека. Человек — поле битвы, его природа двойственна: из Царства Божия на него нисходит небесный свет, который запутывается в материи, в одушевленном человеке. С царством зла человека связывают материя, чувственность, инстинкты, особенно секс. Человечество утратило свою гордыню, оно почувствовало себя придавленным тяжестью грехов... Спасение осуществляется через постоянное магическое воспроизведение жертвенной смерти Христа. Верующий со своей общиной через причастие хлебом и вином ест плоть и пьет кровь Бога, соединяясь, таким образом, с ним как с главой общины. Результатом этого может быть катарсис, но не самостоятельная этика. По своему происхождению христианство магическая, а не этическая религия. Правила жизни христианина частично готовят его к Спасению, частично предохраняют от грехопадения. Отдельный человек не самостоятелен, он только член спасительной общины, промежуточной инстанции между ним и Богом. Христианская церковь освободила античный мир от раздиравшего его индивидуализма. Все государственные и культурные связи были разбиты римским кулаком, но предоставленный самому себе отдельный человек быстро почувствовал себя одиноким атомом. Вселенская церковь и ее Бог-Спаситель унаследовали мировую империю Цезарей.

Христианство видоизменилось, когда оно пришло к неиспорченным народам Севера. Оно вынуждено было приспособляться к инстинктам и чувствам этих народов. Оно цивилизовало их, передавая им культурные ценности античности в той мере, в какой церковь могла их вместить. Деятельный, жизнеутверждающий, этический элемент возобладали над мистериями. Еще до возрождения античного жизненного идеала в Германии началось внутреннее преобразование христианства. Такова предыстория Третьего Царства (III Рейха).

Абсолютно первым и изначальным в человеке для христианства было то, что связанная с материей душа — божественного происхож-

дения... Спасение — разрыв этой связи, разрезание человека, который стоит на грани двух миров. Но Майстер Экхарт находил суть божества в глубине человеческой души, весь потусторонний мир он вкладывал в человека как его суть, находящуюся вне времени и пространства. Тем самым обретало значение абсолютно первое и изначальное в человеке как центр Вселенной и мироздания, Божество снова становилось имманентным миру, как у древних, но не как закономерность природы (Логос), а как основа души, как суть человека. Место центрального для церкви понятия Спасения занимает требование возрождения как чисто духовного процесса. Из всех существ только человек может углубиться в себя и дойти таким образом до сути божества. Но это отчуждение не является самоцелью, человек возвращается в мир, чтобы делать в нем свое и божье дело. Между ним и его Богом не стоит ничто, никакой посредник, никакое таинство, никакое предписание, никакое прежнее Откровение: только современность, только свободный дух. Этим новое Евангелие отличается от церковного. От мистики же это учение отличается своим отношением к жизни: единение человека с Богом это не конечная цель, а только начало возрождения, конец которого — господство духа в мире, царство Божие на Земле, одухотворение мира. Краеугольный камень этой религии — учение о свободе воли, о единстве божественной и человеческой воли. Бог рождается в человеческой душе и действует и сознает себя через его свободную волю...

«Немецкая мистика» содержит в себе все зародыши нового, будущего духовного мира. Тогда еще не пришло время для развития этих зародышей, церкви удалось направить это движение в свое русло. Но сторонники и последователи учения Майстера Экхарта уже ясно показали направление, по которому некогда должны пойти этика и мышление вообще. Разрыв с церковью произошел только в XVI веке. Учение Лютера о свободе христианина и об оправдании верой и, прежде всего, все независимое сектантство уходят своими корнями в немецкую мистику. Это были попытки расширить сферу ее идей и дать им практическое применение. Основание новых церквей было компромиссом, переходным явлением. Более важное значение для истории имело сектантское движение. В Германии оно было подавлено, но при его участии происходили нидерландская и английская революции и основание США. Но необходимой зрелости это движение не достигло и на этом втором этапе.

Одновременно в XVI веке началась борьба между церковным учением и заново открытым античным жизненным идеалом. Полем битвы было учение о душе.

В Германии религиозное движение снова начало развиваться только в форме пиетизма и общины Моравских братьев. Оно было умеренным, без революционности сект XVI века, его предшественниц. Революционным пиетизм был только по отношению к протестантской церкви. Его суть заключалась в попытке применить в жизни эмоционально усвоенные религиозные истины, использовать их для этической организации жизни. Стремление к совершенству — плод возрождения в духе. Правда, речь идет только о совершенствовании души. Становым хребтом практической религии пиетизма была идея воспитания... Сектантские общины видели выполнение своей важнейшей жизненной задачи в своей воспитательной деятельности. Уже ранний пиетизм благодаря своим идеям о воспитании оказал большое влияние на духовную жизнь Германии в XVIII веке...

Просвещение и пиетизм были двумя духовными силами, которые наложили свой отпечаток на жизнь немцев в XVIII веке. На первый взгляд они кажутся враждебными направлениями, и они действительно вели принципиальную борьбу друг с другом. Но они также рано установили между собой добрососедские отношения в лице Томазия. Их исходные точки и направления развития были разными. Просвещение выросло из рационализма, который придал новую форму жизненному идеалу античности; его исходной точкой была природа, целью — счастье. Пиетизм вырос из сектантства XVI века и уходит своими корнями еще дальше, к Таулеру и немецкой мистике; его исходной точкой является душа, его целью — ее воспитание. Но немецкое Просвещение было пронизано идеями Реформации, и в мысли Лейбница о совершенствовании как основе этики последние одерживают верх над идеалом счастья; в моральном подходе к жизни они сходятся. Общим для них является отрицание ортодоксии, прошлого как эталона для настоящего, упор на мировоззрение человека, только для одних главным были чувства и их проявления, для других — разум и его познания. Наконец, общим для них было учение о воспитании на основе этической цели и совершенства...

Во второй половине XVIII века произошел синтез обоих направлений и был заложен краеугольный камень философии духа. Вызванное этим синтезом брожение известно под названием «Бури и натиска», его пророком был северный маг Гаманн. Он, Гердер, Гете и до сих пор сильно недооцениваемый Якоби, который дал философское выражение идеям «Бури и натиска», объяснили смысл пиетизма и, соединив его с элементами Просвещения, создали направление, господствовавшее в литературе того времени. XVIII век достаточно известен как эпоха Просвещения; гораздо меньше известно влияние рели-

гиозного движения на немецкую духовную жизнь той эпохи. Лишь немногие из тогдашних знаменитостей избежали этого влияния.

Лет за десять до выступления на сцену Гаманна молодой Лессинг пытался философски выразить смысл пиеизма словами Сократа: «Обратите свой взгляд на себя самих! В вас есть неисследованные глубины, в которых вы можете затеряться с пользой для себя. Здесь создается царство, где вы можете быть подданным и королем одновременно». Создание духовного царства с центром в себе самом, во внутреннем мире человека, было задачей того времени. Третье Царство (III Рейх), царство духа, является в какой-то степени смешением царства природы и потустороннего царства Божия. Уже XVII век пытался их сблизить. Имена Декарта, Паскаля, Спинозы, Мальбранша, Лейбница это имена тех, кто предпринимал попытки снять непримиримые противоречия между этими царствами вплоть до лозунга «*deus sive natura*». Нет удовлетворительного мерила для оценки успешности этих попыток. Критерием могло бы стать обоснование новой этики, а в этом все они не преуспели. Натуралистическое обоснование этики не может быть целью, а теологическое не связано с природой. Первое не может возвысить человека над природой, второе хочет совсем отвлечь его от природы. Между тем, в Германии центром религии стала не идея Спасения, а идея возвращения: человек через свой внутренний мир познает Бога и делает это познание своим жизненным ориентиром, оно пронизывает и одухотворяет все его мысли и действия. В секте возрождение остается однократным переживанием. Сектантство преодолевается, когда возрождение понимается как постоянное преображение жизни на основе все более глубокого понимания. Место Спасения занимает развитие, возрождение это мост между ними. Царство природы не позволяет обособить разрыв между тем, что есть, и тем, что должно быть. Церковное царство ставит человека перед задачей, которую он не может решить своими силами, только путем магического Спасения. Третье Царство (III Рейх) сближает наш мир и потусторонний мир: человек, по своей сути, - гражданин обоих царств, в нем осуществляется их взаимодействие. Силой своего духа он постепенно создает самого себя, основывает Царство Божие на Земле, постоянно стремясь к совершенству.

Принадлежа к этому духовному Царству, человек обретает свою высшую суть, свою самостоятельность. Кант толкует этот принцип как чистый разум человека, который не является космической, отраженной в человеке закономерностью, а его изначальной собственностью, его сутью, благодаря которой он является гражданином познаваемого царства свободы и нравственности. Этот разум само-

стоятелен, он не зависит от природы, это «*magna charta*» свободно-го человека. На нем зиждется сама природа: ее закономерность это проекция формального разума и его идей в бесформенной материи. В «Критике практического разума» Кант описывает царство свободного разума, в «Критике чистого разума» закладывает основы философии природы в соответствии с новооткрытым принципом, в «Критике способности суждения» окончательно устанавливает взаимодействие между царствами природы и нравственности: оно является основой философии духа и развития, благодаря которым познаваемое царство может проявляться в реальности в виде общественных связей и исторического принципа постоянного прогресса к идеальному конечному состоянию. На первом этапе своей деятельности Фихте методически достраивает эту систему разума и подчеркивает активный, творческий характер лежащего в ее основе начала.

Но кантовский рациональный формализм позволил освоить богатство нового мира лишь в одном направлении. Гаманн и Якоби противопоставили ему позитивизм нового начала. Для них первое и изначальное в человеке — не формальный разум, а инстинкты, чувства, вера. Но, в конечном счете, Якоби, вслед за Платоном, признает разум орудием познания Бога. На Платона ссылались и Гаманн, и Якоби, и Кант, но все они отличались от Платона упором на самостоятельный, творческий характер разума. Центр мира лежал для них не в Космосе, идейное содержание которого будто бы отражает человеческий разум, а внутри самого человека. Поэтому основа нового мира — не Космос, а этос.

Кроме формалистического и позитивистского толкования данного принципа есть и третье, синтетическое. Оно ссылается не на Платона, а на Спинозу, но существенно отличается от него тем, что видит точку единства мира внутри человека, а не в объективном Боге — Природе.

Все эти сначала самостоятельно сформировавшиеся ряды идей соединяются позже в понятие и философии духа. Поздний Фихте, Шеллинг и Гегель завершили строительство с помощью метода, выработанного в результате критики разума. Его суть — триединство религиозной философии, этики и философии истории. Ось всей конструкции — идея развития.

Своеобразие новой философии и ее отличие от мировоззрения античности заметней всего проявляется в той манипуляции, которую она произвела с самым ценным наследием античности — с понятием идеи. Новое учение об идеях связывает в одно целое все направления философии и все ее области.

Платоновская идея это прообраз, живущий в самих вещах, само-достаточный, совершенный и достижимый для человека в духовном созерцании. От человека, таким образом, требуется повышенная способность к познанию. Космос идей это осадок и содержание божественного мирового разума, который отражается и познается в человеческом разуме. Кант подчеркивал связь своей философии с платоновским учением об идеях, но идеи у него больше не объективные, само-достаточные сущности, а составные части человеческого разума, с помощью которых обосновывается, в первую очередь, царство чистой нравственности и познаваемой свободы. К закономерностям природы они имеют только формальное, производное отношение. Логос, придающий миру его форму, находится в человеческом Я, его первоначальная сфера действия — человеческая жизнь, нравственность, религия, история. Природа больше не прообраз, а отражение, место Логоса занимает Этос. Идея связывает множество отдельных миров человеческих Я в один многообразный Этос. Разум каждого отдельного человека безличен, это организующее мировое начало, «вещь в себе», основа всей реальности. Вершиной нового учения об идеях является философия истории. Фихте придал учению об идеях форму во второй период деятельности, когда он осуществил синтез идей Канта и Якоби. В соответствии с этим учением, род, воплощение чистого разума, абсолютного Я, это и есть вещь в себе, единственное, что существует. С помощью идей он властвует над природой и накладывает на нее свой величественный отпечаток. Идеи это вырывающаяся из первоисточника бытия свободная и целенаправленная деятельность людей, это принцип индивидуальности как отдельных людей, так и народов. В виде идеи «жизнь рода проникает в сознание и становится силой в жизни индивидуума». «Все великое и доброе, на чем стоит наше время, стало действительностью только благодаря принесению в жертву прошлого ради идей». В них воля Бога и воля человека едины.

В результате была создана основа для нового познания всех форм жизни: нравы, религия, язык, поэзия, искусство, нация, право, государство, вся история стали полем познания с невиданным прежде размахом.

Древние гордились своим достоинством и утверждали, что «нет ничего сильнее человека». Христианство смирило эту гордыню и дало человеку надежду на блаженство в потустороннем мире. Третье Царство (III Рейх) имеет новое, более глубокое понятие о человеческом достоинстве. Это больше не гордость обладания чем-либо, а задача, обязанность. Духовный человек всегда находится в становлении, его ценность и достоинство видятся ему в будущем как идеал нравственного Царства Божия на Земле.

ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА (ОСНОВЫ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ)

5-е изд. Ферлаг Квелле унд Майер. Лейпциг, 1941

Ценности. Типовые группы воинов и политиков

Каждая система воспитания получает свою конечную форму только от иерархии ценностей, которая является ее осью. Если вся жизнь подчинена одной высшей ценности, ориентирована на одну цель, общественные формы и основные функции обретают смысл, на службе которому они взаимодействуют и формируют определенный тип. Государство всегда и везде воспитывает своих граждан, но при ориентации на разные высшие ценности формируются совершенно разные типы граждан, даже на одной и той же функциональной основе, например, сельского хозяйства. Египетское аграрное государство было ориентировано на технические достижения и воспитывало поэтому иной тип граждан, нежели Римская военная держава или феодальные государства Средневековья. Система воспитания становится вполне эффективной при взаимодействии трех основных компонентов: общественных форм, основных функций и иерархии ценностей. Высшая ценность, которую символизирует жизненный идеал, - последняя инстанция при формировании определенного типа. С изменением высшей ценности меняется и тип.

В военных державах, таких как Рим и Спарта, господствующим слоем были воины, на первом месте стояли их идеальные ценности и добродетели и они определяли весь общественный порядок, а также структуру функций. Воинскими были религия, нравственность, поэзия, техника. Даже язык в словообразовании и синтаксисе воплощал дух и ценности воина. Все, что господствующий слой считал бесполезным или опасным для общества, отбрасывалось.

Когда в Афинах воинско-политический господствующий слой разложился, ведущее положение занял тип литератора, и соответ-

ственно изменилась вся система ценностей афинского общества: Афины стали столицей эллинистического всемирного образования. Такие же изменения пережили древний Китай, Египет, Англия в период буржуазной революции.

Рамками для группировки ценностей и типов могла бы служить обычная схема трех сословий: воинов, ученых и кормильцев. Хотя есть много промежуточных ступеней и смешанных форм, основные функции и их носители всегда сводятся к этим трем. Но тип, в конечном счете, характеризуется не столько своей функцией, сколько своим положением в государстве. Чистые и совершенные типы могут сформироваться только в господствующем слое.

Воинский тип не обязательно является государствообразующим, политическое господство не обязательно является его монополией. Господствующим слоем может стать и сословие ученых или кормильцев и подчинить себе воинов. Но, как правило, больше всего задатков для политического господства имеют именно воины.

Возьмем для сравнения системы ценностей двух государствообразующих типов: воинскую этику викингов и основанную на организации труда этику египетского чиновничества, «писцов».

Викинг — тип первобытного воина из свободных крестьян, выделившийся в результате свободного развития расовых инстинктов. Избыток сил нашел разрядку в героическую эпоху викингов с VIII по XI века. Переселения народов похожи на извержения вулканов, но переселения северных германцев во многих отношениях уникальны. Это был взрыв первобытного субъективизма, не имеющего себе подобных. Эти крестьянские сыновья отправлялись в поход небольшими группами, вольными союзами, и каждый считал себя завоевателем мира на свой страх и риск. Они заселили северные страны вплоть до Гренландии, охватили Европу с четырех сторон, создали стабильные государства в России, Исландии, Франции, Англии и Италии. Их посылало не государство, наоборот, у себя на родине они бежали от сильной власти, например, норвежского короля Гаральда Прекрасноволосого, но, в конечном счете, сами основывали государства. И, несмотря на это, героическая эпоха викингов являет собой картину бессмысленной растраты благородной крови. Такова вековая трагедия германского субъективизма со времен Арминия до мировой войны. Побеждая низшие расы, германцы придают им новые жизненные силы.

Норманнам не хватало внешних естественных рамок и внутренних связей, задатки для образования великих империй были, но все упиралось в отдельную личность, со смертью которой каждый опять

становился сам по себе. Когда северный субъективизм нашел в христианстве средство самопреодоления, а короли в церковной организации средство образования государств, сила экспансии была исчерпана, и Север снова оказался в изоляции. Северные германцы были во всех отношениях противоположны римлянам: Рим воспитывал надежную посредственность, методично увеличивал свои владения, подчинил Я государству, норманны же были гениальными дикарями, в своих завоеваниях они не следовали никакому плану и произвольно оставляли завоеванные позиции, стремились к личной славе, власти и добыче. Норманны растворялись в завоеванных народах: через несколько поколений они романизировались или русифицировались.

У северных германских народов было сильно чувство кровного родства, но у них не было прочной политической организации. Средством основания государств стали дружины. В сущности, исландские княжества были созданы оседлыми дружинами так же, как норманнские государства в Новгороде и Киеве, в устье Сены и в Италии.

В дружинах тоже царил субъективизм, не было твердого порядка. Надо всем возвышалась отдельная личность. Так было даже в Исландии, когда самые упрямые, непокорные норвежцы бежали от короля Гаральда Прекрасноволосого. В начале исландской истории стояли могучие анархисты и сами себе господа, вроде скальда Эгиля. Он являет собой идеальный тип своего народа. Состязание сторон в суде, состязания поэтов — все это были разновидности воинского единоборства.

Само северное крестьянство было воинственным, и воинские ценности определяли образ жизни. Из этой среды выделились профессиональные воины. Их высшей ценностью была честь: это слово чаще всего встречается в сагах. С этим связана и вера в Судьбу, которой никто не может избежать. Героический фатализм определял даже построение речи.

Этому светлому северному миру вполне соответствует его высокая поэзия. Но закон чести не объединял сынов Севера в высшее целое. И честь была субъективной личной честью. Только там, где короли подчинили себе свободное крестьянство, развилось понятие объективной сословной чести.

Лессинг в «Лаокооне» противопоставил героическую этику викингов, которой он восхищался, но которую считал варварской, этике образованных древних греков. Факты он описал правильно, но дал им ложное толкование. Гомеровский герой, который предается приступам горя, — примитивен, а держащий себя в узде викинг — культурный человек.

Основатели государств и христианская церковь за несколько веков преодолели субъективизм. Но при этом героический тип внутренне надломился. Германский Север сказал свое слово в мировой истории только в свою эпоху.

Тип, полярно противоположный воину-рыцарю, это египетский чиновник, «писец». По своей сути и системе ценностей он сродни китайскому мандарину. Египетские писцы возникли вместе с государством, как господствующий слой они стали носителями древнеегипетской культуры. Это государство основывалось не на господстве воинов, а на систематическом решении крупномасштабных технических задач. Весь народ был на барщине у государства, он был атомизирован, взят под опеку, лишен естественных связей. Такой народ мог существовать только при заботе о нем государства.

Писцы рано сделали господствующим типом в этом обществе, лишь в эпоху Нового царства их оттеснили на второй план жрецы. Но в любом случае для Египта характерны объективные ценности, полностью вписанные в государственный порядок.

Этика писца требует от него смирения, покорности, молчаливости, услужливости. Этот культурный тип, повторяем, был очень сходен с китайским.

Гордостью египетского писца была его образованность, вызвавшая его над безграмотной массой. Со временем эстетические и этические ценности этой системы образования приобрели самостоятельное значение. Но философия и самостоятельная наука в Египте так и не возникли.

Все египетское образование — придворного происхождения. Дух египтян стремился к сверхличному, типичному величию и к вечной жизни. Стиль придворных чиновников стал законом и образцом для всей культуры.

Параллель между Китаем и Египтом прослеживается и в характере письменности. Египетское искусство является законченным выражением египетской сути. Египетское образование не было все же столь односторонне ориентировано на зрительное восприятие как китайское. Большое внимание уделялось также слуховому восприятию и красноречию, но, конечно, не для обращений к народу, как в афинской демократии, а для того, чтобы внимательно слушать старших и выступать так, как принято на придворной коллегии.

Египетских писцов учили любить книги больше, чем родную мать. Обучение было целиком ориентировано на практические цели, оно имело светский характер, без какого либо влияния со стороны теологии. Теоретическое и практическое обучение были тесно взаи-

мосвязаны, оторванной от специальности теории, как у греков, индусов или китайцев, у египтян не было.

«Приключения Синухета» — памятник мировоззрения и жизненных ценностей сословия писцов. Став могущественным властителем на чужбине, Синухет все равно тоскует по Египту, как придворный, изгнанный из свиты Людовика XIV: придворный может существовать только при дворе: свобода, собственная власть и слава для него ничего не значат.

Этика писца зиждется не на идее государства, государство это фараон. Чиновники — слуги фараона, а не государства.

Типовые группы священников и ученых

Только в верхнем слое общественного организма имеются сословия, позволяющие определенному типу развиваться до стадии зрелости. Правда, этой стадии могут достичь одновременно и два типа, как в Средние века. Государственный тип определяет ценности других.

Государствообразующие сословия должны стать независимыми от своей функции, поставить ее на службу государству. Если это купцы или священники, то они должны перестать быть купцами или священниками. Однако эти сословия, как правило, ставят политику и государство на службу своей особой функции. Властители Карфагена, Венеции, Флоренции перестали быть купцами и сделались профессиональными политиками. Священники же с трудом переходят от своей религиозной политики к государственной, поэтому теократии — несовершенные государства, которые могут существовать лишь в определенных условиях, как Папское государство. Египет даже в период господства жрецов не повторил попытку сделать верховного жреца Амона фараоном.

Когда профессор или ученый приходят к власти, то не благодаря своей науке, а вопреки ей, как орудие других сил. Китайские ученые эволюционировали в организованное государственное чиновничество. Еврейские книжники и главы протестантских сект и церковей управляли, как правило, не политическими, а религиозными общинами.

Наоборот, косвенное господство организованного духовенства часто бывало довольно долгим. Духовенство играло роль посредника между вознесенным ввысь согласно его учению Богом и прочим грешным человечеством, включая монахов. За свои услуги в религиозном освящении власти монархов духовенство получало от последних дары и в итоге переросло их: так случилось с индийскими, вавилонскими, египетскими и персидскими монархами и с германскими императорами.

Система образования уходит своими корнями во все основные функции общества, вопрос в том, представители какой функции задают тон. Теории развития образования от одного корня столь же безосновательны, как соответствующие теории развития общества. Каждое сословие, каждая профессиональная организация создает свою систему образования. Таков же принцип специализации наших университетов по факультетам.

Священники тоже часто создавали свою систему образования и выступали в качестве учителей, но это вовсе не значит, что священник это первая «профессия» и любая система образования имеет жреческое происхождение. Мы уже знаем противоположный пример — Египет. Происхождение и развитие системы образования не подчиняется общей схеме.

Каждое сословие воспитывает своими средствами свое потомство. Каждая основная функция может дать принцип формирования определенного типа. Система ценностей общественного организма определяет ранг отдельных типов. Каждый тип, в свою очередь, воплощает в себе особую иерархию ценностей.

Типы священников во всем мире родственны друг другу, как и их иерархии ценностей. В Вавилоне жрецы обучали чиновников и купцов и включали в свою систему образования ценности купечества. Зороастрийское духовенство было частью рыцарского общества. Зороастрийская религия возвысилась до этики рыцарских ценностей. Рыцарское сознание делает людей совершенными: его чистота заключается в правдивости, верности, справедливости, мужестве, щедрости, соблюдении клятвы и защите любой здоровой жизни. Зороастризм — религия рыцарской борьбы Света против Тьмы, Добра против Зла.

По своему происхождению религия не учение, а священник — не учитель. Его первоначальная функция была магической. Для образования постоянного жречества нужны две предпосылки: публичный культ в большой общине и наличие особого круга лиц, одаренных магической силой. Но пока этой силой обладали сами властители общества, жречество занимало второстепенную позицию.

Духовенство это не единая величина, и корни его различны. Типы деятельности были разными: принесение жертв, толкование знамений, литургическое пение. В любом случае предпосылкой было посвящение. Гордые своим тайным знанием брахманы, в когечном счете, объявили богами самих себя. Противоположный полюс — Греция. Жрецы у греков были только в святилище Аполлона в Дельфах. Публичный культ был делом государства. В Риме жрецов

посвящали авгуры, но их власть строго ограничивалась государством, религиозные функции распределялись между разными носителями, чтобы помешать сплочению жречества в сословие. Жреческие должности вплоть до верховного понтифика были выборными.

Основой воспитания типа священника является посвящение. В принципе это то же, что инициация юношей: второе рождение, обретение магической силы. Ему предшествует послушничество, часто с жестокими испытаниями.

Отбор новых кадров также тесно связан с организацией сословия и структурой типа. Католическое духовенство на основе учения о равенстве всех людей производит отбор из всех наций и слоев населения. В Иерусалимском государстве священников должности распределялись по наследству. В индийской кастовой системе принадлежность к касте брахманов — условие духовной карьеры. В Египте эпохи Древнего царства жреческие должности были наследственными, но с превращением жречества в замкнутое первое сословие должности перестали наследоваться.

В Риме некогда светский и духовный империум объединился в руках царя. Республика разъединила эти две стороны общественной жизни. Наряду с магистратурой возник ряд жреческих должностей во главе с верховным понтификом. Жреческие коллегии сначала пополнялись путем кооптации, а все светские должности были выборными, но позже этот принцип был распространен и на жречество. Принципат снова соединил высшие светские и духовные должности в одних руках, но параллельно возникли религиозные объединения чуждого происхождения, которые позже похоронили римский дух под восточными наслоениями.

Священник должен все время оправдывать своим поведением тот ранг, на который он претендует, и те ценности, которым он служит, иначе вместе с его репутацией пропадает вера в высшие силы, которые он представляет. Воспитывая общество, предъявляя ему определенные требования, он должен, прежде всего, предъявить их самому себе. Контроль нравов и собственный суд существовали еще в римском жречестве; как правило, эти средства способствуют возвышению духовного сословия. В Средние века церковные суды вмешивались и в светские дела. В Индии ценности и идеалы брахманов были руководящими принципами правовой системы в целом.

Вся жизнь общества на первых этапах развития определяется религиозными ценностями и магическими представлениями. Возвышение жречества, как правило, начинается с регулярного отправления публичного культа. Жречество стремится монополизировать

все религиозные функции, а все не санкционированное им объявляет черной магией. Выделение жречества в особую группу разрушает единство жизни общества: люди делятся на грешных и безгрешных. Отсюда дорога ведет к непогрешимости пап и к роли брахманов как высшей нравственной инстанции.

Великий переворот, связанный с возвышением жречества, мы наблюдали в Египте; в Древнем царстве чиновник по совместительству жрец, господствует тип писца, в Новом царстве жрец по совместительству визирь, господствующим становится тип жреца.

Позиции священника основываются на его вере в самого себя и свои ценности и на вере общины в его магическое знание. Но обладание этим знанием — результат обучения. Основа любого тайного знания — логически оформленное мировоззрение. Обосновывая свое учение, священник превращается в учителя. Тайное знание он сохраняет для своих, экзотерическое делается достоянием более широкой публики. По мере рационализации религии происходит вытеснение экстатической мистики, магическая обнова заменяется рациональным обоснованием. В протестантском духовенстве нет уже ничего магического, ученый тип представлен в чистом виде. То же самое произошло с иудаизмом в диаспоре: одни книжники стали опорой религиозной жизни и системы образования. Индийские брахманы тоже интеллектуализировали свое учение до уровня философии. Но, хотя брахманы превратились из магов в учителей, их роль в обществе от этого не изменилась. В том же направлении развивалось и вавилонское жречество, тогда как египетская теология оставалась на уровне старой народной магии.

Главное в монашеском типе не магическая функция, а личное спасение в результате аскетической жизни, т. е. тип монаха имеет иные корни, нежели тип священника, но эти типы взаимосвязаны и один тип может переходить в другой. Теократия может развиваться на базе монастырей, как в буддийский период в Индии, одно время в древней Ирландии, но особенно в Тибете и Монголии. Буддизм при этом не удержался на первоначальной высоте, но даже в искаженной форме он способствовал культурному развитию Центральной Азии.

Теология любых видов это профессиональная технология, которая в какой-то момент может превратиться в философию, в чистую науку. Может быть, все мировоззрения религиозного, но не в коем случае не жреческого происхождения. Мировоззрение ищет единое во множестве проявлений, закон, который всем управляет. Магические представления не доходят до этого закона, согласно им, все природные явления зависят от действий человека. Но когда из прак-

тики рождается теория, а из отдельных потребностей — закон, магия кончается, и всемирный закон начинает определять действия отдельного человека, закон, который выше всех богов, государств и нравственных норм. Особое должно ориентироваться на всеобщее. Вместо магических манипуляций основой организации жизни становится теоретическое знание. Почти одновременно с древними греками этой точки достигли китайцы (Лао-цзы). Знание и философия, а не магия становятся руководителями жизни, и на первый план выдвигается тип учителя. Система образования становится автономной. Самые яркие примеры этого состояния, наряду с философией и наукой последних веков, дают Греция и Китай.

Китайская система образования — творение свободных умов, которые в период упадка феодализма создали даосизм. Конфуцианство одержало победу над своими конкурентами, потому что оно с самого начала было ориентировано на авторитарную государственную мораль. Магические представления были рационалистически перетолкованы. Религию китайские ученые оставили народу, даосам и буддийским монахам. Но морализм основывался на принципе бездействия (у-вэй), подчинения естественному ритму мироздания.

Наряду с народной религией существовала государственная. Император был верховным жрецом, он стоял выше богов, которых он сам назначал, как папа — святых. Император и чиновники были служителями государственных культов. Небесный закон определял государственные порядки, а государственный культ — порядок на небесах. Вина за стихийные бедствия ложилась на императора. Место народной магии заняла государственная магия.

Классический Китай не избежал опасности окаменения, классическая Греция — другой опасности: произвола, субъективизма и индивидуализма.

Философская система образования греков выросла из свободного демократического общества полисов. Греческие поэты, предшественники философов, еще не доросли до этой свободы. Пиндар еще воспевал аристократию. Афинские трагики достигли внутренней свободы, но внешне оставались служителями государственного культа. Философские же школы были независимыми, они вступали в конфликт с государством, и Сократ поплатился жизнью за свою свободу, но жреческую систему образования он не смог победить. Платон — как конфуцианцы, а позже Фихте и Гегель — попытался соединить новое, интеллектуальное образование с государством, но слишком поздно для греческого полиса. Наведенный Платоном мост повис в воздухе, не достигнув государственного берега. Это образование пло-

дило космополитов. Как и у конфуцианцев, у стоиков требование жизни в согласии с природой приводило к пассивному подчинению ходу событий. Но стоическая «непоколебимость» была героической по сравнению с даосским «бездействием». Учение о жизни в согласии со «своей» природой было теоретическим обоснованием индивидуализма, совершенно чуждого китайцам. Как и философы, эллинистические учителя оставались свободными, их организованного сословия не возникло ни в Греции, ни на Востоке, ни в Римской империи.

Система образования, созданная коллегиями римских жрецов, была, в основном, правоведческой. Философскую систематику в Рим принесли греки. Но типичный юрист это не учитель, а лишь поверенный в делах.

В Вавилонии, Персии и Индии система образования была монополизирована жрецами или ученым сословием жреческого происхождения, брахманами. Реформа Заратустры с Персии была поворотным пунктом от магического к теоретическому мышлению. Священники, как обладатели знания, стали, в первую очередь, стали учителями закона и в этом качестве - носителями культуры. То, что было создано ими, позже прорвалось через исламские наслоения и при содействии эллинистических элементов сделало Персию ведущей страной мировой культуры.

Заратустра достиг той же точки, что и еврейские пророки: познания закона, которому подчиняются природа, история, государство и нравственность. Тем самым изменился смысл существования духовенства. Сам Ахура Мазда выступает, прежде всего, в роли учителя людей, он учит их различать добро и зло.

Персидское ученое сословие оставалось связано со жречеством, еврейское в диаспоре освободилось от этой связи. Еврейские книжники вели свое происхождение не от иерусалимских жрецов, а от пророков. Хотя они признавали иерусалимский культ (в очищенной форме), но обряды и жертвы они ставили ниже правильного образа жизни. Порождением реформы пророков был «закон», а его радикальная победа была следствием гибели еврейского государства. Еврейство самоорганизовалось как школа, как всемирная церковь. Синагога имеет много сходных черт с протестантскими церквями и сектами, и книжники стали носителями иудаизма, который веками боролся с эллинизмом за мировое господство. Книжник это толкователь закона, он превращается в юриста, но, кроме того, он — проповедник. И в этом случае рациональное толкование занимает место магического действия. Книжник — учитель, философ, юрист, теолог и историк.

В сходном направлении развивался Ислам: последователи пророка были не священниками, а главами государств, при которых возникло ученое сословие как хранитель традиции, а не духовенство в собственном смысле слова. Путь от пророка к книжному ученому, который проделали буддизм, парсизм, иудаизм, христианство и ислам, типичен для внутреннего преобразования религии в догматическую церковь.

Но одно отличает греческую систему образования от всех азиатских: она не только освободилась от всех связей с ритуальной магией, но также оставила далеко за собой все государственные, общественные и национальные условности. Если бы еврейские книжники решились на такой шаг, иудейская религиозная община перестала бы существовать. Но они стремились к созданию всемирной иудейской церкви и цепко держались за свой закон, а также за ритуальное обособление иудеев от «гоев». Основанная на разуме гуманность и образованность эллинов была при таких предпосылках исключена. По тем же причинам персидское жречество не смогло выйти за рамки ритуализма. Отказ от ритуалов взорвал бы зороастрийскую церковь, равно как и касту брахманов. Пропагандистами все народы и религии становятся тогда, когда их система образования достигает своего совершенства, открыв закон, действительный для всего мира. Китайцы ассимилировали другие народы в своем государстве, проповедуя им универсализм. Индуизм разросся, распространив кастовую систему на неарийские народы. Персидское завоевание шло по следам персидской религии, еврейские торговцы — вслед за книжниками и синагогами. Только греческий дух свободно шествовал по странам: от него ведет свое происхождение свободная и победоносная гуманность любой науки и философии.

Эфебы и греческие мужские союзы

Афины с их культурой и воспитательными учреждениями остались в памяти людей страной вечной молодости, и если где — либо существовала культура, которую можно назвать молодежной, так это там. Афиняне классической эпохи именно так себя и воспринимали. Платон воспроизводит слова египетского жреца, сказанные Солону: «Вы, эллины, были и останетесь детьми... Вы все молоды духом, потому что в ваших головах нет воззрений, переданных по традиции, и поседевших от времени знаний». Вряд ли можно удачно охарактеризовать в нескольких словах противоположность между афинской культурой и культурой Египта, Индии и Китая. Греческие поэты и скульпторы оставили нам идеал прекрасного юноши, начи-

ная с гомеровского Ахилла. На Олимпе царили вечно юные боги. Религиозные праздники были праздниками молодости и красоты. Обнаженные юноши состязались на них за призы, поэты, такие как Пиндар, прославляли победителей, а скульпторы наводняли страну их статуями. Большие игры у религиозных центров были почти единственным выражением греческого национального единства и, во всяком случае, высшим выражением греческой культуры. Тираноубийц Гармодия и Аристокитона, юношу и его воспитателя, политическая легенда афинской демократии превратила в святых. Юношей остался в памяти людей Алкивиад, который со своими добродетелями и пороками стал символом афинской судьбы.

Примерами отношений между воспитателем и воспитанником служат такие пары, как Солон и Писистрат, Анаксагор и Перикл, Сократ и Алкивиад, Платон и Дион, Аристотель и Александр, позже — Полибий и Сципион-младший.

Рядом с местами упражнений молодежи умышленно размещали философские школы. В афинской системе воспитания гимнастика всегда была тесно связана с поэзией и другими искусствами. Развитие как тела так и души создавало прекрасную гармонию. Идеалом была калокагатия — сочетание добра и красоты — и арете — мужская добродетель, противоположность которой, хюбрис («беспредел»), каралась афинским государством как подрыв основ порядка.

Ежегодно Афины устраивали праздник девственной богини города, Панафиней, с гимнастическими и артистическими играми молодежи. Раз в 4 года этот праздник перерастал в большой парад: в город торжественно вносили сотканное благородными девушками покрывало богини. Фидий изобразил эту процессию на фризе Парфенона. Группы на этом фризе — не просто композиция художника, они соответствуют реально существовавшим социальным группам.

Но после удивительно быстрого роста и возвышения Афины умерли в ранней молодости. После утраты своей независимости они скатились на уровень хотя и уважаемого за свое прошлое, но тихого и стоящего в стороне от больших событий провинциального города, пока Юстиниан их окончательно не добил, закрыв Академию. А в свою счастливую эпоху, при Перикле, Афины могли мечтать и о мировом господстве. Но те же самые силы индивидуализма, суверенного разума и свободного духовного развития, которые привели к расцвету философии и науки, способствовали гибели государства своим разлагающим действием. Афинский дух стал безродным космополитом, учителем всех народов вплоть до нашего времени. На это изменение указывал еще Исократ в IV веке до н. э.: «Наш город превзошел всех людей по

образованию и красноречию, наши ученики стали учителями других, и это привело к тому, что слово «эллины» обозначает не народ, а дух, и греками называются те, кто имеет наше образование, а не те, кто одного с нами происхождения». Вскоре после этого Александр претворил эти слова в жизнь, распространив эллинистический дух на Персию, Индию и Египет. Но следует со всей решительностью подчеркнуть: в Афинах классической эпохи искусство и поэзия, философия и наука, которые обессмертили Афины, никогда не были самоцелью, а средством воспитания гармоничного человеческого типа — эфэбов и гопплигов. Сократ видел свою заслугу в том, что защищал Отечество с оружием в руках и воспитывал в том же духе молодежь, а Платон ставил своей главной целью государственное воспитание.

Здесь перед нами встает главный вопрос: является ли эфэб естественным плодом аттического ландшафта и его взаимодействия с хорошими задатками расы или плодом воспитания? Ответить на этот вопрос по типу или — или нельзя. То, что природные условия, такие как раса и ландшафт, оказывают сильное влияние, сегодня никто не будет оспаривать. Но еще недавно т. н. теория среды — достаточно вспомнить философию истории И. Тэна применительно к Афинам — выводила афинскую культуру только из этих природных условий.

Следует, прежде всего, сказать, что греки в этом плане мыслили совершенно иначе и отвергли бы такое натуралистическое объяснение. Немногие народы столько думали о себе, своем образовании и будущем своего государства, как афиняне. И поскольку они, как типично молодой нард, не имели правильного отношения к своему прошлому, а необыкновенно полагались на силу разума, рационального познания, разумного действия, они пришли к удивительному перекосу: они поверили во всеислие учения, воспитания, в то, что нет ничего невозможного, если за дело взяться серьезно. Сама добродетель стала результатом обучения. Платон всерьез верил в возможность спасти государство от гибели с помощью основанного на рациональном познании нового общественного порядка и воспитания. Его книга о государстве — символ этого педагогического образа греческого мышления. В основателях государств и законодателях видели, в первую очередь, воспитателей народа.

Но со своей верой в воспитательное всеислие закона и рационального обучения греки промахнулись мимо цели.

Когда греческие философы начал изучать человеческую жизнь с целью извлечь из этого практические познания для воспитания, им открылась взаимосвязь между государственным устройством и воспитанием. Так возникли учения о государстве и воспитании Платона

и Аристотеля. Однако эти философы не учитывали историческую обусловленность и влияние традиции. Все бытие было интеллектуализировано и индивидуализировано. Все государственные и общественные формы выводили из однократного, целенаправленного волевого акта. В этом плане особенно характерно отношение философов к Спарте. Афиняне времен упадка с завистью смотрели на спартанские порядки и воспитание и надеялись, перенеся их в Афины, возродить дух своего государства, поэтому их прилежно изучали. Однако принципиальная ошибка заключалась в том, что, хотя ясна была связь спартанских порядков с древними обычаями, с отношениями среди дорийцев или даже критян, создание всей спартанской системы приписывали легендарному Ликургу, жившему неизвестно когда. Результаты целых столетий исторического развития неправильно понимались как законы, установленные одним разумным человеком. От этой восходящей к грекам ложной интеллектуализации жизни, исторического становления, общественных форм и воспитательных сил наука страдает до сих пор. И если изучение истории во многих областях науки позволило избавиться от этих чар, то в педагогике они действуют и поныне: считается, что воспитание сводится к рационально поставленным целям и рациональной методике.

Отвечая на наш главный вопрос о роли воспитания в формировании афинского человека, мы должны отказаться как от натуралистической теории среды, так и от греческого суверенного интеллектуализма. Раса и ландшафт, конечно, были естественными основами и рамками его формирования, но он не вырос на аттической почве сам собой, как маслина. Его воспитанию способствовали также философы, поэты и художники. Но между этими двумя этапами здания воспитания есть еще и средний — формы общества и государства, которые не являются ни плодом природы, ни результатом целенаправленных, рациональных действий, а балансом всех формирующих историю сил, органами народной воли.

Этот средний слой — главный для воспитания. С его помощью Спарта сформировала четко выраженный тип гражданина и воина. Обучение в Спарте имело второстепенное значение, философию там презирали, а поэзию терпели лишь в той мере, в какой она способствовала созданию идеала воина.

Средой такого воспитания были мужские общества и юношеские союзы как их часть. И в Греции в древние времена благородные роды с их кровными связями и верой в силу благородной крови были опорами общественной жизни. Но позже они отошли на задний план. В Спарте семья стала рудиментом.

В Афинах и в эпоху демократии воспитание сохраняло на себе отпечаток аристократизма, пока его не стерли софисты и демагоги. Гомеровский эпос с его аристократическим взглядом на жизнь и героическими идеалами оставался основой духовного воспитания и исходной точкой поэтически-художественной культуры и при афинской демократии. Гимнастика также имела аристократическое происхождение, ее развитие как средства воспитания стимулировалось государством.

Последним носителем древнего аристократического идеала был Пиндар, знаменитый своими одами в честь победителей состязаний. Но воспитательное значение игр было понято не рациональным путем, первоначально они имели религиозное значение и были связаны с культом мертвых. И позже центром Олимпийских и Дельфийских игр был культ, как и при представлении трагедий.

Культом какого-либо бога, гимнастика и артистические упражнения составляли содержание молодежных союзов, в которых воспитывались эфебы. В Спарте четко прослеживается роль этих союзов как возрастного класса в общей системе, в Афинах отношения были более запутанными. Спарта надолго сохранила государство — общество мужчин, выросшее из родового государства. В Афинах устройство не раз менялось. В классическую эпоху, со времен реформы Клисфена, они были территориальным государством, а до этого по своему устройству они были ближе к Спарте. Органы государствообразующего общества мужчин назывались в Афинах фратриями, в Спарте — сисситиями, на Крите — гетериями, в древнем Риме — куриями, у древних германцев — сотнями. Хотя подобные общества возводили себя к общим предкам, они во всем мире не вырастали из родовых союзов, а создавались на собственных оригинальных принципах как свободные ассоциации равноправных. Их члены никогда не называли себя «сыновьями», но «братьями».

Родовой союз зиждется на иерархии, мужской союз — это объединение равных. Он возникает, как правило, из необходимости рациональной организации обороны, для чего приходится привлечь более широкие силы, давать участникам воинских союзов больше прав и, в конечном счете, рушится власть родовых старейшин. В воинском мужском союзе отец и сын равноправны, они братья, как в масонской ложе. Сыновья выходят из подчинения, уравниваются в правах с отцами и так создается слой граждан государства. В родовом государстве полноправие было связано с принадлежностью к роду, и действительно полноправными были только главы родов или семейств. Классическая форма мужского союза сохранилась в Спартанском государстве, в Афинах она сильно видоизменилась. В Риме обе формы организации долгое время сосуществовали.

В Спарте мужские союзы оставались столпами государства, и это государство застыло в своем развитии, тогда как в Афинах либеральная практика приема в мужские союзы способствовала повышению людей из низов. Афинское государство основывалось на труде, труд был в почете, а Спарта осталась государством воинов.

Как сисситии в Спарте, так и фратрии в Афинах имели характер мужских домов. В Афинах первое образование связано с именем Тесея: вместо отдельных мужских домов (пританеев) он создал общий афинский пританей. Государство, таким образом, понималось как большой мужской союз, предпосылкой участия в котором была принадлежность к фратриям. Фратрии воспитывали афинских граждан как сисситии спартанских, а курии — римских.

Эфебия была не чем иным как подготовительным этапом перед вступлением во фратрию. Эфебы и члены фратрии соотносились как подмастерья и мастера, как бакалавры и магистры, как послушники и монахи, как оруженосцы и рыцари.

В Спарте мальчиков вообще с 7 лет отнимали от семьи и дальше их воспитывало государство. В Афинах государство взяло под свой контроль союзы эфебов гораздо позже.

Примечательно, что Аристотель начинает свое описание афинского строя с эфебии как с государственного молодежного союза. Это подчинение государству произошло незадолго до его времени и означало введение активной воинской службы. С 18 лет эфебы два года жили на казарменном положении. Этот порядок был заведен в Афинах под влиянием учения Платона и с оглядкой на Спарту, которая к тому времени превратилась в миф. Но было слишком поздно: греческая свобода умирала, а при македонском владычестве эфебия превратилась в студенческую организацию. Афины продолжали тихо существовать, но уже не как свободное государство, а как центр эллинского образования.

Узенер проследил историю таких молодежных союзов, как эфебия, и их воспитательных функций как в древности, так и в германском и славянском мире вплоть до наших дней. Их дух еще жив в студенческих корпорациях. Современное молодежное движение призвано возродить эти древние принципы в новой форме.

Древний Рим: граждане и государство

Победа над Карфагеном была поворотным пунктом в истории Рима. Изменился и сам тип римлянина. Время древних римлян прошло, хотя Катон-старший вел героическую борьбу за сохранение старого типа. Для мирового господства римлянам еще не хватало раз-

маха. Новый тип создавался под влиянием эллинизма. Первым его представителем был Сципион Африканской. После этого 500 лет наслаивались все новые пласты чужих идей и чужой крови, пока Диоклетиан не построил на развалинах Рима восточную деспотию.

Но римская система воспитания с самого начала формировала не только тип, но и расу и продолжала оправдывать себя даже тогда, когда древнеримская кровь иссякла или выродилась. Римское государство оставалось живым до тех пор, пока сохраняло способность латинизировать не только чужую кровь, но и создавать на ее основе римский расовый тип.

Катон-старший и Сципион одновременно представляли две эпохи. Ошибка Катона заключалась в том, что он хотел остановить развитие и сохранить достигнутое состояние полицейскими мерами. Сила старого Рима заключалась в безымянных героях. Именно они победили таких полководцев, как Пирр и Ганнибал.

От Сципиона Африканского ведет свое начало тот тип, воплощениями которого были позже Циперон, Цезарь и Август, Вергилий и Сенека. Римский тип подвергся воздействию эллинистического образования и переориентировался на новые цели и ценности. Сочетание римского государственного духа с эллинистическим мировым духом пробудило в римлянах индивидуальность и гениальность.

Но новый дух должен был сначала просочиться в трещины старого порядка. Рим разлагала его собственная империалистическая политика, обогащение полководцев, чиновников и солдат в результате грабежа завоеванных земель. Вторым порождением этого хищнического капитализма, кроме плутократии, была обленившаяся, жадная до «хлеба и зрелищ» толпа. Разложение усугублялось проникновением восточных культов.

Главными отличительными чертами древних римлян были абсолютизм всех устремлений и государственный дух. Употребляя термин «раса», мы и здесь достигаем предела, за которым вопрос о причинах уже не ставится. Разумеется римский характер был выражением римской расы, римской крови, но он ни в коем случае не вырос просто естественным путем из расовых задатков. Раса проявляет себя, прежде всего, в победоносном утверждении своей системы ценностей. Римский тип не был чем-то врожденным, а был результатом влияния римской жизни в целом. Чужеродные элементы ассимилировались воспитанием. Раса воплощается в народе как в целом, в его господствующих идеалах и порядках, а не в крови отдельных лиц.

Идеалы и система ценностей римского типа отражаются в многочисленных исторических легендах древних римлян, и пусть

они не соответствуют реальной истории, они учат идеальным истинам. Как образцы римских добродетелей они до сих пор живут в искусстве и воспитании.

Древний Рим, как органическое государство граждан, был полной противоположностью восточным абсолютным монархиям.

В своей естественной теории государства Полибий уловил основные черты римского государства, но на «смешанный государственный строй» он смотрел с односторонней греческой точки зрения. Логизированные до крайности государственные формы, такие как афинская демократия или спартанская аристократия, это не элементарные формы и не могут служить мерилем для такого органического образования, как римское государство, которому всегда были чужды логическое системное мышление и систематические конструкции. При всей своей последовательности в действиях, римляне никогда не связывали их с одной исходной точкой, одним принципом. Своеобразие римского государства заключалось в том, что части системы взаимно дополняли, контролировали и поддерживали друг друга, действуя в одном направлении. Такое единство в разнообразии с относительной самостоятельностью частей — суть органической системы в противоположность логически-схематической. Никогда не делалось попыток оформить жизнь на основе одно-единственного принципа.

Это было счастьем и силой Рима, что римское государство росло и питалось от нескольких корней. Единство достигалось за счет преодоления дуализма. Но внутренний дуализм сказывался в дублировании всех учреждений. Рим и основан был смешанным населением разных рас. Единый тип из них был воспитан благодаря римским общественно-политическим порядкам.

Важным этапом формирования этого типа была победа плебеев в их борьбе за равноправие. До сих пор не ясно, было ли разделение на патрициев и плебеев результатом имущественного расслоения общинников или они были разного этнического происхождения? Скорее всего, и те, и другие были смешаны по крови. Плебс напоминает «пополо» средневековых итальянских городов, а патрициат — их родовую знать. Внешне плебс победил, но, по сути, победителями остались патриции, потому что они ассимилировали плебс.

Курии — римская форма мужских союзов, соответствующая греческим фратриям и сисситиям. В Риме они тоже одержали победу над родовой знатью.

У каждой курии был свой культ. У плебеев тоже был свой религиозный центр — храм Цереры. Но демократия в Риме не ус-

тановилась: высший слой плебеев вошел в состав нобилитета, но демократизация сената не произошла. При всех потрясениях в Риме побеждали консервативные силы.

Хотя в Риме государствообразующие мужские союзы в борьбе за власть с родовыми союзами, как и в Греции, одержали победу, семейные союзы не были оттеснены на задний план, а стали второй опорой государства, государством в государстве, маленькой монархией внутри республики.

Римская история рассказывает нам не о чем ином, как о воспитании человеческого типа, способного властвовать над миром, при посредстве его собственных деяний, установленных им порядков, его веры и ценностей, техники, законов и языка. Власть и долговечность мировой империи зависит от методики, с которой тот или иной народ воплощает идеал римского государства и воспитывает господствующий тип. Римская церковь на этой романской основе стала наследницей Римской империи.

Брахманы и касты

Главная особенность Индии это невероятная сила проявления инстинктов и, как следствие этого — буйный расцвет всех форм жизни: фантазий и рассуждений, страстей и созерцательности, обрядов и литургии, философской систематики и психотехнической методики, эпоса, архитектуры храмов и их барельефов. Стремление к приданию формы борется с инстинктами за пластическое оформление, но потом само впадает в формализм. Ненасытность инстинкта нанизывает одно звено за другим, подобно ленточному червю, не видя необходимости где — то остановиться. Индия — полная противоположность греческого мира формы и равномерности. В борьбе за форму снова и снова побеждает бесформенность, безмерность, карикатурность.

То, что у греков было величайшим грехом, «хюбрис», в Индии стало принципом жизни: безграничность развития как минимум в одном направлении, которое допускает дхарма, — основа кастовой нравственности... Когда ненасытность инстинктов доходит до отворачивания к миру и жизни, игра возобновляется в ином направлении: джайнизм ставит рекорды аскетизма, буддизм — созерцательности. Там, где греческая система обходилась тремя элементами, индийской требовалось три дюжины.

Но форма требует внутреннего равновесия, гармонии; в Индии ее не удалось достичь даже эстетически окрашенному учению Будды о спасении.

Вторая характерная черта Индии — техницизм, возведение средств на уровень субстанции. Эта черта связана с отсутствием чувства меры. Брахман сначала причисляет к высшим божествам жертвенный огонь и жертвенные возлияния, а потом и самого себя. В области религии техницизм, таким образом, означает обожествление магических средств, а потом и самообожествление мага. Достигнув совершенства, Будда одной рукой сдвинул небеса вместе со всеми богами. Философия превращает свои принципы в ипостаси.

С этим тесно связана и третья черта: метафизический индивидуализм. Спасение, возвышение на божественный уровень, — все достигается только собственными силами. Будда указал путь и больше ничего, а дальше пусть каждый спасается сам. На последователей Будды не снисходит благодать, он не жертвует собой ради них, не спасает мир и человечество, а только учит. И буддийская община состоит из самодовлеющих отшельников. То же самое и в «Бхагавадгите»: Бог — наблюдатель, в лучшем случае советник, но не помощник. Человек — продукт его деяний, его кармы, и от бесконечных перевоплощений он может освободиться только своими силами.

В сознании индусов кастовая система и вечный мировой порядок — одно, смешение каст равнозначно крушению мирового порядка. Разделение на касты — основополагающий мировой закон, поэтому в Индии нет мифа о сотворении всех людей, а есть миф о четырех актах творения четырех каст.

Индуизм распространялся и захватывал другие народы, сохраняя в неприкосновенности кастовую систему. Идея нации оставалась Индии чуждой до эпохи английской колонизации. Касты воздвигали непреодолимые барьеры между соплеменниками, но в них мог быть включен любой инородец, доказавший, что он следует дхарме данной касты. Таким образом, высшие слои неарийских народов Индии могли быть приняты в качестве Ариев в касты брахманов и раджпутов, тогда как индусам низших каст путь в них был заказан.

Кастовая система, таким образом, исключает идею единства человечества, а также идею нации. Тем не менее общество не распадается на множество отдельных, изолированных мирков. Краеугольным камнем кастовой системы является каста брахманов.

Брахманы очень давно теоретически обосновали свои притязания на первую роль среди людей и даже среди богов, но утвердиться в этой роли они смогли только после упадка военной знати и вытеснения созданных ею великих религий спасения — в начале эпохи, которую называют индийским средневековьем. Каста брахманов это толь-

ко рамки без какой-либо внутренней организации и средств господства над другими кастами. Ее авторитет зиждется на традиции.

Кастовая система включает в себя все мыслимые социальные формы и ее нельзя вывести из какого-то одного начала: расы, племени, сословия, мужского союза и т. п. ...Теоретически вся кастовая система кажется незыблемой, в действительности постоянными остаются только позиции брахманов... Но даже низшие слои воспринимают свой жребий как ниспосланный богами и не бунтуют против кастовой системы. Великие революции против нее, буддизм и джайнизм, начали образованные представители воинской касты, причем в высшей степени удивительно, что эти религии спасения воинов были направлены против священнослужителей.

Сочетание кастовой системы с учением о переселении душ, о карме и дхарме, - одна из самых удивительных особенностей Индии, высшее достижение брахманов.

Благодаря кастовому воспитанию индийское Средневековье достигло таких высот, которым западные Средние века не могут противопоставить ничего равноценности в области управления большими империями, в науке и технике, кораблестроении и мореплавании, торговле, организации и оснащении миллионных армий, химии и металлургии, создания академий и школ с сотнями аудиторий и тысячами студентов вплоть до развитой системы народных школ. Но последним откровением индийского духа была и оставалась своеобразная интеллектуализированная и технизированная религия, а брахман — образцовым типом человека.

Но брахманы никогда не имели действительной монополии в области культа и не создали церковной организации. Вера во всемогущество жертв усиливала власть тех, кто умел правильно приносить жертвы. Брахманы знали «Веды», а «Веды» это наука о жертвоприношениях.

Но мы все время наталкиваемся на странное противоречие, затрудняющее понимание индийской сути, а также функций и положения брахманов. Да, брахманы были господствующим сословием, но их господство не принимало определенной формы, а их функции не были монополиями. «Веды» были общей собственностью всех арийцев трех высших каст. Их вклад в воспитание был велик, но не менее велик был и вклад образованных кшатриев классической эпохи. Только с упадком этой образованной военной знати брахманы смогли утвердиться на первом месте в кастовой системе.

Таким образом, брахманы, несмотря на свое неоспоримое господство, по своей сути и по своим функциям не были едиными изнутри и четко ограниченными от остального общества... И здесь

снова возникает трудно разрешимое внутреннее противоречие. Брахманская философия чрезвычайно далеко продвинула интеллектуализм, знание стало смыслом жизни и путем, ведущим к конечному совершенству в божественном мировом начале. Но здесь же кроется односторонность и условность такого знания: даже формальные науки превращались в теологическую технологию.

При том значении, которое придавалось знанию, понятен и высокий авторитет учителей в Индии. Авторитет учителя для ученика выше, чем авторитет отца для сына.

Однако тот почет, которым были окружены брахманы, требовал от них выполнения множества обязательств. Их жизнь распланирована до мелочей, они должны соблюдать бесчисленное множество заповедей и правил.

Отличительная черта брахманов — их безмерное высокомерие. Но за свои огромные привилегии они платят выполнением соответствующих обязательств.

Индийская философия принадлежит к числу высших достижений человечества. С ее помощью развились и специальные науки. Не только среди брахманов, но и в других кастах выше всего ставилось знание. Все касты создали свои системы образования по образцу брахманской.

...Свой высокоразвитый интеллектуализм брахманы внедрили как господствующую и классическую форму выражения индийского духа. Буддизм обрезал буйно разросшиеся ветви этого интеллектуализма, но не изменил основной принцип: знание — путь к спасению.

Ко времени Будды брахманская теология уже переросла в философию, но космология, психология и этика еще сохраняли характер священного знания. Специальные науки развились лишь по мере развития системы образования.

Интеллектуализм Индии приобрел своеобразную окраску благодаря своей связи с мистикой. Философия брахманов это ярко выраженное мистическое мышление. Подобно тому, как философская мысль выросла из культовой практики, так и мистика — из переплетенных с нею аскетизма и экстаза, встречающихся и у воинов. Герой Бхима в «Махабхарате» — типичный берсеркер. Но интеллектуализм придал этому экстазу форму метафизики Упанишад, религий спасения и психотехники йоги. Однако полностью исчерпать потенциал экстатическо-оргиастического источника, таким образом, не удалось.

Индия — страна романтической красоты, и все поведение, культура и образование брахманов пронизаны эстетикой. Основное направление буддизма также скорее эстетическое, чем религиозное.

Будда был пророк — эстет и в монашеском одеянии, оставался таким же аристократом, как Толстой — в крестьянском.

Но брахманы это тоже была эстетическая аристократия...

Индийское искусство — романтическое, растительное искусство, оно не пластично, а живописно и является продолжением ландшафта, растительного и животного мира. Человек не противопоставляет себя природе, а чувствует себя ее частью. В своем беспокойстве и пестрой подвижности это искусство противоположно монументальному покою Египта. Даже статуи Будды внутренне вибрируют. Великий покой в Индии — лишь поверхностный покров, под которым бьется интенсивная жизнь, стремящаяся к власти над людьми, богами и миром, жизнь, воплощенная в танцующем Шиве, который подчиняет себе мир силой экстаза. Стиль индийского искусства открывает внутреннюю структуру индийского человека и его внешнего типа — брахмана.

Германский рыцарь и дружина

Наряду с воинскими дружинами имеется религиозная разновидность подобной организации. Как правило, основатели сект выступают в роли пророков, собирающих вокруг себя учеников, которые потом образуют ядро церковной общины. Такими были анабаптисты XVI века, греческие фиасы — спутники бога Диониса, пророческие школы древнего Израиля и полу-религиозные, полу-философские греческие сообщества вроде орфиков, пифагорейцев и учеников Эмпедокла. Классические примеры — ученики Будды и Христа. Эта однородность воинских и религиозных организаций стала мостом, по которому христианство вошло в круг представлений германцев и смогло приблизиться к их воинскому духу. Христос изображался как сын царя небесного, как царь народов, который со своей дружиной ведет битву против царя Ада.

В первые века нашей эры германцы не были оседлым народом. В этих условиях воинская дружина была основной формой организации жизни, тогда и развился ее классический тип. Первоначально это была организация, созданная для определенной цели, как оружие войны и как опора княжеской власти. Ее воспитательное значение заключалось в утверждении героического идеала.

Но самые глубокие и сильные связи зависят не от цели, а от крови и религии, часто от того и другого вместе. Кровные связи становятся магическими и наоборот. Родовые и племенные союзы обретают магическую внутреннюю связь, а братства, свободно воз-

никише вокруг магического символа, обретают характер родовых союзов. Так и дружина выступает в образе семьи или племени. Культурное скрепление связи клятвой, совместное почитание одного бога или героя, магический обряд посвящения — все это элементы воспитания.

Дружина была также школой военного искусства. К этим двум элементам воспитания, магическому освящению жизни сообщества и обучению воинской профессии, добавляется еще и третий: воспевание рыцарского идеала.

С переходом германских племен к оседлости дружина стала главным фактором образования государств и носительницей средневековой культуры.

Еще Тацит описывал дружину как связующий элемент общественной жизни германцев. На континенте ее миссия завершается ко времени Карла Великого. У северных германцев больше сохраняется первобытное своеобразие. Поэтому в их сагах с наибольшей полнотой описаны жизнь и воспитываемый ею рыцарско-героический тип человека. Но этот идеал прославляла и континентальная поэзия. Палатин Карла Великого, круглый стол короля Артура, хранители Грааля, свита бургундских королей, Дитриха Бернского и гунна Этцеля — все это идеализированные дружины.

Но германская дружина имеет и другой корень. Она ведет свое начало от молодежных и мужских союзов. Идеальный образ мужского дома — Валгалла. Молодые исландцы воспитывались в дружинах знаменитых ярлов — это было их «высшее образование». Дружина была организована по образу семьи и рода. Вся добыча принадлежала вождю, который распределял ее между дружинниками. Дружина открывала перед молодежью путь успешной карьеры, независимо от происхождения.

Духовными воспитателями дружинников были поэты и певцы. В «Эдде» провозглашается, что все смертно, бессмертна лишь память о подвигах.

Дружина была свободным договорным сообществом. Такова же была правовая основа феодального строя в целом. В Индии завоеванные земли распределялись между членами рода, в Западной Европе — между дружинниками в соответствии с их заслугами. Когда застойные явления в рыцарстве стали препятствием для карьеры незнатной молодежи, главной средой циркуляции элит стала свободная городская буржуазия.

Средние века были эпохой расцвета рыцарства, но дружина как форма организации жизни к тому времени давно распалась и сохранилась как прекрасное воспоминание лишь в песнях и сагах. Одна-

ко героический идеал дружины продолжал господствовать в светской жизни Запада. Но рыцарство, как и всякий продукт высокой культуры, пришло в итоге к идеалу гуманизма. Именно этому учит старый Гурнеманц молодого Парцифалья в поэме Вольфрама фон Эшенбаха. Эволюция идеала связана с эволюцией самой дружины и воспитываемого ей человеческого типа.

Над первобытным человеком властвовали необузданные инстинкты, он был сырьем, из которого разум и воспитание создали человека формы и культуры. Каждый культурный период это период воспитания, который превращает первобытного человека в культурного, но этот процесс удаляет человека от его природных истоков, убавляет его природную силу и в конечном счете оставляет от него лишь пустую оболочку. Когда какой-то культурный период переживает кризис, на первый план выступает первобытное человечество.

Для первобытных племен характерны экстатические культы. Это предварительная ступень появления святых и героев. Яростный воин это глыба, из которой разум и воспитание со временем делают героя и основателя государства.

У северных германцев дольше, вплоть до X века, сохранился тип воина, сражающегося в состоянии экстаза, - берсеркера. Таких воинов боялись, но не уважали. Они были среди дружинников норвежских королей, которые использовали их как пушечное мясо.

Именно к такому типу первобытных воинов относился библейский царь Давид. Долгий путь вел от подобных дикарей к светлому рыцарскому образу Зигфрида, к учению о рыцарской гуманности. Но даже Зигфрид в «Песни о Нибелунгах» еще сохраняет следы своего происхождения от берсеркеров.

В истории одного исландского рода вкратце повторяется долгая история развития героического идеала. Норвежец Квельдульф бежал в Исландию от короля Гаральда Прекрасноволосого. Этот старый крестьянин еще сохранял черты берсеркера. Его старший сын Торольф — прославленный светлый герой дружины короля Гаральда. Но параллельно продолжает существовать и другой тип: темный, ужасный, демонический, но гениальный. Вершина развития по этой линии — внук Квельдульфа скальд Эгиль.

Тысячелетний путь вел от героической морали дружины, описанной Тацитом, до образа Зигфрида в «Песни о Нибелунгах» и до рыцарского гуманного идеала Вольфрама фон Эшенбаха. За это время в германскую среду вторглось христианство. Между двумя полюсами находится героическая поэма «Беовульф». В ней героический и христианский идеалы впервые соединены в одном

образе. Беовульф избавляет страждущее человечество от чудовищ, посланных Адом, это герой-спаситель, вроде Эдипа и Геракла. Он сражается не ради добычи и славы, а ради избавления людей от бедствий. Для древних германцев это был новый мотив. Образ Беовульфа частично совмещается с образом Христа. Но при всем христианском обрамлении в этой поэме сохраняется героическая вера в определяющую власть Судьбы.

С этого начинается на Западе последнее шествие рыцарской гуманности. Красота, нравственность, одухотворенность пронизывают единый идеал и способствуют воспитанию нового человеческого типа.

«Беовульф» знаменует собой христианизацию героического идеала. И наоборот: христианство лишь тогда смогло стать близким германцам, когда оно было предложено им в близкой и понятной им форме, т. е. когда христианский идеал жизни был героизирован. Усилия в этом направлении прилагались на протяжении нескольких столетий. Вершиной их стал древнесаксонский «Хелианд». Светская и церковная стороны Средневековья обрели относительную гармонию.

Нравственная высота героического идеала «Беовульфа» не была впоследствии превзойдена. Но господствующим типом стал рыцарь-придворный. Великая поэма Вольфрама фон Эшенбаха воспитывала именно этот тип. Но не следует обманываться: хотя «Парцифаль» переполнен всякими чудесами, в них нет больше внутренней истины; мир форм и людей улетучивается из действительности в сказку, в прекрасную фантазию. Придворный эпос витает в фантастическом рыцарстве вне времени и пространства и предвещает упадок. Но наряду с этим еще существует «Песнь о Нибелунгах» со своей историей и подлинным ландшафтом, с вечными человеческими чувствами. Здесь еще идеал выводится из жизни, а не преподается по системе. А с позиций придворного эпоса мы уже видим время, когда другое поколение будет смеяться над рыцарскими идеалами и напишет на них сатиры, такие как «Неистовый Роланд» Ариосто и «Дон Кихот» Сервантеса. Кончился определенный культурный период: рыцарскую эпоху сменила буржуазия.

Католический монах и монастырь

В человеческой природе глубоко укоренена одна черта, которая, если она становится преобладающей, ведет к монашеству. С негативной стороны это отрицание мира, пресыщенность культурой, следствие слабости, болезни, старости и приближения смерти, повышенная чувствительность к разрыву между желаниями и воз-

можностями, между идеалом и действительностью. Природа воспринимается как болезнь души. Человек отворачивается от полноты жизни и стремится к спасению, веруя в высшую жизнь. Аскетизм уводит человека от природы к чистому духу, к Богу, к покою и неподвижности, к нирване. Монах это аскетический практик мистики. Этот тип всегда появляется, когда человек вступает в резкое противоречие с действительностью.

Монах, как и сама мистика, - порождение более высокой культуры. На первобытном уровне монашеству соответствуют священные оргии. Цель та же: обретение высшей силы, единение с Богом. Но методы противоположны: опьянение и неистовство ведут к возвышению индивидуального сознания с помощью внешних средств — наркотиков, танцев, музыки — и выражаются в бурных эмоциях, захватывающих весь коллектив. Мистическая противоположность этого — отшельник.

Противоположность и внутренняя взаимосвязь этих двух крайностей особенно ясно видна в трансформациях культа Диониса. По своему происхождению это варварский экстатический культ. Древняя Греция знала две волны этого культа. На первом этапе он стал государственно-признанным как средство братания разных социальных слоев. Здесь источник аттической трагедии и многих элементов поэтической и философской мистики. На втором этапе он породил тайные орфические секты. Но монашество как таковое на эллинской почве не появилось.

Абсолютный монах это отшельник. Это сильный человеческий тип, который занимается самовоспитанием. Йога и восьмеричный путь Будды призывают каждого своими силами пройти путь к спасению.

Только в Индии такое аристократическое монашество дошло до последних крайностей. Оно было индивидуалистическим и интеллектуальным. Но и здесь крайний солипсизм и нигилизм был присущ только йогам. Будда стал странствующим монахом-проповедником и собрал вокруг себя общину. В буддизме он превратился в Бога-Спасителя.

Каждый деятельный человек может наблюдать ритмы собственной жизни: периоды опустошенности и депрессии внезапно сменяются приливами энергии и наоборот. Эти ритмам подчинена жизнь целых поколений народов. Все великие религиозные деятели то уходили в себя, то внезапно выступали в роли реформаторов и революционеров. В обоих случаях они оставались аскетами, но разного типа.

Прообразом монастырей были мужские дома. Раннее христианство кроме отшельников знало и множество эмоциональных мона-

хов, образ жизни которых был полуэкстатическим, полуаскетическим. Монастырь в Монте-Кассино, основанный Св. Бенедиктом, был, главным образом, школой, хранителем античных традиций, тогда как более ранние монастыри были сборищами эмоциональных типов, боровшихся против язычества. В Византии монашество никогда не вышло за рамки ранее достигнутых форм, оно осталось застойным, как и все византийское. В византийской системе образования сохраняли свое влияние греческая наука и рациональность. Грех, ад и милосердие никогда не играли здесь такой решающей роли, как на Западе, где переселение народов подняло народную целину, духовные землетрясения которой порождали все новые волны религиозных движений и монашеских типов. На Востоке, кроме монастырей, возникли ордена. Доминиканцы и францисканцы представляли собой высший тип монашества. У иезуитов же целью было уже не спасение души, а власть и слава церкви. Иезуит это орудие политической системы, виртуоз во всех делах. Поэтому на свою миссионерскую задачу он смотрит с политической точки зрения, как мусульманин. В этом причина удивительно быстрого подъема и упадка иезуитской миссии в Восточной Азии.

Различие между буддийским и христианским монашеством заключается в том, что буддийская церковь выросла из монашества, тогда как в христианстве последовательность была обратной. Имея своим фундаментом Священное Писание, христианские монастыри и ордена все больше превращались в школы для духовенства и мирян. Иезуиты вообще стремились к монополизации всей системы образования. Но даже орден францисканцев, который был основан в порядке реакции на теологический и научный интеллектуализм, быстро стал конкурентом ученых-доминиканцев.

Христианские монастыри никогда не знали абсолютного аскетизма, им было далеко до индийских виртуозов аскетизма. В сущности, все сводилось к трем бенедиктинским обетам послушания, бедности и целомудрия.

Монахам всех типов было свойственно строгое регулирование распорядка дня, единообразии одежды, выработка привычки мало спать и есть, подчинение авторитетам.

В позднеантичный период монашество возникало повсюду: среди гностиков, приверженцев разных религий спасения, мистических сект и философских школ. На синкретической почве позднего неоплатонизма язычество пыталось достичь духовной консолидации, дабы противостоять христианству. Но неоплатонизм был слишком экзальтированным, христианство — более простым и убедительным,

оно опиралось на твердую почву и взывало к примитивным чувствам. Наличие твердого внутреннего стержня давало таким христианским ученым как Иероним и Августин перевес над неоплатониками. Это принесло победу христианству.

Восток подарил Западу аскетизм и монашество. Гностицизм и паулинизм с их враждебностью природе и высшим идеалом девственности наложили на христианскую общину аскетический отпечаток. Вторая волна восточного аскетизма создала внутри христианской церкви монашескую аристократию. Но только в Египте и Азии аскетизм достиг своих крайних форм, только здесь появились личности вроде Симеона Столпника, близкие к индийским виртуозам аскетизма. Запад быстро переключился на другие цели. Египтянин Св. Антоний — настоящий отшельник; западный человек Иероним и в пустыне, и в монастыре остается филологом, литератором и бойцом.

Рано выявились три типа монахов. На одном полюсе стоит пустынный тип Антония, на другом — ученый тип Иеронима, который сделал свой монастырь в Вифлееме центром римской учености и изготовления книг.

Среди монахов было также много ленивых, необразованных плебеев, просто не хотевших работать или служить в армии. На Западе после падения Империи и бенедиктинской реформы монашества этот примитивный тип исчез, на Востоке он еще долго оставался нормальным типом.

Монастыри воспитывали лучших иерократов. Вместе с папой Григорием Великим в монашеской среде вырос раннехристианский гуманизм. Т. н. арианство германских народов не приняло аскетический идеал. В Ирландии, Англии и Германии общины формировались вокруг монастырей. Ирландско-шотландские монастыри стали носителями культуры в северных странах, распространяя свое влияние на Францию и Германию. Расцвет культуры при дворе Карла Великого произошел частично благодаря ирландцам, частично — лангобардам. Ирландская культура была творением бенедиктинского монашества, которое заложило тем самым основы средневековой культуры. Оно стало воспитателем народов.

История католического монашества делится на 4 главных этапа. Первый — от основания бенедиктинского монастыря на Монте-Кассино до конца Каролингской династии, второй — клюнийское реформистское движение, положившее начало борьбе пап с императорами, третий — создание доминиканского и францисканского орденов, четвертый — создание ордена иезуитов. На каждом из этих этапов господствовал определенный монашеский тип.

В деятельности Бенедикта Нурсийского проявился римский талант к организации. Он выработал для западного монашества образцовые формы. Аскетизм был умеренным, главным для монаха было не личное спасение, а служение церкви. Кассиодор позже сделал из монаха христианского ученого.

Символично, что монастырь в Монте-Кассино был основан в том же 529 году, когда была закрыта Афинская академия. Этот монастырь возник на развалинах храма Аполлона. На несколько столетий он оставался образцом. Это был первый шаг к осуществлению идеи Града Божьего Августина, организация этого монастыря была сочетанием демократического самоуправления и автаркии с харизматической автократией. Если сначала влияние античной литературы было невелико, то потом оно стало усиливаться.

В развитии монастырского хозяйства особых успехов достигли цистерцианцы. Тяжелый физический труд был у них средством воспитания монахов.

Свидетельство разностороннего развития монашества — деятельность монастыря в Санкт-Галлене (Швейцария). Здесь изучали право и международные отношения и наряду с античным наследием — традиции германского язычества. Церкви и монастыри охотно строили на местах прежних языческих культов, христианизировали языческие обряды. Сагу о Беовульфе написал монах.

В истории церкви ритмически сменяли друг друга национальные и универсалистские тенденции. После того, как Бонифаций повернул церковь во Франции в сторону универсализма, бенедиктинское монашество стало носителем идей национальной церкви. Ключийское движение и реформа Григория VII породили борьбу между императорами и папами и свели на нет культурные достижения бенедиктинцев.

Тип бенедиктинца из Санкт-Галлена это благочестивый ученый или художник, который пишет хроники, сочиняет латинские стихи или вырезает по слоновой кости. Франциск Ассизский хотел возродить тип неграмотного монаха, для которого главное не учение, а «подражание Христу». Цистерцианцы, как уже говорилось, заменяли учение ручным трудом, картезианцы и трапписты делали из монахов отшельников, вводя обет молчания, изоляцию в кельях и т. п.

Бенедикт сделал из монашеского пролетариата монашескую аристократию. Образом мыслей бенедиктинцев (лучшим его представителем был папа Григорий I) был христианский гуманизм, умеренность во всем, гармония и уравновешенность.

Монастырь основывался на принципе равенства братьев. В нем обучали чтению, письму, Священному Писанию, а также пе-

нию. Обязательным было знание латыни и произведений римских языческих писателей.

Бенедиктинское монашество было универсальным, все прочие — лишь специализацией того или иного монашеского типа.

Бенедиктинское монашество было носителем всей системы образования своего времени. Ключийская реформа была направлена против такого расширения, она имела целью упрощение и сосредоточение сил на служении церкви.

Цистерцианское монашество было реакцией против политизированного ключийства и ставило своей целью возрождение неполитического типа монаха. Научная деятельность тоже была под запретом. Именно эти монахи были миссионерами в славянских землях к востоку от Эльбы. Самым знаменитым деятелем этого ордена был Бернард Клервосский.

В борьбе против Фридриха II Гогенштауфена, объявленного антихристом, в роли церковных агитаторов выступали нищенствующие монахи: на новой ступени развития возродилось раннехристианское эмоциональное монашество. Тогда же выступили на исторической сцене францисканцы и доминиканцы.

В этих орденах демократический принцип одержал победу над аристократическим принципом цистерцианцев и монархическим принципом ключийцев. Действовали они, главным образом, в городах. Их организация повлияла на установление городской демократии во Франции в конце XIII века и даже на английскую Великую Хартию вольностей.

Доминик основал свой орден как орудие борьбы против ереси. Это был орден инквизиции, но также орден теологии и схоластических наук. Из него вышли Альберт Великий и Фома Аквинский.

Франциск Ассизский был человеком совсем иного типа, чем Доминик. Он чтит солнце и свет, проповедовал мистическую любовь ко всему творению и мало заботился о теологии. Со своими песнями он обращался к людям, и к животным. Во всем этом крылось нечто еретическое.

Францисканцами были Рождер Бэкон, Дунс Скот и Бонавентура.

Орден иезуитов был выразителем идей абсолютизма. Он воспитывал уже не монахов, а орудия на службе господствующей системы. Баскский рыцарь Лойола разработал для Запада систему духовных упражнений, близкую к индийской йоге. Орден иезуитов знаменовал собой конец монашества.

Протестантизм в принципе отверг монашество. Во многих отношениях он напоминал раннее христианство германцев, т. н. арианство.

Религия

Основой религии является вера в высшие силы, и она выражается либо в магической защите от всего враждебного и злого, либо в улучшении и возвышении собственной жизни: в обретении силы и совершенства благодаря сосуществованию на положительных началах с миром предков и высшим миром. Если целые общины ориентированы на общую высшую сущность и разделяют с ней ее силу, то их члены ощущают также теснейшее единство между собой, священную взаимосвязь. Таким образом, религия всегда действует в двух направлениях: выражает изначальное стремление человека возвыситься над самим собой, над своим нынешним состоянием и образует самые глубинные, эффективные и прочные общественные связи. Эти два основных направления характеризуют также два направления религиозного воспитания.

Религиозные системы, пантеоны и мифы — идеальные образы соответствующих человеческих порядков и ценностей, они отражают условия жизни, бытие и цель общины. Посредниками между земными и небесными порядками выступают культ и иерархия священнослужителей. Зародыш всего этого мы находим уже в первобытных общинах. Таково рациональное содержание всех религий. Но то, что в их формах проявления зависит от магических и демонических сил, от настроений, от исторического положения и природной среды, трудно описать в общезначимых понятиях, тем более, что у рационально образованных людей притупились необходимые для этого органы. К этому добавляется трудно осознаваемое единство противоположностей: религиозные представления всех видов, особенно если они не оформлены, перетекают одно в другое и в бесформенность, приспосабливаются к моменту и в то же время вместе с культурами крайне консервативны, хранятся на протяжении многих поколений, которые уже их не понимают и не осознают их живую ценность. При жертвенных культах продолжают использоваться орудия древних времен. Римские жрецы не должны были ни в частной жизни, ни при выполнении своих функций касаться железа. Архаичные черты, имена и качества имеют также боги и мифы: это, как правило, старые сосуды, содержимое которых новые поколения заменяют. Это приводит к тому, что происхождение богов, мифов и культов путают с толкованием их живого смысла. Их подлинный смысл — живой и современный. Благодаря своей архаичности религия выполняет и консервативную функцию: связь

с прошлым, с традицией, с предками. Даже революционные религии, толкуя недавнее прошлое как период упадка, ищут свой идеал в отдаленном прошлом, в идеальных начальных временах. Но история развития и живой смысл это разные вещи.

Поступательное развитие жизни в сути и в корнях своих едино и нераздельно. Нельзя считать религию корнем других основных функций, но поступательное развитие жизни выступает в религиозных формах проявления как символ глубинной связи и высшей свободы. Если власть формирует типы извне, то религия — изнутри. Но и власть, в конечном счете, имеет религиозное обоснование; если она основывается только на грубой силе, она сохраняется лишь до тех пор, пока действует внешнее принуждение. Религия дает высшие ценности, на которые опирается общество. Но это не должны быть специфически религиозные ценности.

При исследовании религиозной функции в воспитании типов следует различать три возможности: 1) религия господствует в системе воспитания и в обществе или служит им 2) религия вместе с остальными частями системы работает ради одной цели или стремится к своей особой цели и соответствующему жизнеустройству на религиозной основе 3) религия развивается вместе с обществом или вторгается в него извне как чуждая пропагандистская сила.

1. Германцы, греки, римляне, китайцы, а также индусы и египтяне на ранних этапах своей истории, равно как и большинство первобытных народов имели светскую ориентацию. Религия служила высшим светским ценностям. Хотя и существовала вера в мир душ, она не определяла жизненные идеалы. Там, где приходит к власти духовенство, соотношение ценностей изменяется: мирская жизнь становится средством обретения религиозного спасения и обрастает ритуалами. Чистые теократии, такие как в буддийских государствах Центральной Азии, у евреев после возвращения из вавилонского плена или государство иезуитов в Парагвае, редки. В Вавилонии до Хаммурапи, в египетском Новом царстве, в буддийском царстве Ашоки, в брахманских государствах Индии, в Римской империи и Византии после Константина, в империи Оттона Великого духовенство занимало первое место в общественном устройстве, оно было определяющей силой всей жизни, и власть приобретала сильно выраженные теократические черты. Правда, у королей всегда оставалась возможность переместить центр тяжести на светскую власть или отодвинуть религиозную идею, используя другие средства для достижения своей цели. Короли использовали церковь для укрепления государственной власти.

2. Там, где общественный строй и религия развиваются вместе, все ценности имеют религиозное обоснование, но религия остается служебным звеном. Только когда религия меняется и становится самостоятельной, она превращается в определяющую силу. Единство жизни разделяется на светскую и религиозную сферу. По такому пути шли орфики в Греции, мистериальные религии в Римской империи, радикальные протестантские секты в новое время. В Римской империи христианская церковь стала главной опорой государства, а в Средние века стремилась стать над государством. За несколько столетий революционный буддизм одержал победу в Индии. Зато лютеранство было революционным только по отношению к господствующей церкви, а по отношению к светской власти оно поставило себя в подчиненное положение. Ислам изначально был революционным и по отношению к социальным порядкам в Аравии, но уже в мединскую эпоху он превратился в светскую систему власти, в которой религия была основой государства.

3. Там, где религия внедряется извне, она либо поднимает низы против власти, либо распространяется сверху, как во Франции и Норвегии. Она всегда приносит с собой чужие ценности, как христианство у германцев и славян или буддизм в Центральной Азии, где его распространяли не завоеватели, а миссионеры.

Германские племена в эпоху Великого переселения народов сделали из арианского христианства независимые от Рима национальные церкви.

Если общество постоянно разветвляется, множатся также боги, культы и мифы и каждому сословию соответствует своя ветвь религии. Если общество составляется из разных частей, их боги соединяются в один пантеон. Главным божеством Рима в самый древний период был Марс-Квирин, позже первое место занял Юпитер. Плебс же всегда поклонялся божеству Земли, культ которого с возвышением плебса, стал его главным сословным культом...

...В отличие от Греции, мифология в Риме осталась довольно бедной, культ же, наоборот, развился в систему, полную мелких предписаний... Бурное развитие мифологии у греков и индусов способствовало расцвету поэзии и спекулятивной философии, Рим же был беден художественной и философской фантазией; это трезвое, рабочее государство походило на древний Египет. Католическая церковь заимствовала у Рима строгое нормирование культа и канонического права, а в своей догматике использовала философское толкование мифов греками...

Древнеримская религия выросла вместе с государством и как элемент государства освещала его цели и ценности. Христианство пришло к германцам как чуждая религия с чужими культурными ценностями и правовыми формами. Частично оно распространялось с монахами-миссионерами, частично навязывалось властями или завоевателями (как саксам и славянам).

Католическая церковь пришла в упадок вместе с Западной Римской империей. Бенедиктинское монашество вдохнуло в нее новую жизнь.

Со времени Хлодвига римская церковь была для северных королей средством укрепления их власти. Покровительство, оказываемое католической церкви, сделало Каролингов, а начиная с Оттона Великого и германских королей кандидатами на звание преемников Римской империи. Но когда церковь стала средством образования национальных государств, императоры стали использовать против них не только своих епископов, но и папскую власть. В результате последняя укрепилась настолько, что попыталась подчинить себе и самих императоров.

Вопрос о том, какая сторона победит, решался на немецкой земле.

Церковь в Германии хотела переделать германского человека в готического. На романской почве, где верхний германский слой был тонким, церковь укрепилась надолго, хотя ей там никогда не удалось подчинить себе государство. В Германии церковь как воспитательная система победоносно наступала до XIII века, так что окончательная победа над германскими ценностями и искоренение германского типа казались близкими. Весь север подвергся романизации, но это была кажущаяся победа, плоды которой церкви не дано было пожать. Готический человек был переходом от германского к немецкому, а не к романскому человеку.

По своему внутреннему смыслу история Средних веков это борьба между германскими и христианскими ценностями, между светской и церковной правовой системой. Главной фигурой германского естественного порядка был воин, а главной ценностью — его честь, христианство же отбрасывало все естественные ценности в область греха. Жизнь как подготовка к потустороннему существованию предполагала уничтожение природы и очищение церковью от греха оставшиеся ее части. На разрыве между этим и тем светом, между Богом и миром христианство построило свою мистерию спасения. Церковь в ней представляла собой Тело Христово, ее распоряжения имели чисто магическое значение, всякая земная власть отвергалась. Описанный Августином Град Божий был полной противоположностью государства, которое он должен в конце концов раство-

рять в себе. Крещение магически превращало человека в духовное существо. Учение, что вне церкви нет спасения, отличало христианство от других сект с их учением и достижением спасения личными средствами. Магически сплоченная христианская община одержала победу над античным миром.

Церковный порядок был обязательным и всеобщим. Он не признавал никаких других порядков. Но христианская церковь не осмелилась сделать последние выводы из своего аскетического, враждебного природе принципа. Если бы, например, церковный идеал девственности был сделан обязательной целью, церковь вымерла бы уже в следующем поколении. Место требуемого идеалом преодоления мира заняло господство духовенства над миром.

Неумолимой логике этой системы молодой германский мир не мог противопоставить ничего, кроме своих несломленных природных инстинктов. На первом этапе казалось, что противоречие преодолимо, но церковная система угрожала корням существования германцев, их характеру, их идеалам и их свободе. Результатом была великая борьба в Средние века, но она кончилась компромиссом: готический человек остался дуалистическим по своим целям и ценностям, чем-то промежуточным между католическим и германским человеком.

В начале XIII века казалось, что церковные ценности одержали такую же победу над жизнью, как папство над государством. Характерной чертой этого времени были жесткие преследования еретиков. Но дуализм привел к тому, что действительность и церковная идеология, в конечном счете, разошлись друг с другом. Рядом с монахом всегда стоял рыцарь, рядом с церковью — государство, рядом с епископами — князья, рядом с попами — короли, причем рыцари, князья и короли опирались на свое право, имели свою власть и преследовали свои цели. Объединение под господством папы и религиозных ценностей было, несмотря на теоретическое признание, видимостью и мечтой: католический тип не достиг такого же единовластия, как брахманы в Индии и буддийские монахи в Центральной Азии.

Монах был идеалом церкви, рыцарь — германской жизни. Вместе со Св. Мартином, Св. Георгием и воинственным архангелом Михаилом в христианский пантеон проникли рыцарские ценности. Рыцарские ордена эпохи крестовых походов призваны были объединить оба идеала. Но они не выполнили эту задачу.

Насколько христианские ценности повлияли на рыцарский тип, показывают идеальные образы придворной поэзии, прежде всего «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха. Отклонение от германских идеа-

лов частично объясняется римскими придворными модами. Христианское влияние сказывается и у Вальтера фон дер Фогельвейде, но ядро остается не христианским, поскольку война и христианское бегство от мира плохо сочетаются друг с другом. Самое чистое проявление германского духа — Песнь о Нибелунгах. В XIII веке она отражала живую суть, а просто рассказывала о прошедших временах, и была противовесам святым Франциска, Доминикам и Елизаветам.

В Средние века регулярно повторялись волны духовных потрясений. Иногда они принимали форму ересей.

Церковь ставила на место свободы подчинение высшим властям. Ориентация на общезначимые ценности, воспитание покорности, внутреннее послушание божественным повелениям — признаки готического человека, существенно отличающие его от германского. Но таким образом сохранялось единство несмотря на дуализм типов.

Однако в XIV веке немецкий субъективизм снова выступил в роли непобедимого противника церкви: это возрождение определяет внутреннюю историю немцев, начиная с Майстера Экхарта, минуя протестантизм и вплоть до немецкого идеализма...

...Несмотря на все свое всевластие церковь осталась силой, вторгшейся извне; через определенные границы она не могла переступить, потому что основой жизни была германская традиция, а не церковь. Церковь оставалась чужеродным наслоением. Ее система ценностей, несмотря на все успехи, не достигла единства с основами германской жизни...

Поднятая Лютером протестантская волна захватила все слои народа и привела к отпадению от церкви. Эта волна вынесла вперед национально-буржуазный тип нового времени, устранив стоявшую над ним церковную иерархию. В протестантизме германский субъективизм возродился как личное, непосредственное отношение человека к Богу. В конечном счете, разум стал для протестантского мира началом, определяющим жизнеустройство. Рационализм в XVIII веке проник и в основные католические страны и, казалось, поставил католическую церковь на грань гибели. Но субъективизм в протестантском движении с самого начал проявился в том, что оно пошло в разных направлениях, от сравнительно консервативных лютеранства и англиканства до радикального субъективизма анабаптистов.

Протестантские церкви это компромиссы, переходные образования, похожие на Януса. Они сделали практически возможной реформу, но быстро впали в застой и вопреки собственным принципам тоже стали прибегать к принуждению. Руководство захватили радикальные секты: в Англии с приходом Кромвеля, в Америке — Род-

жера Уильямса и с победой квакеров над кальвинистами во второй половине XVII века, в Германии — в начале XVIII века с победой пиегизма над ортодоксальной церковью. Секта это религиозный протестантизм в самом чистом виде. Протестантизм стал силой, преобразующей историю, как духовный принцип, а не как церковь.

Живые потребности веры заставили Лютера критически относиться к некоторым частям Библии; так было положено начало библейской критике...

Человек высшего типа всегда возникает из высоких напряжений и дисгармоний, а не на основе оптимизма и лозунга физиократов: «Дайте делать!» Протестантизм во всех направлениях углубил и усилил по сравнению с католицизмом сознание греха. Пропасть между духом и природой стала еще шире. Но протестантский перечень грехов и его положительное дополнение, система ценностей указывали на иное направление для преодоления этой противоположности. Конечная цель оставалась в потустороннем мире, но человек своими силами не мог преодолеть последствия своего происхождения. Ни монашеская аскеза, ни магическое посредничество духовенства не вели к спасению, которое давалось одной лишь милостью Божьей. А тот, кому эта милость дарована, должен не бежать от мира, а нести ее в мир, преобразуя его. Так первоначальный протестантизм черпал свою силу из метафизического дуализма. Его преодоление привело протестантизм к дряблему оптимизму.

Немецкий протестантизм сохранил созерцательные, квиетистские черты. Лютер забыл свои революционные порывы и подчинился князьям. Но в форме кальвинизма, в англо-саксонских странах протестантизм взял решительный волюнтаристский курс.

На девственной колониальной почве Америки протестантские секты нашли несравненную возможность построить новый мир. Несомненно, в США сложился сегодня особый национальный, даже расовый тип. Это не плод американской почвы и не ответвление англо-саксов, а результат воздействия сектантской системы воспитания. Людьми нового типа были вожди войны за независимость, Франклин и Вашингтон...

Реформация указала религии иное место, она перенесла ее из церкви в сердце человека. Сектанты сделали последние выводы из этого принципа. Церковь влияла на людей извне, протестантизм — изнутри. Совесть стала опорной точкой жизни. Субъективная религия стала формообразующей силой первого ранга для национально-буржуазного типа и буржуазного стиля жизни. Эта буржуазия со своими ценностями, своими политическими и экономическими методами в

самом чистом виде проявила себя на американской почве. Тяжелые условия жизни стимулировали рациональный и утилитарный подход.

Центром тяжести жизни было не государство, а основавшие его суверенные личности. Прообразом государства стала религиозная община.

Американские гражданские права это записанные в Конституции права, которыми отдельные личности обладали еще до основания государства и независимо от него. В Европе же права человека были дарованы государством и в любой момент могут быть отобраны. В Европе суверенным осталось государство, даже в демократической форме, в Америке суверенна личность.

Написанная Конституция — чистейшее выражение американского рационализма.

У мормонов была общая черта с мусульманами: они рано начали создавать политическую систему и использовали религиозные ценности как средство для достижения господства.

ГАРМОНИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Арманен-Ферлаг. Лейпциг, 1940

Музыка, воспитание и государство

«Но дерево, как и ребенок, стремится ввысь».
(Гельдерлин)

1) Немецкому молодежному движению, как выражение его поисков и стремления к новой форме жизни, с самого начала были свойственны увлечение туризмом и музыкой, особенно народными песнями. В этом проявилось новое жизнеощущение: коллективизм молодежи и чувство единства души и тела. Это было новой разновидностью того, чем для эллинской молодежи были гимнастическая и гармоническая стороны ее воспитания. Эта молодежь рано осознала смысл воспитания как пути к новому человечеству. Позже этим вопросом занялось государство, но правильные взаимоотношения между молодежью и государством до сих пор не установлены.

Ганс Фрейер сам вышел из рядов молодежного движения. Когда был напечатан его «Антей», молодежь с воодушевлением приветствовала его как своего представителя, который помогает ей осознать себя, свои пути и цели. В своем докладе «Музыка и молодежь» он дал философское толкование отношению молодежи к музыке. Фрейер перебрасывает таким образом мост к той молодежи, которую воспитывали своей философией Сократ и Платон. Свои идеи он развил в другом докладе «Музыка и государство», ссылаясь, главным образом, на Платона.

2) Но что общего имеют между собой музыка и государство? В наших условиях почти ничего. В нашей жизни это несоединимые противоположности. Музыка для нас это внутренний мир, глубина и свобода, государство — внешний порядок и принуждение. То, что государство иногда выступает в роли мецената музыкальных

мероприятий и отводит пению скромное место в школе, делается скорее по привычке. Даже военная музыка — только аккомпанемент, а не средство воспитания.

Музыка — в сочетании с танцем и поэзией — является воспитательным и государствообразующим средством высшего ранга везде, где она еще прочно интегрирована в жизнь, где она регулярно воздействует на общество. Как и миф, она может быть формой выражения жизни в целом, особенно в дни праздников, и если она является неотъемлемой составной частью общественной жизни, то ее стиль и формы полностью соответствуют порядкам этой жизни. В этой музыке нет ничего произвольного. Достаточно вспомнить о церковной музыке. Музыка вместе с поэзией и танцами связывает религию с государственными и общественными порядками, становится важным средством народного воспитания.

По мере секуляризации, рационализации и технизации государства эта связь рвется, музыку вытесняет рациональное преподавание. Правда, музыку это не очень беспокоит: обретая свободу для себя, она достигла за два последних столетия — особенно в Германии — невиданных высот. Но она жила в своем особом мире рядом с обезбоженным государством.

На вопросы, которые ставятся сегодня, история не дает готовых ответов. А вопросы задает молодежь, которая увлекается музыкой и в то же время хочет служить государству. Эти две сферы не должны в будущем оставаться обособленными друг от друга. У нового человечества его государство и его музыка будут отличными от современных по своей сути. Устремления молодежи имеют именно это направление. Будет ли эта цель достигнута, могут сказать только пророки. Но мы можем показать на примерах из прошлого, что государство и музыка могут быть связаны друг с другом своей сутью. Мы укажем на тот идеал, который оставила нам древняя Греция, идеал, который незадолго до упадка нашел своего великого толкователя в Платоне, которого мы в аналогичной ситуации выберем своим вождем. Идеал или миф древней Греции, описанный Платоном в его позднем произведении «Законы», был тесно связан с внутренней историей его народа. Этот идеал обращался к древним временам богов и героев в поисках вечных прообразов. В устремлении к ним отдельные люди находили способ внутреннего совершенствования, а народы — целительный стимул для преодоления упадка.

3) Полис был формой жизни тех эллинов, которые во время войн с персами победоносно защитили Европу от азиатчины, которые участвовали в хорах трагедий и соревновались на больших

праздниках в честь богов и самих себя в гимнастике и ритмических искусствах, которых воспевал Пиндар и запечатлел в камне Фидий. Ритмические искусства были неотъемлемой частью порядков полиса, они лежали и в основе воспитания его граждан. Они были литургией культа, и каждый гражданин вместе с детьми обязан был участвовать в хорах и хороводах, в том числе в хорах трагедий и комедий на больших национальных праздниках. По сути это была как бы расширенная литургия: она сопровождала воинскую службу, собрания мужских союзов, семейные праздники, все общественные обряды. Миф плотно облегал эту жизнь, все ее периоды, он отражал порядок высших сфер и придавал смысл любому действию. На праздниках этой жизни миф активно вмешивался в праздничное действие в сочетании с музыкой и танцами, которые наряду с поэзией были лишь иными формами выражения мифического смысла. В культе и литургии мифический смысл активно выражался в символах, люди непосредственно сопереживали древние времена.

Во времена расцвета полиса поэзия со своим мифическим содержанием была неразрывно переплетена с музыкой и танцами. Музыка соединяла все искусства ритмического движения в одно целое, которое служило выражением мифа и современной жизни. При этом ведущая роль принадлежала поэзии, потому что она выражала миф в словах, тогда как символические искусства музыки и танца имели второстепенное значение. Ритмические искусства включали в себя, таким образом, поэзию, декламацию, сольное и хоровое пение, игру на музыкальных инструментах, танцы и мимические представления, образуя осмысленное и закономерное единство. Везде действовал один и тот же закон, одна и та же простая и строгая форма. Подобно тому, как в стиле ритмических искусств находили свое выражение общественные порядки и их духовная основа, эти искусства своей закономерностью оказывали обратное воздействие на каждого члена общества.

Во времена Платона это жизненное целое пришло в упадок. Великая эпоха полиса была позади, государство и религия разлагались. Части музыкального целого, которое формировало граждан полиса, распадалась, каждая из них обретала свой особый смысл. Против этого упадка выступил Платон со всей силой своего пророческого дара, чтобы спасти Элладу. Хотя он не смог уберечь ее от исторического упадка, в своих произведениях он создал философский миф, поднялся до таких вершин идеальности, на которые и последующие тысячелетия взирали с почтением снизу вверх. Гомер стоит в начале, Платон в конце быстро исчезнувшего, но незабыва-

емого мира, и оба они создали ему непреходящие памятники, один в виде великого эпоса, другой в виде великой философии, своего рода последнего эпоса, последнего мифа древней Греции.

Упадок музыки своей эпохи Платон описывает в «Законах»: «Музы никогда настолько не путались, чтобы слова, которые они вкладывают в уста мужчинам, сопровождать женскими танцевальными движениями и мелодиями или, создавая мелодии и танцы для свободных людей, связывать их с ритмами, пригодными для рабов по духу, или, наконец, совмещать с благородными ритмами танцы или слова, которые находятся в противоречии с этими ритмами... С другой стороны, поэты и композиторы разрывают связи друг с другом: у них либо ритм и танец без мелодии, а в стихотворный размер укладываются одни слова, либо, наоборот, они сочиняют мелодии и ритмы без слов только для исполнения на кифаре или флейте. И трудно понять, что должны выражать ритм и мелодия без слов, каков их прообраз... Использование одной лишь инструментальной музыки это фиглярство сбившихся с пути муз». Платон видел, что вместе с законами музыки умирают и законы общества, жизненная основа благородного человечества. Он делает, прежде всего, поэтов и музыкантов — наряду с софистами — ответственными за разложение, за разнузданность анархических инстинктов массы и за упадок полиса. «Позже, с течением времени, поэты стали первыми виновниками беззакония и безвкусицы, а именно такие, которые, хотя и имели от природы поэтический дар, не знали закономерностей, вдохновение опьяняло их и они лезли вон из кожи, лишь бы доставить удовольствие своим слушателям... Так они лишали толпу всякого чувства закона... Так общее презрение к закону берет свое начало от ритмических искусств».

Разве мы не пережили в нашу эпоху нечто похожее, вплоть до деталей?

Платон, как прирожденный поэт, всегда помнил о дионисической подоснове, об экстатических корнях ритмических искусств. Он знал, что все великое и подвижное рождается из одержимости, из божественного безумия. Но в этом даре Диониса он видел лишь исходную точку, не более. Как настоящий, благородный грек он служил патриархальному Аполлону, вождю муз, богу симметрии и порядка, опоре отцовских обычаев, закона и государства, карающему любую чрезмерность, идеалу свободных мужчин. Напряжение между дионисическим и аполлоновским полюсами, между темным началом Матери-Земли и светлым небесного Отца было движущей силой всей истории греческого мира. Гений греков преодолел эту

противоположность как в трагедии, так и в государственном устройстве. Но сама эта противоположность была не статичной, а динамичной, с постепенными переходами. Аполлон, азиат, просто раньше вступил на тот путь, по которому за ним последовали Дионис, Артемида и другие божества. Из варвара с дикими, жестокими чертами он рано превратился у греков в бога света и формы, победителя ночных сил Праматери-Земли: противоположность тьмы и света, земли и неба, материи и формы, экзотической подвижности и покоя вылилась в его собственном становлении в победу света, симметрии, закономерной и прекрасной формы. Вслед за ним из космической ночи и духовной дикости пришел Дионис и проделал тот же самый путь, пока оба не стали внутренне родственными (хотя Дионис навсегда остался более женственным), по-братски протянули друг другу руки и разделили господство в главном святилище в Дельфах, возведенном над материнским лоном древнего божества Земли, не имеющего ни имени, ни образа, источнике вдохновения греческого мира. В этом символическом триединстве заключена вся внутренняя история древней Греции. Ее полярность определила и ход развития ритмических искусств, покровителями которых были Аполлон и Дионис. В жизни и творчестве Платона, этого последнего творца эпоса и мифа греческого мира, эта противоположность проявилась в последний раз и была преодолена в мифической форме. Насколько сознательно Платон сделал эту противоположность основой своего творчества, показывают цитаты из «Законов».

Греческий народ умер рано. Но бессмертна и продолжает действовать в истории его дионисически-аполлоновская полярность как символ глубочайшей жизненной реальности. В Христе и его Царствии мы снова встречаем эти противоположные черты и их соединение.

Основанный на мужском союзе полис — аполлоновского происхождения в противоположность древнему, связанному с Землей родовому строю. В эпоху упадка Платон еще раз зовет эту государственную идею на последний бой: государство должно стать абсолютным господином, воспитателем и спасителем народа, хранителем формы и нравственности. «Не отец должен решать, будут его дети посещать школу или нет, так что те, кто не будет, останутся без образования. Совершенно справедливо утверждение, что дети принадлежат больше государству, чем своим родителям, и что государство должно принудить взрослых и детей получить такое образование, какое оно считает необходимым».

Но ритмические искусства — фундамент этого государства, его порядка и воспитания. Над ними необходим надзор; если этим

пренебречь, это дорого обойдется государству, так как музыка приводит внутреннюю форму человека в соответствие с государственным порядком. Если государство основывается на вечном порядке идей, то законодательное руководство ритмическими искусствами — одно из первых требований его самосохранения и процветания, так как с их помощью будущие поколения включаются в государственный порядок. По сравнению с этим экономические законы второстепенны: человек, обученный добродетели, будет нравственным во всем. Но музыка — одно из воспитательных средств, обеспечивающих «максимальное единство» государства. Закономерности музыки воспитывают уважение к закону.

Платон знал, что государство не может само быть творцом искусства. «Давно и верно сказано, что поэт, когда он восседает на треножнике Музы, не владеет своим сознанием, а как родник выплескивает то, что хочет выплеснуть». Поэт не отвечает за свои творения в этом состоянии, но государство отвечает за воспитание на основе ритмических искусств. Этот дар — от Аполлона, но от него же — мера, форма и государство. «Пусть нашими первыми воспитателями будут Музы и Аполлон!» Но в основе лежит опьяняющая, ломающая все формы, волшебная власть Диониса, который может творить благо лишь тогда, когда идет по пути Аполлона. Поэтому определение норм для ритмических искусств и воспитания должно быть «делом Бога или одержимого Богом человека». Философ тоже сын Аполлона и Муз и, подобно тому, как он основывает законы на вечных идеях, так и государству требуется сведущий в идеях и законах судья, который будет руководить воспитанием и определять, какая музыка полезна для воспитания, какая требует изменений, а какую нужно вообще запретить. Это будет «самая важная должность в государстве». Поэтов нужно убедить или заставить изображать только то, что соответствует государственным порядкам. Он не должен сообщать сведения, которые не разрешены. Эти предложения не были новыми ни для Афин, ни тем более для Спарты, где государство считало надзор за воспитанием общества одной из своих главных задач. В Афинах такой надзор сделал трагедии непреходящими творениями искусства.

Вся жизнь натянута между двумя полюсами, иррациональными инстинктами и рациональной формой. Между этими полюсами, стремясь одолеть инстинкты формой, движется мысль и воля Платона. Уходя своими корнями в иррациональные инстинкты, дионисический экстаз, ритмические искусства одарены мощной, волшебной силой движения. Это волшебство может быть благотворным, но оно таит в

себе и большую опасность разрушения, если оно не направляется в самих этих искусствах аполлоновской формирующей силой и рациональной, аполлоновской властью государства, основанной на ценностях истины, добра и красоты. Поставить волшебную силу дионисизма на службу своим целям — такова главная воспитательная задача государства. «Я утверждаю, что хоры всех трех разновидностей вносятся в юные и еще нежные души все благородные чувства и словно очаровывают их». «Старые и молодые, свободные и рабы, мужчины и женщины и все государство всему государству, должны непрерывно напевать друг другу эти чувства как магические формулы в самых разнообразных формах так, чтобы они никогда не насытились этими песнями и всегда пели их с радостью». Здесь Аполлон дважды противостоит Дионису: сначала как вождь муз, который укладывает экзотическую суть ритмических искусств в строгие и праздничные формы, а затем как властитель государства, который ставит себе на службу эти укрощенные ритмические искусства как средство воспитания и формирования человека.

4) Говоря о дионисически-аполлоновской полярности, Платон затронул глубочайшую тайну воспитания вообще. Любому воспитанию присуща одна и та же противоположность: с одной стороны, нужно развивать способности, а с другой — теми же средствами ограничивать их. Поэтому Дионис и Аполлон вместе покровительствуют воспитанию и ритмическим искусствам. В «Законах» говорится: «Исцеление от вакхического безумия достигается с помощью движения посреди вакхических танцев и вакхической музыки». Но это противоядие кратковременного действия. Спасает от оргазма Аполлон своим законом формы: он поднял греков до своей культурной высоты и так же поднимали детей до высот эллинского образования. Между возбуждением и формой, между подвижностью и покоем, между динамикой жизни и статикой вечных прообразов, неизменный порядок которых воплощается в государстве, заключена вся философия Платона: принцип ритмических искусств и всего воспитания он основывает на том, что «внешнее движение подавляет внутренний страх и безумие и возвращает в душу покой».

Дети должны постоянно находиться в движении. Рекомендации Платона напоминают обычаи тех негритянских племен, в которых матери носят детей в мешках за спиной, и дети повторяют все движения матери во время работы и танцев, впитывая их ритмы. Особенно ценны ритмические движения, к которым потом добавляется пение: они возбуждают и одновременно успокаивают. В этом тайна ритмических искусств и их воспитательного воздей-

ствия. Дионисическая инстинктивность соединяется в них с аполлоновской формирующей силой.

Платон обосновывает значение ритмических искусств свойствами души. Дионисическое возбуждение выражается в ритмическом движении, которое передается другим душам, увлекает и соединяет их. Ритм это движение и закон одновременно. Ритм, закон и форма — аполлоновские силы, которые обуздывают дионисические, демонические, экзотические силы. Благодаря ритмическим искусствам волшебные искры перескакивают от одной души к другой.

«Боги, сжалившись над человеческим родом, рожденным для трудов, дали ему праздники не только для отдыха, но дали также Муз с Аполлоном и Диониса в качестве участников этих праздников, чтобы люди в присутствии этих богов по крайней мере научились воспитанию как в древние времена... Эти же боги дали нам чувство ритма и гармонии... Так что наше первое воспитание исходит от Муз и Аполлона. Тот, кто не умеет танцевать в хороводе, — невоспитанный человек».

Когда Дионис заканчивает свое стимулирующее действие, вступает в дело законодатель Аполлон.

Хоровод — зародыш обновляющегося в каждом поколении государства, потому что это не беспорядочное сборище людей. Хороводы разделены по возрастным классам. Эта система дополняет государство со стороны ритмических искусств.

5) Платон определяет смысл искусства как «подражание»: оно хорошо тогда, когда подражает хорошему. Но Платон перенес понятие подражания в высшие сферы, где оно обретает иной смысл. Кому подражал Эсхил в «Орестее»? Фидий в статуе Зевса Олимпийского? Строители храмов? Высший вид подражания это творческое изображение потусторонних прообразов, вечно покоящихся в себе идей. Так вечное проникает в мир и жизнь.

В идеях нет ничего вещественного, ничего материального: это чистые формы, закономерности, гармония, пропорции и ритм целого. Закономерности Космоса — первоначальное отражение вечных прообразов: в них Архитектор Вселенной «подражал» идеям. Художники тоже подражают этим прообразам в своем творчестве, ибо все истинное и прекрасное, все справедливое и доброе — не что иное как закономерность, отражение вечных прообразов. Эти закономерности философ, особенно философ-математик, познает в соотношениях чисел и размеров. Подражание прообразу, воплощение пропорций, ритма и гармонии в законах — задача государственного деятеля, сходная с задачей философа: это прикладная философия.

И если философ в совершенстве познал закономерности, он призван быть судьей над государством, искусством и воспитанием. Государственные законы воспроизводят космические закономерности в человеческой жизни. То же самое делают поэты и музыканты, скульпторы и художники, даже настоящие врачи и искусные ремесленники. Воспитание основывается на тех же закономерностях. Исходя из этих закономерностей, Платон сравнивает основание государства с созданием поэмы. «Мне кажется, мы сами творцы драмы, которая должна быть лучшей и прекраснейшей. Все наше государственное устройство — подражание лучшей и прекраснейшей жизни и как таковое должно быть подлинной драмой». Государство и нравственность, поэзия и музыка, скульптура и архитектура, врачевание, воспитание и образование опираются на один фундамент закона, согласно которому создан мир. Эти закономерности с их ритмикой и гармонией осознаются в мифе как наполняющая небо и землю мудростью и добродетелью Мировая Душа.

Для пифагорейцев было открытием, когда они осознали математику как Логос, как чистую закономерность, в которой ритмы и гармония движения звезд образуют одно целое с ритмами и гармонией музыки. Музыка как часть этой закономерности была для них, а позже для Платона связующим звеном между космическими и земными порядками.

Подлинно греческий тезис — «государство должно основываться на музыке» — звучит для современного уха непонятным парадоксом. Но если мы увидим в нем правильную взаимосвязь, он обретет и для нас свой полный смысл, свою глубокую истину, и это будут тот же смысл и та же истина, на которой основывались философия даосизма и классическая культура Китая: порядок человеческой жизни, законы государства и общества, нравственность, воспитание и лежащие в их основе ритмические искусства должны быть приведены государственными деятелями и философами в соответствие с законами движения небесных светил и смены времен года. Музыка отражает в своих ритмах космический закон, поэтому на ней основывается любой порядок в государстве и обществе.

В «Законах» Платона четко дана схема, известная под названием «семи свободных искусств». В эпоху эллинизма эта система образования превратилась в посмертную маску, но в таком виде она просуществовала до XVIII века. Верхнюю часть этой системы составляли 4 науки: астрономия, арифметика, геометрия и теория музыки.

Символом этой системы образования был и остается Аполлон, «бог, в котором заключены начало, середина и конец всех вещей,

который всегда идет прямым путем, потому что он согласно своей природе неизменно следует своим вечным путем и всегда руководствуется справедливостью, карая тех, кто нарушает божественный закон». Сократ шел этим же путем, верный повелению, которое некогда дал ему Аполлон, его бог: Сократ умер с похвалой этому богу справедливости на устах. «Будем делать так, потому что бог нам так велит». Поэтому Сократа называют счастливейшим из людей. Его ученик Платон, создав в честь Аполлона последний миф эллинского народа, одновременно всем своим творчеством даровал мифическое бессмертие своему учителю Сократу. Кому еще из людей был воздвигнут такой памятник?

6) Платон рассказывает в «Законах»: «Уже давно у египтян было признано требование: молодых людей надо приучать к красивым танцам и красивым мелодиям. Было установлено, какие из них и как должны исполняться на праздниках, и никому не разрешалось и не разрешается до сих пор вносить нововведения в изобразительные и ритмические искусства и придумывать что-либо, отклоняющееся от обычаев предков». Наши знания о древнем Египте, почерпнутые из сохранившихся изображений, подтверждают эту черту народного характера — сохранение единожды установленных типов и стилистических форм.

Параллели мы встречаем и в Китае. Надзор над музыкой был там одной из важнейших задач правительства. В классических сочинениях всегда подчеркивалась воспитательная роль государства. В канонической книге «Ли Ци» содержится требование: «Прежние правители руководили Ли (формами жизни) и музыкой, и люди обуздывали вследствие этого свои страсти. С помощью Ли и музыки они учили народ уравнивать свои симпатии и антипатии и возвращать их на истинный путь человеческого Дао». Поэтому в правительстве было министерство музыки — часть министерства Ли. Эти государственные учреждения соответствовали классическим учениям философов и основывались в последней инстанции на государственной религии.

В одном пункте Конфуций был счастливей Платона: он долгое время состоял на государственной службе и мог проверять свои теории на практике. Как и Платон, он видел в государстве высшее учреждение для воспитания отдельных людей и народа в целом. И у него музыка была главным элементом воспитания. Когда Конфуций рассорился с правителем государства, министром которого он был, он вернулся на родину, чтобы создать из узкого круга своих учеников ячейку для будущего обновления государ-

ства, но, в отличие от Платона, он не организовал формальной школы. Он собирал старые книги и вырабатывал на их основе канон, обязательную для всего Китая духовную основу образования и управления, чем определил дальнейшее развитие Китая и позднейшие императоры смотрели на него как на бога. В классической книге «Лунь Юй» он писал: «После того, как я вернулся из Уэ, музыка была упорядочена. Праздничные песни и песнопения при жертвоприношениях все заняли свои места».

Хотя Платон этого не сделал, его требования в «Законах» к государству, музыке и воспитанию вполне соответствовали деятельности Конфуция.

В той же книге Конфуций писал: «Пробуждать нужно песнями, укреплять формами, завершать музыкой». «Там, где нет духа нравственности, благочестивые песни не помогут. Религию и музыку следует понимать как выражение внутреннего состояния души». Его последователь Мэн-цзы, когда он услышал, что царь государства Ци любит музыку, сказал, что из этого государства может кое-что получиться. Ему же принадлежит формула: «Там, где музыка, там радость; там, где радость, там жизнь; там, где жизнь, человек, сам того не замечая, начинает танцевать».

Согласно учению Конфуция, музыка и законы нравственности взаимосвязаны, вместе они образуют фундамент государства. Как и у греков, у Конфуция музыка занимает промежуточное положение между гармонией движения небесных тел и смены времен года и человеческими порядками. «Что необходимо правителю прежде всего, так это согласовать ход человеческой жизни с вечными порядками мира... Эти порядки должны как объективная сила, подобно законам природы, регулировать всю жизнь». Так как только классическая музыка соответствует небесным и природным порядкам, только она может быть положена в основу образования и звучать на праздниках.

Платон, борясь против «современной» музыки его времени и софистов, говорил: «Мне противны те, кто с помощью действующей на нервы современной музыки разрушает строгий дух древнего и чистого музыкального искусства. Мне противны языкастые болтуны, которые своими субъективными мнениями разрушают священные основы государства и общества».

Чжуан Цзы, самый свободный дух среди китайских классиков и одновременно один из самых глубоких, написал в своей книге о «Южной цветущей земле» прекрасную главу о космическом смысле и духовном воздействии «музыки господина желтой земли»: «Была вечная мелодия. Она наполняла долины и ущелья, она успокаивала

страсти и защищала дух, она давала меру всем вещам. Ее звуки были далеко слышны, ее тон был высоким и чистым. Солнце, луна и звезды следовали своими путями. Она задавала им четкие границы».

Целью Чжуан Цзы была не гражданская нравственность, как у Конфуция, а спасение путем мистического растворения в Дао. Поэтому «музыка господина желтой земли» действует следующим образом: «Сначала она вызывает страх; страх тебя пленит. Потом наступит изнеможение: оно сделает тебя одиноким. Наконец, наступит смятение; в смятении ты почувствуешь себя глупцом. Через глупость ты придешь к Дао». Эти три этапа — этапы погружения и совершенствования и одновременно творческий мировой порядок. Глава из книги Чжуан Цзы «Органная музыка небес» созвучна пифагорейскому учению о гармонии сфер.

Книга «Весна и осень» Ли Бу Уэ показывает, насколько прочно в Китае музыка входила в смену времен года, государственный порядок и религию. Каждый месяц имел своего духа-хранителя, свое символическое животное, свою жертву, а также свой тон, свои особые мелодии и музыкальные инструменты. Музыка посвящен ряд глав этой книги. Ее автор тоже боролся против оглушающей и возбуждающей колдовской музыки, которая разрушает государство. «С жизнью под воздействием этой музыки происходит то же, что со льдом под жарким солнцем». Хорошая музыка отличается гармоничностью и создает такую же гармонию в душе и обществе. «Музыка всегда находится во взаимодействии с типом правления, она влияет на обычаи и смягчает нравы. Поэтому достаточно в спокойные времена послушать музыку страны, чтобы узнать ее нравы».

А какое влияние на нравы оказывает джаз в эпоху его господства?

«Любая музыка рождается в сердцах людей. То, что трогает сердце, выражается в звуках, а то, что звучит вовне, в свою очередь влияет на сердца. Поэтому, слушая музыку страны, мы узнаем ее обычаи, а с ними и ее образ мыслей». Расцвет и упадок, достоинство и бесчестие, благородство и низость — все выражается в музыке и не может быть скрыто. Поэтому «глубоко проникает тот взгляд, который познает музыку».

В этих словах содержатся вечные истины. А как обстоит с этим дело в наше время? Каким покажется оно, если мерить его этими мерками?

Раса и воспитание

Сущность расы. Раса это закон, который одинаковым образом охватывает тело, душу и дух и создает постоянный тип, который, в конечном счете, реализует себя в соответствии с определенной иерархией ценностей. Раса соединяет людей одного типа тесными жизненными связями и включает их в качестве звеньев в цепь сменяющих друг друга поколений. Раса остается постоянным фактором в процессе исторических перемен и формирует основные черты характера и кровные связи в обществе и в цепи поколений.

Расовые задатки. Расовые задатки не реализуются в результате одного лишь стихийного роста и развития. Раса это скорее непреодолимые рамки возможностей положительных вариаций в определенном диапазоне. Ничто расово чуждое не может быть внесено в человека воспитанием, но воспитание производит отбор имеющихся задатков, стимулирует положительные и подавляет прочие. Расовые задатки достигают наивысшего развития лишь в том случае, если на них влияют и их направляют соответствующие расовому типу порядки, нравы и ценности общества.

Раса и народ. Никогда народ не совпадает с расой. Но это не значит, что для каждой расы, входящей в состав немецкого народа, нужно создать свою особую систему воспитания. Нужно скорее подвергнуть такому отбору и так воспитать господствующую «нордическую» расу, чтобы она стала прочным стеновым хребтом всего народного сообщества. Господствующая раса, устанавливая свои законы через государство, право, экономику и культуру народа в целом, указывает также цели воспитания всех соотечественников. Те, кто в своем поведении, образе жизни и работе всецело следует закону расы, считаются расово полноценными и принадлежат к политически руководящему отборному слою, являющемуся основой государства. Расовое воспитание усиливает аристократический элемент в

народе и государстве. Привилегии даются отборному расовому слою только благодаря его высоким достижениям и сознанию своего долга и ответственности перед государством и народом в целом.

Расовая теория. Расовое воспитание и воспитание характера основываются не на расовой теории, а на воле, которая снова целенаправленно проявляется нашей расой: на стихийной вере, которая становится силой, воспитывающей расу. Расовая теория должна стать частью системы образования и способствовать формированию расово-национального мировоззрения. Расовая иерархия ценности и расовое мировоззрение — цели всей системы национального воспитания и образования.

Расово обусловленные порядки. У всех народов свои, особые порядки в семье, в отношении к власти, в профессиональных объединениях и т. д. Своеобразие германской семьи и особенно развитое у германцев повиновение вождям, равно как их система ценностей и жизненное поведение выявляют расовую основу и главные черты характера. На этих уровнях можно достичь наивысшего развития расовых задатков подрастающего поколения. Германские дружины были местом воспитания германских героев. Возрождение этих форм с их героическими ценностями свидетельствует о новом развитии расовых жизненных основ. Если семья, профессии, государство и т. д. снова будут руководствоваться расовой системой ценностей, это окажет воспитательное воздействие на подрастающее поколение, на формирование его характера и мировоззрения (см. мою книгу «Формирование человека», главы «Германская дружина» и «Средневековый цех»).

Расово обусловленная культура. Все в нашей жизни является частью общей духовной собственности, культурного наследия, по крайней мере, на первых этапах развития. При этом культурное наследие регулярно воздействует на его обладателей, например, во время праздников. К этому нужно снова стремиться при будущем реформировании нашей культуры, которая была вырвана из жизнеустойчивости, в целом объявлена автономной и поселилась в особых помещениях. Новые общественные объединения снова обретают соответствующую их типу и цели культуру. Возрождается «мусическая» система воспитания. Если такая духовная собственность, тесно связанная с общественными объединениями и во время праздников, экскурсий и т.п. регулярно оказывающая воспитательное воздействие на их членов, согласуется с целями и мировоззрением общества, то в этом находят свое выражение расовый характер и расовые ценности, развивается расовая воля. Необходимыми средствами солдатско-героического воспитания являются поэзия, музыка и искусство.

Расово обусловленная наука. Любое познание, если оно хочет быть плодотворным, вплетается в жизненные отношения познающих и тех, кого потом будут учить тому, что познано. Плодотворное познание по необходимости связано с характером, порождается определенным направлением жизни, которое проявляется в манере задавать вопросы и находить ответы и передается новым поколениям в процессе обучения. Плодотворная и изначально расово обусловленная наука служит базой для создания мировоззрения и формирования человека в определенном окружении. Настоящая наука служит средством воспитания в сочетании с мировоззрением (см. мою книгу «Наука, мировоззрение и реформа высшей школы»).

Значение конфессий и церкви

Конфессия и мировоззрение. Догматические учения конфессий нельзя отождествлять с мировоззрением, как это часто делали в ходе культурно-политической борьбы в прошлом веке. Мировоззрение, как говорит само это слово, это осмысленный взгляд на существующие в мире взаимосвязи, на смысл нашей жизни и наше место в мире. Догмы же сводят религиозное отношение человека к Богу к формуле, а это отношение в значительной мере определяется типом и характером религиозного человека, его расовыми и национальными связями. В мировоззрении отношение человека к Богу становятся определяющей осью, но не более того. Немецкий протестант и немецкий католик имеют гораздо больше общего в мировоззрении, чем немецкий и южноамериканский католики, хотя последние принадлежат к одной церкви. Всех немцев связывают узы принадлежности к одному народу, расового и кровного родства; у них общие история, судьба, жизненное пространство, родина, язык, законы, государство, экономика, культура и все это отражается в национальном мировоззрении, которое поднимает народ в целом выше разделяющих его конфессий, племен, классов и уровней образования и должно привести немецкий народ к высшему единству, не схематическому, а органическому, в котором есть место для любых своеобразных форм, в том числе и для конфессий. В конце концов, каждый может смотреть на мир и на народ в целом, включать их в свое мировоззрение только со своей особой точки зрения, зависящей от конфессионального, племенного и иных факторов. Религия национально обусловлена, потому что каждый человек может приблизиться к Богу в своей вере, воспринять Откровение, познать творение и т. д., только в соответствии со своим расовым типом и своей

связью с процессами национальной жизни. Поэтому немецкие католики и протестанты имеют общее национальное мировоззрение, не смотря на разницу в догматике их вер.

Религия и воспитание. Религия, если она соответствует расовому типу, пронизывает всю жизнь как закваска. Но она не включает в себя всю жизнь, а религиозные деятели не должны управлять всей жизнью народа. Народ управляет сам собой с помощью своих органов, главный из которых государство как воплощение народной воли. Религия, врата, ведущие от человека к Богу и от Бога к человеку, постоянно должны представлять, как требует апостол, «доказательство духа и силы» во внутреннем оформлении жизни. Поэтому религия — задающая направление изнутри ось мировоззрения. Религии принадлежит важная роль в воспитании. Религия — источник воли к обновлению, к выходу из нужды и унижения, конечный смысл жизни. Религиозное воспитание должно быть делом церковных учреждений, преподавания религии в общественных школах, религиозного влияния культуры и связи с религией всех народных институтов, от семьи до государства. Но когда церковь стремится к господству в общественной жизни, стремится командовать семьей и создавать собственные учреждения для тотального воспитания, она переходит свои границы, становится политической системой и злоупотребляет религией в целях достижения политической власти духовенства. Религиозные общины всех видов — части народного целого, подчиненные законам и мировоззрению целого. В этом плане религиозные общины могут выполнять свою миссию религиозного воспитания.

Борьба за мировоззрение

Политика, государство, народные учреждения, культура, воспитание и образование имеют одну общую задачу и путь к решению этой задачи указывает общее национальное мировоззрение. Оно не выбирается произвольно, а определяется всем направлением нашей жизни, расой и характером, обстоятельствами и судьбой. Мы не «смастерили» наше мировоззрение, оно определено нашим типом, выработано в процессе наших отношений с остальным миром и человечеством, отсюда наш взгляд на мир и человека, на смысл и задачи нашей жизни. Поэтому неверно приравнивать мировоззрение к катехизису конфессии, к интересам партии или класса.

Мировоззрение и народ. Наше мировоззрение определяется нашей национальной жизнью в целом в соответствии с нашим расо-

вым типом, характером и жизненной волей, нашими нуждами и задачами. Но национальное мировоззрение это не схематически однородное, а органическое единство. Это означает, что каждый наш соплеменник вырабатывает свое мировоззрение своим путем. Он имеет право на своеобразие в рамках целого. Органическое мировоззрение представляет национальное единство в многообразии, не заставляя никого подчиняться схеме или коллективу. Так что своеобразие и узкий круг жизни всех наших соплеменников принимают участие в выработке национального мировоззрения. Это относится и к своеобразию личности, и к профессии, классовому положению, племени, месту рождения и конфессии.

Мировоззрение и конфессии. Раскол немецкого народа на конфессии — исторически обусловленная реальность, которую нельзя устранить политическим путем. Но различие конфессий не исключает органического единства национального мировоззрения, если это единство не нарушают чьи-либо притязания на политическое господство. Немецкие католики и протестанты живут на одной земле, у них одна судьба и общая история, они говорят на одном языке, имеют одинаковые обычаи, включены в одну экономическую систему и являются гражданами одного государства. Если общее поставить выше того, что разделяет, то обе конфессии войдут в органическое национальное единство, скрепленное узами общего мировоззрения. Каждый может по-своему чтить Бога, но представители обеих конфессий предстают перед Богом родственными по своему расово-национальному характеру, связанными общей историей и судьбой. Религия — ось мировоззрения, но последнее формируется в зависимости от расового типа и условий жизни народа. Поэтому немецкие протестанты и католики, в первую очередь, — немцы. У них гораздо больше общего между собой, чем с единоверцами из других народов, с которыми их объединяют только догмы и культ. Если поставить общее выше того, что разделяет, то и в этом направлении будет укреплено народное сообщество и национальное мировоззрение. Жизненным целым является не конфессия и церковь, а народ. Поэтому, в конечном счете, и мировоззрение, и религия национально обусловлены. Конфессии это вариации, элементы единого национального мировоззрения.

НАУКА, МИРОВОЗЗРЕНИЕ, РЕФОРМА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Арманен-Ферлаг. Лейпциг, 1934

Предисловие

В 1900 году в немецкой книжной торговле Кант был представлен очень хорошо, зато о более позднем немецком идеализме можно было найти лишь небольшие брошюры, о Гегеле — уже почти ничего; немецкий идеализм был распродан и сохранился лишь у букинистов. Потом пришло философски отсталое поколение, которое до Первой мировой войны наверстывало упущенное. Неоидеализм начал пересмотр установок позитивизма (также и в форме неокантианства) в науке, мировоззрении и поэзии. С уходом неоидеализма время философии вообще прошло.

Что дал неоидеализм? Он остался на эпигонском уровне. Он разбился о действительность, как всегда разбивается об нее чистая идея, если она не рождается самой этой действительностью, не подхватывается революционной, творящей историю стихийной силой и лишена творческого начала. Неоидеализм хотя и помог нам, предвоенной молодежи, критически оценить окружающую нас действительность, на большее он был не способен. Из-за разрыва между действительностью и мировоззрением мы ощущали бессилие идеи и снова уносились в особый мир «чистого» духа и «культуры», бежали от действительности, которую не могли подчинить своим идеям, в «высшие» миры, как и великие немецкие идеалисты прошлого. Как будто снова возродился «народ мыслителей и поэтов», который сто лет назад соседние народы любили именно за то, что он не мог покончить со своим злосчастным прошлым, влачил растительное существование в раздробленных мелких государствах и в бессильной Германской империи римской нации, а духовно возвышенные обыватели пели песни Шуберта, щеголяли терминами Гегеля и читали стихи Гете, предоставляя другим государствам делить мир на сферы влия-

ния... Это было бегство от действительности в мир истины, добра, красоты, «культуры» и чистого духа. Гегель в 1818 г. заняв кафедру Берлинского университета, счел нужным запереть в аудиториях молодежь, которая жила идеей национального государства, и призвать ее, после того, как штурм действительности не удался, создать царство чистого духа, в котором мысль будет наслаждаться самой собою. В аудиториях и книгах Гегель, друг юности которого, Гельдерлин, взывал некогда к народу и боеспособной молодежи, демонстрировал теперь неполитическому, безгосударственному и не осознающему самого себя народу эрзац государства в виде идеалистической философии государства, вследствие чего этот народ потом более ста лет упрекал окружающий мир в идолопоклонстве перед государством. Но нам так никогда и не удалось стать понятными для других народов и мы, наконец, бросили попытки объяснить другим нашу суть. Когда мы, как «народ мыслителей и поэтов», создаем для других музыку, поэзию и философию, они презирают нас за наше бессилие, а когда мы, став политической и экономической силой, требуем своей доли жизненного пространства, возникает страх перед нашей неисчерпаемой жизненной силой. Мы навсегда останемся для других народов чужими, источником беспокойства. Но мы должны гордо идти своим путем, предначертанным судьбой.

Эпоха Бисмарка была эпохой позитивизма, который оттеснил на задний план идеализм вместе с музыкой, поэзией и философией. Идеализм когда-то находил утешение в «высших» мирах, теперь же все поглощала повседневная практика. Великой цели не было, предостережения и протесты Лагарда, Ницше и других не были услышаны. Но были ли мы довольны? «Неоидеализм» стал для поколения 1900 года формой протеста против действительности Второй империи. Но мы оставались бессильными эпигонами. По сути не было еще ни единого народа, ни единого государства, были позитивистская буржуазия и зараженный марксизмом рабочий класс, разные конфессии, княжества и партии.

И тут судьба заговорила с нами жестким языком. Мировая война ворвалась в наш дом, аки тать в ночи. Но после поражения настала час национального возрождения.

Но окажется ли немецкий национальный характер достаточно сильным для достижения цели, поставленной Судьбой?

Мы стали, наконец, народом, дозрели до уровня политического народа. Путь закончен, но цель будет достигнута лишь тогда, когда он будет как одно тело и одна душа, когда он будет сплочен и единым мировоззрением. Существовала ли когда-либо более высокая миссия?

В моей книге «Немецкая государственная идея» (1917 г.) я впервые наметил эту великую цель... И перед наукой открылся путь к тому, чтобы стать преобразующей действительность и формирующей человека силой. Но ученые отвергли мою книгу, отнеся ее к разряду «лжепророчеств». Тем хуже для науки, которая обрекла себя на бессильную отстраненность. Но именно в названной книге был впервые описан тип новой науки, науки будущего... С тех пор я постоянно боролся за обновление науки на новом уровне реальности. Данная книга — последний плод этой борьбы за новую науку, часть борьбы за обновление народа и государства. И если профессора, нацепившие свастику, не являются моими союзниками в этой борьбе, это свидетельствует не о неправоте моего дела, а о неправоте этих профессоров. История нас рассудит.

Эта книга представляет собой сборник статей, опубликованных, большей частью, в моем журнале «Фольк им Верден». Эти статьи — не разрозненные работы, а части большого плана.

Э. Крик. Гейдельберг, июль 1934

Конец научной идеологии

Последние столетия западной культуры отличаются тем, что человеческий разум стремился освободиться от связей с жизнью и возвыситься над ней. В любом мировоззрении, в любой теории разум ведет себя как суверенный господин надо всем прочим, и историческое развитие последних веков, завоевание Западом мира благодаря своей технике и экономике неразрывно связано с рационализмом, самым чистым и совершенным выражением которого стали наука и философия этих веков. Рациональная наука претендует на господствующие позиции в культуре и истории.

Неверно, как часто утверждают, будто этот рационализм — порождение протестантских народов и примкнувшей к ним католической Франции. Он готовился давно аристотелизмом схоластов и гуманизмом, т.е. на романско-католической почве. Но в Италии рационализм был подавлен контрреформацией, а в Испании церковь не позволила ему поднять голову.

Господствующую научную теорию этой эпохи, которая оказывается на поверку научной идеологией, дал Кант в «Критике чистого разума» и «Пролегоменах», суммировав ее в трех основных вопросах: «Возможна ли чистая математика?» «Возможно ли чистое естествознание?» «Возможна ли метафизика как наука?» Кант думал, что исчерпал этим понятие «чистой науки» и очертил сферу «чисто-

го разума». Но Кант этим не заглянул в будущее, а закончил то, к чему стремились два века до него. «Чистую науку» Кант видел, главным образом, там, где применялась математика или точная методика. Кант не смотрел в будущее, потому что, для подтверждения своей теории, он сразу же напал на Гердера: в развитии гуманитарных наук Кант увидел угрозу для своей философии. Для него было лишь два основных вопроса: «Звездное небо надо мной и моральный закон во мне», связанные с «сознанием моего существования» и выражающие все рациональные закономерности. Это было успехом Гердера, что Кант потом в «Критике способности суждения» вынужден был заняться проблемой «организма». Но проблема гуманитарных наук была для Канта исчерпана «моральным законом во мне». Но впоследствии Канту пришлось оставить чисто механистическую, рационалистическую точку зрения. Удар, нанесенный Канту Гердером, достиг цели.

Труды Канта оставались исходной точкой научной теории и идеологии до наших дней, включая философию немецкого идеализма, неокантианство и позитивизм, спор об «отсутствии предпосылок» и «мировой свободе» науки, пока великий революционный переворот окончательно не опрокинул эту научную идеологию «чистого разума».

Зачатки иной научной теории есть у Гердера, Гете, романтиков, великих историков и у Ницше, но они никогда не были систематически разработаны и им никогда не удавалось достичь победоносного прорыва.

Основные черты господствующей научной идеологии таковы:

1. Чистый разум» — собственно человеческое качество, высокое и достойное в человеке, его назначение и задача. Его господство в жизни должно быть абсолютным, поэтому его нужно очистить ото всего инстинктивного, низкого, земного. Разум постоянен во всем человечестве, независимо от места и времени, он везде один и тот же.

2. Процесс развития человечества это процесс самоочищения и совершенствования разума. В совершенном человечестве в конце времен проявится чистый разум. Не будет больше ни государств, ни границ, ни войн, ни исторического развития, а единое, совершенное, умиротворенное человечество, живущее только по законам чистого разума.

3. Первоначально — у Канта — разум был в значительной степени тождественен природе. Позже немецкий идеализм превратил чистый разум в чистый дух, противопоставил его природе и заменил им прежнее Откровение. Новой троицей стали Истина, Добро и Красота.

4. Одна сторона чистого разума, идея истины, воплощена в науке. Чистый разум у всех людей, в каких бы условиях они ни жили, один и

тот же и является абсолютным субъектом чистого познания, познания абсолютного, безусловного, обязательного для всех времен и народов. В «прогессе человечества» наука, таким образом, играет главную роль.

5. Истина достигается за счет того, что аппарат чистого разума беспрепятственно применяется к опыту. Чистый разум несет истину в себе и сам является истиной. Если разум отвлекается от опыта и делает предметом изучения самого себя, то возникают трансцендентальная теория, математика и т.д. Кант стремился оторвать аппарат чистого разума от действительности, от всего живого, превратить его именно в аппарат, механизм, а человека — в автомат Бэкона. В сфере чистого разума и чистого духа человек становился бездушным и бестелесным призраком. Со времен Канта наука целый век развивалась в этой механистической плоскости.

6. Со своим чистым разумом и научной идеологией западный человек сделал себя мерой всех вещей, мерой всех времен и народов, которым он навязывает свои законы, свои истины и ценности, претендующие на звание абсолютных.

Спор об объективности науки в конце XIX века был сначала спором схоластов: с одной стороны выступала наука, связанная с церковными догмами, а с другой — свободная, рациональная наука. Мы сегодня стоим на третьем уровне, а обе названные разновидности науки уходят в прошлое.

В 1901 году Т. Моммзен как представитель чисто рациональной науки писал в своей статье «Университетское преподавание и конфессия»: «Объективность любого научного исследования это идеальная цель, к которой стремится каждый сознательный человек, но которой никто не достигает и не может достичь. Свои религиозные, политические, социальные убеждения каждый носит с собой и формулирует их в зависимости от своего опыта. И хотя наш священный долг, даже имея дело с убеждениями, противоположными нашим, попытаться 'все понять и все простить', это под силу лишь Богу, но не нам, смертным».

Итак, теория зашталалась: идеал чистого разума, хотя и сохраняется как цель научного познания, но объявляется недостижимым. Моммзен в своих работах по римской истории, особенно в изображении Цезаря, сознательно опирался на свое мировоззрение, на свои политические убеждения. Они стали для него путеводной нитью, принципом исторического синтеза, что позволило ему сделать историческую картину живой и непосредственной: в зеркале римской истории отразился его либеральный демократизм. Объективность науки — новое издание идеологии чистого разума — превратилась, таким образом, в фикцию.

Моммзен хорошо знал, что в своей собственной научной работе он шел не по пути, указанному его идеалом. Носители научной идеологии часто в упор не видели научную действительность. Это противоречие характерно для всей истории науки в XIX веке.

Иным образом это противоречие проявилось в споре о «свободе ценностей» науки, последней попытке спасти идеологию чистого разума в новом варианте. Поражение Макса Вебера, великого либерального бойца, знаменовало собой конец позитивистской и неокантианской научной идеологии. Легко показать, что за всеми научными трудами Вебера, последним монументальным достижением либерализма, кроются его мировоззрение и его политические взгляды, которые подсказывают характер вопросов и ответы на них.

Особенно характерно для либерализма обособление отдельных областей и функций жизни, например, экономики, культуры, религии, как от государства, так и друг от друга. М. Вебер писал, что наука имеет свои законы, а политика — свои, чтобы защитить науку от злоупотреблений, а политику — от фальсификаций. Но речь при этом шла о политике и науке, которые обе деградировали.

Если бы Вебер строго придерживался своего учения, он увидел бы в самом себе образец того, как живой человек может расколоться на две части, не имеющие между собой ничего общего. В личности Макса Вебера воплотилось мировоззрение либерализма, но его научные и политические взгляды представляли собой две автономные области. Вообще, вся «социология», законное дитя либерального века, возникла и развилась на мировоззренчески-политической основе, как и теория Макса Вебера, в результате чего его научная идеология рухнула, учение о «свободе ценностей» было опровергнуто, зато были спасены цельность его личности и смысловое единство его трудов. Это была «политическая» наука на базе умирающего либерализма.

Макс Вебер был последним глашатаем рационализма, последним героем либерализма.

Теперь принцип национально-политического единства объединяет мировоззрение и действительность и является решающим также для религии, науки и искусства... В результате полностью изменяются положение науки и ее задачи, изменяются не только предметы научного познания (например, расовая теория и т.п.), но и методы.

Время безраздельного господства рационализма в мировоззрении и науке прошло. Однако поворот к «иррационализму» был детской и неуклюжей реакцией: нельзя просто поменять плюс на минус. Разум, как ему положено по природе, должен служить высшему целому, но сохраняя свое значение и достоинство.

Этому соответствуют характер и задачи будущей науки. Наука по природе своей подчинена разуму, «иррациональная наука» это бессмыслица, вроде деревянного железа.

1. Наука не живет познанием истины, действительной для всех времен и народов, она выражает в рациональной форме, в соответствии с мировоззрением, связанную с народом и эпохой, обусловленную расой, характером и судьбой истину.

2. Наука не стоит вне событий на вечном и неприступном острове чистого, абсолютного разума. Вместе со своими методами, ценностями, целями и задачами она участвует в жизни, в историческом становлении народа.

3. Наука основывается не на механизме и аппарате чистых, автоматически работающих форм разума, ее основные рациональные формы и категории вырастают каждый раз заново, в зависимости от ситуации и задачи, цели и пути, из неисчерпаемой почвы человечества и расы. Нет «чистого разума» и «абсолютной науки», есть разум, наука и познание истины, действительные для нашей расы, нашего народа, нашей исторической ситуации и задачи.

4. Разум, наука, истина, методы, категории, предмет познания, личность — все это «преходящие моменты» (Гегель) нашего национально-политического жизненного целого.

5. Ход истории это не поступательное движение человечества или народа к конкретной конечной цели. Нет также прогресса разума, истины и науки. Есть живая и конкретная история, возникновение все новых и новых форм из недр народной жизни, пока эти недра не исчерпаны. История развивается не по схеме, которую можно заранее рассчитать, а в зависимости от соотношения сил, в связи с чем возникают новые задачи, открываются новые возможности. Разум, наука, истина также зависят от этого хода истории.

Путь немецкой науки ведет не к свободному рационализму и тем более не к догматической схоластике, заменяющей религиозную догму расово-политической, а к удовлетворению жизненных потребностей немецкого народа. Наука должна сохранять с ним внутреннюю связь, но она останется делом свободных, творческих личностей, осознающих свои обязанности перед народом и свой долг перед идеей.

Кризис в антропологии и медицине

Все эпохи, которые пытались понимать мир как механизм (через математику, физику и химию), представляли себе и человеческую жизнь как машину. Несомненно, они скользили тем самым лишь по

периферии жизни, подчиняя механическим законам лишь ее отдельные, изолированные области. Но скоро освоение мира с помощью механистической науки и техники наткнулось на непреодолимые границы, хотя во времена триумфального шествия «прогресса» наличие таких границ отрицали.

Реакция XVIII века против механистического рационализма 17го века, который и в органическом царстве видел машину, началась с новой биологии, с учения об организме как о самостоятельной сфере действительности. Собственные законы живого характеризовались разными терминами (энтелехия, организм, стремление природы к формообразованию и т.д.). Романтики попытались потом под термины «организм» и «развитие» подвести и духовную жизнь людей, включив ее в живое целое. Контрудар Гердера по критицизму заставил Канта прибавить к своей критической системе третью часть «Критику способности суждения», в которой он ушел от чистого механицизма в сторону биологизма. Так закончился первый период механицизма в истории западной культуры.

Вторая половина XIX века в связи с победным шествием техники и капитализма породила новую волну механистических объяснений мира и отход от биологизма. Жизнь стали опять выводить из механистических принципов. Казалось, на этот раз окончательную победу поможет одержать химия. Неовитализм знаменовал собой конец этой второй механистической волны, но он не обогатил биологию новыми принципами. Новая эпоха началась лишь после Первой мировой войны, когда разные области науки устремились к идее целостности.

В этот переходный период наука переживала кризис. Победное шествие теории относительности было научно-музыкальным сопровождением Веймарской эпохи, научным эквивалентом периода упадка и разложения немецкого народа. Не случайно ведущую роль при этом везде играли евреи: в марксизме, в парламентаризме, в подрывающем собственные позиции капитализме, в упадке либерального и гуманистического мировоззрения. Евреи заправляли в юриспруденции, медицине, психологии, математике, философии, проникали даже в теологию. Как чужеродные тела, они всюду вносили разложение.

Теория относительности в другой области соответствовал насквозь механистический, придуманный евреями психоанализ с его уклоном в т.н. индивидуальную психологию.

Теория относительности претендовала на роль совершенно нового мировоззрения, Эйнштейна приравняли к Копернику. В действительности же она была, как показал Кассирер, последним выводом механицизма, поскольку стремилась растворить все качественные

различия, всю реальность, в количествах, измеряемых и вычисляемых величинах. Весь мир загонялся в формулу совершенно опустошенного 4⁻мерного пространства-времени. Никакого «мировоззрения» здесь не было, его заменила формула. Цель, к которой стремились все сторонники механицизма, была достигнута. Не случайно теория относительности связана с радикальным, отрицающим народ и государство пацифизмом: как с теоретически-механистической, так и этико-политической стороны общей, конечной целью было ничто, нигилизм. В устремлении к этой цели теория относительности и пацифизм сошлись с психоанализом, индивидуальной психологией и онтологией (у Хайдеггера). Все они выросли из одного корня и знаменовали собой конец культурно-исторического периода, основной принцип которого дошел до самоуничтожения в нигилизме.

Характерной для всех этих теорий была их двойственность. В зависимости от того, что требовалось, их выдавали за революционные принципы нового мировоззрения, открывающие новую эпоху, или всего лишь за методы решения специальных проблем конкретной науки. Сегодня такая тактика уже невозможна, потому что теперь мы знаем, что нет и не может быть никакой специальной научной методики и терминологии, которая не вытекала бы из мировоззрения и не была бы связана с определенной политической позицией. Эйнштейн, Адлер, Фрейд и прочие прекрасно знали внутренний смысл своей науки и осознавали мировоззренчески-политическое значение своего нигилизма. Маска специальных наук предназначалась для обмана немцев и других западных народов, глупо верящих в «объективность» науки. Нигилизм служил цели обеспечения еврейского господства.

Фикция чистой рациональности, объективности и науки, обязательной для всех, потому что для нее нет ни расовых, ни национальных, ни временных, ни пространственных пределов, утвердилась в науке с 17го века. Но этот принцип пришел к саморазрушению в силу действия того же закона, благодаря которому он появился.

На протяжении всего этого периода истории западной науки и техники неизменным оставался принцип познания, и только когда он был поколеблен, названный период закончился. Речь идет о фикции абсолютности или чистого субъекта познания и истины.

Каждая отдельная наука и каждый период развития молча предполагали то, о чем вслух вещала научная идеология: познающий, как субъект чистого познания, как воплощение абсолютного разума, стоит на вечной скале, которая возвышается над потоком событий. Само научное познание — вне действительности, абсолютный субъект чужд

объекту по своей сути. Эта теория познания разделяла мир на две части, что делало невозможным понимание самого процесса познания. Пришлось наводить мост через ранее вырытый ров и склеивать разбитое. Такова судьба любой дуалистической теории познания и рациональной метафизики. Отсюда идея изначальной гармонии, окказионализм, рациональный монизм, учения о «*tabula rasa*» и о душе как зеркале — от чистого разума, от творящего природу абсолютного духа. История философии — это непрерывный бег по кругу.

Новый исторический период ставит иную задачу: политическое, национальное и расовое оформление новой действительности в самом человечестве в соответствии с руководящей идеей жизни как целого.

Тем самым обретает смысл и витающая в высях мнимой абсолютности, чистой рациональности, духовности и субъективности проблема познания. Проблема познания это проблема преобразования действительности путем осмысленных действий. Познание неотделимо от действия: так преодолевается дуализм формы и содержания, субъекта и объекта познания, разума и жизни, духа и природы, души и мира, отдельного человека и общества. Это не означает, что они сливаются в бесформенную кашу: они сохраняют свое своеобразие, но образуют единство, подчиняясь закону целостности.

Познание также участвует в действительности, как и познающий. Познание — одна из функций жизни. Душа отдельного человека, как и его кровь, уходит своими корнями в то сообщество, к которому он принадлежит...

... Проблема здорового и больного человека неразрывно связана с мировоззрением. Вся медицина с ее определениями здоровья и болезни и методами лечения развивалась вместе с человечеством и мировоззрениями.

До недавних пор и в медицине господствовал механистический подход. Теперь стал возможным совершенно иной взгляд на медицину.

Как ясно показывает философия Платона, общество и мировоззрение греков в лучшие времена были подчинены законам полиса как целого. Полису требовался цельный человек, поэтому он занимался формированием такого человека. У Платона это было уже заблуждением рационалистической эпохи, что он сделал философов правителями своего государства. Государственная философия, заняв место приходящего в упадок государства, не могла задержать его гибель.

Когда полису требовался цельный человек, задачей политики было обновление расовых, кровных основ. Поэтому Платон сделал полис средством выращивания расы, системой отбора нужных полису здоровых людей. Соответственно решалась полисом и пробле-

ма здоровья и болезни: греческому полису и платоновской философии требовались политические врачи, политическая медицина и политические нормы здоровья и болезни. Врачи и методы лечения зависели от мировоззрения, от политики. И целью, которую они преследовали, был отнюдь не гуманизм...

Христианство радикальным образом разрушило самосознание античного человека. Здоровым оно объявило то, что способствует спасению, а больным — то, что ему препятствует. Представления античного мира о Мировом порядке и смысле жизни были поставлены с ног на голову. Методом лечения стала терапия души с помощью молитвы и сакраментальных манипуляций священников. Однако христианское мировоззрение было все же компромиссом с античной культурой в ее неживой, окаменевшей форме поздней античности.

Ставшая консервативной христианская церковь принесла северным народам наряду с другими культурными благами и позднеантичную медицину. Из этого культурного наслоения вытекали все внутренние противоречия, которыми были так богаты якобы цельные Средние века. Это латинское наслоение подавляло народную медицину с ее германскими представлениями о здоровом и больном, сформировавшимися на германской расовой основе.

Решающий удар по гуманизму и схоластике, который не удался Лютеру, нанес Парацельс. В нем античные влияния пробудились к новой жизни в сочетании с германским наследием. Парацельс разработал новые представления о мире и человеке, о здоровом и больном, о смысле жизни и методах лечения в соответствии с этим смыслом.

Революционер высокого полета, Парацельс был порождением эпохи немецкого подъема в XVI веке. Сегодня мы смотрим на эту первую Великую немецкую революцию как на предварительный этап, не достигший своей цели, как на завет для будущего.

Ранке, великий толкователь этой первой немецкой революции, осознавал ее глубину и значение. В конце своей «Германской истории в эпоху реформации», говоря о ее движущих силах, он особо упомянул Мюнцера, мюнстерских анабаптистов и Парацельса. При этом Ранке, человек осторожных, взвешенных оценок, избегающий последних выводов, приходит к неожиданному заключению: соединившись, эти три силы преобразили бы мир.

Но каждый шел своим путем к своей цели, поэтому радикальный прорыв не был достигнут. Но Парацельс создал совершенно новое представление о природе и человеке, включая учение о цели и смысле жизни. И сегодня нам следует поставить его наравне с Лютером, заново открыть и оценить его поэзию и труды по естествознанию и медицине.

С XVII века, с наступления эпохи рационализма, представления о человеке, о здоровье и болезни постоянно менялись, вместе с методами медицины. В конечном счете победил механистический подход. Его основные предпосылки:

1. Нет никаких принципиально неразрешимых проблем и тайн.
2. Человек это машина, химический механизм. Болезнь — отклонение от нормы в теле.
3. Здоровье и болезнь это естественные явления, и заниматься ими должны только естественные науки.
4. Медицина как область естествознания действительна для всех времен и народов, потому что обладает абсолютной истиной.
5. Каждая болезнь рассматривается изолированно от общего состояния организма.
6. Согласно господствующей научной идеологии, врач со своей диагностикой и терапией — как и педагог — стоит вне действительности. Это не человек во плоти, а призрак чистого знания и технического умения.

Медицина переживает кризис, как и антропология, частью которой она является. Как выясняется, клеточная теория и клеточная патология Вирхова неразрывно связаны с его мировоззрением и политикой, точно так же, как религиозная социология М. Вебера.

Ни физика, ни медицина, ни педагогика, ни психология не имеют своего мировоззрения, как не имеет своего особого мировоззрения и отдельный человек. Любое мировоззрение обусловлено судьбой и историей, профессией и социальным положением, расой и сообществом, к которому человек принадлежит.

* * *

Хотя немцу вряд ли придет на ум пригласить для лечения своей болезни шамана из Сибири, по крайней мере, в сфере западной культуры врач и наука это некие абсолютные величины и соответственно врач считает своими пациентами все человечество. Однако шаман у себя на родине, вероятно, достигнет большего успеха в лечении, чем западный врач. Западные наука и техника действуют только в форме западного империализма...

Великий Гиппократ изучал человека в его реальных жизненных взаимосвязях. Он поднял традиционный греческий опыт на уровень науки, применив рациональный принцип тогдашней греческой философии в области здоровья и болезни. Но когда другие народы той эпохи обращались к греческим врачам, они лишь расписывались

этим в своей слабости, отказывались от самобытности и становились на путь эллинизации.

В греческом полисе врачи были официальными лицами с политическими обязанностями. Здоровье, как и политика и воспитание, не были частным делом. В среде другого народа греческий врач, даже обладая знаниями Гипократа, терял свое значение.

Медицина должна отказаться от своих претензий на универсализм, стать национальной и политической. Шаман выше западного врача, когда он выполняет в своей среде свою миссию, чем наши универсалисты похвастаться не могут. Лицо нашей будущей науки не будет больше универсалистским. Обмен научными достижениями между народами в результате этого не прекратится, но немцев смогут лечить только немецкие врачи, люди одной крови и расы со своим народом.

Поворот от механистической медицины к органофизиологической, от натуралистической — к идеалистической, это лишь этап кризиса медицины, но не его конец, как переход от индивидуалистической социологии к идеалистически-органологическому учению О. Шпанна — лишь промежуточный этап. Никакой вид неидеализма не приведет нас к намеченной цели, а только несет с собой опасность эпитонства...

Педагогика и политика заключают плодотворный союз с медициной и политической антропологией ради достижения одной и той же цели.

Перед врачами III Рейха стоят совершенно иные задачи, нежели перед врачами гуманистической, либеральной, индивидуалистической и механистической эпохи. Для политического врача III Рейха может стать долгом и необходимостью то, что врач прошлой эпохи считал бы преступлением. Законы расовой гигиены и демографической политики указывают этот путь.

Медицина указывает врачу путь, но не создает для него позицию с претензией на абсолютное значение вне общественной жизни.

Поскольку врач и медицинская наука больше не являются абсолютными величинами вне живой действительности общественной жизни, и болезни перестают быть изолированными, замкнутыми в себе явлениями, а должны рассматриваться с учетом совокупности всех жизненных условий пациента. И врач, и пациент — члены общества, и не наука помогает пациенту, а один человек — другому человеку, один член общества — другому члену общества, один соплеменник — другому соплеменнику.

При современном примате политики нам нужны политические врачи с политической диагностикой и терапией, равно как политическое воспитание, политическая экономика, политическое искусство и политическая наука.

Расово-национальная политическая историософия

Возникающая сейчас новая историософия — важная часть нового мировоззрения на расово-национальной основе, его временное измерение. Вопрос «Куда мы идем?» связан с вопросом «Откуда мы идем?» Народы, не имеющие прошлого, не имеют и будущего. При этом надо в первую очередь избавиться от предрассудка, внушенного нам исторической наукой: история — это то, что происходит сейчас, а не то, что уже произошло. Современность это точка, в которой встречаются прошлое и будущее. Ныне живущее поколение немцев переживало историю начиная с 1914 г. с такой полнотой, как ни одно другое поколение. Сделанный нами исторический выбор определяет наше новое мировоззрение.

Этот выбор сделан между религиозным и политическим полюсами. Пережитые нами события изменили наше отношение к Богу и заставили по-иному поставить вопрос о смысле жизни. Поскольку речь идет уже не об индивидуальном отношении к Богу, а об отношении к Нему судьбоносной связи расы, нации и истории, отсюда вытекает примат политики: задача политического оформления национального, расового сообщества. Сознание этой ответственности перед Богом, народом и будущим является религиозной и политической, национальной и расовой составляющей нашей историософии, нашего взгляда на историю немецкого и других народов, на античность, на христианство, на древних германцев.

История это не сумма деталей, отдельных фактов, событий, личностей и т.д. равно как народ это не сумма отдельных людей. История начинается только с осмысления взаимосвязи этих деталей, с определения линии судьбы в становлении народов как цельных живых образований высшего порядка.

Естественной основой народа является доминантная раса, ценности которой становятся ценностями народа. Естественная основа национальной истории — стабильность расы несмотря на смену поколений и миграции.

Но одна эта **естественная основа не определяет** линию исторической судьбы в процессе становления народа. Согласно законам природы, каждое новое поколение должно воспроизводить предыдущее, как у животных и растений. Их бытие обусловлено породой, но у них нет истории, нет судьбы и творчества, присущих только людям. Как же и почему новое поколение, сохраняя постоянство основных черт расового и национального характера, ставит перед собой иные цели, нарушает традиции, производит революции?

Расовая основа народа также переживает исторические **изменения**. Смешение рас ведет к упадку народов и культур, расовый отбор — к их возвышению. Но линия исторической судьбы не проходит только в диапазоне между упадком и возвышением расы, т.е. **не в сфере органической жизни**. История и судьба — результат напряжения между религиозным и политическим полюсами.

Почему новое поколение вдруг ставит перед собой иные цели? Почему становятся необходимыми революции и при каких предпосылках они возможны? Разумеется, дело не только в естественном росте, в размножении народа на тесном пространстве, а также не в волевых решениях и рациональных соображениях. Когда и при каких условиях возможно создание государства? Все решающие исторические события это политические решения, уходящие своими корнями далеко за пределы как «природы», так и «духа», в **метафизическую область**. Они становятся возможными, когда наступает их час, когда с ними кайрос, харизма, призвание, судьба, фортуна, счастье в древнегерманском смысле. Не случайно все великие основатели государств и полководцы верили в Судьбу...

История творится между метафизическим и политическим полюсами, словами пророков и делами героев. История это осуществленная политика, политика это заданная история.

Есть **политическое понятие расы**, которое **важней** всех существующих **расовых теорий** и исследований. Это политическое понятие расы включает в себя следующие определения:

1) Расовое единство и расовая чистота не наличествуют вместе с реальностью народа.

2) Раса это постоянная основа, которая включает в себя постоянство характера, закон, в равной мере действительный для души и для тела, и определяет жизненное поведение, ценности и мировоззрение.

3) Доминирующая в немецком народе **нордическая раса** — стальной хребет народного сообщества и государства, религии, права, экономики, искусства, науки, воспитания и образования. Поскольку она в результате отбора четко выделяется из расовой смеси, в национально-политическом сообществе немцев возникает отборный политически-духовный слой.

4) Доминирующая раса — постоянный, основной элемент в истории немецкого народа, определяющий постоянство его характера, поведения и мировоззрения, а также его реакции на судьбоносные события истории.

5) Раса проявляется в воле, поведении и мировоззрении в соответствии с расовыми ценностями. Германские ценности со-

ответствуют героическому, солдатскому политическому идеалу, и первые места среди них занимают честь, верность вождю, товарищество, умение владеть как оружием бойца, так и оружием духа, правдивость, связь со своим народом как целым, социальная справедливость. На этом зиждутся государство, общественное устройство, культура и воспитание.

6) Воспитание и образование могут довести до совершенства лишь то, что заложено в расе в виде задатков. Используемые для этого методы, ценности и формы жизни, чтобы они действовали при воспитании в надлежащем направлении, должны сами иметь в своей основе расовое начало.

7) То, что присуще расе, проявляется в реакции человека определенной расы на творения и достижения других людей его расы. Пример — отношение греков к храму Афины, творению Фидия. В этом особенно ясно проявляется живое, политическое значение расы.

8) Закон руководящей нордической расы распространяется на все народное сообщество, т.е. и на людей негерманской крови. Германская кровь проявляется при этом таким образом, что только ее носители могут действительно следовать законам расы. Так осуществляется в народе отбор, расслоение по рангу на господ и слуг, так возникает новая аристократия.

Изучение расовой теории в школах не поможет вырастить расу. Это верх непонимания, путать расовое воспитание со знанием расовых теорий. Основной вопрос в том, насколько мы расово полноценны, а не в том, знаем ли мы расовые теории, которые к тому же отстают от жизни. Преподавание биологии относится к расовому отбору так же, как тонкая эстетическая теория к художественному творчеству, как экономическая теория к здоровой экономике. **Никогда действительность не вырастает из идеи,** бытие не основывается на теории. Теория — побочное явление действительности, сознательное выражение внутренних сил в процессе становления.

В человеке может развиваться только то, что содержалось в его задатках. Все прочее, наносное, лишено сути, приклеивается как ложный фасад. **Но расовые задатки могут развиваться до зрелости и совершенства лишь благодаря тому,** что в воспитании, жизнеустройстве и ценностях выражает суть данной расы в ее творческих достижениях.

Во всем мире есть институты, формально соответствующие германской семье. У всех народов и во все времена можно встретить организации типа мужских союзов и дружин. Но германская семья и дружина, пока крепка нордическая раса, будут формами выражения этой расы, ее жизни с ее особым направлением, мировоззрением

и особыми ценностями. Эти формы жизни постоянно обновляются на расовой основе по ее законам и доводят до совершенства расовые задатки. Такова сущность расового воспитания.

Эпоху воспитания греческой аристократии завершает Пиндар. Он воспевал борьбу как форму воспитания своей расы. Каждый благородный грек знал, что его расовые достоинства — наследие его предков и он не может быть ничем иным кроме того, к чему он предрасположен этим наследием. Но каждый благородный грек знал также, что **сами по себе расовые задатки не разовьются** до совершенства. Отсюда греческая система воспитания, отсюда предостережение Пиндара: стань тем, что ты есть, к чему ты призван.

Кроме родового и семейного устройства высшим выражением нордической расы в социальном плане была дружина с ее системой воспитания и ценностями. В ней по законам своих расовых ценностей воспитывались германские герои. С ней было глубинным образом связано мировоззрение, выражавшееся в мифах, религии, поэзии и искусстве. Как и у греков, поэт здесь был пророком, воспитателем и духовным вождем. В истории германских народов их политические и общественные формы жизни, религия, мировоззрение, ценности и воспитание составляли на основе расового предназначения и призвания одно целое, единый организм.

Германская поэзия прославляла героев. В этом раскрывала и совершенствовала себя раса. Отвечая на вопрос «откуда мы?», мы получаем ориентиры на будущее.

Но главная проблема истории — линия судьбы народа, неразрывно связанная с проблемами политики и религии.

Линия судьбы немецкой истории такова: немецкая история это становление немецкого народа, его возрождение и обновление после всех неудач, поражений и распадов, это бесконечная линия судьбы и омоложения, конечная цель которой — стать во главе человечества.

Поэтому задача немецкой философии истории — выявить полярность постоянства характера при всех исторических изменениях и сил революции и возрождения при сохранении расовой и национальной непрерывности. Постоянство указывает на расовую основу, а движущие, судьбоносные импульсы поступают из **метафизической и религиозной областей**, как показал Ранке в своей метафизике истории. Бог раскрывается в истории в судьбе и творческой деятельности избранных.

Все подлинные революции это обновление действительности на живой национальной основе, поэтому они радикально-консервативны в смысле Лагарда: творческие силы поддерживают жизнь наро-

да, обновляя ее. Поэтому **вера** — стихийная сила истории и творчества, отсюда ее воспитательная сила.

Вера ставит перед нами задачу воссоздать Митгарт наших германских предков на новом уровне. Этот Митгарт — суть германского сообщества, его кровных связей, его привязанности к своей земле, его героических ценностей, его иерархии и социальной справедливости. Целое выше его части, общее благо выше собственного, каждому свое — таковы главные законы нового Митгарта.

Описание жизни древних германцев — средство расово-национального воспитания. Радикально-консервативный характер национал-социалистической революции проявляется именно в том, что она устанавливает связь между отдаленным прошлым и будущим.

Вера рождает плодотворное знание и творческую науку. Было бы **смертельной ошибкой** переносить зародыши разложения из гниющей эпохи, **основывать немецкую веру**, а с ней и немецкое будущее **на науке и знании**, ставя тем самым с ног на голову принципиальное соотношение между верой и знанием. Уходящую эпоху погубил автономный рационализм. Тот, кто теперь хочет основать немецкую веру на немецком знании, т.е. прочное и надежное на ненадежном и текущем, тот переносит либерализм в замаскированной форме в III Рейх и вредит стихийной силе движения. Эти люди могут рисовать свои исторические картины в пустых пространствах прошлого и без конца спорить об их правильности. Но не надо навязывать нам веру и мировоззрение из прошлого в качестве предписаний на будущее (это относится ко всем наукам, не только к истории. И **для расовой теории вера** имеет **приоритет** перед теоретическим знанием). Современность — ось прошлого и будущего, ее творческая, непосредственная вера определяет мировоззрение и историософию.

Расовая теория переросла натурализм и материализм. Наша раса определяет направление нашей жизни, служит стержнем народного сообщества, хотя теория еще не вполне разработана. Но мы давно уже поняли, что никакое государство и никакое национальное будущее **нельзя основать на светлых волосах, голубых глазах и измерениях черепов**, а только на поведении, воле и мировоззрении народа определенной расы. Раса для нас это закон, одинаково действительный для тела, души и духа. Раса совершенствуется в своих обычаях, жизненном поведении, ценностях и законах. Раса дана нам в крови в виде наследственных задатков. Но расовое поведение и совершенствование всегда определяются **воспитанием** в рамках порядков и культуры, созданных данной расой. Раса это обязанность и ответственность перед будущим.

При этом не следует забывать о трех вещах.

Во-первых: Хотя душа каждого человека подчинена **законам** его **расы**, крови и наследственности, ее **невозможно понять**, исходя **только из них**. Каждая душа своеобразна и уникальна, это врата к **Богу, ее творцу**. Она не только подчиняется законам природы, но и **предстает** перед лицом вечного Бога.

Во-вторых: Через душу вливаются те творческие силы, которые не возникают под влиянием каких-либо природных закономерностей, а исходят от первоосновы: силы творчества и судьбы, силы, определяющие историю. Эти силы **выше природы и расы**, но, проходя через нас, они проявляются в нашем сознании и действиях в соответствии с законами расы. Бог говорит с нами в соответствии с законом, по которому мы появились на свет. В итоге мы предстанем перед Богом не как частные лица, а в кровной связи со своей расой, народом и историей. Такова национал-социалистическая идея.

В-третьих: Раса — порука стиля нашей жизни, ее ориентации и нашего поведения. Но **раса не наша высшая ценность**, не наше оправдание перед Богом. Главное — принимаемые нами решения, выполнение нами нашего долга. Об этом нельзя забывать.

Да хранит нас Судьба от того, чтобы мы снова впали в неподвижный метафизический оптимизм, который был лишь выражением тщеславного самодовольства, чтобы мы в нашем национальном и расовом развитии опять не сползли к плоскому либерализму.

Не надо долго доказывать, что в изображении истории отражаются мировоззрение и политическая позиция историка, его эпоха со своими проблемами. Научное исследование источников и методический анализ — необходимые предпосылки, а в остальном работа историка это творчество художника.

Известно, что в исторических работах Ранке отразилось его романтически-консервативное мировоззрение, а во взглядах Трейчке на историю Германии XIX века — его консервативный прусский национал-либерализм. Этой привязанности к современности не избежали и историки далеких эпох. Мы имеем описания античности с прусской точки зрения, в духе немецкого неогуманизма, идеализма, романтизма, английского либерализма, немецкого либерал-демократизма, либерального национализма, пацифизма, расизма. Ницше под влиянием экстатической музыки Вагнера открыл дионисическую сторону древней Греции. Французы возводили к грекам и свой классицизм, и романтизм. Еврей Белох, как положено его расе, выдвигал у греков на первый план все материальное, экономическое и социологическое, пытаясь лишить смысла все героическое.

Привязанность к политической современности, к рамкам либерального государства, до сих пор мешает правильному пониманию античного полиса в его целостности и исторической динамике. Фюстель де Куланж в своей прекрасной работе «Гражданская община» хорошо начал, но кончил тем, что создал антиисторическую идеальную конструкцию. И Вернеру Егеру греческий полис понадобился не затем, чтобы изобразить реально жизнь древних греков, а чтобы вознести ее согласно идеалам неогуманизма на высоты чистой духовности.

Поскольку интеллектуальный XIX век, путавший благодаря Гербаргу воспитание с преподаванием, сам не имел понятия об основах воспитания в древней Греции, он видел в Афинах современный либерально-демократический город студентов.

Мы осознаем наши связи с древними греками и римлянами, равно как и необходимость переоценки в этой области.

Первый вопрос, нужно ли нам, чтобы между нами и античностью было промежуточное звено в виде «гуманизма» или оно сразу увлечет нас на ложный путь? Мы не будем здесь заниматься критикой «гуманизма». В любом случае это понятие перекидывает мост между 18^м веком и неогуманизмом, с одной стороны, и поздними эпохами древней Греции и древнего Рима, с другой. Мы же хотим обратиться к раннегреческому и раннеримскому полису, к их системе солдатско-политического воспитания, их героизму, а не к поздней литературе, науке и философии. Гуманизм любого рода был литературным и философским, эстетическим и этическим. Наше образование должно быть реально-историческим, государственным и политическим. Литература — только посредник. Вряд ли можно превратить идеализм в национальный реализм.

В античности нас сегодня интересуют:

- 1) порядки раннего полиса и его жизнь в целом;
- 2) воспитание граждан и молодежи, особенно римское государственное воспитание;
- 3) молодежные и мужские союзы;
- 4) гимнастически-мусическая система образования.

Так нужен ли нам «гуманизм» как связующее звено? Во всяком случае, не в смысле Гердера, который видел в ранней римской эпохе противоположность гуманизма, а именно варварство, и не в смысле эстетически-морального гуманизма Гумбольдта и других. Что значит для нас гуманизм по сравнению с Катонем-старшим? Тайна силы, возвышения и господства Рима — как раз в его негуманном государственном воспитании, благодаря чему он смог одержать

победу над такими противниками, как Пирр и Ганнибал, гениальности которых он не мог противопоставить ничего равноценного. Это верно, что линию позднегреческого «гуманизма» через Софокла, Геродота, Эсхила и Солона возводят к Гесиоду и Гомеру. Но мы хотим видеть героев, строителей государства, победителей в греко-персидских войнах: конкретные образы, историческую действительность, а не литературных проповедников гуманитарного пошиба.

Когда интеллектуальный век обращался к метафизическому началу истории, он говорил о **Провидении**. Лейбниц и его последователи в XVIII веке не устали уверять, что Бог это Представление, а Мысль — начало и основа всего прочего. Мир и реальность возникали в соответствии с этим из мысли, которая в самом Боге возвышалась до уровня последней метафизической потенции. Мир и реальность развиваются по плану, по направлению к разумно поставленной цели, и Провидение, тождественно ли оно Богу или возникает непосредственно из его сути, является божественным началом мира и истории: интеллектуализм обосновывается метафизически.

Судьба — другое **метафизическое начало истории**. И Судьба указывает на Бога, но он больше не обитает в мировой или человеческой сфере, он вне мыслимого. Интеллектуализм создал себе интеллектуального Бога. Мы не знаем о Боге ничего, кроме того, что он высоко над нами и далеко от нас, что от него исходят силы движения, рождения, творчества и смерти, которые недоступны для понимания, но проявляют себя во всех видах творчества на Земле. **Судьба** это темная сила, власть крови и земного тяготения, стихийная сила, которую нельзя ни рассчитать, ни понять, она **вне всякого разума**, она правит нами, указывает нам цели. Она ниспосылается Богом и остается вне всякого разума, который получает от нее стимулы и цели. Судьба живет в героях, она возносит их и низвергает в бездну, она живет в материнском лоне и в гробнице, властвует над рождением и смертью.

Судьба живет в героических ценностях, в войнах, в политике, в поклонении могилам предков и героев, в крови и в Матери-Земле. Она проявляется в вере, в жертвах и характере, ибо не «случайные» события делают нашу судьбу, а наша реакция на них, сила нашего противостояния, благодаря чему человек становится господином самого себя и творцом своего мира. Познание Судьбы и ее влияния на историю выводит нас далеко за пределы рационализма.

Будущее не может планироваться по программе, стимулировать ся волевым решением или целенаправленной мыслью, заранее конструироваться по расчету. Но все будущие события уходят своими

корнями в наше настоящее. Невозможна рациональная наука о будущем, которая позволяла бы государственным деятелям заранее рассчитать свой путь и разработать план. Но наука, которая сама живет верой, одержимостью Судьбой, силой порыва, вместе с государственными деятелями призвана к тому, чтобы формировать людей и указывать им направление. Она сама становится творческой, деятельной и ответственной силой, которая определяет будущее народа. Наука рационализма должна в бессилии отступить перед ней.

Смысл и задачи будущей философии права

Некогда философия права была цветущей ветвью немецкого идеализма. Во второй половине XIX века она захирела, хотя влияние теорий естественного права XVII и XVIII веков и позднейшей идеалистической философии права на законодательство было велико.

Но как в естественном праве, так и в разумном праве идеализма заключалось принципиальное заблуждение, которое в конечном счете должно было привести эти теории к краху. Действительность нельзя выводить из абстрактной идеи. О незнание этого факта разбивается любой рационализм.

Романтическая наука углубила знание исторической действительности. Историческая школа во главе с Савиньи признала определяющую роль народа. И право, как форма народной жизни, вырастает из глубин народа и соответствует его характеру.

Так романтизм поставил на место рационального действия естественный исторический рост. Но он впал тем самым в противоположную крайность и оказался в лагере реакции.

Романтизм по своей природе не мог и не хотел дать философии права. Но ее основы глубоко заложены в крови. Наш путь не ведет назад к романтизму... Мы не можем ни идеалистически конструировать немецкое будущее на базе идеи, ни просто полагаться на безличный рост.

Мы принимаем новые решения, будучи связанными узами крови и расы, и все вместе отвечаем перед Богом и перед будущим Германии. Частной религии и частного мировоззрения, частной жизни вообще больше нет: мы служим народу как целому, членами которого мы являемся.

Встает вопрос, нужно ли вообще нам в будущем то, что мы называем «философией»? Перед всеми науками стоит одна общая проблема. Идея расово-национального целого подняла нас на новый уровень жизни, на котором все науки должны обрести новое смысловое единство.

Познающий человек со своими научными познаниями стоит не где-то в стороне, на острове чистого созерцания, а посреди событий.

Специальные науки не перестанут существовать, они сохраняют свой особый смысл. Но **национально-политическая антропология** (как будущая философия) это не одна из специальных наук, а их общая задача, общий смысл.

Если бы каждая наука была носителем собственной философии, философия вообще была бы не нужна как особая отрасль знания.

Право вырастает на народной почве, из задатков и потребностей расы, как задача и жизненная ориентация народного сообщества и соответствует национальному характеру. Тем самым смещается исходная точка и центр тяжести как правоведения, так и всех других наук: центральное место занимает не отдельный человек, а народ как целое. Целое больше части.

Правоведение должно избегать двух крайностей: правового индивидуализма и марксистского правового коллективизма.

В немецкой философии права неприменимы категории и принципы римского права.

В основе любого позитивного права лежит идея вечной справедливости. Ее содержание изменяется по мере исторического развития.

Десять принципов целостной науки

Предварительное замечание. Перечисленные ниже 10 принципов новой теории науки претендуют на то, что они действительны не только для т.н. гуманитарных наук, биологии и медицины, но и для всей совокупности наук, т.е. и для математики и точных наук. Цель — одна всеобщая и неделимая наука о мире и человечестве в целом, которая включает в себя биологию и антропологию и преодолевает роковой антагонизм естественных и гуманитарных наук.

1. Принцип зависимости всех наук от жизни.

Научное познание происходит не только между формальным субъектом (чистым разумом) и заданным объектом; научное познание определяется всем познающим человечеством в целом.

2. Принцип зависимости от реальности и связи с реальностью.

Нет никакого витающего над действительностью в отдельном пространстве духа, поэтому нет и чистого познания. Дух (разум) как форма проявления жизни выражает ее форму, вид и направление. То же самое и наука.

3. Принцип национальной и расовой обусловленности любой науки.

Бытие и становление каждого человека связано с высшим целым, в котором его жизнь обретает смысл. Поэтому и характер его научного познания обусловлен этим целым — народом и его расовой основой.

4. Принцип исторической обусловленности любой науки.

Каждый человек живет в определенную эпоху. Реалии этой эпохи и стоящие перед ней задачи определяют характер вопросов, которые он задает миру, а также метод и направление научного познания. Сама способность познания — часть жизни как целого, определяется ее характером и взаимодействует с ней в процессе исторических преобразований.

5. Принцип зависимости любой науки от места.

Каждый человек тем, какие вопросы он задает миру, и характером своего научного познания связан с условиями своей родины, своим происхождением, профессией, вероисповеданием и т.д. Отсюда множество возможных и меняющихся постановок вопросов, исходных точек, научных взглядов.

6. Принцип международной значимости и исторической преемственности научных достижений.

На биологическом единстве всего человечества, несмотря на расовые и национальные различия и исторические преобразования, основана возможность международного обмена, взаимопонимания и дружбы, а также создания международных объединений, церквей и т.п. Поэтому результаты научного познания, полученные при определенных национальных, расовых и исторических условиях, остаются действительными для международных культурных кругов до тех пор, пока эти круги развиваются в одном направлении.

7. Принцип цельности любой науки.

Цель любой науки, какими бы специальными проблемами она ни занималась, — мир и человечество в целом. Наука это определяемый разумом способ оформления картины мира. Каждая отрасль науки имеет свой взгляд на мир и человечество в целом и тем самым органически включается в идейный космос науки. Есть только одна наука со множеством аспектов, отраслей и особых исходных точек.

8. Принцип связи любой науки с мировоззрением.

Единство науки при множестве ее аспектов, отраслей и исходных точек становится возможным и обретает свой смысл в определенном мировоззрении, которое предначертано судьбой целому культурному кругу в зависимости от его расового и национального типа, его исторической ситуации и задачи.

9. Принцип современности любой науки.

Научное познание даже самых отдаленных и чуждых вещей обусловлено современными проблемами, т.е. зависит от условий определенного жизненного пространства, его ситуации и задачи, его политического и мировоззренческого выбора. Поэтому научное познание может соединить прошлое и будущее с настоящим, придать им общий смысл и общее направление.

10. Принцип науки как силы, формирующей будущее.

Наука становится такой силой, опережая настоящее.

Заключительное замечание. Изложенные 10 принципов — определение единого, основного смысла любой науки.

Мировоззрение и наука

Каждый первобытный народ имеет миф, который включает в себе его мировоззрение. Миф это содержание общественного сознания, которое возвышается над повседневным знанием и зависит от отношения конкретного общества к миру и жизни. Определяется это отношение расовым и народным характером.

Великие героические эпосы многих народов разработали на основе мифа довольно подробную картину мира.

То, что мы называем нашим мировоззрением, выполняет для нашего народа сегодня ту же функцию, что и миф на ином этапе развития. Добавляется только философия, т.е. рациональное объяснение мифа. Место мифа занимает мировоззрение, т.е. рациональное развитие мифа. В нем проявляется наш расовый и народный характер с учетом исторической ситуации и того, что жизненно необходимо для народа. Расовый характер, пока он остается чистым и сильным, определяет постоянную, основную составляющую мифа и мировоззрения.

Философия и наука — промежуточные звенья между мировоззрением и картиной мира. Мировоззрение определяется силами, которые выше и ниже нас, которые наполняют смыслом нашу личную жизнь и придают ей определенное направление. В мировоззрении, вере проявляются изначальные силы: промысел Божий, Судьба, раса, духовные основы народа. Когда в действие вступает разум со своими понятиями и рациональной методикой, мировоззрение обретает зрелую форму.

В этом смысл любой философии, любой науки. Философией и наукой управляют стихийные силы мировоззрения (веры, стихийной жизненной ориентации, народного характера). Философия и наука уходят своими корнями в действительность, в жизнь и оказывают на них обратное воздействие.

Сегодня в мировоззрении происходит смещение центра тяжести. Мировоззрение эпохи рационализма, естественного права и Просвещения имело следующие догмы:

1) В каждом человеке заложено все, достойное человека. Человек хорош.

2) Силой своего разума каждый может возвыситься надо всем низким (неразумным).

3) В условиях полной индивидуальной свободы разум развивает свои врожденные задатки в соответствии со своими идеями истины, добра и красоты до зрелого уровня чистой человечности, гуманизма.

4) Разум позволил первоначально разобщенным людям создать общество (государство).

5) Конечное назначение отдельного человека — в сфере чистого духа.

6) Прогресс основан на передаче духовного наследия из поколения в поколение.

Наше мировоззрение отличается от него по следующим пунктам:

1) Отдельный человек вырабатывает свое мировоззрение не с помощью своего разума согласно своим индивидуальным задаткам и наклонностям, по своему произволу и выбору, а под действием сил, которые выше и ниже нас. Не мы выбираем — нас выбирают, не мы двигаем — нами двигают.

2) Наше мировоззрение ближе к жизненным реалиям, к политике, государству, экономике, праву, оно не живет больше в обособленном пространстве над действительностью.

3) Общество возникает не в результате целенаправленных, разумных действий отдельных людей. И отдельные люди, и общества вырастают на одной и той же родной почве. Закон целого выше собственного закона личности.

4) Национально-политическая общность уходит своими корнями в естественные, духовные основы крови и расы. Поток крови связывает в одно целое не только ныне живущих людей одного народа, но и цепь поколений.

5) Эти основы определяют Судьбу, стремление к историческому творчеству, расовый характер и жизненную ориентацию, а через них — линию исторической судьбы, политику, государство, ценности, право, воспитание, искусство, науку.

6) Народ в становлении никогда не пребывает в спокойном, законченном состоянии, он постоянно самообновляется в поисках своей цели в бесконечности. Смена форм при постоянстве расового и народного характера составляет историю народа.

7) При каждом новом ударе Судьбы, при каждом повороте истории народ снова предстает пред ликом Божьим и перед необходимостью творчества, придания нового смысла истине, красоте, добру, справедливости, любви, чести. Общество и человечество изменяют свои формы в соответствии с расово-национальными ценностями.

Если наука будет только вариться в собственном соку, она станет бесплодной. В древней Исландии флотководцы и военачальники викингов обладали двойным знанием, техническим и своими представлениями о мире. Наука, миф и поэзия взаимно переплетались, науки в нашем смысле тогда не было.

Любая творческая деятельность осуществляется не по научным предписаниям и не по плану. Наука сегодня расширила горизонты моряков и полководцев по сравнению с временами викингов. Но главными определяющими силами остаются характер и Судьба. Знание будет тем ближе к мировоззрению, чем больше сама наука будет соответствовать расовому типу, характеру и Судьбе.

Начало и конец любой настоящей и плодотворной науки это созерцание. Наука оперирует разумом, понятиями, оценками и обоснованиями. Но наука не должна останавливаться на полпути, на уровне одних понятий, становиться самоцелью, как это случилось с философией и большинством наук. На первоначальном и на конечном этапах процесса познания законы логики, законы анализа и синтеза не действуют. Созерцание подчиняется совершенно иным закономерностям, противоположным логике.

Согласно «логосу», человек смертен или бессмертен: третьего не дано. Человек меняется или не меняется, он велик или мал, стар или молод — и так до бесконечности. В созерцании на начальном и конечном этапе ничего этого нет. Средствами языка это невозможно адекватно выразить, это «трансцендентально». Разве человек, дерево и все живое не различны при рождении и смерти, в молодости и в старости и не остаются в то же время одними и теми же? Разве Гете не учил, что стебель это, собственно, уже лист? Все живое и органическое, а потому и любое созерцание это постоянный протест, противоречие и противоположность разуму и логике.

Самые глубокие и великие немецкие мыслители, такие как Николай Кузанский, Лейбниц, Гете, Гегель бились над проблемой целостного воззрения и его закономерностей и не достигли цели. Отправными точками являются три закона: непрерывности, органической полярности и совпадения противоположностей. Это проблема будущего немецкого мировоззрения и будущей философии: выявить закон целостности.

Немецкий идеализм между двумя эпохами

Для нашего переходного периода понятие идеализма представляет собой затруднение. Преданы ли мы теперь какой-то идее? Должен ли я призывать молодежь искать спасение от плохой по определению действительности в состоянии чистой духовности или в т.н. культуре? Нет, мы не живем больше между действительностью и высшим миром идей. Мы стоим обеими ногами на твердой почве исторической действительности со всеми ее нуждами, так что наша эпоха ориентируется не на идею и идеал. Мы призваны к революционному действию, а не к бегству от действительности в мир идей. От людей нашей эпохи требуется не идеализм, а героизм.

Если понимать под идеализмом способность к самопожертвованию, то мы идеалисты. Эта способность проявляется у народов в те времена, когда Судьба ставит их перед выбором: преодоление трудностей или гибель. В этом нет ничего, характерного только для немцев или для нынешней эпохи. Правда, поведение немцев во все времена отличалось странными особенностями. Мы, немцы, не можем жить и действовать, исходя из непосредственных ощущений нашего бытия, мы неспособны к стихийным действиям, нам нужно все перенести в область размышлений и часто мы на этом и останавливаемся. Такова философская сторона немецкого характера. Когда встает вопрос о смысле жизни, немец отвечает: «Мы, вечные немцы, всегда в становлении, мы стремимся к бесконечной цели, мы неутомимые путники, мы никогда не успокоимся в застывших формах». Это соответствует нашему характеру и определяет нашу судьбу. Отсюда и особенности немецкого идеализма.

Но с немецким народным характером связан и ход немецкой истории. Она отличается постоянными вспышками энергии из духовных глубин народного подсознания. Но, так как немец никогда не может остановиться на твердой форме, в его становлении нет устойчивости. Немец никогда не бывает у цели, он всегда в пути, поэтому история немецкого народа это череда падений. С точки зрения латинской формы или англо-саксонской законченности характера немцы непредсказуемы и бесформенны, непостоянны и неудобны, а поэтому чужды и опасны. Другие народы живут в страхе перед немцами. Способность всегда начинать сначала делает немецкий народ народом революций, хотя ни одна немецкая революция в прошлом не достигала своей цели. Поэтому мы народ неисчерпаемой юности. Мы, как учил Мюллер ван ден Брук, после долгой истории остались молодым народом, и ни один другой на-

род не имеет таких неисчерпаемых внутренних источников жизни. Это некогда придавало силу и немецкому идеализму. Только в стране постоянных вспышек энергии могла родиться метафизика истории Леопольда фон Ранке, который выводит все эпохи из ритмически возникающих движений. Это факт, что другие народы Запа- да жили силами революций и движений, возникших на немецкой почве. Гельдерлин говорил об этом:

«Они пожинают плоды твоих идей, они срывают виноградные гроз- ды и смеются над тобой, некрасивая лоза, стелющаяся по земле».

Если мы зададим вопрос «почему?», то мы обратимся к другой черте народного характера, которая отличает и сильную, и слабую сторону немецкого идеализма. Во время упомянутых вспышек про- является трансцендентность, т.е. стремление перенести конечные цели в потусторонний мир. Из-за этой черты немецкий идеализм не оказал влияния на действительность. Это о немце сказал Гете:

«Он тянется вверх и касается макушкой звезд, но никогда не стоит твердо на ногах, и им играют облака и ветры».

Духовное движение XIV века, силу которому давала немецкая мистика, кончилось ничем. В отличие от реформации Кальвина и англо-саксонских стран с их революционно-политической направ- ленностью реформация Лютера имела аполитичный характер. Лю- тера интересовали отдельные души, а не история. Поэтому немец- кая реформация застряла на полпути. У нее не было политического вождя, поэтому она не достигла цели. Немецкий идеализм в период между 1750 и 1850 годами также был потусторонним и аполитич- ным: он искал царство чистого духа, царство идей, гуманности, возвышающееся над плохой действительностью, и представлял со- бой по своей природе светскую теологию. Гельдерлин в 1800 году призывал немцев к героическим подвигам. Гегель в 1818 году звал молодежь назад, в царство чистого духа, где он может наслаж- даться самим собой, когда кругом торжествовала реакция. Слабая сторона немецкого идеализма проявилась в бегстве от реальной истории. Гегель бежал к Абсолютному духу, Гете — к Матери- Природе. Немцы создавали поэзию, философию и музыку, пока дру- гие народы Запады делили между собой Землю.

Теперь для немцев настала пора преодолеть самих себя в геро- ической борьбе и в создании новой действительности.

Идеалистический человек это человек образования, героический человек — человек действия. Идеалистический человек живет в мире чистого духа, героический человек — в борьбе. Немецкий идеализм должен быть преодолен, если мы хотим стать политическим наро-

дом. Так уже не раз бывало в немецкой истории: немецкий народ становился способным к революционным действиям только пройдя горнило бедствий, иначе он легко довольствуется одними размышлениями. Героический человек восстает против мира, он верит в себя и не боится смерти. Такими были наши германские предки. Но героический человек **не восстает против Бога**. Он знает, что для победы нужно еще нечто лежащее далеко за пределами его личных сил и могущее быть даровано даже герою только как дар, как милость. Героем становится только такой человек, которым руководит Судьба. Героический человек гордо противостоит миру, но **смирненно склоняется перед Богом с молитвой**: «Да будет воля твоя!» Для героя нет идеалистического понятия Провидения, его место занимает темная, кровавая Судьба. Жизненные силы герою придают кровь и земля, а не дух.

Здесь намечается другая линия традиции. Пророками героического человека были Гельдерлин, Ницше, Стефан Георге, Миллер ван ден Брук. Первыми героями были молодые люди времен мировой войны. Их воспел Эрнст Юнгер в книге «Война и воины». Теперь солдатский, геройский дух одержал победу над духом рационализма и преодоленного идеализма. Мы больше не будем убегать от действительности, а будем ее преобразовывать. Только героические подвиги сделают нас политическим и свободным народом.

Изменение картины мира лучше всего характеризует положение немецкого идеализма между двумя эпохами. Сегодня есть два мировоззренческих направления, которые непримиримо противостоят друг другу: с одной стороны, представители органического мировоззрения, а с другой — певцы героизма. Органическое или целостное мировоззрение ставит целое выше отдельного человека. Но в этом мировоззрении еще сохраняются слабые стороны немецкого идеализма, от которого оно происходит, если считать романтизм особой формой идеализма. И здесь вступает в действие критика со стороны певцов героизма. Идеалистически-органическое мировоззрение надеется на простой рост, на стихийные силы. Оно не признает героических подвигов, творчества, восстания отдельной личности против исторических реалий, в нем нет места для политической революции.

Но и героическое мировоззрение несостоятельно, если оно не указывает смысл подвига. Самим подвигом этот смысл не исчерпывается. Органическое и героическое мировоззрение встречаются сегодня в национальной идее: в народе воплощается и целое, и героизм. Намечается возможность соединить оба течения в новом мировоззрении, которое не будет больше витать в пустом пространстве чистой духов-

ности, избавиться от слабых сторон идеализма, уделяя основное внимание действию. Целью станет не образование, а воспитание воли и характера. Это мировоззрение можно назвать органическим, национальным, целостным, героическим, политическим и историческим.

Осью мировоззрения является новая философия истории, основанная на учении о героическом и политическом действии. Наука, искусство, образование получают от этого новые стимулы. Идея героизма заменяет идею гуманизма.

Национальная идея обязательна для всего народа, потому что она служит выражением национальной судьбы.

Воздвигнув мир чистого духа над низшей действительностью, немецкий идеализм разорвал наше национальное бытие на две части: искусство, наука, вся культура жили в особом мире, сами для себя. Воплощением этого высшего мира была гуманистическая образованная элита. Национально-героическое мировоззрение ликвидировало этот разрыв, восстановило единство народа и излечило его от вредной классовой идеологии. Культура не должна больше жить в особом мире, ее место — среди народа. Нужно оспорить притязания духа на высшее происхождение и принадлежность к высшему миру: дух должен взаимодействовать со всеми другими силами. Он, как и они, рождается на общей жизненной основе. Нужно оспорить, прежде всего, притязания т.н. культуры на роль высшей ценности. Когда мы избавимся от этих идеалистических притязаний и предрассудков, будущее нашей нации станет таким, как предопределено Судьбой.

ВОЖДЬ

«Фольк им Верден», 15 октября 1935

I

«Вождизм» как общее понятие это полученная путем сопоставления пустая форма, которая соответствует правилам терминообразования и пожеланиям науки XIX века. Получение научных познаний, претендовавших на обязательность для всех времен и народов, сопровождалось лишением терминов их содержания, их реальной формы. Вместе с хиреющим старым миром рушится также его система понятий, его наука и идеология.

Мы, поколение переломной эпохи, имеем в лице Адольфа Гитлера наше «здесь» и «теперь»: уникальный, конкретный и неповторимый образ вождя, вместе с которым из народного характера и народной воли, из кризисной ситуации и исторической задачи во всей сфере национальной революции возникает новая реальность. Образ вождя определяет действительность национал-социалистического государства, его основные и правовые термины. В уникальном образе Адольфа Гитлера возник новый тип вождя, который неизбежно останется образцом до тех пор, покуда будет действовать преобразующее начало этой революции, пока народы и эпохи будут испытывать такие же бедствия, такие же удары судьбы и стоять перед такими же задачами. Если поколение, которое вместе со своим вождем стоит на пороге новой исторической эпохи, осознает выпавшую на его долю миссию и свою ответственность, то ему не нужны больше вместе со всеми их научными терминами, познаниями и идеологиями притязания на абсолютность, ведущие в формальную пустоту и предназначенные лишь для маскировки отказа от преобразования действительности. Требования наших дней рассчитаны на много поколений вперед, и если они будут выполнены, то мы будем жить всегда, во всех грядущих поколениях и следы нашей земной жизни не затеряются в вечности.

Нет вождя без нас и нет нас без вождя. «Мы» это народное сообщество людей одной крови, через которое новая действительность пробивается на свет, борется за обретение своей формы. В вожде этот процесс становления превращается в откровение, в действие, в творческое слово, в образ. Он не обитает в каком-то особом пространстве, а черпает свою земную силу, свое судьбоносное призвание из расовой и национальной жизненной основы, из порыва тех, кого нужда и судьба связали с ним в одно жизненное целое: вождь создает последователей и в то же время вырастает из движения, крови и своих приверженцев и в результате народное сообщество, германская история и сами немцы становятся образцом. Он сам служит прообразом, прототипом этого становления. Поэтому, как заявил он в своей речи 1 мая 1935 г., он отвечает за свой народ и ходатайствует за него перед Богом.

Он сможет выполнить свою задачу как носитель немецкой судьбы лишь в том случае, если мы, связанные с ним присягой, полностью разделим с ним эту ответственность. Он за нас, мы за него. Пока он может обращаться от нашего имени к миру и к нам самим, мы выполняем наше личное, национальное и историческое назначение. Пока он говорит, опираясь на жизненную основу связанного присягой сообщества, его слова — творческие дела, открывающие новые пути, воплощение необходимости. Отсюда его стихийная, динамичная сила, какой в наше время не обладает ни один другой человек.

Во времена военных и послевоенных бедствий мы мечтали о том, что явится народный вождь, который поведет нас к нам самим, к народной свободе, в будущее. Но когда он пришел, его сначала узнали лишь немногие. Остальные смотрели не в ту сторону. Теперь по милости судьбы мы нашли свое воплощение в нем, а он в нас. Мощный ток идет по кругу от него к нам и от нас к нему. Он не выполнит свою задачу и сломает судьбу Германии, если у нас не хватит силы и характера стоять рядом с ним в беде и в борьбе и делить с ним ответственность. С нами случится то, чего мы заслужили. Судьба вождя это судьба немецкого народа. В этом наша верность и честь. Таково глубокое содержание той действительности, которую мы описываем с помощью понятий «движение», «соратники», «народное сообщество» и которая неотделима от образа вождя. Призвание, «счастье» вождя коренится в этой взаимосвязи, вырастает из наследия германской крови, принимает новый образ, создает новую действительность. «Люкке», счастье вождя или короля, согласно германскому пониманию жизни, это высшее откровение совместной жизни тех, кого судьба

объединила в одно живое целое. Благодаря своему счастью вождь видит и находит путь в будущее. Тем самым он выполняет веление судьбы и свой долг перед сообществом, с которым он связан взаимной ответственностью. Божья милость к вождю это божья милость к его народу и миссия этого народа.

Гарантировано ли «счастье» вождю? Ничто не достается ни ему, ни нам даром, случайно: за все нужно сражаться, все требует тяжелого труда. Один из отличительных признаков вождя это инстинктивная прямолинейность его пути, постепенное избавление немецкого народа от тяготевшего над ним со времен войны — и еще до нее! — рока, сначала во внутренней политике в результате победоносной борьбы Движения, а после прихода к власти — также в экономической и внешней политике. Второй признак — неслыханная сила веры, способность после краха 1923 г. и ряда других поражений каждый раз начинать заново. Безвестный ефрейтор Первой мировой войны в обстановке краха и упадка насаждал непоколебимую веру в народ и победу. Ту же самую линию судьбы мы прослеживаем в становлении немецкого народа.

В дни прихода к власти вождь возвестил отдаленную конечную цель Движения: возрождение немецкого народа как целого. Преобразование государства, права и экономики, объединение Рейха, все новые порядки и новые формы культуры — этапы на пути к этой цели. Расово-национально-политическое мировоззрение указывает нам путь. Арена последней борьбы, в авангарде которой мы выступаем, — душа немецкого народа. Молодежь ждет того дня, когда вождь снова позовет ее на этот последний бой. И это тоже признак вождя! Борьба это выражение движения, пока не будет достигнута конечная цель. Пока идет борьба за преодоление неблагоприятных экономико-политических и внешнеполитических обстоятельств, на культурно-политическом и мировоззренческом фронте временно идут позиционные бои за закрепление достигнутого. Военная дисциплина требует в данном случае упорства и личной ответственности. Могут быть утрачены отдельные передовые посты, но одного нельзя утратить: самого движения. И в культурно-политической позиционной войне возможна победа. У наших реакционных противников нет пополнения, нет новых возможностей духовного подъема. Их термины превратились в пустые оболочки, их идеологии — в фикции. Их жребий — старческая слабость. Молодежь с нами! Но ради движения и его конечной цели жизненно необходима борьба за молодежь. Пусть она выросла в национал-социалистической действительности и воспитана ею, все равно молодежи, которая

не пережила эпоху борьбы, грозит опасность расслабиться под влиянием реакции. Ответственная задача лежит на старых борцах. Мы все, старые и молодые, ждем того дня, когда нас позовет вождь.

II

Вождь и движение неотделимы друг от друга, как вождь и его соратники. Но все механические представления и термины не отражают эту действительность. Архитектор получает заказ, составляет план и строит дом. В данном случае дела обстоят иначе, Вождь и Движение растут вместе. Движение живет и растет, оно не может быть «запланировано», создано целенаправленной мыслью. Как нет движения без вождя, так нет и вождя без движения, они полюса великого исторического становления, ведомые силой судьбы.

Вырвавшиеся из глубин силы выбирают вождя, чтобы обрести в нем единство и форму: вождь и движение имеют одну и ту же метафизическую основу. Судьба прорывается в них и совершает революцию, делает историю, устанавливает пределы. Нацию захватывает, формирует и направляет сверхличная сила. Это призвание, движущая сила, исполнение времен, экстаз и готовность, без которых не совершаются революции, не основываются государства, не делается история, не преобразуется действительность, не образуются народы, не возрождается человечество, и не могут исполниться судьбы. Эта сила и это призвание делают слово творческим действием. Движение делает вождя способным устанавливать новые порядки, быть политиком и воспитателем одновременно, политиком в высшем смысле слова — руководителем процесса исторического становления народа, а как воспитатель он указывает цель — формирование нового человека, внутренняя сила для чего черпается из движения, а образцом является он сам. Новая человеческая общность отличается тем, что все, кто в нее входит, связаны друг с другом неразрывными узами крови, жизни и судьбы перед миром и перед Богом.

Вождь это центр любой политики и любого воспитания. Воспитать ему подобного невозможно. Воспитать можно соратников и сообщество, руководствуясь идеалом, воплощенным в вожде. Так немецкий народ возродится на своей духовной и естественной основе.

Таким образом, подготовлена почва, на которой может возродиться миф крови взамен абстрактной гуманистической идеологии прошлых поколений. Нельзя снова впасть в заблуждение романтиков и Рихарда Вагнера: пересаживать умерший миф из прошлого в настоящее. В высшем мифическом сознании общества может стать

живым, может быть познано мудрецами и изображено поэтами и художниками лишь то, что живет и действует в самом этом обществе как творческая сила, как становящаяся действительность и обязательная форма. Если вместе с вождем и Движением из глубин потока нашей расовой и национальной крови восстает миф, то мы можем снова понять и полюбить в силу кровного родства, образ жизни и миф наших предков, и жизнь предков может возродиться во внуках. Но настоящий миф может родиться только из нашей крови, из нашей современности, из ее борьбы и героизма, ее судьбы, ее чести и верности, но никогда — из воспоминаний о прошлом. Прошлое не возвращается, мы вступаем в новую жизнь. В местах, где собирались тинги, миф о вожде и Движении будет когда-нибудь действовать как живой на праздниках молодежи. Пусть об этом подумают художники. Нас же связывает с нашими германскими предками возрождение их веры, их жизнедеятельности, их героической иерархии ценностей и их мифа на уровне III Рейха, на пороге которого стоит как живой образ Адольф Гитлер, а не Видукинд или Вотан. Мы шагаем в будущее, а не в отдаленное прошлое.

III

«Фюрер и рейхсканцлер». Эта двойственность, которая еще не достигла окончательного единства, знаменует собой переломную эпоху. Вождь получил высшую государственную должность рейхсканцлера. Государство статично, оно олицетворяет собой традицию, Движение же, наоборот, устремленная вперед, изменяющая историю и революционным образом преобразующая государство сила. С Движением революция останется живой и победоносной, пока не будет достигнута ее цель, пока ее смысл не воплотится в новой действительности. Поколение переломной эпохи это арена, на которой постоянно идет борьба между силами движения и застоя. Мы видим на многих примерах, что там, где Движение сливается с государством, его всегда тормозят силы инерции. Но Движение компенсирует эту потерю сил путем постоянного самообновления на расовой и национальной основе. Носителем движения становится молодежь.

Мы еще не у цели. Поэтому у нас еще нет государства, созданного исключительно на базе движения. В существующем государстве, его законах и порядках еще сохраняются отложения последних веков немецкой истории: государство смотрит в прошлое, а не в будущее. Но Вождь правит государством. Тем самым сделан решающий шаг к основанию нового государства: Движение создаст новую форму государства.

Движение призвано радикально преобразовать национально-политическую жизнь немцев в целом. Будущее государство воплотится между полюсами «вождь — народное сообщество». Движение уже создало ряд новых структур, которые играют решающую роль в государстве: партию, СА, СС, Трудовой фронт, Гитлерюгенд. В этих организациях воспитывается отборный слой ближайших сподвижников вождя. Движение преобразует уже существующие органы народа: семью, профсоюзы, экономические объединения, Рейхсвер, школы всех видов и уровней, наполняет их новым смыслом и содержанием. Народное сообщество — основа национально-политической общности, государство — форма, в которой сила и воля образуют способную к действию политическую власть, обеспечивают единство и общую ориентацию. В сфере между народным сообществом и государством воспитываются и получают политическую ориентацию наши соплеменники, наша молодежь.

Некогда сувереном был король, создатель «государства». Потом буржуазная революция отобрала государство у короля, сделала государственный аппарат самостоятельным и объявила его сувереном. После национал-социалистической революции время этого «государства» истекло: она поставила народного вождя во главе народного сообщества и возникла новая реальность.

В результате происходит ломка всей системы традиционных терминов прежнего государствоведения и государственного права. Исходя из нынешней ситуации Рейнхард Хен формулирует в своей статье «Понятие вождя в государственном праве» («Дойчес Рехт» 15 июня 1935) сначала чисто негативные тезисы, отделяя новое от старого: 1) Вождь это не отдельная личность 2) Вождь это не диктатор 3) Вождь это не суверен 4) Вождь это не орган государства 5) Вождь это не орган корпорации 6) Вождь это не орган народа (следует учесть, что в п.п. 4-6 речь идет о чисто юридическом понятии органа) 7) Вождь это не третейский судья.

Таким образом, взрывается вся традиционная теория государства и права, потому что возникла реальность, которую нельзя описать с помощью традиционных юридических терминов и формулировок прошлого.

Но с помощью каких терминов и формулировок можно дать позитивное определение вождя?

На этом держится будущее учение о государстве, о государственном праве, о праве, народе и действительности вообще, равно как и толкование смысла истории, в период которой мы вступили после национал-социалистической революции. Как будущее государство формируется силами и элементами Движения, так и наука о государ-

стве и праве и историческая наука формируются под влиянием собственного Движению, кристаллизующегося вокруг вождя мировоззрения, основные линии которого здесь вкратце описаны. К счастью, у нас нет пока застывших, догматических формул, которые мы могли бы противопоставить формулировкам прошлого и представителям реакции. Но мы противопоставляем им новую национально-политическую реальность — вождя, нашу веру и нашу национальную волю.

Находящаяся в процессе становления национально-политическая реальность совершенно уникальна, неповторима, несравненна и не имеет аналогов в прошлом, потому ее пока нельзя определить в формулировках. Но когда-нибудь эти формулировки будут найдены. Это будет сделано не только ради борьбы с реакцией или обучения. В результате неизбежно снова возникнет аппарат, схема, которую можно будет переносить на другие явления. Это произойдет уже при следующей смене поколений. Новая реальность кристаллизуется вокруг Адольфа Гитлера. Что и кто когда-нибудь займет его место?

Не станет ли неизбежно главным, когда зайдет речь о преемственности при смене поколений, аппарат? «Государство»? Наука о государстве и праве, историческая наука должны начать сначала, ориентируясь на созданную революцией и воплощенную в образе вождя реальность. От этого зависит немецкая история.

Сегодня нет науки, которая авторитетно могла бы сказать нам, что должно быть, как должны быть нормативно оформлены государство и право. Есть процесс становления, есть реальность, которая придаст содержание и смысл будущим терминам, нормам, определениям и наукам. Но определять вождя будут не государство и право, не политические и юридические термины, наоборот, от него получают новое назначение государство, право и соответствующие науки. В тот день, когда вождь назначит преемника, возникнет необходимость в терминологических формулировках, в определении государства и государственного права.

ВРАЧ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Во время одной беседы на эту тему один присутствовавший при ней врач смахнул всю проблему со стола небрежным движением руки, заявив: «Перелом костей или гоноррея во всем мире одинаковы, они везде и во все времена ставят перед врачом одну и ту же задачу; все это не имеет ничего общего с мировоззрением, с расой, народом, историей, судьбой и целью жизни».

Те, кто так говорит, представляют преобладавший в последних поколениях тип техника от медицины. Для такого техника его профессия — прикладное естествознание с господством инструментов, аппаратов и химических лекарств и со все большей специализацией и технизацией. Болезнь для него — изолированное явление жизни, которое рассматривается в изоляции и постулируется как общечеловеческая, единообразная сущность. Есть научно-техническое решение этой проблемы, столь же всеобщее, как и суть самой болезни. И это называется «врач»? Нет, это бесплотный и бездушный призрак, не живой, конкретный человек, а пучок идеальных требований, поставленных перед ним естествознанием. Нетрудно показать, что несколько поколений абстрактного, позитивистского или идеологического мышления сделали из «педагогов» и «судей» сплошь и рядом такие же бесплотные общие понятия и идеальные призраки, вешалки, на которые без разбора вешают идеальные требования той или иной специальной области.

Как и все позитивистские науки, медицина (и педагогика тоже) предъявляла абсолютистские притязания. Абстрактный призрак «врача», в конкретном образе позитивистского техника от медицины, со своими абсолютистскими притязаниями оказывался вне времени и пространства, противостоя всему миру. Все, что вне его профессиональной области, все иное, созданное народами и историей, для него заблуждение, если не обман.

Абсолютистская наука опирается на свое абсолютистское, абстрактное понимание истины. Но для врачей есть конкретный масштаб решения: успех лечения. Кто осмелится утверждать, что все врачевание за пределами западной, позитивистски-технической медицины не что иное, как самообман или сознательный обман? Нет,

обман в другом: и современной медицине не изобрести лекарства от смерти. Во всем мире и во все времена хорошее врачевание достигало удачных результатов. Пока не доказано обратное, я утверждаю: в самобытном жизненном кругу выросший в этом кругу и принадлежащий к нему врач — пусть даже это будет шаман — достигнет лучших результатов в лечении характерных именно для этого круга болезней, чем универсальный западный техник от медицины.

Как и все позитивистские науки техническая медицина исходит из априорности своей техники. На это опираются ее притязания на абсолютность и универсальность. При этом опыт, полученный в одном месте, обобщается и абсолютизируется, обычно с выпячиванием положительных сторон этого опыта и замалчиванием отрицательных. И это не всегда сознательный обман. Но обычно база опыта довольно узкая: опыт основывается на эксперименте, а эксперимент — не максимально возможной изоляции наблюдаемого процесса, т.е. при исключении взаимосвязей и влияний, которые играют весьма важную роль в реальной жизни.

Однако теория науки — спутница позитивистской науки — легко докажет, что мнимая априорность — а вместе с ней притязания на абсолютность и универсальность — это фикция и самообман. И мнимая априорность науки опирается на вполне определенную мировоззренческую основу. С XVII века, когда создавалась новая наука, в основе всей культуры и науки лежит представление о человеке, которое в сотнях вариаций воспроизводит один и тот же основной тип и настолько вошло в плоть и кровь, что считает свои предпосылки само собой разумеющимися, абсолютными и априорными. Это представление о человеке колеблется между полюсами «отдельная личность» - «человечество», заполняя всю реальность между ними абсолютным, чистым, не зависящим от типа, эпохи, расы, народа и т.д. разумом как началом, формирующим жизнь, началом познания абсолютной, общезначимой истины. Тот техник от медицины, слова которого были приведены в начале, своими притязаниями на абсолютность доказывает свою приверженность к этим индивидуалистически-гуманистическим представлениям о человеке. То, что он сам этого не знает, свидетельствует лишь о его ограниченности.

II

Мировоззрение и представления о человеке буржуазной эпохи отличаются тем, что их исходной точкой является автономный индивидуализм, их путь — разум и свобода личности, а цель — гуманность. Сюда входят и притязания на абсолютность познания.

Новое национально-политическое мировоззрение со своими представлениями о человеке строится вокруг национального целого и личного служения, крови и почвы, исторической действительности, судьбы, решения, а не свободы выбора и личных предпочтений. Под влиянием этого мировоззрения изменяются наука и исторические представления, стиль жизни и профессиональная этика. Это касается не только современных врачей, но и истории медицины.

Германский мир имел свое собственное искусство врачевания. Как и вся самобытная германская жизнь, оно было вытеснено античной медициной после вторжения христианства.

Античная медицинская наука от Гиппократов до Галена является исходной точкой всей европейской и переднеазиатской медицинской науки последующих тысячелетий. Во времена Галена, последнего великого медика античности, начался тот процесс окаменения, который захватил затем все образование и всю культуру и закончился в VI веке с Кассиодором, Исидором Севильским и кодексом Юстиниана. Античность умерла. В 529 г. была закрыта Афинская школа и основан монастырь в Монте Кассино.

Католическая церковь навалила окаменевшие продукты античности на северные народы. Гален (с претензией на абсолютность) на много веков стал непререкаемым авторитетом для ученых врачей и медицинских школ. Уже тысячу лет Германия борется за то, чтобы преодолеть этот разрыв между своим и чужим и прийти к новой расово-национальной целостности. Все кризисы и потрясения, все прорывы, подъемы и новые чужеродные наслоения (т.н. ренессансы) связаны с этим, также в вопросе о здоровом и больном человеке, о враче и медицине. Из этой области великий Парацельс сделал первый мощный прорыв в направлении к новому национальному мировоззрению, к преодолению противоположности между своим и чужим. Молодое поколение национально-политических врачей ориентируется на Парацельса. Но наш путь ведет не назад в XVI век, к Парацельсу и Люттеру, а вперед, в III Рейх с его расово-национально-политическим мировоззрением.

Под влиянием этого мировоззрения, которое соответствует новой реальности, естествознание и медицина тоже приобретают новые представления об истории. Они не могут больше оставаться особыми рядами традиций, представленных отдельными людьми, творческими достижениями, изобретениями, открытиями и методами. Они задаются вопросом о становлении народов, особенно немецкого народа, которое повлияло и на науку, и технику и медицину в частности. Это значит, что под влиянием нового мировоззре-

ния история немецкого народа (и других народов) будет писаться и в плане науки, медицины, юриспруденции, образования. История живого народа — конечная цель для всех отраслей, которая объединяет их для совместных действий.

Такие теории и кафедры истории естествознания и всех наук, медицины, юриспруденции, педагогики жизненно необходимы для III Рейха. Национально-политическое мировоззрение открывает перед науками (с учетом их расовых, национальных и исторических предпосылок) новые огромные возможности, позволяет разрозненным отраслям объединиться, обрести общий смысл. Они все примут участие в создании национально-политической антропологии, которая заменит устаревшую философию. Останется ли теология вне этого процесса? Для молодого поколения врачей национально-политическая антропология — основа становления и действия, благодаря которой они по-новому смотрят на здорового и больного человека, на задачу, этику и ответственность своей профессии, стремясь к той же цели, что и судьи, учителя, экономисты, политические руководители.

III

«Врач» это не бесплотный призрак, не схематический пучок идеальных требований, а живой, конкретный человек, который лечит своих соплеменников. Как и на них, на него влияют кровь и почва, народный характер и народное сообщество, эпоха и традиции, историческая цель и судьба всего народа и его государства. Определенному народу в определенную эпоху соответствует свой, особый врач.

В основу могут быть положены следующие принципы:

1) Врачевание древней и распространенной медицинской науки. Врач — общечеловеческое явление, но он принадлежит к определенному народу, из которого он сам происходит и в котором выполняет свои задачи в соответствии с общей задачей.

2) Критерием для врача является успех лечения, способ которого предопределен тем кругом, к которому этот врач принадлежит. Наличие зависимости от расы, народа, истории, судьбы и мировоззрения.

3) Движущие причины исторических изменений в медицине не следует искать только в расширении самих медицинских познаний. Вера в научный прогресс это суеверие. Благодаря современной науке нельзя стать лучшим врачом, чем Гиппократ или Парацельс. Врач тогда становится великим, когда он наилучшим образом выполняет задачу, поставленную перед ним эпохой и его жизненным кругом. Об успехах можно судить только применительно к определенной задаче. Эта задача меняется, поэтому современный врач не

стоит на том же уровне, что и Парацельс, а тот не стоял на том уровне, что и Гиппократ. А уровень определяется жизненным пространством народа и его исторической задачей.

4) Движущие причины изменений в медицине это движущие силы истории определенного жизненного пространства. Это относится и к изменениям государства, права, экономики, техники. На примере врача больницы кассы ясно видна взаимосвязь медицины с экономикой, общественным строем (государственный социализм) и государством. Над всем нашим национальным бытием, в том числе и над медициной, господствует примат политического решения. Врач становится политическим солдатом в своей области.

IV

В каждую эпоху сталкиваются разные тенденции развития и образуются многослойные структуры. Каждая эпоха отличается господством одного типа, но никогда не монопольным. Ни одну эпоху нельзя свести к общему знаменателю. Развитие по новому пути — результат борьбы противоположностей. Если современность отличается наличием пяти типов, включая преобладавший прежде тип техника от медицины, это не означает, что реальную медицину можно просто разложить по пяти ящикам. В каждом враче могут пересекаться несколько этих типичных линий, и современная медицина похожа на канат, сплетенный из пяти веревок.

Первый тип — домашний врач старого стиля. Он уступает второму типу. Современник учителей священников и судей буржуазной эпохи, он кажется обреченным на вымирание вместе с ней. Но в порядке оправданной реакции против техников от медицины снова раздается клич: Назад к домашнему врачу. В этом есть рациональное зерно: врач снова будет общаться с больным, как человек с человеком. Домашний врач часто знал жизнь его пациента с юности, он был советником и духовным наставником. Но домашний врач принадлежал к буржуазной эпохе, а она кончается. На смену ему идет национально-политический врач.

Второй тип — техник от медицины, для которого медицина — прикладное естествознание, т.е. техника с притязаниями на абсолютность и универсальность, отличается специализацией, использованием инструментов, аппаратуры и химических лекарств, часто тесно связан с крупной промышленностью, техникой и капитализмом и зависит от них. Этот тип представляют те всемирно известные универсальные техники от медицины, которые получают огромные гонорары и сами относятся к капиталистическому типу. Для этих позитивистов болезнь

— во всем мире одинаковая проблема, решаемая техническими средствами, и часто — объект капиталистической эксплуатации.

И эта традиция не будет просто прервана и отброшена, ее познания и техника будут использованы, но с господством чистого техницизма и позитивизма будет покончено.

Третья группа — представители натуральной медицины. Для меня не ясно, имеем ли мы перед собой в данном случае единый тип, или просто реакцию против школьной медицины, против второго типа. Для этой группы характерно множество одиночек и сект, часто чужеродного происхождения, вырождающихся в мошеннические организации. Но в целом эту группу следует оценивать положительно за ее вражду к школьной медицине: она не дает школьной медицине покоя, не позволяет ей достичь полного господства, умеет указывать на ее слабые стороны и извлекать из этого выгоду, благодаря чему становится фактором «прогресса», хотя медики ее не любят.

Решающий вопрос в этом случае: продолжает ли жить здесь хотя бы частично первобытное непосредственное познание природы и та харизма, на которой издревле основывалось врачевание, вне всяких школ и наук? При положительном ответе на этот вопрос это направление приобретает первостепенную ценность для будущего Германии.

Второй вопрос: продолжает ли жить здесь часть древнегерманской народной медицины, которая была задавлена чужеродными наслоениями, перешла в руки бродячих целителей, цирюльников, пастухов и не получила развития? Тот опыт и та мудрость, которые Парацельс черпал из сокровищницы немецкого народа, будут ли они снова отвергнуты школьной медициной и опять окажутся в оппозиции? Этот вопрос тоже имеет очень большое значение для будущего Германии.

Четвертый тип — врач больничной кассы. Марксизм творчески импотентен и не он создал профсоюзы. Но он умеет присваивать и портить чужие идеи. Социальное страхование — плод прусского социализма консервативного типа, на это указывает социальное законодательство Бисмарка. Попытка организовать растворенных в массе граждан неизбежно увлекает на путь государственного социализма. Но на этом пути подстерегает массовый и классовый дух марксизма.

Врач больничной кассы происходит от домашнего врача, но превращается в его полярную противоположность. Если он не становится пролетарием, то в результате извращения марксистами идеи социального страхования он оказывается в очень трудном экономическом положении и в конфликте со своей совестью. Внутренняя история XIX века характеризуется диалектикой и борьбой между либеральным государством с его буржуазными «свободами» и сплоченным в

классовой борьбе коллективом 4-го сословия, в котором, в конечном счете, растворился и прусский государственный социализм. Вся эта социальная и политическая диалектика сказывается и на врачах: частный буржуазный домашний врач в качестве врача больничной кассы вынужден идти по пути пролетариата, коллектива, классовой борьбы и превращения в государственного чиновника. В конце этого пути врач неизбежно становится чиновником марксистского тоталитарного государства. Национал-социалистическая революция прервала развитие в этом направлении. Национальная идея и национально-политическая действительность III Рейха создали новый уровень жизнеустройства народа и на этом уровне возникли врачи нового типа.

V

Пятому типу, национал-политическому врачу, принадлежит будущее III Рейха. Он рожден национал-социалистической революцией на новой основе и с новой задачей.

Новому строю соответствует врач нового типа. Это не буржуазный домашний врач; он не идет по пути государственного чиновничества, так как национал-социалистическое государство не идет по этому пути. Болезнь и здоровье в каждом отдельном случае будут делом народного сообщества и национального будущего. За медицину, как и за народ в целом отвечает национал-социалистическое государство. Сословие врачей становится национально-политической корпорацией со своими задачами и своей ответственностью... Врач не государственный чиновник, но и не частник, а ответственный слуга немецкого народа с особым общественно-правовым статусом под руководством и надзором государства. На этот путь вступают люди всех профессий.

В этом принципиально новое по сравнению с четырьмя другими типами. Традиция не прерывается, у всех предшественников берется хорошее и преобразуется. Отличительные особенности этого типа:

1) Врач как член немецкого жизненного пространства отвечает за каждый отдельный случай болезни перед народным сообществом и будущим.

2) Болезнь, больной, врач, его диагноз и лечение, его поведение и ответственность определяются кровью и почвой, национальной судьбой, политической и исторической задачей национального жизненного пространства. Врач подчиняется примату политического решения и политического руководства.

3) Путь от политического решения к выполнению врачом своих профессиональных обязанностей определяется законами III Рейха о

защите расы, расовой гигиене, демографической политике, народном здоровье, браке и семье, немецком социализме и связанном с ними профессиональным законом о немецких врачах.

4) Поставленная перед национально-политическим врачом цель может быть достигнута только при соответствующем воспитании.

5) Медицинская наука радикально преобразуется под влиянием национал-социалистического мировоззрения и расово-национально-политической антропологии, чтобы идти вровень с реальными силами расы и истории, быть на высоте политической задачи — обновления народа. Национально-политическая антропология ликвидирует разрыв между природой и духом, между естественными и гуманитарными науками.

6) Задача национал-социалистической революции — обновление народа на основе крови и почвы. Эта цель одновременно политическая и воспитательная. Национал-социалистическое воспитание формирует народное сообщество и его руководителя, политического солдата, который в особенно высокой степени осознает свою ответственность перед будущим Германии. Перед лицом этой задачи и врач становится воспитателем наравне с судьей, учителем и членом политического руководства. Все они отвечают за обновление народа и несут общую ответственность за будущее Германии. Все они — профессиональные подразделения политической армии и стоят на общей основе национал-социалистического мировоззрения. Общая вера поведет и приведет их к новым берегам.

НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Том 1. РЕАЛЬНОСТЬ

Арманен-Ферлаг. Лейпциг, 1936

Предисловие

Основное содержание данной работы — показ того, что в действительности подразумевается под «биологическим мировоззрением». Оно охватывает понятие «жизнь» во всей его широте и глубине. Может быть, на меня набросятся представители точных наук. Но я заранее отвергаю обвинение, будто я вообще против механических наук. Я хотел бы создать на основе понятия вселенской жизни новую систему наук, которая соответствовала бы «биологическому мировоззрению». При этом механические науки, хотя и потеряют свою прежнюю роль основы всей системы наук, сохранят надлежащее место в этой системе.

В эпоху великого исторического перелома мы должны начать сначала и в философии вернуться к вопросу о началах и основах всех наук. Нужно, прежде всего, разделаться с профессорской философией эпигонов. Становится необходимым разрыв со всей унаследованной от греков онтологической философией, несмотря на все уважение к великим достижениям греков и немецкого идеализма...

Данная книга претендует на новое описание сути наук. некогда общей, обязательной основой всех наук была идея гуманности. С падением этой основополагающей идеи начался процесс безудержной специализации. Сегодня возникла потребность в новой связующей основе. Из нее возникнет новая картина мира человека, которая займет центральное место, принадлежащее ранее идее гуманности. В этом примут участие все науки, которые получают в результате стимулы обновления...

Манера философствования греков выросла из «агона», соревнования, принципа, связанного с жизнью их полисов. Отсюда их

диалектика. Ницше пошло на пользу, что его философия рождалась не за письменным столом, а во время одиноких прогулок по горам. Я не знаю, понадобится ли нам в будущем вообще «философия». Но нам нужно толкование мира и жизни, нужна новая картина мира и человечества, освещающая нам путь в будущее. Эта картина нарисована здесь средствами философского мышления и познания.

Гейдельберг, октябрь 1935 г.

Универсальная биология

Проблема биологии

Традиционная биология не соответствует своему названию. Когда сегодня речь заходит о биологическом мировоззрении или биологических основах мировоззрения, то имеется в виду биология в гораздо более широком смысле, а не просто специальная наука.

Сфера биологии как науки была определена в XVIII веке. Она возникла на почве, подготовленной Лейбницем. Благодаря его телеологии, учению о монадах и, прежде всего, снова введенному им в обиход аристотелевскому понятию энтелехии были положены пределы механической картине мира, характерной для того века. Был обособлен своеобразный принцип бытия растений, животных и людей, из вселенского механизма для них была выделена сфера, подчиненная особым законам. До этого весь мир считался механизмом, где действуют законы механического движения, которые можно описать математическими методами. Теперь же на периферии этого вселенского механизма, прежде всего, на поверхности Земли, обнаружилась сфера, не сводимая к законам механики.

Понятие «жизни» было боевым лозунгом борьбы против вселенского механизма, вера в который, казалось, восторжествовала на всех фронтах. Оно противоположно механическому мировоззрению. Биология два века находилась в обороне, хотя иногда переходила в наступление (Гете, романтическая натурфилософия). И сегодня можно услышать от некоторых физиков-позитивистов, что биология — всего лишь прикладная физика. Если подвести итоги двухсотлетней борьбы, можно констатировать: биология (особенно благодаря неовитализму) сохранила свои позиции как наука, равноправная с другими, но никогда ей не удавалось, подобно механике, претендовать на роль основы всех наук, сделать свое основное понятие «жизнь» принципом мироздания.

Почему же сегодня биологии вдруг удалось стать основой нового мировоззрения? Потому что именно это мировоззрение, а не она

сама, формулирует новое, всеохватывающее, универсальное, целостное понятие «жизни». Биология как наука оказалась к этому не готова. **«Биологическое мировоззрение» означает сегодня нечто принципиально иное, нежели мировоззрение, в основе которого лежит наука биология.** Мировоззренческое понятие «жизни» относится к Целому, научное — только к его части.

Пока биология как наука сохраняет зависимость от картины мира, данной Коперником, т. е. от всееленского механизма Декарта Галилея Ньютона, а также от механического дарвинизма (ученые де Фриза о мутациях тоже совершенно механистично), пока «автономная» биология делит мир с механикой, она не сможет отвечать требованиям нового «биологического» мировоззрения. Биология попадает в затруднительное положение, из которого ей самой не выбраться.

Биология находится в этом безнадежном положении уже 200 лет. Она сражается на два фронта: против механического мировоззрения и против теологии. Теология же уходит своими корнями в метафизику, в древний дуализм тела и души, материи и духа. Биология попала в круг, обрисованный дуалистическими парами «природа-дух», «этот мир — потусторонний мир», «чувства — разум» и т. д. и не могла с помощью своего основного понятия «жизнь» преодолеть эти дуализмы точно так же, как и механическое мировоззрение XVIII века. Биология до сих пор сражается в узком пространстве между ними.

Средство, которым Лейбниц сражался с механическим мировоззрением, теология, в конечном счете, снова вылилось в теологию, а не в учение об автономной жизни. Зато очень помогло взятое у Аристотеля понятие энтелехии. Перспективным было учение Лейбница о монадах. Монада, в отличие от материального атома, это духовная сущность, но обладающая телом. Здесь зарождался принцип единства телесного и духовного, соответствующий целостному пониманию «жизни». Биология не сумела извлечь из этого выводов. В ее понятие жизни не входит духовное, она не смогла преодолеть дуализмы природы и духа, тела и души и т. п. В органическом целом «жизнь». Как с одной стороны область механической, мертвой, неорганической природы противостояла органической природе и ограниченному только ею понятию «жизнь», так и с другой стороны — самостоятельная область духа, не происходящая из природы и не принадлежащая к природе метафизическая область, предмет изучения не биологии, а гуманитарных наук, причем психология всегда болталась между гуманитарными и естественными науками, вследствие чего оказалась сегодня в индивидуалистическом тупике.

...Всегда оставалось неизвестным, какая пропасть разделяет неорганическую и органическую природу. К этому добавлялось и нечеткое положение психологии. Кант причислил ее к естественным наукам, а «гуманитарных наук» вообще не признавал... Какой была его картина мира, дуалистичной или триалистичной? Исходил ли он из противоположности природы и духа, природы и разума или природы и души, причем дух, душа и разум просто перетекали друг в друга? Или из троичного метафизического деления природа — душа — дух (разум) в неоплатоновском и гностическом смысле? На этот вопрос до сих пор нет ясного ответа.

Из-за механически-биологического дуализма материи и жизни разорваны суть и смысл природы, она перестала занимать свое место в метафизике и превратилась в поле для накопления естественно - научных знаний. Одни лишь понятия механической, неживой, неорганической природы в противоположность биологической, органической, живой природе свидетельствуют о внутреннем разрыве единого понятия природы. Над основным термином биологии «жизнь» ставится «природа» как категория высшего порядка, причем и то, и другое отсекается от души, разума и духа. Результатом является хаос.

В своем пространстве между мировым механизмом — чисто материальной сценой жизни — с одной стороны и духовным миром с другой стороны жизнь как биологический термин ограничена миром животных и растений. В человеке эти система терпит кризис: он остается гражданином двух миров, ареной борьбы двух метафизических начал. Природе, биологии и жизни в ее понимании человек принадлежит лишь телом, как того требовала метафизическая и религиозная ситуация в момент возникновения биологии. Формами, органами, функциями и «образом жизни» тела занималась одна лишь антропология как часть биологии. Понятие жизни было ограничено жизнью тела, как и вся природа — телесным и материальным. Духовное разумное относилось к другой метафизической области... Когда Гердер, Блюменбах, Гете и романтические натурфилософы ввели в биологию заимствованный из других сфер термин «формирование», который со времени Винкельмана означал становление отдельного человека и всего человечества, казалось, был перекинут мост через противоположности к универсальному единству жизни. Реальности мира, природы и человека переплетаются и имеют общий органический источник: живой процесс самостоятельного становления мира. Однако идеи Гердера и Гете позволили биологии лишь закрепиться на занятых позициях, но не победить противника...

У Гердера, Гете и романтических натурфилософов у самих были слабые места: вселенская жизнь все время соскальзывала у них в идеалистические понятия «гуманность», «идея», «дух». Народ как живая реальность подменялся «духом народа», реальная история — «духом времени», организм — идеей, государство — идеей государства, реальное человечество — идеей гуманности.

Жизнь как реальность

Выражение «биологическое» мировоззрение не совсем удачное. Оно не совпадает с наукой биологией и последняя не годится в качестве его главной основы. Это мировоззрение стремится к универсальному, целостному пониманию жизни, и требованию цельности отвечает только возникающая на его основе наука — расовая, национально-политическая антропология. Она призвана занять место отмирающей «философии» не как одна из наук, а как высшее выражение целого, охватывающего все науки. В результате возникает новая картина мира, новое представление человека о себе самом. Жизнь становится универсальным термином.

Жизнь это органическая взаимозависимость тела, души и духа. Человек это не арена борьбы разных метафизических миров; тело, душа и дух это разные стороны, разные способы развития первоначального единства, называемого «человеческая жизнь». Мы твердо стоим на позиции триединства: тело, душа, дух. Тело это внешняя, физическая сторона, которой до сих пор только и занималась биология, душа — внутренняя сторона, но не тела, а вне пространственного Я, субъекта и того, что он испытывает, чувствует, сознает. Способность Я объективировать свои душевные состояния, делать их понятными для других и встречно воспринимать состояния других мы называем обычным термином «дух».

(Примечание. Содержание понятия «дух» сильно изменилось, поэтому к нему нужно относиться с осторожностью. В любой дуалистической, в том числе и в христианской метафизике дух противоположен материи, миру, природе. В немецком идеализме дух — сущность человеческой культуры, поэтому он занимает особое место и служит предметом особого почитания. Во имя духа, по примеру священников, работают и врачи, учителя, юристы, художники. Национал-социализм намерен положить конец этим притязаниям духа. Речь идет о жизни, а не о культуре, о человеке как целом, а не о его духе. Ни одна наука не может претендовать на высший ранг только потому, что она «гуманитарная»).

Дух есть выражение того факта, что индивидуальная жизнь существует не сама по себе и не только для себя. Дух есть выражение общественной жизни, но не ее корень и не первопричина.

Жизнь как целое включает в себе двойную полярность. Ее первоначальное единство раскрывается в полярности «внешнее — внутреннее», тело — душа, а вторая полярность — это соотношение внутреннего с чужим внешним, Я — с Ты, Я с обществом, души — с духом (разумом). Жизнь как целое объединяет тело, душу и дух, но одновременно включает отдельного человека в категорию высшего порядка.

Здесь следует заранее отвести упрек в возрасте к естественно-му праву или идеализму. Так как общество, народ, государство, право, язык в свою очередь основываются на «разуме» или «духе». В данном случае любое общество является изначальным явлением человеческой жизни, человеческой природы. Общество не основывается на разуме или духе, они лишь являются формами его выражения. Иными словами, общество это то истинное, высшее целое, благодаря которому только и становятся возможными дух, разум, понимание, творчество, язык, религия, право, государство, экономика, искусство, воспитание, народ, но не наоборот.

Следует различать понятия «целостность» и «всеобщность» жизни — они не тождественны. Целым (например, народ как целое) называется замкнутое, самостоятельное и самодостаточное образование. Которое может существовать само по себе. Всеобщность — высшее, предельное понятие, вне которого нет больше ничего, даже времени и пространства.

Решимся ли мы сделать жизнь основным понятием Вселенной вообще? Заменяем ли мы этим словом пустое слово «бытие»? Может быть Космос, Вселенная — не нечто просто существующее, а живое?

Нам мешает придти к этому выводу древний дуализм природы и духа, тела и души. Нам мешает также мировой механизм, каким его представляла себе рационалистическая наука XVIII века. Казалось, она одержала полную победу: не только Вселенная, но и растения, животные, люди-машины. Жизнь трактуется механически у Декарта, Гоббса, атомистов, материалистов. Но при этом сама мысль возвышается над механической действительностью и не позволяет ей стать всеобщей. Вселенная опять распадается на две части, и метафизика XVIII века пытались ее снова собрать (монизм, окказионализм и т. д.). Декарт своим знаменитым «*cogito, ergo sum*» установил примат мышления над бытием, автономию разума. Мировой разум дополнил механическую картину мира. Лейбниц отвоёвывал для жизни лишь узкую полоску.

При таких представлениях о строении мира «неорганическая» химия была элементарной основой «органической», а не органическая, механическая природа (противоречие!) — основой органической природы (тавтология!). Ганс Дрин со своим неовитализмом попытался преодолеть этот порог...

...Но когда биология пытается утвердить свою самостоятельность, она еще не может покончить со своей зависимостью от мирового механизма, от «неорганической» природы. Победа биологического принципа не оставила бы от прежней картины мира камня на камне.

У Канта природа в собственном смысле, сущность мира совпадает с разумом как подлинной природой человека. Но это лишь переносит центр тяжести проблемы. Как быть тогда с неразумной, «низшей» природой человека? С инстинктами, страстями, чувствами? Должен ли индивидуум под влиянием категорического императива изжить их и возвысится до чисто разумного существа?

Таков смысл всего «идеализма» и «гуманизма» в этике, педагогике, истории, религии - и правоведении — у Канта, Шиллера, Вильгельма фон Гумбольдта, Фихте и т. д. Но природе идеализм не понравился, она не захотела следовать его категорическому императиву. Это было концом идеализма: он разбился о несокрушимую реальность.

Между тем забылась вся проблематика «природы» и «духа». Дуализм естественных и гуманитарных наук воспринимался как данность, великая философия кончилась, а эпигоны не решались братья за важнейшие проблемы.

Не из науки «биологии», а из национал-социалистической революции, ее веры, ее мировоззрения восстал принцип жизни. Речь идет не только о принципе целостности, но об универсальности мировоззрения: биологическое мировоззрение возникло и произвело революцию в науке. Эта революция началась с радикальной борьбы против механистических взглядов, против коперниканства и атомизма.

Но целостный принцип жизни как сердцевины мировоззрения не упал с неба, он имел великих предшественников, таких как Парацельс и Гете. При этом мы не остаемся в плоскости древней борьбы между Демокритом и Аристотелем, между атомизмом и энтелехией.

Истоки механического принципа нельзя понять, изучая историю философии и науки. Нужно понять его изначальную суть. Принцип жизни, возвышенный до уровня мирового начала, отдает антропоморфизмом. То же самое происходит и с механическим принципом, только тогда на высший уровень возводится не вся жизнь человека, а только его целенаправленная деятельность. Человек создает машины для своих целей. Эта деятельность переносится на Вселенную для ее

«объяснения». Механика Галилея — классический пример такого рода. Человеческая деятельность основана на разуме, поэтому механические воззрения и чистый рационализм всегда в союзе. Первоначально к этому антропоморфному союзу принадлежала и телеология, но у Лейбница она превратилась в противницу механического воззрения. Чистый рационалист признает механистическое действие, но не сверхчеловеческого деятеля. Но если сделать шаг к этому деятелю, к понятию Бога, к теологии. Деятель и действие снова встречаются на vyšнем уровне. Бог тогда — сверхчеловеческое существо, которое создает мировой план и по нему — мировую машину, как инженер машину или архитектор — здание. А при чисто механическом взгляде машина создает сама себя. Понятие Бога у Лейбница, в которое входит интеллект, остается в русле рационализма. Только при посредстве теологии можно перенести теологию, как принцип объяснения организма, ни жизнь, ни организм.

Вселенский принцип жизни, отказываясь от теологии (но не от религии!), от доказательств бытия Бога и рационалистической метафизики, должен отказаться и от телеологии, иначе он снова незаметно превратится в «духовное начало», растворится в разуме, в идее, сведется к рационализму. Из анализа всех органических отношений понятие цели должно быть исключено.

Механистический принцип объясняет реальность — реальности человеческого целенаправленного действия. Сюда по необходимости относятся цель, разум, дух. Но не все они коренятся в человеческой жизни и являются лишь частными ее выражениями. Это лишь этапы развития высшего — человеческой жизни как целого. Вселенский принцип жизни включает в себя механический принцип, но не как высший, а как подчиненную инстанцию. Механистические науки теряют тот высший ранг, на который они претендовали. Как основа мировоззрения они непригодны. Это означает радикальную революцию во всей системе наук. Надо всеми ними стоит как последняя, высшая инстанция целостность и всеобщность жизни...

...Биология, сделанная принципом мировоззрения, устанавливает рамки и создает основу для новой системы наук, от космологии до истории, системы в которой органично и окончательно преодолевается метафизический разрыв между природой и духом, между естественными и гуманитарными науками; системы, основанной на едином, всеобъемлющем, целостном принципе жизни. Такая биология создает основу для национально-политической антропологии.

Не следует больше пытаться заглянуть «за» проблему жизни. Нет ничего «до» жизни или «выше» жизни, из чего ее можно было

бы вывести. Жизнь изначальна, это начало и конец, это единственное изначальное явление, которое лежит в основе всех явлений.

После устранения дуализма природы и духа и изживания механистического мировоззрения следует преодолеть третье основное препятствие — онтологию, учение о бытии в том виде, в каком оно было создано греками и развито схоластикой и немецким идеализмом.

Вселенский принцип жизни

Понятие органической жизни, которой занимается биология, это только часть. Тонкий слой биосферы ограничен поверхностью механистически понимаемой Земли, которая в свою очередь представляет собой часть механистически понимаемого Космоса. Вселенский принцип жизни возвращает подлинный смысл слову «природа», отождествляя ее с космической «жизнью». Природа сама служит себе основой, развивается из себя самой, через смерть возвращается к себе самой и создает новые образы в вечном круговороте. Решающее значение имеет исследование границы между живой и «неживой» природой, между организмом и мировым механизмом.

Т. н. история Земли уносит нас в далекие эпохи, когда на Земле не было жизни, когда вся она была «неживой». Это представление основано на чисто механистических принципах. В какой-то момент из мертвой материи должна была возникнуть жизнь.

Современная наука резко разграничивает живую и неживую природу.

Но когда-то в прошлом был осуществлен переход через эту границу. Превратив ее в абсолютную, наука сделала невозможным понимание происхождения жизни на Земле из-за своего механистического подхода.

Но часть живых существ питается неорганической пищей, превращая ее в органические вещества. Таким образом, вышеупомянутая граница нарушается непрерывно.

(Примечание. Камень такой же неживой, как рыбий скелет, кость мамонта, пустая раковина. Жизнь всегда существует лишь как живое целое, а не как часть. Но почему тогда камень не может быть такой же частью прошлого живого целого, как человеческий череп или раковина?)

В основе путаницы лежит ложное, механистическое представление о «веществах», присущее как неорганической, так и органической химии.

Все организмы напрямую связаны с окружающим миром. Мнимая граница между живой и неживой природой существует только

при механистическом понимании мира. Подлинная граница проходит между разными мировоззрениями...

...Земля как арена жизни это только образное выражение: она сама — организм. Нет неживой природы, нет неживой, механической Земли.

Нет вообще ничего неживого. Всякое неживое, механическое бытие — изолированное, частное проявление высшего живого целого. Смерть и рождение едины по своей сути, что отрицательный и положительный полюса жизненных метаморфоз.

Если человек это ком земли, которому Бог своими руками придал определенную форму и вдохнул в него жизнь, значит, человек происходит и от матери — земли, в которую потом возвращается его тело. Но мифическое представление о демиурге, божественном ремесленнике, образ Прометея и его творения не изначально, это антропоморфизм ремесленной культуры. Первоначально душа и тело вместе происходят из одушевленной, божественной Земли, великой матери всей земной жизни.

(Примечание. Говорят, будто некоторые примитивные племена, например, австралийцы, не видят связи между половым актом и рождением ребенка. Это грубая ошибка исследователей. И в наших мифах и сказках ребенок рождается из великой матери земли).

Только механистический рационализм науки XVIII века «умертил» Землю.

«Теория эволюции» считается великим достижением биологической мысли двух последних веков... Человек был поставлен на самую верхнюю ступеньку эволюционной лестницы как смысл и цель эволюции, но это означает, что он со своим познанием природы превращается в мерило всей природы. Это одна из форм мировоззренческого антропоморфизма.

Теория происхождения видов разрушила прежние представления о стабильном количестве видов. Но она родилась из потребности в родословном дереве, а не из действительного опыта... Мутации как внезапное изменение внешней формы и наследственного фонда и наследование приобретенных свойств (принципы Ламарка) в лучшем случае дают представление о возможностях вариации вида в определенных границах, но не о превращении одного вида в другой. Родословное дерево — символ единства жизни, оно стирает границы между видами, а также границу между живой и неживой природой: только так можно понять происхождение жизни на Земле и происхождение видов...

... Тайну жизни нельзя раскрыть при помощи рациональной, изолирующей терминологии, потому что она порождена целесообразной человеческой деятельностью и заключена в эту сферу, в

мировоззренческий антропоморфизм. Жизнь никогда нельзя будет объяснить с помощью механического принципа.

Жизнь постоянно меняет свои формы, и если где-то можно пересечь границу энтелехии, то это можно сделать и со всеми другими границами, в том числе между неживой и живой природой. Уже при обычном зачатии природный процесс переходит границу энтелехии родителей: непрерывная жизнь переходит в энтелехию ребенка. Земля это жизнь, Вселенная это жизнь.

Граница между неживой и живой природой проведена человеком искусственно, на основании механистических представлений о мироздании.

Мифы естественные, а не демиургические, представляют Вселенную живой, небо и землю — божествами, отцом и матерью. Возникновение жизни — процесс первичного зачатия и одновременно — появление новой индивидуальности. Пару прародителей может заменять миф о происхождении всего живого «из яйца». Биология предпочитает последний вариант. Но в этом вопросе новейшая биология, включая неовитализм, остается под гнетом механистического подхода, который заставляет ее искать простое, элементарное. Углублять механический анализ от малых элементов к еще более малым: конечной точкой неизбежно будет ничто. Как можно аналитическим путем приблизиться к тайне живого, если этот путь начинается с умерщвления живого, с разрезания его на куски, в то время как жизнь существует только как целое?

Принцип целостности живого отстаивал Гете, борясь против механистического мировоззрения. Мы идем по этому же пути, и наш подход противоположен аналитическому. В уникальной индивидуальности мы одновременно видим энтелехию. Принцип жизни вообще. Внутренняя сущность раскрывается только через внешние проявления: что внутри, то и снаружи. Однократный, преходящий и неповторимый образ — символ, форма откровения вечности. Мы преодолели абстрактную противоположность внутреннего и внешнего. Внутреннего никогда не достичь путем анализа. Исходя из принципа совпадения противоположностей, мы видим место каждой индивидуальности в высшем целом и проявление высшего целого в каждой индивидуальности.

Жизнь и сознание

Сознание не представляет собой нечто чуждое и противоположное жизни. Это выражение жизни, одна из форм проявления единой

жизненной основы, как и душа, дух, разум, мышление, целенаправленная деятельность. Но сознание не является основой жизни.

Сознание — изначальный феномен жизни, оно не привнесено из некоего «высшего мира», чуждого жизни и природе. Но среди явлений жизни оно играет роль мужского, отцовского полюса. Сознание несет в себе возможность индивидуализации. Индивидуализация становится грехопадением, если она превращается в «эгоизм», ведет к отрыву от жизни, как взаимосвязанного целого.

Сознание это один полюс, а другой — объект познания и деятельности. Сознание достает дистанцию между субъектом и объектом познания... Изначальный антропоморфизм сознания проявляется в представлениях об отдельных предметах в отрыве от целого: это сказывается на языке, мышлении и действиях. Обособившийся человек провозглашает себя мерой всех вещей, и этот антропоморфизм выражен в основном принципе рационализма «*cogito ergo sum*». Фихте очень верно называл эпоху рационалистического индивидуализма эпохой греховности «*par excellence*».

(Примечание. К сфере антропоморфизма относится и стремление всех сторонников механического мировоззрения рассчитать мировой процесс и предсказать будущее: это их грехопадение, научное суеверие... Они уничтожили астрологию, чтобы заменить ее собственными суевериями).

Высшая задача — определить правильную меру, настоящий центр органической взаимосвязи. Своеобразие личности оценивается в зависимости от ее заслуг перед целым.

Христианство с его метафизическим дуализмом усилило на Западе противоположность субъект — объект, увеличило разрыв с миром, с природой.

Это привело к разрыву и отрицанию жизненных взаимосвязей, что сначала выразилось в аскетическом бегстве от мира, а потом — в индивидуализме и рационализме. Абсолютизация рационального субъекта познания соответствует эгоизму в области практической жизни. Я (разум) в себе и вещь в себе выступают как представители разных миров. Немецкий идеализм довел этот процесс до конца, до формалистического опустошения, и зашел в тупик. Абсолютное Я Фихте и абсолютный дух Гегеля — две попытки понять мир с точки зрения автономного субъекта. Но нет Я в себе, нет чистого разума, нет абсолютного духа, нет вообще ничего «в себе и для себя». Все это терминологические призраки. Разрыв жизненных взаимосвязей неизбежно кончается нигилизмом.

Разрыв между субъектом и объектом можно преодолеть лишь исходя из их единой сути, включив их в жизненный процесс. Схему их отношений можно изобразить как круговорот (см. стр. 32). Субъект и объект — полюса жизни как целого, общего процесса жизни.

Познание ни у кого не связано только с его индивидуальностью, только с общечеловеческой (рациональной) структурой субъекта, с аппаратом познания (чистым разумом), оно обусловлено также национальным и расовым особенностями, которые определяют способ и результат познания.

Перед этой реальностью исчезают терминологические призраки чистого разума, абсолютного Я, бытия в себе и для себя и все притязания на абсолютность способов и результатов познания. Все живое имеет определенный смысл и выполняет конкретную задачу.

Человек остается мерой всех вещей. Но человек это не вещь в себе, не субъект в себе и не автономная индивидуальность. Каждый человек это частица вселенской жизни. В этом оправдание его существования. Поэтому нужно отбросить всякое противопоставление абсолютизма и релятивизма.

Вместе с индивидуализмом необходимо избавиться и от лишнего корней «свободного парящего ума», отдаленного отпрыска столь же свободного парящего «чистого разума».

Познание должно служить жизни, а не вступать на ложный путь познания как самоцели. Привычным был путь от исследования форм познания — к жизни, к реальности. Путь Канта, критицизм, сначала казался убедительным, но кончился свободно парящим «чистым разумом» и его коррелятором — непознаваемой «вещью в себе». Это тупиковый путь от познания к жизни, исходящий от примата познания. «Идеализм» в своей теории познания пережил грехопадение обособления.

Критический путь самопознания заканчивается не основными формами познания, а ведет к жизненной основе всякого понимания. Абсолютизация познания ведет к созерцательности, такой же форме идеалистического обособления, как эгоизм в практической жизни. Созерцательность разорвала связь между познанием и действием, и Запад не отважился сойти с этого пути «спасения» (если не считать попытки Шопенгауэра). Западный активизм, достигший кульминации в развитии экономики и техники, в капитализме и империализме XIX века, и «чистая» наука этой эпохи пошли в результате в противоположных направлениях. Когда Ницше говорил, что между познанием и действием «не катится колесо причины», он имел в виду ситуацию своего времени, а отнюдь не

соотношение между познанием и действием вообще. Он исходил из предпосылок Гегеля, Ранке и Шопенгауэра...

...Когда абсолютисты познания, эпигоны идеализма, называют свою теорию познания «прагматизмом», мы не возражаем — пусть, если им так нравится. Мы чувствуем себя в одной компании с Гегелем не хуже, чем они с Кантом или с Гегелем.

И действие, и познание подчинены смыслу жизни, причем в воплощении этого смысла первенство имеет действие, неотделимое от сознания.

Но в чем смысл жизни? Абстрактный ответ на этот вопрос нельзя получить в ходе дискуссий. Смысл индивидуальной жизни зависит от ее места в целом и от ее роли в развитии этого целого. Смысл это всегда устремление к высшему. «Личность» это определенная степень воплощения этого смысла. Цель и смысл жизни это задача, поставленная судьбой. Мойра — дочь Матери-Земли, из которой исходят все жизненные импульсы и куда они возвращаются, исполнив свое назначение.

Греки оставили нам богатое наследие, которое нам сегодня, при всем уважении к грекам, необходимо преодолеть. К ним восходят механический атомизм и автономный рационализм, без греков, несмотря на внешнее преодоление аристотелизма, был бы немислим XVIII век. К грекам восходит абсолютное господство понятий, аналитико-синтетической логики и весь антропоморфизм механистического целенаправленного действия и мышления в философии и науке. К ним восходит и онтология, учение о бытии, которое необходимо отбросить, чтобы расчистить путь к вселенскому принципу жизни, к принципу целостности.

Следует сказать пару слов о происхождении и истоках онтологии.

Мышлению греков было чуждо и враждебно все бесконечное, для них большое значение имела мера, замкнутая форма, геометрическая предметность. В нем можно различить две родственные друг другу, соответствующие греческому расовому характеру основные формы мышления: разговорная оценка со связкой «есть» и соответствующая математическая формула со знаком = уравнение. Это две формы греческой меры, статические, геометрические формы. В этих двух родственных формах языка, мышления и оценки развивались греческий способ мышления и аналитическая логика с ее законами тождества, противоречия, исключенного третьего, причинности, с ее системой категорий, т. е. вся логика и силлогистика. Это было искусственное, абстрактное, поставленное вверх ногами здание, но его столетиями продолжали достраивать западные народы

со своей философией вопреки реалиям языка и реальному мышлению. Греческая логика на два тысячелетия установила тиранию на всем Западе, по крайней мере, - в западной науке.

Естественный ход мысли таков: «У меня нет подходящего жилья, поэтому я решил построить собственный дом. Я купил красивое место, хороший архитектор готовит планы. Другого пути теперь больше нет».

После разделения этих предположений на категории, после их логического анализа в них убивается жизнь, остается груда развалин, смысл обращается в бессмыслицу. Это относится как к мышлению, так и к языку.

Конечным результатом логического анализа становится связка «есть», которая превращается в имя существительное «бытие» и в ипостась.

[Примечание переводчика. Связка в древнегреческом языке, в отличие от немецкого, не была обязательной. И если исходить из тезиса самого Крика, что язык — форма выражения мышления, то язык древних греков не отражал ту форму мышления, которую Крик им присваивает].

Остается чистое бытие, всеобъемлющее и пустое, без смысла, без субстанции, без жизни. И если теперь из бытия изъять само бытие, останется ничто. Вся действительность уместается между полюсами «бытие» и «ничто». Из них, как из общей основы онтология потом выводит конкретную действительность. Бытие походит на идеальную вешалку для одежды, которая, как предполагается, заключает в себе истинное бытие одежды. А еще походит такое бытие на бочку для сельди, в которую запихивают всю полноту мира, чтобы потом вынуть и съесть.

Эта философия неизбежно кончает нигилизмом, если принимать ее всерьез, или имеет не больше смысла, чем игра под названием «мельница».

Для греков, для которых принцип целостности был законом жизни, бытие и в своей пустоте могло быть символом целого во всей его полноте и всем богатстве, но для нас обходной путь через пустое бытие это ложный путь, ведущий в ничто. Нам не нужно зашнуровывать живую мысль в испанские сапоги логики и силлогистики, превращать живые силы в голые схемы. Мы оцениваем правильность хода мыслей по степени их совпадения с живой действительностью.

Мысль — выражение жизни, она правильна, если в ней раскрывается живой смысл того, что она выражает.

Место пустого бытия у нас занимает жизнь как целое, как полнота реальности. Мы тоже идем от целого к конкретному путем анализа, но мы не абсолютизируем обособленность, а всегда рас-

смотрим ее как элемент целого. Вселенское целое не теряется ни в ничто бесконечно малых величин, ни в пустоте бесконечной протяженности. Для этого целого вообще нет ничего «внешнего», оно включает в себя пространство и время. У него есть скорее внутренние границы, результат процесса индивидуализации. Средствами логики не достичь «истинной» реальности...

Истинную реальность отражает целостное мировоззрение, для которого каждая индивидуальная жизнь — символ целого «За» реальной жизнью нет никакой «истинной реальности». Путем анализа мы приходим к «чистому бытию» или через атом — к ничто. Анализ оправдан лишь в связи с целым... Путь целостного познания идет не сверху вниз, не от большого к малому, не от целого к части и не в обратном направлении: путь сверху и снизу — один и тот же, он исходит из мировоззрения, которое охватывает всю действительность, и возвращается туда же...

...Нужно осознавать свою ограниченность, а не абсолютизировать самого себя, вместе со своим познанием и не воображать, будто можно с помощью абстракций вознестись на высоту божественного Абсолюта, будь то чистый разум, абсолютное Я или абсолютный дух. Этот путь ведет не к обожествлению человека, на что претендуют все абсолютисты, прообраз которых — папа римский, а в мир схем и призраков. Нам надо вернуться из этого царства призраков назад, на Землю, в нашу живую действительность.

Национально-политический образ человека

Народ как целое

Проблема целостности

Каждая эпоха нашей национальной истории руководствуется своим образом человека. Все эти образы родственны друг другу, если на них нет чужеродных наслоений, если они вырастают на своей расовой основе. Они отличаются друг от друга в той мере, в какой они выражают разные исторические задачи. Новый образ человечества возникает из расово-национальных основ жизни и воплощается в вождях, поэтах, пророках. Одновременно возникает мировоззрение, картина мира, в центре которой — представление человека о самом себе. В соответствии с этим определяется смысл жизни. В это вносят свой вклад религия, искусство и поэзия, философия и наука.

Каждая революционная эпоха создает новый образ человека... В представлении человека о самом себе находит свое завершение универсальная биология. Расово национально-политическая антропология становится основой всех наук. Она занимает место исчерпавшей себя философии.

Для последних веков западной истории было характерно представление о человеке как об автономном индивидууме, на разуме и целенаправленной деятельности которого держится все устройство жизни. Догма гласила, что человек от природы добр. На этом строилось мировоззрение естественного права. Просвещение, буржуазного либерализма.

Национал социалистическая революция создает новый образ человека, являющегося частью народа как целого.

Центральная проблема новой антропологии — народ как целое, как жизненная основа.

Принципы целостности

Конечным целым является только Вселенная. Но каждая сфера реальности тоже подчинена принципу целостности. Микрокосм как особое целое занимает свое место в иерархии макрокосма. Взгляд целостного мировоззрения, взгляд сверху вниз. Целое в своем многообразии является изначальным и не следует задавать вопрос о его смысле. Человек судит о Вселенной по самому себе, микрокосм служит средством познания макрокосма. Если бы вне Вселенной был какой-то «смысл», она не была бы конечным целым. Сам вопрос о смысле имеет смысл только применительно к иерархии. Смысл ее элементов можно понять, но нельзя объяснить. Собственные закономерности каждой ступени иерархии также изначальны. Ответов на вопросы «для чего?» и «почему?» получить нельзя.

Но почему ни одной науке с ее методикой и систематикой не удалось вступить на путь, ведущий сверху вниз, почему все они шли снизу вверх, от малого, простого, элементарного к большому и целому? Онтология пошла по пути пустого бытия и никогда не могла достичь цели. По тому же пути пошли атомистика, рационализм, Эвклид со своей геометрией, математика и механическое мировоззрение с XVII века, учение Лейбница о монадах, биология с XVIII века, берущая за исходную точку яйцо, клетку, ген; политэкономия начинающая с Адама Смита, элементарная химия. Теория государства, начинающая с отдельного человека или семьи, индивидуалистическая теория естественного права, языкознание, психология и этика.

Но наука не может достичь целого своими рациональными средствами. Это под силу только искусству и символическому. Познание, идя по пути аналитики, теряет из виду целое. Промежуточные этапы познания принимаются за подлинную реальность, за истину в конечной инстанции. Логическое мышление линейно, целостное — циклично. Гете всю жизнь вел безнадежную борьбу против механистического мировоззрения, рационалист Фихте вынес окончательный приговор целой эпохе, когда он попытался с помощью принципа целостности преодолеть автономный рационализм и индивидуализм естественного права. Целостное мировоззрение было исходной точкой и целью для Парацельса, Кеплера, Лейбница и Гете.

Отдельный человек как целое и как элемент

На иерархической лестнице целостных образований особое значение имеют два: личность и народ. Революционное понимание народа как целого ведет к новому представлению о личности. Отношения между народом и личностью должны быть снова поставлены на основу естественной реальности.

Я как личность представляю собой целое с собственными законами. Но это целое не самодостаточно и не автономно. Личность реализует себя не в себе самой, а как часть высшего целого.

Личность едина, она не делится на тело и душу или тело, душу и дух... Нет элемента без целого, но нет и целого без его элементов...

Психология была истинной дочерью индивидуалистически-гуманистического представления о человеке, с крахом которого она зашла в тупик. Ни один человек не живет сам по себе и для себя. Внешние влияния «среды» — только полярное дополнение к развитию на общественной основе. Как человека вообще нельзя понять в отрыве от общества, так нельзя и душу отрывать от тела. Психология будущего станет разделом национальной антропологии.

Основная проблема языкознания, соотношение между индивидуальным языком и языком народа — вариант центральной проблемы антропологии вообще. Если язык заимствован, а не создан самим народом, как французский или болгарский, то вместе с заимствованием происходит процесс ассимиляции и видоизменения, язык народа меняется вместе с расовым и социальным составом, под влиянием исторических событий.

Взаимопонимание между отдельными людьми в значительной мере реализуется благодаря языку, но не основывается на нем. Наоборот, язык основывается на взаимопонимании и общности, кото-

рые в свою очередь являются выражением единой жизненной основы, того целого, которое уходит своими корнями любая индивидуальная жизнь. Народ создает язык, но не язык создает народ.

Это основная проблематика живого целого и своеобразие его частей пронизывает не только язык, но и религию, право, нравственность, политику, экономику, все жизнеустройство и образует общую антропологическую основу отдельных наук.

Закон жизни народа

Есть одно и только одно целое сверхличной жизни, которое содержит в себе черты самостоятельности, полноты, самоопределения и самодостаточности. Это целое может в ходе исторического процесса изменять свои параметры: история немецкого народа восходит к небольшим племенам римской эпохи и увенчивается сегодня III Рейхом. Главное целое для нас — немецкий народ.

Можно ли противопоставить этому другие принципы такой же значимости? Если мировоззрение не соответствует реальности, оно повисает в пустоте и становится игрушкой волн и ветров. В нашем же случае речь идет о принципах, которые сочетают в себе понимание жизненной реальности с научной доказательностью. Вера и знание здесь едины.

Согласно нашему мировоззрению, для отдельной личности высшим целым является народ. Оно не отрицает собственные закономерности в развитии личности, на которых делает упор индивидуалист, но подчиняет их высшему целому. Тем самым снимается противоречие с индивидуалистическим мировоззрением.

Но если индивидуалист думает, будто он может произвольно подчинить свою жизнь любому мировоззрению и свободе в определении смысла своей жизни, он просто пускает пыль в глаза. Что это за цели и смыслы, между которыми он, якобы, может произвольно выбирать? Он тем самым отрицает свою собственную сущность, так как **выбор всегда связан с его врожденными свойствами**. Не может человек по своему желанию превратиться в бога, ангела или сверхчеловека, не может немец превратиться в китайца, индуса или негра, бедный в богатого, а женщина в мужчину. Несомненно, каждый человек на своем жизненном пути оказывается на распутьях, когда он должен принимать решения. Несомненно, каждый может сбиться с пути, но это единственная свобода выбора.

Противоречит ли какая-либо религия национальному мировоззрению? Да, ему противоречит любая религия радикального отрицания мира и жизни (например, джайнизм), которая стремится только к

небытию. Радикальная религия спасения тоже создает сообщество, которое, несмотря на то, что его конечной целью является истинная жизнь в потустороннем мире, требует от личности определенных заслуг в этом мире. Если при этом из естественно — исторического сообщества не выделяется искусственное (в виде монастырей), оно неизбежно предполагает жизнь, становление, самореализацию и следование определенному направлению в соответствии с законами этого сообщества. Важно лишь, чтобы это направление не вступало в противоречие с направлением земной жизни, чтобы религия не впадала в радикальное жизнеотрицание. Поэтому борьба между нашим мировоззрением и религией это не спор о смысле и цели, а только спор о том, в каком сообществе и в каком направлении реализует себя личность. Точнее говоря, борьбы между нашим мировоззрением и религией заключала бы в себе внутреннее противоречие: могут бороться только религия с религией, с мировоззрением с мировоззрением, цель с целью, направлением с направлением, смысл со смыслом и бессмыслицы. Каждое мировоззрение неизбежно содержит в себе религиозный смысл, каждая религия — мировоззренческие установки.

Основной принцип национального мировоззрения гласит: народная жизнь как целое несет в себе все и создает из себя все, что жизненно необходимо отдельной личности; ни внутри этого целого, ни над ним нет никакого другого такого же ранга. В это целое входят религия, политика, экономика, законы, язык, искусство, наука, воспитание. Правда, народ не всегда находится на одинаково высоком уровне: в его истории бывают и взлеты, и падения.

В результате становятся ясным и соотношение между народом и человечеством. Разумеется, человечество это нечто гораздо большее, нежели вид в животном мире. За пределами отдельных рас и народов есть так много общечеловеческого, что человечество как будто следовало бы считать живым целым, но оно **таковым не является**, а образует лишь рамки для развития отдельных народов. Гуманистическое мировоззрение идеи братства всех людей коренятся в идеологии, а не в действительности. Это идеологические надстройки над индивидуализмом. Они могут быть религиозно метафизическими, натуралистическими и прочими.

Некогда чувства целого основой германского мировоззрения. Никто не мог разорвать свои кровные связи. Даже викинг, скитающийся по всему миру, везде носил вместе с собой свое право и свою честь. На почве связанного кровными узами целого расцветали самые разнообразные личности, но ни одной из них не приходило в голову стать «индивидуалистом».

Национально-политическая картина человека

Религия

«Христиане» противопоставляют современной истории прошлую историю, живому откровению — откровение, застывшее в буквах. Их вера обращена в прошлое, они пытаются с помощью своих застывших доктрин изъять из истории одно из прошлых откровений и сделать его абсолютным. Они глухи к тому, к чему призывает Бог сегодня. Наглядный пример — евангельская церковь.

Эти «христиане» впали в грех. Они сделали своим Богом земное, историческое, человеческое и тем самым утратили общность с Богом, перестали быть сынами Божиими: на самом деле у них нет веры, нет живого откровения.

Первородный грех христианской церкви — обособление. Исторически возникновение церкви как особой жизненной сферы было необходимо, так как Римская империя либо растаптывала народы Средиземноморского бассейна, либо приводила их к упадку, лишая их самостоятельности, поскольку вместе с политическими функциями уничтожалась и религиозная среда обитания народов, после чего последние могли вести лишь растительное существование. И тогда возникла церковь как религиозная империя, как противовес Риму, которая потом сама стала новым Римом, а религия превратилась в средство господства духовенства. В сфере господства церкви с ее жесткими догматами, иерархией и традициями невозможно было подлинное религиозное творчество. Откровение считалось данным раз и навсегда и было локализовано в определенной точке прошлого, Бог был объявлен умершим, а папа и священники заняли его место.

Для любого здорового, развивающегося народа церковь любого рода это грехопадение, олицетворение греха обособления: живая вера, основанная на живом откровении и пронизывающая всю жизнь, замыкается в ограниченном пространстве. Церковь претендует на роль самостоятельного целого, она хочет быть автономной и суверенной и тем самым разрывает единое жизненное пространство народа: она становится врагом творчества и откровения. На их место она ставит застывшую в буквах, монополизированную священниками традицию, продукт умершей жизни, далекого прошлого. Религия нуждается в особых формах выражения, чтобы определенным образом влиять на людей. Но религиозная община это не самостоятельное целое, а

часть народного целого. Место церкви как обособленной сферы религии должна занять религиозная община как часть народного целого.

К обособленной сфере церкви относится особое, абсолютное Откровение, традициями которого она оправдывает свое существование. Ортодоксальный протестантизм опирается как на такое откровение на библейский канон. С католической церковью дело не так просто: в данном случае откровение догматического учения подчинено самой церкви. Не догма и текст создают церковь, а церковь создает догму, традиции, откровение. Обе церкви признают развитие Откровения, но протестантизм — в переживании заново библейского текста, а католическая церковь не доверяет это дело отдельным верующим, полагаясь на авторитет папы... Если упор делается на живое откровение, на современность, как в некоторых радикальных протестантских сектах, сразу же начинается конфликт с каноном, церковью, традицией и догмой.

В таком же конфликте находятся Новый и Ветхий Заветы. Это всегда происходит между исторически соприкасающимися эпохами откровения. Новый Завет признает Ветхий как откровение, но лишь как собственный предварительный этап. Он довольно свободно, по своему усмотрению, обращается с Ветхим Заветом, одно берет из него, другое отбрасывает. «Послание к римлянам» доходит до принципиального отвержения Ветхого Завета.

Мы признаем Ветхий Завет как откровение, но необязательное, так как оно, было дано в отдаленное время совершенно чуждому нам народу. Как Новый Завет вступил в конфликт с Ветхим, так и мы, представители другого народа и другой эпохи, вступаем в конфликт с христианством, с Новым Заветом, повинуюсь живому откровению, призыву Бога, обращенному к нам. Мы никогда не сможем вырезать христианскую эпоху из истории немецкого народа. Мы не будем держаться за христианскую традицию, но не сможем вернуть-ся в дохристианскую эпоху. Наш компас указывает в будущее.

Конфликт с христианством не означает отрицание этой религии. Широко распространен метод вырывать из традиции какие-то части и провозглашать их абсолютными, обязательными для всех времен, отбрасывая другие части как «исторически обусловленные». Это совершенно произвольное деление. Любое откровение является и божественным, и человеческим, исторически обусловленным. Поэтому новое откровение должно вступить в конфликт с традицией в целом. Все «теологии» — результат подобных конфликтов. Если бы библейские откровения были даны нашему народу и в наше время, нам не была бы нужна теология.

Наш конфликт с христианством продолжает конфликт между Новым и Ветхим Заветом. Во все времена христианство конфликтовало со своим собственным прошлым. Если бы вообще где-нибудь в мире среди тех, кто называет себя «христианами», настоящие христиане? Были ли христианами Лейбниц, Кант, Гете, Шиллер, Гегель? И что такое «настоящее» христианство? Дать ему определение невозможно. В смысле Нового завета сегодня во всем мире нет и не может быть настоящих христиан, потому что Новый Завет был дан в отдаленное время чуждым нам народам, потому что первые христиане воспринимали и понимали его тексты совершенно не так, как мы. Откровение, данное в определенное время определенному кругу людей, исторически обусловлено. Связанный с этим человеческий фактор не может быть возведен в абсолют. Если бы человек мог воспринимать самого Бога, а не только его влияния, он сам стал бы богом. Откровение остается живым, его изменяют другие народы в другие эпохи, пока не наступает момент радикального размежевания с новой религией. Живое откровение никогда не заключается в создании новых миров и догм, а в обновлении и преобразовании самой жизни по зову Бога.

«Реформатор» Лютер тоже не вернулся к тому, к чему хотел, - к раннему христианству и Новому Завету. Он стал революционером против собственной воли. Даже в своем немецком переводе Библии. Его реформация была в действительности революционным конфликтом немецкого духа с чуждым ему христианством. Теологам-критикам Библии до сих пор не удалось проникнуть в тайну Нового Завета. С этим чуждым миром у нас гораздо меньше связей, чем с греками. Не следует ожидать от научного «понимания» оживления религиозного смысла и содержания прежних откровений. Возрождение может быть только результатом конфликта двух религий. Научное понимание противоположно возрождению. Чем больше научное понимание отдаленной эпохи или чуждого народа, тем больше отдаляется от нас предмет изучения, он становится для нас чуждым и мертвым, между нами и ним разверзается пропасть. Мы понимаем: тот мир — не наш мир, его судьба — не наша судьба, его цели — не наши цели. Таков парадокс научного, «понимания». Так в прошлом веке историки древнего мира разрушили гуманистический идеал классической эпохи и неогуманизма, так исследователи Библии разорвали живую связь между современностью и христианской традицией. Сто лет назад Шлейермахер на вопрос: «Христиане ли мы еще? Можем ли мы еще быть христианами?» смог дать ответ лишь формально утвердительный, а по содержанию отрицательный. Приходится признавать христианином всякого, кто сам себя так называет...

Церковь различает естественное и сверхъестественное откровение. Сюда входит ветхозаветное учение о сотворении мира и новозаветное учение о спасении. Мир, созданный Богом, был хорош, но Дьявол его испортил, поэтому понадобилось второе откровение. Встает вопрос: тождествен ли Бог-творец мира Богу-спасителю? Те, кто задает такой вопрос, радикально порывают с Ветхим Заветом и еврейством.

Как можно вообще различать «естественное» и «сверхъестественное» откровение? Когда церковь обособилась в независимую сферу и стала претендовать на абсолютную власть над всеми прочими сферами, когда началось ее грехопадение, ей потребовалось особое оправдание. Если бы она объявила носительницей откровения только себя, то все, находящиеся вне ее, природа и история, стали бы дьявольскими. На этот радикальный путь вступили некоторые гностики. Церковь избрала половинчатое решение, внося в самого Бога два разных начала: естественное откровение (сотворение мира) и сверхъестественное откровение (спасение мира). Это оправдывало ее обособленность и ее абсолютистские претензии. «Вторым творением» откровение завершалось: далее миром правил наместник Бога.

Однако «сверхъестественным» откровением Бог опровергает самого себя, объявляет свое творение нуждающимся в улучшении или даже в уничтожении. Бог создает церковь как венец творения и окончательно успокаивается, утрачивает способность творить и говорить, оставляя слово за своим наместником, который говорит только по латыни. Это просто богохульство! Церковь нужно спасти от нее самой! Папа не может монополизировать откровение живого Бога.

Откровение дается человеку Богом. Бог говорит с человеком языком судьбы. Он говорит с ним на его собственном языке. Он дает каждому определенное задание. Откуда мы это знаем? Только через врата опыта. Задача человека — понять Бога. Мы не знаем своей судьбы. Насколько небо выше земли, настолько пути Бога выше наших. Бог может нас понять, мы его — нет. Папа в советниках у Бога не сидит. Никто не стоит между Богом и нами. Нет естественного и сверхъестественного откровения. Есть лишь одно откровение одного Бога.

Даже самая радикальная революция не может отменить того факта, что немецкий народ полторы тысячи лет руководствовался христианской мудростью. Это судьба. Если бы принятие христианства не было призванием германцев, они бы его не приняли.

Наша революция не разрывает радикально с традицией, а радикально преобразует ее. Снова поднимается из праха германское мировоззрение.

Там, где христианское мировоззрение сродни германской общественной жизни в «Мидгарде», III Рейх наводит мосты к христианской традиции. Но национально-политическое сообщество основано на «жизни», которая соединяет воедино природу и дух, расу и душу, отдельного человека и жизнь как целое, а христианское сообщество, наоборот, основано на наднациональном, сверхъестественном духе. Некогда оно было противоположной природе мистерией. Но если народ — сын Божий, то он есть путь, истина и жизнь, он лоза, и мы — виноградины на ней. Если мы обособляемся от народного сообщества, Бог в нас умирает.

Германский народ и христианство после долгой борьбы могут стать единым целым. Гносис? Немецкая мистика? Немецкий идеализм? Нет, расово — национально — политическая картина человека, действительность общественной жизни в III Рейхе вытекают из новой религии. Это нордическое, немецкое национальное христианство, а не церковное и уж во всяком случае, не восточное. Может быть, откровение первоевангелия было тем, что хочет воплотить в жизнь III Рейх? Но оно было дано миру, находившемуся во власти демонов, нуждавшемуся в спасении, миру чудес, магии и мистерий. Мы можем только «понять» этот мир, отбросить его чуждые и преобразовать близкие нам элементы: тогда они получают новое содержание в духе III Рейха, жизни, основанной на расовой политике, а не спасения с помощью восточных мистерий.

Кровь и почва

Жизнь охватывает в целом то, что некогда рассматривалось дуалистически, с разделением на тело и душу, природу и дух. Поэтому общая наука о жизни преодолевает противопоставление естественных и гуманитарных наук. Основной вопрос не в том, как в жизни сочетаются природа и дух: и то, и другое — стороны одного изначального целого. Основной вопрос в том, что в жизни остается постоянным, несмотря на все изменения и в чем вообще причины движения и изменений.

Попытка объяснить отличия механизма от организма тем, что в механизм движение привносится извне, а организм самодеятелен, будет неудачной, если господствует механистическое мировоззрение, которое видит во Вселенной механизм, запущенный ее творцом. Если же материя и энергия неразделимы, то место вселенского механизма занимает живой организм. Но откуда берется движение во Вселенной и какого оно рода?

При взгляде на Вселенную как на механизм органическое царство приклеивается к нему где-то сбоку как ничтожно малая величина. В механическом мире господствует причинность, в органическом вместе с принципом самодеятельности возникает свобода. В человеке свобода преобладает над механистической причинностью, тогда как во Вселенной органическое движение представляет собой лишь частное явление. Но каково происхождение органической самодеятельности? Греки пытались свести все космические движения тел, в конечном счете, к душе как движущей силе. Платон, а позже Лейбниц и другие пришли к учению о мировой душе. Космическая энергия — лишь более механистическое название мировой души.

Но ни организм, ни душа не могут считаться конечным источником энергии, причиной движения. Каждый организм — лишь место преобразования энергии, это не перпетуум мобиле. И организм, и механизм — части высшего целого, которое включает в себе все движение. Это целое само живое...

Все механическое в природе — лишь произведение ума, полученное путем изоляции от всех взаимосвязей и превращенное в «вещь» в себе.

Один из видов движения живого — рост, собственно органическое движение. Рост предполагает сохранение постоянства сути при постоянных изменениях. Принцип постоянства невозможно описать простой формулой. Оно определяется тремя факторами: биологическим видом, расой и собственными закономерностями развития личности. В представлениях прошлых поколений на первый план выступали то попеременно, то вместе два крайних полюса — человечество и личность. Немецкая революция помогла осознать значение среднего звена — расы. Раса это не только главный фактор постоянства в индивидуальной жизни, но и компонента, обеспечивающая постоянство характера народа как высшего целого. Благодаря кровному единству живущих вместе людей и последовательных поколений одной расы формируются общество, народ и устойчивый национальный характер.

В основе становления народа лежит та же самая проблема постоянства, что и при росте отдельного человека. Остается ли личность одной и той же в разном возрасте? Был ли немецкий народ одним и тем же на протяжении своей истории? Принцип постоянства, который накладывает свой отпечаток на характер, в обоих случаях является собственным законом развития, в первом случае — личности, во втором — народа, но в обоих одинаковое направление развития определяется общностью расы. Один поток крови протекает через народ как целое и через отдельную личность,

соединяя их, как и цепь поколений. Раса лежит в основе народа как общности, обеспечивая постоянство национального характера.

Раса это не материальный вид, а закон развития в определенном направлении, энтелехия. «Кровь» — лишь символическое выражение. Раса включает отдельную личность в высшее целое и так же объединяет природу и дух, тело и душу: раса создает целое и служит его основой.

Количественный процент расы в народе может изменяться. Механизм этих изменений нам не известен. В мире живого все подвержено изменениям, но раса наиболее устойчива к ним, изменяется медленно и остается твердой осью, направляющей все изменения в жизни как отдельной личности, так и народа.

Но откуда берется возможность движения, изменений? Если Вселенная это жизнь, то движение изначально заключено в ней, как и ее постоянные, неизменные основные законы...

Теперь к вопросу о расовом воспитании. Человек — общественное существо, он существует только как часть высшего целого. Воспитание — необходимое средство сохранения этого целого. Раса — естественное предварительное условие, основа как творчества, так и воспитания.

Расовое воспитание, расовый отбор, расовая гигиена готовят естественную почву для подъема. Каждый народ имеет в качестве станového хребта руководящую расу, образ жизни и законы которой определяют жизнь народа в целом. Подъем начинается с этой основы.

Воспитание, отбор и гигиена, любые планомерные меры не могут изменить или «улучшить» саму расу, но можно отобрать и количественно усилить благородные расовые черты в народе, освободить его от вредных элементов и примесей.

Раса эта та внутренняя постоянная компонента в жизни народа как целого и его отдельных членов. Она скрепляет сообщество, обеспечивает единство цели и воли. Соответствующая внешняя компонента в жизни народа как целого и его отдельных членов. Она скрепляет сообщество, обеспечивает единство цели и воли. Соответствующая внешняя компонента — почва (родина, ландшафт, климат). Здесь подключается новая группа «естественных наук», а также мифических, религиозных и метафизических представлений национально-политической антропологии.

Ландшафт и народ взаимно влияют друг на друга. Разумеется, образ жизни народа это не просто функция внешних условий, а выражение расового типа. Плодородная почва не заставит народ заниматься земледелием, если он настроен на иной образ жизни. Но как пустыня принадлежит бедуину, так немцу принад-

лежит германский лес. Французу непонятно отношение немецкой души к лесу — здесь сказываются расовые различия.

Душа народа и душа ландшафта — в ней говорит живая Вселенная, Мать — Земля находятся в неразрывной связи...

...Ни одно государство и ни один народ в Европе не возникли без участия германцев. Но все германские племена, которые покинули свою родину и не обрели другую, похожую на нее (пример — Италия, противоположный пример — Англия), растворились в народах, стеновым хребтом которых они не стали, на характер которых не смогли повлиять. Почему? Потому что они утратили свои корни, свою родину. Влияние франков на формирование французского народа, государства, языка, права, на культуру и историю Франции было столь сильным по той причине, что франки сохраняли связь с землями по Рейну и по Майну. Поэтому основным направлением французской политики и истории неосознанно остается Рейн.

НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Том 2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ

Арманен-Ферлаг. Лейпциг, 1937

Введение

Вопрос о деятельности близок каждому человеку. Почему же нет науки, предметом которой была бы деятельность? В отличие от работы, деятельность не может иметь своей технологии, потому что она никогда не осуществляется согласно предписаниям, правилам и методам, а всегда предопределяется только характером действующего человека. Остается возможной лишь ее феноменология и определение ее сути на основе действительности и жизненных потребностей человека. Такая теория деятельности должна стать сердцевинной национально-политической антропологии. Почему же ее пока нет даже в зачатке? Во-первых, потому что рационально-гуманистические представления о человеке, которые 300 лет владели сознанием западного человека и частично управляли его деятельностью, были сконструированы на основе идей, поэтому вообще не принимали во внимание многие сферы действительности. Эти теории, включая немецкий идеализм, можно с полным правом упрекнуть в том, что они были чужды жизни. Обращение к идеям означает отход от действительности.

Во-вторых, с упадком рационально-гуманистического мировоззрения и идеализма те же упреки стали предъявляться любой теории. Между двумя эпохами великих теорий лежит период господства голой практики, специализированных наук, обслуживающих экономические интересы. Отказ от теории в пользу технологии означает сегодня отказ от познания действительности. Орлиные горизонты сузились до горизонтов крота.

Рационально-гуманистические представления о человеке исходят из ряда догм:

- 1) Догма об одиночестве и дикости как о природном состоянии человека.
- 2) Догма об одаренности всех людей одинаковым разумом, независимо от расы, народа и истории.
- 3) Догма о высшем и низшем мире, причем частицей высшего мира в человеке является именно разум.
- 4) Догма о том, что все человеческие учреждения созданы с разумными целями.
- 5) Догма, что все люди от природы добры и свободны.
- 6) Догма о единстве человечества и чистом разуме как основе этого единства.
- 7) Догма о прогрессе благодаря политической свободе и рациональной гармонии всех людей.

По сути это всего лишь светская теология. Бог или абсолютный дух Гегеля, например, это сама рациональная гуманность. Эта чисто идейная конструкция уводит человека от действительности в «высший» мир, поэтому в ней и отсутствует учение о деятельности.

Нельзя отрицать заслуги рационально-гуманистического мировоззрения, но эти заслуги не касаются познания действительности. Нигде и никогда не было людей, живущих в одиночку; нигде и никогда развитие не достигалось путем целенаправленного, рационального мышления; человечество никогда не являлось единым рациональным целым; общий разум нигде не обнаруживается.

Каждой из этих догм мы противопоставляем основанные на реальных принципы национально-политических представлений о человеке, согласно которым человек всегда и везде был общественным существом; тело, душа и дух имеют общие жизненные корни и все вместе подчинены законам расы, равно как и общности высшего порядка.

Процесс жизни и деятельность

Природа (окружающая среда) хотя и создает возможности для человеческой деятельности, условия человеческой жизни, никогда активно не управляет ею. Жизнь самоформируется согласно своему собственному основному закону: человек — общественное существо. Это относится и к т.н. «случаям»: внешне события обретают положительный смысл лишь в той степени, в какой отдельный человек и общество реагируют на них в соответствии со своим характером.

Без общества нет личности и без личности нет общества. Такова цель роста, смысл созревания, на этом основана двойственность жизненного процесса. В сфере живого столь же мало

чистой пассивности, как и чистой или абсолютной самопроизвольности. Активность и пассивность — взаимообусловленные полюса жизненного процесса.

В этом плане любой жизненный процесс двояким образом отличается от машины. Любой жизненный процесс самопроизволен и имеет собственный смысл. Смысл машины заложен в нее человеком. В живом организме нет эквивалентности и эквипотенциальности между восприятием и отдачей, между ними вмешивается живая, непредсказуемая самопроизвольность. Во всем живом преобладает активный полюс.

Предмет исследования в данном томе — совокупность всех тех проявлений человеческой жизни, в которых участвует сознание.

Ядро жизненного процесса — инстинкт, самопроизвольность, развитие до стадии зрелости. Человеку присущ такой тип сознания, который происходит не из высшей, чуждой жизни сферы, а со всеми своими ценностями и целями развивается из глубин человеческой природы согласно закону (энтелехии) типа, расы и личности. Сознание организует инстинкты и в результате рождается воля, целенаправленное действие. На этом основана возможность участия всех членов общества в организации жизни общества.

Сознание включает в себя мысль и действие, а рационализм провозгласил мысль, идею, разум — самого человека или антропоморфного бога-демиурга — началом и первопричиной мироздания и жизни и тем самым поставил реальную природу с ног на голову. Мысль не первопричина, а порождение жизни. Она позволяет человеку различать добро и зло, управлять собственной и общественной жизнью, выбирать путь героя или паразита. Поэтому человеческая жизнь, как личная, так и общественная, не исчерпывается областью «органического», а осуществляется в присущей одному лишь человеку сфере Судьбы и истории, в которой постоянно возникают новые задачи и потребности. Ее богатство неисчерпаемо, поэтому Парацельс учил, что мир в конце вернулся бы к своему началу, если бы хоть одно событие повторилось в точности, потому что тогда было бы исчерпано первоначало, Архей.

Суть человека, своеобразие его сознания — в двух взаимозависимых формах жизненных проявлений, которые выделяют его среди всех прочих тварей: он вырабатывает мировоззрения, теории и своими действиями творит историю.

Но каждая историческая личность не ограничивается отдельными целесообразными действиями, а стремится к отдаленной цели, имеющей теоретическое и метафизическое обоснование. Не может

быть государственным деятелем без теории, но эта теория не совпадает с политическим прагматизмом отдельных действий, а определяет общую линию. Ориентированному на целое действию по необходимости должна соответствовать целостная теория.

Почему Парацельс, врач, создал теорию, рассматривающую мир и человека как целое, а не остался просто врачом? Потому что теория, познание мировых взаимосвязей, так же отличает великого врача от врача-ремесленника, как государственного деятеля от политического гешефтмахера.

Принадлежность к сообществу

Вся человеческая деятельность определяется особенностями личности и общества, к которому эта личность принадлежит. Если она нарушает законы общества, ее считают преступником. Итак, закон целого и интеллекта (основной характер) личности — полюса любой деятельности, центр тяжести которой может сместиться в ту или иную сторону. Но каждая личность одновременно является членом общества и ее действия должны служить также высшим, общественным целям. Необходимость сочетания личных и общественных интересов — органический закон.

Если задать вопрос, что в действиях Наполеона сводилось к его личному честолюбию или погоне за собственной выгодой, выяснится, что идея, определяющая историю, хитроумным образом использует эгоистические мотивы для достижения своих собственных великих целей. Государственный деятель реализует себя, служа обществу. В глазах обывателя мир распадается на «эгоизм» и «альтруизм», о котором, никто не знает, с чем его едят, и он окружает альтруизм ореолом идеализма, т.е. подменяет действительность идеологической видимостью.

Герой нарушает существующий закон, чтобы заменить его другим, более совершенным, а преступник — ради собственных целей. Преступник, как и революционер, передовой боец хаоса и анархии, становится жертвой своих же действий.

Два других полюса деятельности — причина и цель. От цели следует отличать ценность. Цель рациональна, она зависит от эпохи и места, от народа и расы. Достижение определенных задач связано с народом и исторической ситуацией, а через них — с расой и ее ценностями, которые определяют выбор методов и средств. Индеец Текумсе предвидел в 1800 году гибель своей расы, для спасения которой нужно было создать государство. Почему индей-

цам не удалось то, что удалось германцам, которым со времен Арминия грозила такая же опасность?

За каждым историческим и культурным событием стоит раса с ее ценностями и жизненной ориентацией, ее волей и стихийной силой. Через ценности цель и задача уходят своими корнями в расу. Сама великая задача порождается призыванием, с упорством в ее выполнении связаны судьба, счастье, удача и победа. Все это уходит корнями в расу, зависит от ее живучести.

От цели и ценности следует отличать идею. Идеализм надеялся с помощью идей истины, добра и красоты обрести высшее царство чистого духа, гуманности и совершенства и установить цель развития всего человечества. Он оторвал дух от природы, чтобы «очистить» человека и помочь ему достичь совершенства в виде чисто разумного существа. На самом деле, идея никак не связывает задачу с реальностью, потому что она уходит от действительности в трансцендентный мир и кончается как идеология. Она дает только «высшему» слою, присвоившему себе право на образование, оправдание его социальных претензий на роль самой «духовной» и лучшей части общества, т.е. оправдание нового раскола общества, которое и так трещит по всем швам, что усугубляется бегством от политических требований, от реальных задач. Нарисованный В. фон Гумбольдтом образ личности — идеалистическая вариация либерального идеала человека — больше не введет нас в соблазн. Мы хотим жить в реальном, а не в идеальном мире. Мы, все, кто в юности повторял зады идеализма, в конце концов отвернулись, разочаровавшись, от бессильных идей и призрачных идеалов. Наши задачи не уведут нас больше в пустоту идеального, трансцендентного царства, а зовут к творческому преобразованию исторической реальности.

Расовая иерархия ценностей не дает нам мотивов и целей, а нормирует наши действия. Если деятельность людей в обществе регулируется ценностями господствующей расы, в нем неизбежны конфликты интересов, но преступниками в здоровом обществе могут быть только люди чуждых расовых типов.

Исходя из регулирования деятельности расово обусловленной иерархией ценностей, можно определить значение расы и расового сознания вообще:

1) Раса обеспечивает единство жизненной субстанции при смене поколений, а расовое сознание — временное измерение, линия, ведущая от предков к потомкам и порождающая ответственность за будущее.

2) Естественной основой народного сообщества в процессе его становления является господство определенного расового характера, который дает этому сообществу иерархию ценностей и нормы деятельности.

3) Ценности расы определяют законодательство, демографическую и экономическую политику, расовую гигиену, общественный строй, культуру, воспитание и отбор, особенно когда речь идет об отборе политического руководства.

Действительно ли Макиавелли учил, как некогда утверждали, будто политика это чистая целесообразность, умение найти для произвольно выбранной политической цели подходящие и эффективные средства и применять их, ничем не стесняясь? Человек, который сводил все великие политические деяния к действию трех сил — *virtu*, *necessita* и *fortuna* — человек, который, создавая свое политическое учение, видел отдаленной целью становление итальянской нации, не был ни прагматиком, ни либералом. Его три силы были расовыми предпосылками, на базе которых возникли римские государственные деятели и завоеватели мира: все их целенаправленные действия в конечном счете направлялись этими основными силами их расы и мировоззрения. Макиавелли создал на их основании политическую теорию, но политические фигуры, которые возникали на уникальной римской расовой основе, не могли появиться в XVI веке. Его учение позже извратили, превратили в чистый прагматизм и абсолютистский рационализм целесообразности в политике.

Области жизни и общественные объединения

Между отдельными членами народного сообщества и народом в целом существуют промежуточные структуры, такие как классы и сословия, профессиональные союзы, религиозные общины и т.п.

Этим образованиям сегодня трудно дать терминологические определения, потому что их первоначальные названия за последние столетия искажены. Как и «государство», они возводятся, согласно теории естественного права, к договорам, целенаправленно заключенным отдельными лицами.

Но возникновение этих сообществ нельзя объяснить ни с помощью идеалистической теории естественного права, ни с помощью романтических натурфилософских категорий. Они возникают не на основе договоров, но это и не тихо и незаметно растущие организмы. Механистическая теория естественного права дает для понимания этого процесса так же мало, как и биология. Оба тол-

кования упускают из вида характер и суть истории. Недостатки обоих толкований преодолеваются национально-политическими представлениями о человеке и истории.

Народы и являющиеся их частью структуры не основываются на базе договора, не изготавливаются как машины, и вообще в основе их не лежит идея или цель. Но они и не растут как организмы. Они порождаются в специфическом процессе исторического становления жизненной силой всего сообщества, множеством отдельных человеческих деяний. В основе лежат по необходимости содержащиеся в живом целом жизненно важные основные функции. Эти функции и являются особыми областями общественных объединений.

История это управляемое творческими актами развитие общества как целого. Творческие акты стимулируются самопроизвольным внутренним развитием живого сообщества. Но становой хребет деятельности — расовая иерархия ценностей и жизненная ориентация.

Нравы и нравственность

Старая и фундаментальная ошибка любой этики заключается в том, что она видит в нравственности особую область жизни, т.е. «нравственную» деятельность со своим смыслом и своей целью наряду с прочими видами деятельности — военной, политической, художественной, экономической и т.п. Но нравы и нравственность это не особый вид деятельности и не особая область жизни, а регулятор любой деятельности, норматив всех областей жизни.

Нравственность не имеет ничего общего с целью действия. Убийство может быть нравственным или безнравственным, равно как и приобретение собственности, отправление культа или половые сношения, в зависимости от соответствия действия законам целого.

Там, где нравственность нарушается, возможны действия, направленные на ее восстановление. Но эти действия не могут считаться специфически нравственными наряду с прочими действиями с иными целями. Нет такой области жизни «нравы». Нравы воплощают ценности, которые не имеют ничего общего с реальными целями действия. В основе их лежит расовое начало и они представляют собой ось определяемого этим началом общего направления жизни и структуры взаимосвязей внутри общества. Ценности это не «идеи», а реальные силы в жизни, источником которых служит расовое начало.

Учение Канта о чистом практическом разуме направлено на то, чтобы найти в нравственном законе не только регулятор человеческой деятельности, но и объявить его мотивом действий, притом

единственным. Нравственная область объявляется единственной достойной настоящего разумного человека областью жизни, т.е. у действий нет никакого мотива и никакой цели кроме формального нравственного закона. На самом деле такая рационализация лишает действие любой жизненной силы и реальности: оно распускается в ничто, уходит в пустоту как и весь идеалистический образ человека. Этический ригоризм Канта убивает действие, делая его невозможным.

Нравственное начало не проявляется в действии обособленно, оно имманентно действию. Нравственность впервые становится проблемой, когда нарушается закон.

Нравы это обычаи, установленные правила и нормы действия. Они развиваются исторически и изменяются под влиянием политики. Их изменения неизбежны, несмотря на постоянную расовую основу ценностей. Ради новых целей и задач приходится отбрасывать устаревшие нормы и формы, отбрасывать навязанные чуждые ценности и заменять их своими природными основными расовыми ценностями. О революционных политических действиях нельзя судить по меркам существующих нравственных или правовых норм.

Нравственность — регулятор действия. Пока общество не испытывает исторических потрясений, она является высшей инстанцией. Но, поскольку нравственность тоже подвержена историческим изменениям, она сама нуждается в собственном внутреннем регуляторе, который всегда восстанавливал бы внутреннее равновесие. Этот регулятор — формальный закон нравственности, а в случае конкретных конфликтов — совесть. Они не позволяют злоупотреблять людьми, превращать их в средство достижения определенных целей. Если очистить кантовский категорический императив от абстрактной формулировки, закон нравственности выступит как регулятор нравственности (но не как ее двигатель!).

Право и справедливость

По своему происхождению право — не что иное, как обычай. Оно рождается в лоне народа и соответствует его характеру, жизненной ориентации и расовой иерархии ценностей.

С появлением суда правовые формы и правовое сознание вырабатываются судьями. Но творцом права является само общество, накладывающее на него отпечаток своего расового типа, своей иерархии ценностей и ориентации своей воли.

Многослойность римского права, однако, служит примером того, что правовые формы могут вести свое происхождение от множества

источников. Юристы выступали в Древнем Риме не в роли судей, а в качестве советников, консультантов.

При общинном строе юристов заменяли авторитетные мудрецы. Часто их указания были обязательными для судей. Образ мудрого Ньяла в исландской саге — классический образ такого советника в германском мире. Иногда такие советники становились вождями (Солон, «судьи» израильские), иногда — мифическими фигурами (Ликург). Они могли основывать свои школы. Такова была переходная стадия к созданию законов. К этой категории относились римские юристы, частично, может быть, — мудрецы и философы древней Греции, еврейские раввины — создатели Талмуда.

Положительная роль правоведения в разработке законов сведена к минимуму под влиянием исторической школы права. Правоведение начиналось с мудрецов-советников. Но современное немецкое правоведение ведет свое происхождение по прямой линии от римских юристов и мудрецов-советников древнего Рима, как будто у германцев не было своих! Немецкий юрист это не потомок мудрого Ньяла и ему подобных. Под чужеродным наслоением римского права эта линия прервалась. Такого рода трагедий в немецкой истории много.

«Закон» может быть установлен по приказу вождя или по решению законодательного собрания. Он не может держаться на одном принуждении. Произвольный закон порождает беспорядок или остается клочком бумаги несмотря на все принудительные меры. Чтобы закон был действенным, он должен соответствовать расовому типу и политической задаче.

Вождь германской дружины был больше пригоден для законотворчества, чем либеральный многопартийный парламент. Последний является политическим выражением рационально-гуманистических представлений о человеке, первый — высшим воплощением национально-политического идеала.

На уровне национально-политического мировоззрения мы преодолеваем как рационально-гуманистическое мировоззрение с его теорией права, так и романтическое учение о незаметном, тихом, естественном и органическом росте народного духа и права. Целенаправленные действия не создают народ, государство и право, но являются основными предпосылками исторического становления, которое именно этими действиями отличается от естественного роста. Целенаправленные действия постоянно ориентируются на основные ценности. Так прослеживается смысловой ряд деятельности от природной основы до исторической цели народного сообщества.

Вместе с рационально-гуманистическими представлениями о естественном праве преодолевается и диалектическое единство либерально-буржуазных и коллективистских (марксистских) политических теорий. Обе они исходят из учения о природном состоянии, об изначальном праве всех на всё и о борьбе всех против всех, о создании общества на разумных, договорных началах, почему обе они и ратуют за «народный суверенитет», т.е. суверенитет большинства. Они расходятся по вопросу об отношении между личностью и обществом и средствах достижения цели — «наибольшего счастья наибольшего числа людей». Либералы больше всего заботятся о правах личности. Коллективистская линия, теория которой начинается с Гоббса и Руссо, практически воплощалась в деяниях Робеспьера, Парижской Коммуны и большевистской революции в России. Она требует от личности передачи ею всех своих прав государству. При либеральной линии права личности выхолащивают государство и доводят его до распада, при коллективистской Левиафан пожирает личность: принудительная схема убивает жизнь и приводит к столбняку. Весь этот мир сконструирован из «идей», это нереальный, идеологический мир, но со времен Французской революции он все больше стал превращаться в мерило политической действительности посредством законодательства.

С нашей точки зрения, право имеет смысл только в обществе. Естественное право всех на всё это такая же бессмыслица, как возникновение общества на основе договора. Жизнь в обществе — первичная форма человеческого существования: такова основа обычаев, права, языка, религии, экономики, политики, искусства и воспитания.

Нигде нельзя понять общественную жизнь и право исходя из теории «договора». Это относится и к знаменитому договору, заключенному в 1629 г. «отцами-пилигримами» на корабле «Мэйфлауэр». Он стал прообразом теории естественного права, равно как и роман о Робинзоне. Переселение осколков старого народа на новую почву было истолковано как якобы изначальное состояние. Таким же образом можно было бы объяснить возникновение природного вида «виноградная лоза» пересадкой американской лозы на немецкую почву.

Савиньи, который видел внутреннюю связь между развитым правом и народом, вынужден был, чтобы объяснить, почему римское право продолжало существовать в Средние века, выдумать, будто римский народ продолжал жить среди других народов. Что общего у нас, немцев, с римским правом? Заимствование римского права было частью процесса чуждых культурных наслоений, который начался с окатоличивания северных народов. Наслаивались не

только чуждые религиозные учения, но и целая масса окаменевшего культурного наследия поздней античности (от Галена до Юстиниана, Кассиодора и Исидора Севильского). Под этой грудой пустой породы умерли многие своеобразные черты северных народов. Вся история немецкого народа это постоянный конфликт между своим и чужим. Он прослеживается даже в языке.

Церковь была носителем римских правовых форм. Церковный народ с самого начала и доныне — не немецкий народ, он хочет быть римским народом по языку, праву, вере и политическим задачам. Десять лет назад вождь политического католицизма д-р. О. Кунце заявил, что в Германии три народа: католический, протестантский, а за последние 50 лет к ним добавился еще и социалистический.

Но политическое заимствование римского права не сделало его живым. Был заимствован лишь его формальный рационализм. Теория естественного права тоже жила формализмом и рационализмом римского права, лишь подставляя под него фиктивную действительность. Но целиком отрицать римское право можно только вместе со средневековой государственностью. Развившееся из германского права средневековое немецкое право со своим партикуляризмом привело к политической раздробленности Германии. На каждой пяди немецкой земли установились свои законы. Это темная сторона немецкой истории. Немецкие князья с помощью римского права не только строили свои государства, но и прокладывали просеки через страну, напоминавшую непроходимую чащу, делали народ подвижным, высвобождали стесненные силы. С римским правом как и с христианством: если бы его заимствование не было исторической необходимостью, оно бы не произошло. Но это не означает, что мы должны навеки застрять на этой точке. Самое глупое занятие — порицать историю за то, что она сделала то, что сделала. Ее можно порицать лишь за то, что она уже давно не разрешила те задачи, которые стоят перед нами сегодня. К ним относится восстановление германских правовых принципов на современном уровне с учетом нашего расового характера. Мы хотим снова задействовать наши главные расовые ценности. Но мы не хотим возвращаться в прошлое.

Однако мы должны рассчитывать с римским правом. То, что когда-то было благотворным и необходимым, с завершением эпохи естественного права стало вредным для народов. Оно превратило право в чистую, враждебную жизни формалистику. Оно оправдывает капиталистическую эксплуатацию, абсолютизм государства, капитала, предпринимателя, собственности, экономического насилия. Вместе с римским правом мы прошли последние 400 или даже

1500 лет, но не ради возврата к предполагаемому идеальному состоянию, а ради национально-политической реальности. Мы ищем причину бед не в христианстве, не в римском праве и не в окаменевшей античной культуре, а в живых людях, которые подверглись чуждым влияниям и пошли по неверному пути.

Каков будет путь вперед, можно пояснить на следующем примере. Германцы не знали разницы между частным и общественным правом, их противоположность выявилась лишь с возникновением государства. На пути к национально-политическому единству немцев мы не можем и в области права сохранять антагонизм государство-народ, так как народ для нас — не просто сумма личностей. Но мы не можем вернуться к германской или средневековой безгосударственности. Мы идем к национально-политическому единству немцев, при котором общественное и частное, народ и государство будут не антагонистами, а полюсами живого целого.

Накануне революций, как правило, выдвигается требование: вместо несправедливого порядка, при котором у одних есть привилегии, но нет обязанностей, а у других — одни обязанности и никаких прав, должен быть восстановлен баланс прав и обязанностей, естественный, изначальный порядок, т.е. справедливость.

Здесь мы ясно видим двусмысленность термина «естественное право». Мы отвергаем его толкование, которое господствовало последние столетия. Но мы строим наше общество на основах, данных от природы. Этот принцип распространяется и на область права. Идет ли речь о возврате к соответствующему нашей природе и потому «естественному» праву?

В основе любого позитивного права и любых обычаев лежит формальный регулятор и критерий, а именно, «естественный» принцип справедливости, который при всех исторических изменениях права всегда восстанавливает внутренний баланс прав и обязанностей. Делать принцип справедливости всеобщим можно лишь формально: при всех изменениях права на него накладывают свой отпечаток раса и ее ценности, характер народа, его волевые устремления и исторические задачи. Наше естественное право это немецкий социализм, право всех немцев на труд, на свою долю жизненного пространства, это право расы, право собственности на землю, собственником которой является род, право на народное здравоохранение, постановка общей выгоды выше частной, оценка и привилегии — по вкладу в общее дело.

Бог Ветхого Завета выступает в роли не только творца, но и законодателя мира. Отсюда до «законов природы» современного

естествознания — один шаг. Закон, план и целесообразность, становясь чем-то самостоятельным, обретают божественный характер.

Что значит «закон природы»? Открытие этих законов сводится к поиску во всех изменениях чего-то постоянного, повторяющегося, правил и норм. «Закон» торжествует, когда из «природы» выталкивается жизнь: природа остается остается машиной, работающей согласно законам. Кульминация механистического понимания мира — знаменитое определение Канта: «Природа это бытие вещей в той мере, в какой оно определяется общими законами». Здесь устанавливается тождество терминов: разум = природа (истинная природа) = закон.

Затем совершается странный круговорот. Из механики понятие закона переходит в биологию, а из нее (вместе с терминами «организмизм» и «развитие») переносится романтической натурфилософией в сферу человеческого бытия в той мере, в какой она подвержена историческим изменениям. И здесь закон это неизменное, повторяющееся, правило и норма, а «органический закон» — соответствие, полярность органического целого и его частей. Родовой закон (энтелехию) на его разных этапах можно назвать также основным характером.

В области общественной жизни круговорот закона завершается: он возвращается к своему началу. Естественный закон сталкивается с законом законодателя. Здесь выполняется требование теории «естественного права»: закон, чтобы быть действенным, должен соответствовать естественному основному закону справедливости. В этом случае господствует право.

Ценности и цели

Цели могут сотни раз меняться в зависимости от областей жизни, исторической ситуации и задачи, личных пожеланий и наклонностей. Цели приводят общество в движение. Если бы господствовали только они, был бы хаос. Основной закон устанавливается ценностями: это краеугольные камни характера. Целей много, ценностей немного. Ценности это развитие расового начала.

Только во взаимодействии целей и ценностей народ может исполнить свое конечное назначение.

Рационально-гуманистическое представление о человеке создавалось на основе идей. В гармонии истины, добра и красоты, согласно формальному закону категорического императива как идеи добра, должны были совершенствоваться отдельные личности и человечество в целом. К этому добавлялись политические идеи свободы, равенства, прогресса и «вечного мира». Основой был чистый разум, не зависящий от времени, места, народа, расы и истории

абсолютный дух. Этими «идеями» были проникнуты этика, философия истории, государства и права и педагогика.

Национально-политическое представление о человеке, наоборот, основывается не на идеях, а на естественной основе: расе и ее ценностях. Без этой природной основы нет никакого «духа»: в жизни природа и дух едины.

Честь это не идея и не цель, а расово обусловленная основная ценность нашего народа. Честь самой расы, крови, почвы, народа, происхождения и будущего, предков, героев, правопорядка, семьи, труда, профессии, достижений, личности: это расово обусловленная основная ценность нашего национального и личного бытия. В большинстве этических систем прошлого мы тщетно будем искать слово «честь» — это расовая ценность, а не гуманная идея.

Вопрос: расовых ценностей много или есть лишь одна-единственная основная ценность? Национальная честь включает в себя требование немецкого социализма: чтобы ни один немец не смотрел на другого как на «материал», как на средство для достижения цели.

Является ли верность ценностью иного рода, нежели честь? Девиз СС: «Моя честь — верность» их объединяет. Он отражает отношения между германской дружиной и ее вождем.

Расовое представление о человеке не знает равенства всех, кто имеет человеческий облик, а знает их различия в зависимости от расового характера и основанной на нем жизненной ориентации и особенно способности к политическому творчеству. Место равенства людей заменяет их различие по расовым способностям и историческим достижениям: так расы распределяются по рангу.

Но внутри народного сообщества кроме различий существует и принципиальная равноценность, иначе этого сообщества вообще не было бы. Немецкое единство — высшая цель, но его нельзя было бы обеспечить одним лишь единством политического руководства. Равноценность членов немецкого народного сообщества обеспечивается родственной арийской кровью, общностью судьбы и истории, политическим порядком, общим мировоззрением, общей господствующей ценностью (честью), общим воспитанием.

Это единство укрепляется с помощью трудовой повинности, воспитательного мероприятия очень большого значения. Здесь все равны, и честь воздается по труду. Только на этой основе зиждется иерархия, в которой ранг зависит не просто от достижения определенной цели, иначе высшую ступень мог бы занять удачливый биржевик, а от определяющих жизненную ориентацию народа основных расовых ценностей.

При всем значении, которое придается крови, происхождение из чистокровной знати (если таковая вообще еще имеется!) не должно быть основанием для высшего ранга в обществе. То же самое относится к происхождению из состоятельных буржуазных слоев. Представители культуры также не должны претендовать на высший ранг по сравнению с рабочими и крестьянами. Главный критерий оценки — достижения в труде на благо народа в целом, независимо от характера деятельности.

В человеческой деятельности нет принципиального разделения между духовными и материальными задачами. Разрыв между ними стал одним из роковых событий немецкой истории XIX века. Виновен в этом разрыве идеализм, создатель высшего мира чистого духа. Без идеализма не было бы марксизма. Идеализм воздвиг высший духовный мир над низшим царством материи. Это противопоставление идеи и материи совпало с политической и социальной позицией «4го сословия»: духовный мир отождествляется с буржуазией, а марксизм стал идеологией рабочего класса.

Бессмысленно соотносить один вид деятельности с духовной, а другой — с материальной стороной бытия. В любом из них присутствует духовный элемент, который философы пытаются монополизировать.

Ценности как выражение расового начала неотделимы от общественных порядков. С формальной точки зрения, дружина существовала у всех народов и во все времена. Германская дружина, как в высшей степени характерная форма жизни германцев, скреплялась расовыми ценностями чести и верности. Средневековое рыцарское войско было соответствующим германской дружине творением нордической расы. Другим таким творением было прусское офицерство.

Политика и история

Термину «политика» не соответствует никакая особая область жизни: нет политики наряду с экономикой, культурой, воспитанием. Этому термину не соответствуют также, как терминам «мораль» и «право», какие-либо объективные правила жизни и деятельности. Политика это скорее та осмысленная область действия, которая, охватывая народ в целом, творит историю. Политика это целесообразная деятельность, которая формирует инстинктивную жизнь общества, уходя в нее же своими корнями. При этом всегда нужно учитывать разрушительное действие как негативный полюс политики. Позитивная политика возвышает стихийные внутренние порывы до уровня сознательной воли. В той степени, в какой политика

является двигателем истории, история, со своей стороны, — результат, осуществленная и осуществляемая политика.

Политика — дело вождя. Без него нет единства воли и постоянства жизненной ориентации. Вождя не назначают, это не чиновник и не функционер. Это, скорее, человек, сделавший сам себя, уникальный по своим целям, достижениям и методам. Тайна вождя в том, что он верит в свое призвание и вызывает доверие; вокруг него возникает круг последователей, через которых он распространяет свое влияние на весь народ. На этом зиждется власть. Власть создает единство воли в обществе. Власть это не заданная величина, ее нельзя измерить. Власть зависит от степени доверия между вождем и его последователями, ее столпы — призвание, необходимость, характер, счастье. Власть — двигатель истории.

Вождь не одинок: он бессилён без веры и доверия своих последователей. Их круг, слой избранных, политический генштаб тоже не назначается. Назначать можно чиновников и администраторов, но не руководителей. Но сегодня нет больше автономии областей и руководителей, плюрализм государства преодолён. Один народ — один вождь. Руководители отдельных областей составляют узкий круг последователей вождя.

В иерархии руководителей проявляются суть политики и взаимодействие элементов и целого. Вождь всегда выше своих приближенных, целое всегда выше части.

Если политика не особая область жизни, она не может быть и профессией. Вождь это не специальность. Назначенный вождь либо превратится в администратора, либо потерпит крах. Отсюда проблемы наследственной монархии, а также проблема преемственности власти в государстве, возглавляемом вождем. Король может призвать политика с данными вождя, но его королевство перейдет в руки майордома, если он не сохранит за собой право принимать основные решения. «Профессиональные политики» появляются в либеральном многопартийном государстве.

Только эпигоны, приверженные к прошлому, могут еще сегодня определять политику, отталкиваясь от государства, как прикладное учение о государстве. В этом основное заблуждение интеллектуализма, как будто деятельность государственных учреждений может руководствоваться «прикладным учением». Бытие и действие всегда имеют приоритет по отношению к теории и науке.

Во все времена творческие политики создавали своими действиями государства, а не государства создавали государственных деятелей и политиков. Политика как основная необходимость жизни

человеческого общества предшествует государству и стоит над ним и над его законами. Любая деятельность, регулируемая государством, это уже не политика. Политика как «прикладное учение о государстве» — бессмыслица. Государство и право возникают из политики, из деятельности, творящей историю.

Германия сегодня порывает с почти четырехсотлетним периодом развития западного государства. Государство больше не находится в центре, а на обочине политико-исторических событий. Государство последних веков прodelывало фокус, пытаюсь быть статичным и динамичным одновременно. Национал-социалистическая революция принципиально разделила статичный и динамичный моменты. «Государство» стало чисто статичным. Либерализм удивительным образом лишь после своего конца достиг своей цели: неполитического государства. Но это вовсе не означает, как он предполагал, полную деполитизацию и конец истории. «Движение» (партия) впервые сделало политическое, динамичное особой областью, новым органом, стоящим над государством, как некогда «суверен». Движение как политический мотор устанавливает веху новой исторической эпохи. Политика на новом уровне снова обретает свой первоначальный смысл и может определяться без участия государства.

Вождь немецкого народа ищет оправдание своих действий не в теории государства, а в расово-национально-политической картине исторического становления немецкого народа. В этом суть национал-социалистического мировоззрения.

Политический закон гласит: тот, кто не может быть молотом, становится наковальней, но никто не может убежать от кузнецов-политиков и исторического движения. Политическая деятельность положительна лишь тогда, когда она не только направлена на целое, но и исходит из этого целого, соответствует его типу и внутренней ориентации, в противном случае она становится чужеродным телом и действует как яд или взрывчатое вещество. В этом этика политической деятельности.

Мы не хотели бы возвращаться к смехотворным буржуазным представлениям о соотношении политики и морали*.

---

* У Канта есть изречение: «Честность лучше любой политики». Тем самым он связал вместе два понятия разных уровней с целью убить политику, остановить движение истории и поставить на место политики рациональный морализм. С таким же успехом можно сказать: «Бифштекс лучше любой политики». Если политика ради сиюминутной выгоды

Право рождается из политики, которая поэтому выше всех правовых норм. Если политическая деятельность, право и мораль разбиваются на одной и той же расовой основе общества, если расовые основные ценности образуют их стеновой хребет, то они по необходимости должны быть взаимосвязаны определенным образом. Одни лишь мораль и право не обеспечивают единство общества.

Отсюда следует примат политики. Это последняя инстанция, которая определяет развитие экономики, культуры и воспитания. Только в либеральный век велась «автономная» экономическая политика, якобы в интересах экономики, а на самом деле ради господства хозяев экономики над народом, государством и законом.

Либеральная доктрина разделения властей не принимала во внимание политическую проблему. Разделение задач между законодательной, исполнительной и судебной властью не оставляет места для политики. Точно так же т.н. «права человека» мыслятся совершенно аполитическими: буржуа отгораживает для себя пространство, куда политика не может проникнуть. Писанные конституции заменяют действительность фикцией, живые силы — математически рассчитанным каркасом. Вся жизнь общества в эту морально-правовую эпоху была одной сплошной ложью. Все эти конституции были направлены против действительности, против политики, против истории, в пользу одной лишь идеологии. Но, поскольку дей-

---

пользуется такими средствами, которые лишают ее доверия и успеха в дальней перспективе, это не политика, а ремесло для барышников. С помощью иезуитских уловок не достичь всемирно-исторических успехов, но и с помощью морали тоже. Макиавелли не давал рецептов для политических обскурантов. Любая политика, прибегающая к обману, как и любая другая глупость, бьет в конечном счете по тому, кто ее проводит. Сегодня мы видим, к чему привели лживая пропаганда Антанты и Версальский договор. Таким образом, к политике прилагается не масштаб морали, а предъявляется требование, чтобы она использовала такие средства, которые действительно обеспечивали бы достижение ее цели. Великим целям соответствуют великие средства. Правда, при этом в политике, как и при плавании под парусом, действует тот принцип, что прямая — не всегда кратчайший пункт между двумя точками. Но как мог моралист Кант понять суть политики, если он не видел смысла в истории, отождествлял народ с «массой людей»? Кант не видел действительности за своими рациональными понятиями, потому что путал эти понятия с действительностью.

ствительность нельзя победить, а историю — остановить, политика продолжала действовать из-за кулис.

Больше всего политика освободилась от буржуазной идеологии и восстановила свой примат в области отношений между политикой и культурой. Около 1900 г. немцы, если им задавали вопрос о смысле жизни, ссылались на катехизисы своих конфессий, марксисты — на катехизис классово борьбы. Если же речь заходила о смысле жизни отдельного человека, то обычно употреблялось слово «культура». Под «культурой» и «образованием» понималось гармоничное совершенствование отдельного человека, который с помощью «разума» или «духа» возносился в высший идейный мир, уходя от низшей природы. Путь к этому открывала культура, совокупность «духовных» ценностей, воплощавших в себе идеи истины, добра и красоты. С крушением идеализма место этой цели заняли сами средства. Создание произведений «культуры», даже если они заранее предназначены лишь для музея, стало высшей целью человеческого бытия, конечной целью жизни, самоцелью. И кого нужно гнать в первую очередь, так это буржуазных эпигонов идеализма с их культурными суевериями, так как буржуа охотно закрывается от жестокой действительности идеологическими кулисами.

Центром мировоззрения должна быть сама жизнь, ее целью — живой народ в его историческом становлении как вечный памятник самому себе. Цель — не «произведения», они лишь выражения, этапы, свидетельства, путь. Цель — поднятая на высший уровень жизнь народа как целого. Смысл жизни это сама жизнь в ее развитии и совершенствовании. Вечна жизнь, а не произведения. Поэтому для нас смысл и цель это не «культура» и даже не «народ и культура», а только «народ». Культура не вся жизнь, а только ее часть, не цель, а средство.

Жизнь народа направляется к своей цели не «культурой», а творческой политической деятельности. Отсюда примат политики и над культурой, искусством, наукой.

Это не значит, что политическое руководство дает предписания, устанавливает догмы и тем самым схематизирует и шаблонизирует духовную жизнь, убивает ее своеобразие и творческую силу. Просто свободное творчество больше не уходит в пустоту, в фиктивную и произвольно названную высшей сферу т.н. «чистого» духа, а как и вся жизнь, частью и выражением которой оно является, остается внутренне связанным с обществом. Политика должна управлять и культурой, но в духе Платона: не руководить духовным творчеством, а оценивать его результаты как вредные или полезные для народа.

Какое отношение имеет мировоззрение к смысловой цепи политических акций? Ответ на этот вопрос дал еще Макиавелли, который свел целесообразность отдельных действий и смысловых рядов к метафизическим основам всей политики и истории. В противоположность идеологической конструкции истории как самоочищения разума или самопознания духа, Ранке не только показал, что история это ряд политических творческих актов, но указал и на метафизическую действительность истории: на внутреннее становление народов под влиянием «великих тенденций». Иногда из недр народа вырываются революционные движения со своей ориентацией. В этих случаях говорит Судьба, Бог говорит в истории через призванные народы, которые сами являются мыслями Бога. Такие движения не достигают своей цели сами собой, они выдвигают вождей, благодаря действиям которых только и может быть достигнута цель. Движение не ограничивается рамками народа, в котором оно возникло, оно распространяется на другие народы и видоизменяется в зависимости от их особенностей. Но народ, в котором оно возникло, остается лидером в этом круге народов. Такую роль играла Германия в XVI веке со своей революцией и реформацией, хотя в ней самой из-за отсутствия политических вождей конечная цель не была достигнута, а вместо этого произошел новый раскол, приведший к краху, когда иезуитская контрреформация направила европейскую политику против Германии.

Движение, вырвавшееся из глубин народа, влияет не только на характер и расовые задатки этого и других народов, но и на жизнь отдельных представителей этих народов, их индивидуальные задатки и характер. Из тех, кого это влияние затрагивает особенно сильно, получают политические вожди, реформаторы, пророки, поэты, художники. Движение, которое обладает повышенной жизненной энергией, уносит таких людей далеко за пределы «биологической», органической сферы: они становятся творцами истории. Повышенная жизненная энергия этих людей, полученная ими от движения, и есть их харизма. Поток превращается в творческое действие, захватывает все общество, превращает неосознанный порыв в сознание долга, в общее мнение, общую волю и власть и становится исторической судьбой.

Такое движение делает возможной творческую политику, действительную революцию и обновление, историческое преобразование народов. От него исходят призывание вождя, готовность приверженцев, власть как двигатель истории, судьба, магия команд. Наступает время, когда все действия эффективны: возможны революции, основание государств, выход народа в лидеры истории.

В XVI веке немецкий народ не выполнил свою миссию, и его постигли удары рока. Движение было, связанная с ним миссия была, но не было вождя.

Политика, война, история

Со времен Ранке в Германии господствует догма о примате внешней политики. Ее подтвердило основание Империи Бисмарком после побед на полях битв в Чехии и Франции. Но в дальней перспективе эта догма становится опасной из-за ее односторонности. Технически необходимое разделение внутренней и внешней политики — не оправдание. Любая политика через управление обществом направлена на его сохранение. Сюда относится и завладение жизненным пространством. Цель внутренней и внешней политики одна и та же, они взаимодействуют друг с другом.

Даже самое примитивное общество может сохраниться и развиться до высших форм в условиях постоянных конфликтов с окружающим миром только при надлежащем управлении собственной общественной жизнью. Общество следует своим историческим путем и преодолевает конфликты и противоречия благодаря политическому руководству. Но политическое урегулирование внешних проблем это всегда борьба, борьба за жизненное пространство, за господство, борьба, связанная с потерей человеческих жизней и сил. Эта политическая борьба существует извечно и прекратится лишь тогда, когда не будет больше никакого движения, когда окончится история. Борьба, когда иные средства оказываются недостаточными, становится вооруженной, т.е. войной. Борьба вечна, война — последний довод, даже если ее не хотели, но она разразилась из-за бездарности политического руководства. Война — станция исторического становления, но не само это становление. Борьба же вечна, хотя в ней бывают и этапы равновесия, поддерживаемого договорами. Как и война, договоры — средство политической борьбы. Их цель — в условиях временного равновесия создать удобную исходную точку для дальнейшей борьбы, когда обстоятельства изменятся.

Политики начинают и заканчивают войну, но во время войны они сталкиваются с ее непривычной для них спецификой. «Война — продолжение политики иными средствами», — за этим изречением Клаузевица кроются сложные отношения между политикой и войной, сложные даже тогда, когда великие политические вожди являются одновременно выдающимися полководцами. Проблемы всегда возникают из-за того, что война имеет собственные законы. Привес-

ти войну к осмысленному концу может только примат политики, потому что только политика и придает войне смысл, даже если полководцы терпят поражения. Но если политическое руководство оказывается не на высоте, это приводит к окончательному краху.

Вероятно, глубочайшей причиной поражения Германии в 1918 г. была демоническая односторонность Бисмарка. Она проявлялась двояким образом. При Бисмарке примат внешней политики был настолько силен, что после основания Империи он не поставил перед Германией никаких великих внутренних целей, из-за чего терпел поражения во внутренней политике и оттолкнул в оппозицию таких дальновидных людей как Лагард. Это была эклектическая линия: усадить Германию в седло в надежде, что она научится ездить верхом сама, объявить Германию насытившейся и удовлетворенной, т.е. достигшей конечной цели. Не имея великих целей, политика Империи Бисмарка не имела и прочной оси. Во-вторых, Бисмарк из-за той же демонической односторонности монополизировал большую политику в своих руках: он не позаботился о политических наследниках, о воспитании руководящего слоя, поэтому его дело попало в руки эпигонов, поэтому неуправляемая Германия запуталась в сетях политики окружения и потерпела крах в мировой войне. Если бы после битвы на Марне Германия последовательно стремилась к миру на основе «статус кво», она сохранилась бы как стабильная великая держава как Пруссия Фридриха II после Семилетней войны. По определению Ранке, великой державой следует считать такую державу, которая может противостоять соединенным силам всех прочих держав.

Во время войны принимаются далеко идущие исторические решения, в войнах возвышаются и рушатся империи. Рационально-статическая идеология Лиги наций, которая была основана на Версальском договоре и унижении Германии (поэтому она и действовала эффективно только против Германии, пока последняя не добилась равноправия, а во всех других частях света она оказывалась бессильной), ничего не изменила в законе политической динамики.

Как уже говорилось, война имеет свою специфику. Даже у германских племен политическое руководство в мирное и военное время не совпадали. При постоянной армии, особенно по мере технизации и применения научной методике, что классическим образом проявилось со времен Мольтке, война обособилась в область величайшего значения и влияет на политическое руководство не меньше, чем экономика.

Это сказывается и на действиях полководцев. Научная организация военного дела со времен Клаузевица и Мольтке привела к тому,

что мировой войне предшествовали военная подготовка, планирование и оснащение, которые не имели соответствия с политической и экономической стороны. До битвы на Марне действовал хоть какой-то план, позже полководцам приходилось действовать по обстановке.

Историческое становление народа — дело политического руководства. Войны при хорошем политическом руководстве расставляли веки исторических периодов. Способ, которым народ ведет войну, зависит как и политика, и государственные формы от основных черт его расового характера (Альтхайм в «Периодах римской истории», том 2, 1936 г., сопоставляет римскую и карфагенскую системы. Описание закономерностей, вытекающих из характера римской крестьянской и военной аристократии и семитской торговой аристократии можно продолжить. Во всем сказывалась полная противоположность расовых характеров.) При столкновении германцев во главе с Арминием и римлян также проявились черты двух расовых характеров. Целесообразность и тактика ведения войны Арминием, который одно время был римским офицером, показывают, что Арминий вполне осознавал различия характеров и систем. Германская оборонительная война породила политический принцип: объединение мелких германских племен в политические союзы на культовой основе, что стало началом образования больших племен. Позже этот путь привел к возникновению государства. Это не был просто медленный органический рост. Германцы опрокинули Римскую империю и создали основы нового мира, в котором они потом жили своей жизнью под наслоениями античной культуры, — это была месть Рима его победителям!

Немецкий национальный характер в своей природной основе определяется такими расовыми чертами, как воинственность и чувство чести, что доказывают деяния и духовные достижения германцев во все времена. История превращает базовый характер в настоящий национальный характер. В этом процессе участвуют не только расовые задатки и их исторические модификации, но и судьбоносные внешние влияния христианской религии, античного культурного наследия, а также все внешние влияния, противодействующие тенденции к субъективизму и партикуляризму. Характер немецкого народа сформировался в ходе постоянных внутренних и внешних конфликтов между расовыми задатками и чуждыми влияниями. Результатом стало смешение кровей, культур и политических форм. Расовая воинственность и политически первоначально играла главную роль. Это доказывают великие политические достижения германцев, не только разгром ими Римской империи, но и госу-

дарствообразующая роль германцев на всем Западе, а также историческое становление немецкого народа. Падение Империи в XIII веке, религиозный и общественный раскол, исторические поражения в XVII веке, в начале XIX века и в мировой войне, низкопоклонство перед заграничным и идеалистическое бегство от политико-исторической действительности сильно надломили народный характер, и даже строгому прусскому воспитанию не удалось полностью выправить этот надлом. Хотя этот надлом характера не уничтожил воинские способности, он ослабил политическую одаренность. Верноподданничество, склонность к умствованиям, которую осуждал барон фон Штейн, отсутствие гражданской смелости, о чем сожалел Бисмарк, ослабление чувства чести, неспособность сопротивляться чужеродным влияниям — таковы его плоды. Ухудшение крови дало естественный осадок.

Если бы немцы совсем утратили свою способность к политике, формирующей историю, они вообще бы не существовали вместе со своей историей. Они должны были бы отказаться от своего будущего.

Сознание. Критика теории познания

То, что в философии именуется «Теорией познания», автором которой считается Кант, в действительности представляет собой теорию науки, т.е. второй этаж общего учения о познании, причем нижний этаж, как правило, заменяется шаткими подпорками. Можно спорить о смысле и цели «Критики чистого разума» Канта, но в «Пролегоменах» смысл этого предприятия однозначно определен как теория науки с постановкой трех вопросов: могут ли математика, естествознание и метафизика быть чистыми науками? По Канту, вся предметность познания это «природа», т.е. бытие вещей, подчиняющихся общим законам. Сам мир в конечном счете не что иное, как конгломерат, сумма этих вещей. Этому миру вещей — как единственному предмету познания — противостоит один лишь диктующий законы субъект любого познания: чистый Логос, совокупность всех форм познания на этапах трансцендентального созерцания, трансцендентальной логики (суждений, понятий и выводов) и формальных и трансцендентальных идей. Этот мир форм чистого, познающего разума конструирует, по Канту, субъект, формальный аппарат познания, из которого проистекает весь закономерный порядок вещей и который присущ всему человечеству, т.е. все люди имеют свою долю в формальном аппарате познания субъекта (или чистого разума) и все люди, независимо от места и эпохи, народа, расы, сословия, эпохи, типа и положения, обретают общезначимые, вечные и обязательные (аподиктические), т.е. научные познания в той степени, в какой они очистили свой метод познания, т.е. сделали свой аппарат познания независимым и свободным от каких-либо влияний, чтобы он познавал реальность без цели, без воли, без инстинктов, наклоннос-

тей, страстей и желаний. Непонятным остается способ, которым отдельный человек может участвовать в аппарате субъекта, чистого разума. Субъект познания подобен автомату: как только этому аппарату «задан» предмет, включается процесс познания и выдает аподиктические истины в той мере, в какой он очищен от всего неразумного. Таков основной принцип кантовской теории науки, которая не является теорией познания или является ею лишь в той степени, в какой она ставит вопрос об аподиктических, т.е. научных познаниях. Все они сводятся к формальному аппарату субъекта познания или к «чистому, познающему разуму». В процессе познания любое бытие, любое событие распадается до последней противоположности субъекта и объекта, чистого разума и мира, формы и содержания, образа и материи. Так как законы мира (вещей) проистекают из субъекта познания, т.е. формы чистого разума приложимы к любой реальности, «природа», как бытие вещей, подчиненных общим законам, это синтез субъекта и объекта, взаимопроникновение формы и содержания, придание любой реальности формы с помощью аппарата чистого разума. Критицизм Канта в области теории познания представляет собой чистый и последовательный механистический подход, поскольку формальный аппарат познания заключает в себе активное начало любого познания, любого опыта, любой истины и науки, а также всей «природы». Что в конечном счете остается от мира, от вещественного, от материального и реального, от содержания и природы, за вычетом непознаваемой «вещи в себе»? Одно пустое понятие, граница, призрак. Фихте извлек из этого соответствующие выводы, когда он включил это опустошенное понятие в свое «абсолютное Я» и его абсолютные действия. Теперь мир не более, чем работающий на холостом ходу, лишенный содержания формальный аппарат, мельница без зерна, чулок, который вяжет сам себя, как удачно острил Ф.Г. Якоби. Уже в этой теории познания немецкий идеализм начинает свое формальное, призрачное существование, которым он так гордится.

Не только мир и природа превращаются в руках этой философии в ее конечных выводах в ничто, так что от них остается лишь ряд формальных понятий: субъект и объект взаимно подготовили себя в этой философии к бегству от действительности. Вместе с объектом растворяется и улетучивается субъект, вместе с субъектом объект обрекается на призрачное существование: оба они умирают вместе.

Субъект кантовской философии, по смыслу, — понятие, относящееся к человечеству. Субъект или чистый разум представляют общее, одинаковое и одновременно высокое и лучшее в человечестве. Там, где чистый разум работает с целью познания, там возникает обще-

значимая, аподиктическая и категорическая, обязательная для всех людей истина, обязательная, потому что она возникает из их лучшей сути. Имеется в виду научное познание. Там, где чистый разум повелевает, там возникает общезначимая, аподиктическая, обязательная для всех людей заповедь: категорический императив. И способность суждения соединяет истину и добро через красоту в гармоничное целое, совокупность всего подлинно человеческого. Таким образом, в сфере критического «перемалывания всего и вся» мы снова встречаем древнюю трехчленность греческой систематики: физику, этику и эстетику, как части познания мира и человечества в целом. Греки через свою философию проецировали на мир и человечество самих себя, как меру всех вещей, как законодателей всего бытия. Так что все начиналось не с Канта, он не произвел никакой революции, а лишь достиг вершины, водораздела новейшего рационализма с его абсолютными притязаниями на роль законодателя человечества. Он дал обоснование и оправдание науке (естествознанию), этике и эстетике долгого периода западной истории. Этот период, прошедший под знаком рационализма, начался с «Рассуждений о методе» Декарта (1637 г.) и занял 300 лет. Посередине, на вершине этой кривой как раз оказываются Кант со своей критикой и Фихте со своим абсолютным Я, а потом через Гегеля кривая идет вниз к эпигонам неокантианства и позднего гегельянства и кончается с Первой мировой войной. Поэтому Канта следует считать самым сильным представителем этой философии, вообще образа мыслей прошедшей эпохи; поэтому сегодня разобратся с Кантом, дистанцироваться от Канта, значит одновременно разобратся с этим большим периодом западной истории, распрощаться с эпохой рационализма. Восходящая к Канту теория познания с помощью чистого разума — главное достижение этой эпохи духовной истории. Позже мы имеем лишь вариации теории познания Канта.

В центре критицизма находится познание деятельности субъекта, который придает свои формы миру вещей. Но что представляет собой сам этот субъект? Не что иное, как совокупность обуславливающих опыт форм и функций познания. Выясняется, что этот субъект вообще не субъект: мы не получаем ответа на вопрос, кто именно познает? В конце концов, «разум» это не личность и не обладатель познаний. Как относится отдельный человек к чистому субъекту опыта? Отдельный человек имеет свою долю в чистом разуме, в субъекте, а разум имеет свою долю в человеке. Каким образом осуществляется это участие, покрыто мраком неизвестности. Познавать должен не отдельный человек, а разум в нем, то, что единственно делает его достойным звания человека. Человек дости-

гает своего совершенства в познании, в добрых делах, в суждениях, в прекрасном и возвышенном, где свобода и необходимость соединяются в той мере, в какой он стал чисто разумным существом, т.е. обезличил себя. Истина, добро и красота предполагают, что человек избавляется от своей естественной жизни и своей личности, преодолевает жизнь и личность, чтобы стать чисто разумным существом. Иными словами, разум в человеке отделяется от его остальной жизни, обособляется и абсолютизируется как начало, мера, ценность и цель мира и человечества. Субъект познания Канта отрывается от действительности и превращается в автомат. Но после того, как связи с живым, реальным человеком порваны, они не могут быть восстановлены: с этим понятием субъекта мы попадаем из реальной жизни в призрачный мир ставших независимыми понятий. Радикальный разрыв между субъектом и объектом также ведет в тупик, из которого нет выхода: подобно субъекту, ирреальный мир вместе с «вещью в себе» в конечном счете превращается в одно ограничивающее понятие. Действительность, познание и истина, т.е. весь мир явлений, парят где-то между предельными позициями чистого, формального субъекта и лишённого какой-либо определенности объекта, которые претендуют на то, что они и есть истинная реальность, находящаяся за миром явлений. Это смертельный танец Логоса. Критический идеализм неизбежно ведет к нигилизму.

Если познание сводится к чистому субъекту как совокупности форм разума, то личность исключается. Мы не знаем больше, кто познает. Критический вопрос заканчивается формальным автоматом.

Великому логик Канта для изображения его трансцендентального мира не хватало средств мышления и языка: он вращался в заколдованном кругу и бессознательно впадал в заблуждение «единства противоположностей»...

...Отсюда следует, что будущая теория познания, если мы не хотим снова впасть в те же заблуждения, не может больше брать за основу трансцендентальную схему субъект-объект, а должна начать с радикального разрушения этой схемы, если она вообще хочет найти путь к реальности мира и живого процесса познания.

Вместе с тем следует отбросить и главный постулат теории познания, а именно тот императив, что любое познание начинается с исследования своих собственных предпосылок, т.е. с самообоснования и самооправдания. Этот постулат критицизма привел к тому, что процесс познания принял образ абсолютизированного субъекта-автомата, именуемого «чистым разумом». Игра теории познания в вопросы и ответы обречена бегать по замкнутому кругу, как гиена в клетке.

Кантовский субъект познания имеет три этажа: формы созерцания, в котором задано содержание познания, их обработка разумом с помощью понятий и суждений и, наконец, объединение их в мировоззрение на базе разумных идей. Этим трем этажам соответствуют три возможности чистой науки: математики, физики и метафизики. Эмпирическое познание образует второй этаж. Любая наука о предметах или вещах по необходимости естественная наука, которая обретает научный характер лишь в той мере, в какой она использует в своей методике математику. Многообразии чувств, воззрений, опыта и мыслей достигает единства на верхнем этаже, в чем и заключается последний смысл познания. Обязательность выводов этого познания для всех людей основывается на том, что они получены с помощью разума, который во всех людях один и тот же, хотя, возможно, не все люди одарены им в одинаковой степени, т.е. еще не достигли одинаковой высоты и зрелости чистого разума, не возвысились до чисто разумного существования.

Кроме разумного познания, по Канту, есть еще эмпирические познания, которые люди получают в зависимости от своего особого типа, личности и положения. Эти познания, поскольку они не имеют общеобязательного характера, относятся не к области теории познания, а к области психологии, одной из естественных наук. Открытым остается вопрос, как вообще соотносятся друг с другом эти познания из психологической области и научные или разумные познания.

Пропасть между ними кажется непреодолимой. Поэтому ставится под вопрос единство познания, равно как и единство человека, который выступает то как предмет познания, то как чисто разумное существо, субъект познания, и обе его стороны никак не могут обрести единство. Таким образом, именно в человеке имеет место разрыв между его бытием в качестве разумного существа (формальной души) и в качестве предмета (тела и инстинктивной души), тогда как мир, «природа» едины, потому что в их хаотическом многообразии и бесформенности разум устанавливает порядок и закономерности. С помощью математических методов в области трансцендентального созерцания это хаотическое многообразие обрабатывается в понятиях, а потом на базе разумных идей сводится воедино.

Из-за кантовских представлений о человеке и мире, на которых основана критическая философия, вся теория познания рассыпается. Не выдерживающими критики предпосылками этой философии являются:

- 1) непреодолимый дуализм разума и тела в самом человеке;
- 2) абсолютный разрыв между субъектом и объектом познания;
- 3) допущение о наличии во всем человечестве всегда и повсюду одинакового формального разума, который отделяется от остальных жизненных взаимосвязей, как от содержания, и изображается как «чистая» форма;
- 4) основное на этом предположение об абсолютно истинных познаниях;
- 5) одинаковость одностороннего процесса познания от созерцания через понимание к единству на базе разумных идей;
- 6) фикция синтетических априорных суждений.

Хотя мы решительно отвергаем кантовскую теорию познания, объяснительной исходной точкой для нас остаются два положения Канта:

- 1) Учение об активном характере познания.
- 2) Учение о мировоззрении, которое преобразует действительность, а не просто описывает ее.

Движение, пространство, время

Кант выводит движение из основных форм созерцания, так как оно предполагает нечто эмпирическое, а именно подвижный предмет. И основные формы пространства и времени тоже могут быть только предметом созерцания. Эмпирическое относится к движению в такой же степени, в какой в нем соединяются пространство и время, которые тоже можно созерцать только на предмете. Кант поддается соблазну объяснения через язык: пространство и время — изначальные существительные, а движение — отглагольное существительное, по необходимости относящееся к субъекту. Логиков и онтологов всегда можно поймать на таких уловках, потому что нить языка ведет их и заводит, куда не надо.

Если движение по необходимости содержит в себе точки времени и пространства, это еще не означает, что оно состоит из этих двух частей. И это не означает, что можно придавать пространству как основной форме внешний смысл, а времени — внутренний смысл, не говоря о том, что никто не знает, в чем разница между внешним и внутренним смыслом. Это различие — такая же выдумка Канта, как и соотнесение им времени с числом и арифметикой. С помощью таких сомнительных решений Кант пытался ускользнуть от сфинкса времени: он просто отодвигал в сторону эту проблему, которую не мог решить, как и проблему самого движения.

Со времен Гераклита и Парменида философы бьются над соотношением между полюсами движения и покоя. Попытки снять одно через другое были обречены на провал, как у названных греческих философов, так и у Канта и идеалистов. Без покоя нет движения и без движения нет покоя. Без постоянства нет хода времени, а без последнего нет постоянства. В точке массы в пустом бесконечном пространстве движение и покой совпадают: это ситуация галилеевского закона инерции, которая служит основой анализа действительного механического движения, методическим принципом. Аналитическая геометрия понимает движение как изменение положения относительно произвольно выбранной точки, и с помощью этого метода Лейбниц объяснял, что различие между системами Птолемея и Коперника заключается только в том, брать ли за точку пересечения координат центр Земли или Солнца, а не в «истинности» или «ложности» той или иной системы. В обеих возможностях есть своя истина, преимущество решения Коперника заключается лишь в его классическом упрощении траектории движения планет. С чем соотносить движение человека на пароме: с морем, с вращением Земли, с движением солнечной системы? В бесконечном пространстве без центра движение и покой в каждой точке — одно и то же, а отношения между различными движущимися телами определяются произвольно.

В принципе можно понимать падение тела как движение Земли к телу, как стремление тела к падению и как результат земного притяжения. Подъем воды в трубке, из которой удален воздух, также можно объяснять «страхом природы перед пустотой» или повышенным давлением воздуха на поверхность воды. Закон движения Аристотеля, согласно которому фактическая траектория движения тела пропорциональна полученному толчку, имеет свое внутреннее оправдание, как и закон инерции Галилея. Побеждает не «истина»: просто в рациональной систематике производится отбор имеющихся возможностей по критериям простоты и целесообразности. Наука ищет в многообразии наиболее всеохватывающий и лучше всего упрощающий общий знаменатель.

Сознание имеет перед собой движение, которое понимается, анализируется, изображается и измеряется в соотношении с чем-то предположительно неподвижным. Все конечное укладывается в это соотношение, в бесконечности же движение и покой совпадают. С помощью таких противоположностей сознание упорядочивает свои представления о пространстве. Нет абсолютного сознания и идеалистического абсолютного пространства. Каждое живое существо ощуща-

ет свое тело как часть пространства. В рамках человеческого рода представления о пространстве варьируют в зависимости от структур сознания, меняющихся от расы к расе и по мере исторического развития. Древнегреческие представления о пространстве были иными, нежели представления о бесконечном пространстве, победоносно утвердившиеся на Западе с XVII века, по крайней мере, в философской и научной концепции, хотя конечные выводы из этого не были сделаны, во-первых, из-за того, что ради сохранения «духовно-исторической преемственности» (т.е. чужеродных античных наслений на северных народах) продолжали держаться за геометрию Эвклида, основанную на греческих представлениях о пространстве, а во-вторых, из-за наивных представлений о Земле или о Солнце, как о неподвижном центре космического пространства. Но у бесконечного пространства не может быть центра. Ему соответствует только мистический символ бесконечности в виде круга или шара, центр которого везде, а окружность — нигде. Даже учение Коперника внедрилось только в сознании западного образованного общества, но не как непосредственное восприятие пространства. Каждый образованный человек, как и дикарь, видит в своем теле центр своего горизонта, круга, который описывает Солнце.

Бесконечное пространство — проблема религиозных, математических и кинетических систем, которым не удалось создать соответствующие этому принципу системы геометрии, арифметики, космологии и механики, потому что понятие бесконечного пространства не может быть преобразовано в общеобязательное представление о нем. Наука о бесконечном не смогла изменить основные структуры сознания. Бесконечное пространство осталось абстракцией. Не проходит ли здесь вообще граница возможных изменений человеческого сознания? Бесконечное доступно ему только в символе.

«Движение» это совокупность реалий, воспринимаемых сознанием. Вместе с ним налицо переменная основная форма представлений о пространстве... Пространство находится «в» сознании — сознание — «в» пространстве. В одном случае мы имеем перед собой идеалистический тезис, согласно которому всеобщее и абсолютное сознание проецирует пространство из себя, в другом — противоположный, реалистический или онтологический тезис, согласно которому пространство вторгается в сознание и заполняет его, делает его своей частью или отражается в нем. Так что «в» чем? Предмет находится в пространстве, поскольку он имеется в сознании, — и наоборот. «Пространство» это абстракция. Реальность задана в представлениях о пространстве, в которых нераздельны форма и содержание,

восприятия и их оформление. При пространственной форме восприятия все воспринимаемые реалии, все «вещи» находятся в пространстве, поскольку оно существует вместе с представлением о нем в сознании. Если же пространство объективно, существует как форма реальности, связано с предметами, то оно опять-таки заполняет сознание как его форма. Нет двух пространств, пространства внешнего мира вещей и пространства его отражения в сознании. Противоположности совпадают, как только мы переводим проблему из области абстракций в область восприятий. Остается проблема функции оформления, живого движения в самом сознании. Идеалистический (кантовский) тезис в данном случае гласит: абсолютное сознание создает абсолютное пространство, проецируя свою форму представлений о пространстве в пустоту, в ничто («вещь в себе» это всего лишь замаскированное ничто), в результате чего оно сводит чувственные впечатления, поступающие из непознаваемой сферы, в упорядоченный, закономерный мир вещей. Онтологический или реалистический антитезис делает не сознание, а мировое пространство абсолютном, воздействующим на сознание.

Мы не знаем больше никаких абсолютов, потому что мы заглянули за все абсолюты и поняли, что это обман: все они возводят изначально относительные, т.е. ограниченные и условные понятия на уровень высшей реальности, якобы кроющейся «за» миром явлений. Любая метафизика это абсолютизация понятий, придуманных философами, которые, выступая в качестве глашатаев Абсолюта, претендуют на абсолютность своих собственных учений. Мы не знаем никакого абсолютного пространства и никакого абсолютного сознания (абсолютного Я, чистого разума, абсолютного духа), мы знаем только истину живого сознания и представлений о реальности, которые мы проверяем только на их соответствие единству мира и человека (объекта и субъекта). Мы не признаем ни одну из позиций, видящих в сознании или мире (пространстве) абсолютную спонтанность или чистую восприимчивость. В восприятии пространства и реальности вообще смешиваются воздействие реальности и сила познающего сознания. Спонтанной силе мира вещей соответствует восприимчивость субъекта, оформляющей силе сознания соответствует пригодность его содержания к оформлению. И субъект, и объект, даже будучи разделенными, восходят в своих закономерностях к высшему единству и остаются его частями. Из соответствия субъекта (сознания) и объекта (мира) вытекает весь процесс познания, начиная с его основы: созерцания. Но если в сознании мир воспринимается как мертвая вещь, а само сознание — проявление

жизни, то в итоге в нем (т.е. в сознании) спонтанное стремление к оформлению перевешивает силу внешних воздействий. Иными словами, процесс познания заключается во взаимодействии двух компонентов сознания, его восприимчивости и его стремления к оформлению, но при их взаимодействии побеждает стремление к оформлению, к творчеству. Таков закон жизни, и учение об активности сознания сохраняет свое значение как основное содержание теории познания Канта, — это следует подчеркнуть.

Пространство — не что иное, как совокупность реалий, данных в восприятии, и принцип внутреннего порядка этих реалий.

Если вычтеть из движения пространство и вещественность движущегося предмета, мы получим чистое время, которое само по себе столь же недоступно восприятию, как и чистое пространство. Оно тоже основная функция сознания. Время можно воспринять и измерить только в движении как момент этого движения, как изменение положения одной вещи относительно другой. Движение определяется в понятиях при сопоставлении с чем-то неподвижным, время — при сопоставлении с чем-то постоянным. Время, как мера изменения позиции или состояния, определяется при сопоставлении с чем-то постоянно длящимся. В основе всех измерений лежит какое-то условное постоянство. Чистое время как и абсолютное пространство — абстрактная фикция, в действительности это упорядочивающие основные функции сознания.

Сознание подвержено постоянным изменениям. Любая философия в конечном счете основана на том, что она ищет какую-то неподвижную точку опоры в этом потоке изменений. Внутренняя необходимость сознания заключается в том, что любое движение может быть осознано и измерено только в сравнении с неподвижным, любое изменение — в сравнении с постоянным. Но это лишь временные точки опоры: где-то и когда-то само неподвижное движется, а само постоянное — изменится. Поэтому философия и ведет поиск Абсолюта: в этом смысл любой «метафизики». Но на вопрос об Абсолюте философы дают тысячи ответов. Одни помещают его в потусторонний мир, другие находят его во всеобщем бытии, третьи — в абсолютном сознании, четвертые абсолютизируют мироздание в целом или ищут мельчайшие элементы Абсолюта — атомы. Все ответы на вопрос об Абсолюте произвольны, все они получены путем абстрагирования и отрицания. «Вечное», например, является в двойном образе: как вечно длящееся это отрицание изменений, абсолютизация неподвижного времени, а в мистическом понимании вечное это, наоборот, отрицание времени, вневременное состояние.

Бытие отрывается от всех конкретных реалий, абсолютное Я — от всех конкретных личностей. Чистый разум это абстрактный, абсолютизированный остов конкретного сознания. Бог философов (весьма далекий от Бога верующих) конструируется точно таким же образом, как атом физиков и химиков. Гоббс оставлял своему Богу только предикат существующего. Чем отличается такой Бог от атома? Паскаль, отчаявшись в мире и человеке, оказался в мире, где все относительно и уповал только на Божье милосердие. Новейшая онтология, которая хочет уйти от идеалистического нигилизма, ясно показывает, что и «Бытие» не что иное, как промежуточная станция на пути, конечная точка которого Ничто. В самом деле, почему, размышляя о Бытии не очистить его путем абстракции от всего существующего? Философ этого направления либо упадет в пропасть, имя которой Ничто, либо примет на краю этой пропасти позу героического самоутверждения, либо вззовет к Божьему милосердию. В любом случае он неизбежно кончит тем, что будет в отчаянии оплакивать, как Фауст, мир, который сам разрушил.

У греков, классическое достижение которых — геометрия Эвклида, при пустом бытии, полученном путем абстрагирования от любой реальности, еще сохранялись представления о пространстве, а движение и время были им чужды. Со времен Парменида «онтологи» были враждебны движению, им нужен был недвижимый покой и нераздельное единство. «Бытие» в конечном счете это состояние неподвижности, в котором неизбежно сохраняются представления о пространстве. У Парменида и Гераклита Логос — любое «Бытие» в конечном счете сводится к Логосу, к способности делать выводы — превращается в твердую точку покоя посреди всего изменяющегося и преходящего...

Попытка новейшей онтологии сделать время основополагающим началом бытия, чтобы вместо покоящегося в пространстве бытия получить динамичное или псевдоисторическое бытие, — в высшей степени странный окольный путь. Если требуется метафизическое начало, радикально противоположное греческому бытию, то этот окольный путь через то же греческое бытие к времени иного типа как к исходному началу означает лишь искажение бытия, причем одновременно насилуется язык, когда выражение, изначально обозначавшее в нем отношения между пространством и положением, переводится в категорию времени.

Но каким образом Кант дошел до того, что придал пространству внешний смысл, а времени — внутренний? Разве есть «внутреннее» движение, которое больше, чем внешнее, заключает в себе

время без пространства? Кант сам загородил себе путь к ответу на этот вопрос, соотнеся внутренний смысл, а с ним и время с арифметикой, а внешний смысл — с геометрией. Арифметика имеет со временем не больше общего, чем геометрия. Как от точки можно перейти к прямой, а от нее — к плоскости, так же можно от сложения перейти к умножению и возведению в степень. Геометрия и арифметика вообще не имеют ничего общего с непосредственным созерцанием: эти конструкции из понятий относятся к сфере мышления, к сфере абстракций, которая, однако, сохраняет связь с созерцанием, равно как и понятия, и законы механики, а также биологии.

Здание человеческого сознания зиждется на двух главных столпах. Сторона ощущений дополняется другой стороной, возможностью передавать и воспринимать при посредстве языка свои ощущения и мысли. Сторона созерцания соотносится, главным образом, с пространством, другая сторона — с течением времени. Я могу слышать звуки лишь один за другим, но не все сразу. Звуки это чисто временная последовательность, а на стороне созерцания господствует пространство. Созерцание и слух вместе составляют внутреннюю механику процесса познания. При этом примечательно, что один полюс этого процесса обозначается лишь одним словом «созерцание», которое сочетает в себе спонтанность сознания и его способность к восприятию. На другой стороне спонтанность речи и способность слуха к восприятию опять образуют два полюса: они могут взаимодействовать во времени вне пространства...

...Но время лежит не только в основе речи и слуха. Для упорядочивания чувств, внутренних восприятий время также является основной формой. В данном случае время можно назвать формой «внутреннего» смысла.

Мышление это место и способ переключения с пространственного созерцания на речь, связанную с течением времени. Это центр жизнедеятельности, спонтанной силы, руководящей обеими сторонами. Здесь происходит то, что Кант называл синтезом, апперцепцией. Здесь начинают формироваться точные понятия и суждения. Мы называем этот процесс методом.

В живом, личном центре сознания, связанном с другим полюсом жизни, телом, инстинкты преобразуются в целенаправленную волю. При своем зарождении мысль неотделима от воли, познание — от действия. Лишь вознесясь ввысь, «теория» дистанцируется от цели, но одновременно отрывается и от осмысленной взаимосвязи жизни с волей и действием. Любое познание должно исходить от корней жизни: только тогда оно сможет преобразовать инстинкты в созна-

тельную волю. От них сознание черпает свою спонтанную силу...
Жизненный корень познания и воли, сознания и действия один.

Из этого единства возникает и динамический элемент познания, стремление к познанию нового...

Две стороны сознания, исходящие из одного живого центра, снова встречаются в нем и образуют живое единство субъекта и объекта, в котором один превращается в другой, нейтрализует другой, служит критерием другого, в котором происходят анализ и абстрагирование, образование категорий и понятий. Здесь же таится и возможность метафизической абсолютизации понятий. Выполняя роль посредника между пространственной и временной сферами, сознание может возомнить себя и свои продукты — абсолютное Я, чистый разум, абсолютное бытие, бесконечность в большом и малом (например, в атоме или точке пространства и времени) — лежащими вне времени и пространства, вообразить Нечто, остающееся постоянным при всех изменениях, потому что оно якобы находится вне времени и пространства. Отсюда и все попытки вывести движение и изменения, пространство и время из высшего начала, лежащего вне их.

Наука. Сущность науки

Любая попытка определить «сущность» науки на основании ее многообразных национальных, расовых и исторических проявлений обречена на неудачу, так как для размежевания форм проявления сущности «науки» нужно иметь заранее определение этой сущности, которое может быть дано только с точки зрения современной науки, а наука иного типа будет представлять в ложном свете. Из современной науки нельзя делать норму и эталон, так как и ее нельзя свести к единой формуле. Произвол и анархия в ней столь велики, что любой ученый склонен считать наукой лишь то, чем он сам занимается, а все прочее для него — не наука. Путаница усугубляется тем, что в современной науке в той мере, в какой она отказалась от пустой болтовни об истине ради истины, пересекается множество целей. Перед ней стоят три основные задачи: участие в преобразовании окружающей среды (техника), участие в преобразовании общественной жизни (политика) и содействие внутреннему формированию человека. Но это поверхностное деление, так как каждая наука по своим собственным законам служит в конечном счете формированию мировоззрения. Техническое значение науки может быть большим, но с точки зрения формирования мировоззрения — второстепенным. Это изначальное назначение любой науки —

как и любой философии — было и остается ее высшим назначением. Такова традиция, которую мы унаследовали от древних греков.

Первоначально любая наука является философией: она продолжает своими средствами дело мифа. Мирозозрение, построенное на основе Логоса, ищет общие законы Вселенной, дабы усовершенствовать человечество, приведя его в соответствие с этими законами. По этому пути шли не только философы древней Греции, но также Китая и Индии, с неизбежными расовыми вариациями.

С философией смыкались опыт и методы техники и политики. Никакая техника и никакое искусство не основывались первоначально на науке. Любая наука развивается в рамках полярности ее технических и мировоззренческих функций, причем центр тяжести перемещается то на один, то на другой полюс. Наука теряет свой жизненный нерв, когда она опускается до уровня технологии какой-либо специальности, утрачивает свое философское содержание, а вместе с ним и связь с другими науками. Специальные науки лишаются своей общей мировоззренческой почвы. Отсюда кризис современной науки: автономный техницизм и специализация оторвали ее от корней, ослабили творческие импульсы и привели к упадку. Мировые светила хирургии, физики, химии и т.д. уже не вносят в науку ничего нового.

Для западной науки с XVII века был характерен последовательный рационализм. И в этом случае путь науке проложила философия. До середины XIX века связь между философией и специальными науками оставалась тесной и прочной, хотя уже у Гегеля философия перестала быть ведущим началом науки, а превратилась в рамочную структуру, пригодную лишь для составления энциклопедий.

Рациональная философия объявила разум сувереном. По времени это совпало с возникновением абсолютистских государств. Эмансипация разума шла руку об руку с эмансипацией буржуазии. Но что представляет собой этот разум?

Научное мышление может быть выведено только из стихийного сознания, оно не дает науке собственной основы. Научная теория, которая не основывается на реалиях донаучного сознания, повисает в воздухе. Нет Логоса в себе и для себя, разум не лежит в начале мироздания и жизни. Главным заблуждением рационализма было то, что он постулировал свою форму разума как форму всего человечества. С этой предпосылки начался автономный рационализм, согласно которому мироздание имеет план, в природе царит рациональный порядок, т.е. разум — начало и цель. Отсюда уравнение: «Разум = истинная природа = закономерность = гуманизм». И эта

философия ставила своей задачей приведение человечества в соответствие с мировой гармонией.

Объявив себя сувереном и оборвав все связи, разум уверовал, что может объяснить все тайны и все причины, ища повсюду самого себя. Все, что отклоняется от его законов, — грехопадение, слабость, несовершенство, их следует преодолеть разумными методами. Так начался победоносный завоевательный поход западного рационализма. Его тайна, суть и орудие — метод, приложимый к любым причинам и целям. Методизм проникает во все области жизни, со времен Ратке и Коменского он утверждается и в педагогике.

Решающей победой рационализма было создание точного, механического естествознания. Высшим проявлением разума стала математика как формальный метод всех наук. Здесь рационализм нового времени сближается с древними греками: закономерность, разум, Логос мира или природы это их математическая структура. Но что общего у математики и механики с идеей гуманности? То же, что и у греков: человек это одаренный разумом маленький механизм, который может совершенствоваться, следуя законам природы. Представления о человеке и о природе неотделимы друг от друга. Математический, разумный метод ведет через совершенствование людей к совершенствованию мира. Таков смысл «прогресса». Поэтому новейшая философия, как и греческая, делится на логику (математику), этику и эстетику, причем этика это логика или наука в приложении к человеческой жизни, результат чего — всеобщая гармония. Поэтому в триединстве истины, добра и красоты главенствует первый элемент — Логос.

Мировоззрение Гердера было двуслойным, гуманистическим и национальным одновременно: «Гуманитарные науки» получили от него сильнейший импульс и нарушили монополию естественных наук, которые признали в них как минимум младших сестер. Но ни Гердер, ни романтики не одержали полной победы над научными теориями Канта, не осуществили радикальный прорыв к новому мировоззрению. XIX век, как и Гердер, страдал раздвоенностью мировоззрения, поэтому сохранялся дуализм естественных и гуманитарных наук. Преодоление этого дуализма в национальном мировоззрении открывает новую историческую эпоху. Расово-национально-политическое мировоззрение дает науке новые импульсы...

...Все еще широко распространенная вера, будто научная методика сама по себе не зависит от расы, народа и истории, а является чисто формальным средством достижения любой цели, причем в доказательство ссылаются опять-таки на математику, — главное

заблуждение, которое показывает, что гуманистическое мировоззрение с его абсолютным и чистым, т.е. не зависящим от эпохи, расы и народа, везде и во все времена одинаковым разумом, и с его научными методами еще долго не будет преодолено...

...Метод это не раз и навсегда заданная форма, не единообразная функция, применимая к любому народу и любой задаче и цели. Наука неотделима от «донаучного» мышления ее творцов, а ее цель, знание, — от смысла жизни. То, что можно отделить и чему можно научить, это лишь мертвый материал, заполняющий сознание. Формы мышления расово и исторически обусловлены. Они развиваются во взаимодействии расовых задатков с исторически обусловленной жизненной задачей. Научный метод — лишь способ применения этих форм. Наука и ее методы никогда не образуют замкнутый мир, существующий для самого себя, они вырастают на почве общественного сознания и поэтому расово, национально и исторически обусловлены...

Для выросшей на почве расово-национального мировоззрения новой науки принципы исследования и точные методы обретают новый смысл. За последние столетия в каждой науке утвердились некие догмы, так что исследования продолжают лишь на периферии наук. Наука, выросшая из нового мировоззрения, должна подвергнуть критике и свои догмы. Широкие перспективы открываются уже благодаря тому, что наука вышла за рамки своих антропологических предпосылок и вторглась в область, которая до того была для нее закрыта кантовским постулатом о чистом и абсолютном разуме как высшей инстанции, как пределе и единственной предпосылке науки. Разум был началом и целью, задавать вопросы, что за ним, было нельзя. Теперь же ставится вопрос о смысле и первоосновах жизни, находящихся за сознанием и познанием.

Метод в будущем тоже будет связан с мировоззрением. При постулате чистого всеобщего разума ставилась цель совершенствования чистого человечества. Если же место единообразного человечества, которое за биологическими рамками всегда было лишь идеальной функцией, займут реальные народы с их естественными основами, их расовым неравенством, их антагонизмами, их историческими задачами, их ценностями и их расово обусловленной структурой сознания, научная методика станет продолжением конкретных форм мышления. Это значит, что определенное применение методов смещается из плоскости якобы единообразного общечеловеческого разума в плоскость национальных, расовых и исторических предпосылок познания. Иными словами, мы не можем заранее, с помощью общих понятий определить, какой будет наука будуще-

го, какими методами она будет пользоваться и к каким результатам придет: это зависит от расовых задатков и задач познающих людей.

Истина в науке

Что же такое «истина» в науке? На основе постулата о чистом разуме человечества на этот вопрос было легко ответить: истинное, т.е. общезначимое и обязательное познание имеет место тогда, когда чисто разумное существо направляет свой чистый, ничем не замутненный и не отягощенный разум на мир предметов и вещей, подобно тому, как «добро» творится тогда, когда на волю влияет только чистый разум. Вместе с «чистым разумом» эта истина и это добро теряют свою опору. Все основывалось на фикции.

Значит ли это, что «истина» — только фантом? Если истины нет, значит, и наука — лишь самообман человечества. Мы не можем ответить на этот вопрос, исходя из «чистого разума». Новую постановку вопроса и новый ответ мы выводим из исторической реальности народов, одним из выражений которой является наука.

Для начала нужно развеять миф о науке. Нет «науки», обладающей саморазвитием и воплощающей в себе «истину», что позволяет ей делать обязательные для всех выводы. Перед лицом реальности «наука» это лишь собирательный термин, никогда четко не определяющий предмет. Познания, которые идут в разных направлениях, он пытается свести к общему знаменателю. Научный характер, например, философии Ницше, оказавшей большое влияние на науку, как минимум оспаривается и не признается «специалистами», которые, стремясь к монополии, считают наукой лишь то, что делают они сами. Иными словами, предмет и границы «науки» расплывчаты.

Знание обретает значение и силу благодаря содержащейся в нем доле истины, но не может быть отдельного знания, которое могло бы претендовать на то, что оно содержит в себе всю истину целиком, ибо любое отдельное знание по необходимости односторонне и частично. Это относится и к формулировкам законов природы в естественных науках. Процесс познания сразу же остановился бы, если бы последнюю открытую истину приняли за конечную цель. Любое научное познание в лучшем случае путь к истине. Истина никогда не бывает законченной, ее всегда приходится пересматривать на основании новых данных. Наука, как и сама жизнь, это вечное движение.

Такой взгляд на истину разрушает не истину как таковую, а маниакальные притязания на абсолютность некоей истины и типичную для ученых тупость, их поповскую гордость своим знанием и

претензии на высокий ранг в духовной сфере. Каждый из них утверждает, что нашел последнюю и окончательную истину. В действительности они обладают лишь ремесленными инструментами.

Сказке о чистом познании приходит конец. XIX век допускал, что один и тот же человек может быть и научным гением, и мошенником, т.е. отделял знания от характера и от образа жизни. Но познание истины связано с характером, характер — предпосылка безусловной правдивости, воли к познанию истины. Без этой предпосылки нет творческого познания. Рабы не знают истины, ее знают лишь свободные люди.

Эта связь познания истины с характером является одновременно связью как с постоянным смыслом жизни личности, так и с ее изменениями. Любое познание истины зависит от внутренней необходимости ставить вопросы, что в свою очередь выражает ориентацию. Обусловлена не цель вопроса, а его конечная точка. Здесь вопрос и ответ, знание и истина связаны с меняющейся жизнью, с естественными основами жизни в крови и почве. С вопросом связан взгляд на вечную истину и путь к ней, который сам меняется с переменами в человеческой жизни и обусловлен расой и историей. Никто не может в познании перенестись за пределы собственной жизни в область «общечеловеческого чистого разума». И Кант не смог. В абсолютных фикциях рационализма заключена не столько возможность научного познания, сколько претензия на недостижимую, сверхчеловеческую позицию научного познания. Здесь философы и ученые выступают как наследники попов, их фикций и претензий. Плохи дела у истины, которая основывается не на жизни и реальности, а на фикции «чистого разума».

Остается вопрос об общезначимости результатов познания после падения фикции общечеловеческого «чистого разума». Этот вопрос связан с вопросом об одинаковости структур сознания. Вопреки либералам, не каждый человек имеет свое мировоззрение и свою истину. Мировоззрение и истина неразделимы: истина — ось мировоззрения. Ни один человек не живет сам по себе, в том числе и творческий человек. Истина рождается на оси жизни, а не на ее обочине, обычно в жестокой борьбе с противодействующими силами. Рождение истины это самопознание, самоутверждение и победа воли, имеющей особую расовую основу. Творческий человек лишь придает этой воле осознанные формы. Путь истины к победе это путь истории, динамики отношений между народами, а не путь равенства на основе фиктивного общечеловеческого «чистого разума». Нет истины, которая была бы одинаковой для германцев, ки-

тайцев, индусов, евреев, негров и индейцев, но есть истина, предназначенная для людей одной расы, одного народа, одной исторической судьбы. То же относится к иерархии ценностей и форме мышления, соответствующей расовому типу.

Истина меняется в ходе истории как и задачи и формы жизни народов и рас. Как в основе исторических перемен лежит изменение расовой структуры, ослабление расового ядра народа, так и мировоззрение и истина меняются в соответствии со сдвигом естественных основ. С ослаблением собственных защитных механизмов может измениться и сознание под влиянием чужеродных наслоений, как это произошло с германцами под влиянием христианско-античных наслоений. Может быть, это было связано с расовыми сдвигами и перемещением центра тяжести естественных основ.

Но и при стабильности расы и основных черт характера народ не стоит на месте. Он всегда вовлечен в судьбоносный ход истории. Благородство расы сказывается именно в том, что она не является простым объектом истории, но силой, определяющей ход истории. Сюда относится и выработка победоносного мировоззрения.

Основной характер и основная форма истины постоянны, если не происходит сдвига расового центра тяжести. Но изменение истины вызывается необходимостью борьбы за существование, остановка в развитии это смерть. В конечном счете истина меняется в результате судьбоносных решений по зову свыше, даже при сохранении неизменной расовой структуры. Закон истины это закон самой жизни, потому что истина не что иное, как осознание смысла общественной жизни. Одна, вечная истина есть точно так же, как есть одна, вечная жизнь.

Рациональные абсолютисты противопоставляют этому тяжелую артиллерию аподиктической, общечеловеческой истинности математики и законов природы. Если в гуманитарных науках истина зависит от мировоззрения, то в математике и естествознании она якобы абсолютна и не зависит от расы, народа и истории.

Если это так, то для начала надо бы предположить, что физики и математики обладают сверхчеловеческими способностями абсолютного познания и могут вознестись высоко над жизнью. Тупое отрицание своей связи с ней не делает эту связь нереальной, формы и методы познания остаются обусловленными.

Возражение, будто все люди в равной мере подвластны законам природы, не дает физикам и химикам права объявлять свои формулировки этих законов абсолютными. Истинность закона тяготения неоспорима. Но понятие «силы тяжести» и притяжения масс, положен-

ные в основу математической формулировки этого закона, не являются необходимыми инструментами разума, а созданы на основе определенных расовых предпосылок. То же можно сказать о законе инерции и всех других научных формулировках законов природы, в том числе и закона движения планет Коперника-Кеплера: это методы и понятия, созданные определенным народом, чтобы свести многообразие явлений к максимально простому общему знаменателю. «Истина» перечисленных законов заключена в методе. Эти формулировки одержали победу над другими им подобными, благодаря максимальному упрощению и наилучшей пригодности для измерений и расчетов.

От этого зависит также истинность наших арифметических и геометрических систем. Истина о сумме углов треугольника это просто функция и результат системы Эвклида. Остается вопрос, почему именно эта система стала нормой. И здесь «истина» — методический, формальный принцип, зависящий от математического метода и систематики в целом.

Вопрос об истинности отдельных научных систем и методик сводится в конечном счете к категориям отдельных наук. Истина может быть открыта только в определенную эпоху, при особых расовых и национальных предпосылках, влияющих на способ мышления. Восприятие истины обществом определяется не тем, что она все разъясняет, а готовностью общества того или иного расового типа к ее восприятию. Но размах и длительность ее признания не абсолютны. Жизнь никогда не проявляет себя в какой-то одной форме, и ни одна форма не может претендовать на то, что она абсолютна и может служить мерилom для всех прочих форм. Главная, вечная истина никогда не адекватна отдельному знанию. Все познания в их обусловленности и ограниченности, в их многообразии и изменчивости, являются частями вечной истины, стремятся к ней и сражаются за нее в зависимости от условий естественного, национального и исторического существования, структуры сознания познающих людей.

Полярность действительности между окружающей средой и обществом

...Все дуалистические метафизики и религии ставят за или над «чувственной» действительностью иную, потустороннюю действительность, которую называют высшей или истинной, а настоящую действительность снижают до уровня явления или даже видимости. Часто при этом видимый мир попадает в промежуточную пози-

цию между высшей и низшей действительностью, которые вместе в своей полярности Неба и Ада, Света и Тьмы, образуют потустороннюю, вечную и бесконечную действительность. История народов полна представлениями и учениями такого рода, неотделимыми от их понимания действительности. Загадочней всего «действительность» Евангелий. Евангелие от Марка рассказывает историю пришествия и победы в борьбе Богочеловека с бесами «Царствия небесного». Грубым заблуждением либеральной теологии была попытка видеть в нем просто искаженный баснями о чудесах исторический рассказ, соответствующий нашему пониманию действительности и истории. Это Евангелие относится к области магическо-мифических представлений о действительности, хотя в нем упоминаются исторические факты и личности, такие как Ирод, Август, Пилат, представлений, для нас совершенно непонятных, как и отношение описанных в нем мира и действительности к миру нашей рациональной повседневности. Мир евангельских представлений с их образами, чудесами и событиями с самого начала задумывался как многозначный по смыслу: видимая действительность и истинная сверхдействительность, человеческий и божественный, исторический и метаисторический, материальный и духовный, рациональный и магический мир соединялись в образе Христа. Мир и центральный образ Евангелий ни посу-, ни потусторонние, они и то, и другое одновременно. С помощью Логоса это невозможно описать, хотя они называют свою действительность «Логосом», но в совсем ином значении.

В рациональном сознании «истинная» действительность возникает обычно в результате субстанциализации понятий. Греческие философы, начиная с Гераклита и Парменида сражались против мифа, т.е. представлений, созданных поэтами и пророками. Когда при этом происходит субстанциализация понятий, над чувственной и видимой действительностью возникает «истинная» или «высшая». Но как и миф, субстанциализация понятий тоже грешит антропоморфизмом, без чего не обходится ни одна философия. Идеи Платона это тоже материализованные понятия, отличающиеся лишь тем, что эти понятия связаны с интуицией, в результате чего и появляются «невещественные вещи». В этом пункте логик Аристотель противопоставит поэту-философу Платону, который сильно отличается от таких немцев, как Парацельс, Гаманн и Гете, которые не соединяли интуицию и понятие в Идею. При этом Шиллеру так и не удалось убедить Гете, будто его изначальный феномен это Идея в платоновском или даже кантовском смысле...

...Но не стоит ли в конечном счете за «справедливостью», «красотой», «истиной», «добром», особая сущность, самостоятельное и материальное бытие в платоновском смысле? Не открыл ли в данном случае Платон истину, действительную для всего человечества во все времена? Но платоновская Идея не навязывает «истину», она лишь побуждает к созерцанию, но не имеет в себе никакой силы, она просто существует в вечном покое. Ее функция — установление «справедливости» между равными. Великая заслуга Канта заключается в том, что он выбил почву из-под метафизического дуализма. Идея для него была лишь регулирующей функцией, а не потусторонней действительностью. Но Канту нужно было еще снять с идеи пустую оболочку субстанции и представить их как функциональные понятия.

Но, уничтожив метафизические ипостаси, Кант со своей стороны возвел рациональную способность образовывать понятия в ранг абсолютного и «чистого» разума, создав тем самым зацепку, за которую сразу же ухватился старый дуализм духа и материи, чтобы подчинить себе еще несколько поколений. Хотя «дух» не относится больше к потустороннему миру, дух и материя остаются взаимоисключающими антагонистами, а не полюсами одного живого целого. Дух не может стать действительностью, это божественная имманентность мира, начало движения, развития и становления в мире. В человеке, согласно немецкому идеализму, материя и дух сталкиваются как враждебные начала. В результате сохраняется метафизический разрыв, только дуализм становится секуляризованным и «имманентным». Все как в старом церковном гимне: «Что есть человек? Полузверь, полуангел»...

...Попытки теории познания путем упрощения и унификации свести все многообразие мира к общему знаменателю пользуются возможностью создания типовых понятий (таких как «дерево», «дом»), абстрагирования, постепенного вычитания и отрицания, но этот путь ведет не к «истинной действительности», а в ничто — либо через «чистое бытие», либо через атом, либо через «вещь в себе». Если отнять у реального предмета все многообразие его качеств и приписать их формам «чистого разума», то от реального предмета не останется ничего, кроме овеществленного «бытия» или «в-себе-бытия»: призрака «вещи в себе». Но почему останавливаться на этом, почему не лишить бытие и этого «в себе»? Пусть Ничто марширует дальше в голом виде. То же самое относится и к атому, когда он претендует на роль чего-то большего, чем методический принцип, вспомогательное средство, логическая методическая промежуточная станция между анализом и синтезом в методике точного позна-

ния, когда он претендует на роль элементарной, последней и истинной действительности, будучи лишен всех реальных черт. Методом вычитания можно любой предмет свести к нулю.

Наука об окружающем мире. Материя

Лейбниц, следуя господствовавшему в его время мнению, будто большое можно вывести только из малого, а целое — из элемента, противопоставил атому монаду, духовный элемент, всегда связанный, однако, с материальным элементом, за исключением центральной монады. Таким образом, Лейбниц получил дуалистический атом и оказался где-то между материализмом и радикальным панпсихизмом. Но целое мира никогда нельзя вывести из элемента, из одной из его частей или функций. Дуализм любого рода столь же мало пригоден для объяснения мира, как радикальный материализм или панпсихизм. Немецкие мыслители, такие как Кеплер и Лейбниц, искали жизненное начало мира, но не нашли, потому что их увлекло на ложный путь унаследованный от поздней античности метафизический дуализм духа и материи. От элемента никогда нельзя придти к целому, от души так же нельзя придти к жизни, как и от материи, поскольку они взаимно исключают друг друга. Можно, конечно, соединить материальный и духовный атомы, но их единство не будет истинным.

Видимый, предметный мир это тело для жизни мира, и тело каждого человека для других — часть окружающего мира. Нам не нужна искусственная «мировая душа», чтобы «объяснить» движение и становление в мире, потому что сам живой мир по своей сути и происхождению это движение. Тело содержит в себе «материю», но «материя» вместе с тем, что она исключает, как свою противоположность, это выдумка абстрагирующего, аналитического мышления, получившего первоначальный импульс от религиозного, дуалистического мировоззрения. «Материя в себе и для себя» не существует так же, как и дух в себе: всякое «в себе» это субстанциализация понятий, которые вычлениются аналитическим мышлением из целого как нечто якобы последнее и элементарное. Материя в действительности это продукт мысли.

Поэтому физики и химики не могут претендовать на то, будто они одни со своей «материей» и своими «атомами» стоят у подлинных истоков мира, у начала любого познания «истинной» действительности. «Истинная» действительность это жизнь мира в целом, а не «материя»...

...Точность физики и химии основывается на том, что они используют эксперимент для обретения опыта. Нас уверяют, будто опыт неопровержим. Но его условия можно расширить, а его результаты разные теории могут толковать по-разному. То же относится и к данным измерений. Каждый новый опыт может опровергнуть предыдущий, так что отдельный опыт не может служить прочным фундаментом познания.

Можно ли где-либо обнаружить «материю» как таковую?.. Она остается овеществленным понятием, которое никогда не воплощается в осязаемых и видимых вещах. Каждая вещь обладает конкретностью только благодаря своим свойствам, а материя должна быть вещью, лишенной любой конкретности. «Материя» это собирательное обозначение тех основополагающих категорий физики и химии, которые описывают важные для этих наук «свойства» с помощью типовых терминов. Материя это сложный типовой термин для обозначения категорий физики и химии.

То же самое можно сказать о механическом движении. Оно никогда и нигде не бывает самостоятельной реальностью, а лишь моментом движения в высшей реальности...

Как и проблема механизма, так и проблема материи может быть решена только биологией, но такой биологией, которая не считает себя «прикладной физикой» и не рассматривает жизнь как механизм или химический процесс. Необходимы большие перемены в мировоззрении, ревизия философии многих столетий, как материалистической, так и идеалистической. Прежняя биология, продукт XVIII века, зажатая между физикой и гуманитарными науками или между мертвым миром материи и миром духа, занималась растениями и животными, а также телесной половиной человеческой жизни. Будущая биология будет общей наукой о жизни, о жизни макрокосма в целом и всей жизни человека как живого микрокосма, т.е. она будет соединять в себе науку о материи и о духе.

С этой панбиологической точки зрения материя это видимая реальность тела мира и человеческого тела. Как в макрокосме, так и в микрокосме механические движения, физические явления и химические процессы подчиняются всеохватывающему началу «жизни». Движения, описываемые механикой, физикой и химией это оторванные от живого целого частичные процессы, а материя — не что иное, как «внешняя сторона», тело живого целого. Материя «мертвой» окружающей среды, земли, гор, рек, морей представляет собой такую же частичную реальность общей жизни мира, как материя костей, мяса и крови в теле человека. Оба вида материи подчиняются одним и тем

же законам природы. Человек и любой организм связан с миром в целом не своей материальностью, а общностью вселенской жизни.

Нигде в природе не существует «материи» без зародышей органической жизни. Мертвую материю можно получить только искусственным путем и сохранять только в искусственной среде. Если это так, то не только стираются метафизические границы между «мертвой» и «живой» природой, но и решается проблема происхождения жизни на Земле. Из мертвой материи никогда и нигде не могло бы возникнуть ничего живого. Если жизнь вечна и неотделима от природы и Земли, то никогда не было «происхождения» жизни, а было лишь изменение ее форм.

Еврей Оскар Гольдберг утверждает в своей книге «Реальность глазами евреев» (1925): материализм — это сфера «семитской расы», в своей самой чистой форме — задача еврейского народа. Соответственно Яхве, бог этого народа, изображается как материальный центр действия всей материи, центральное положение в которой занимает «народ Израиля». Это назначение своей расы осуществил еврей Маркс, когда он в неизбежной оболочке немецкого идеализма пересадил учение о саморазвивающейся экономике, т.н. «исторический» материализм евреев в жизнь немецкого народа, расколол общество классовою борьбой и идеологически отравил немецкий рабочий класс. В Советской России «реальность глазами евреев» в форме марксистского материализма празднует свой мировой триумф, разрушая жизнь целых народов. Марксизм побеждает, даже в буржуазной среде, всегда, когда «экономика» относится к материальной стороне жизни, а все «духовное» объявляется идеологической надстройкой над ней. Еврей Маркс оттеснил великого шваба Фридриха Листа, который выводил экономику из живых производительных сил, из характера и жизненной ориентации народа.

Как и любой материализм, марксизм сводит жизнь общества к функции мертвой, механической окружающей среды. Это роднит марксизм не только с т.н. натуралистическим материализмом (как у Геккеля, опиравшегося на мировоззрение еврея Спинозы), но и со всеми вариантами «Теории среды». Вытеснив материализм из сферы экономики, общество преодолевает дуализм духа и материи в этой области и восстановит ее единство.

Трудно уловить смысл этого отождествления экономики с материальной стороной общественной жизни, которой противопоставляется духовная или культурная сторона. Вероятно, победа марксизма отвечала стремлению буржуазно-идеалистической прослойки сохранить за собой область «духа» и «культуры», а тем, кто далеко

отстал от нее, оставить материальную область. Таким образом, «идеализм» способствовал успехам материализма и усилению классовой борьбы во второй половине XIX века.

Экономика имеет с материальной стороной жизни не больше общего, чем любая другая реальность. Вероятно, ее принципиальное отличие от других видов человеческой деятельности заключается лишь в том, что идеалисты с помощью субстанциализации понятий утаивают суть экономической деятельности. Если признать наличие материальной стороны в любой человеческой деятельности, включая художественную и литературную, материализм станет в экономике столь же невозможным, как и в областях, относимых идеалистами к «чистой культуре». Разные виды деятельности имеют общие корни, они не относятся к разным метафизическим областям...

Марксистский материализм в своем учении о стоимости представляет себе стоимость как труд, затраченный при изготовлении продукта, и измеряет стоимость длительностью этого труда... Экономическая талмудистика Маркса выявляет нам «реальность глазами евреев»: их реальность это тенденция к разрушению народов с помощью классовой борьбы и еврейского экономического мифа.

Государство и политическая власть тоже подвержены влиянию еврейской экономической реальности и мифа о диалектическом саморазвитии человеческого бытия как производственного процесса, который и представляет собой подлинную историю. Государство и власть превращаются в трудовой коллектив для управления экономикой, к чему и сводится вся политическая реальность. Лишь национальная революция вымела эту реальность, соответствующую еврейским представлениям о ней.

Причинность

Подобно все более бурному и широкому потоку протекает проблема причинности через тысячелетия западной мысли, иногда становясь ее осью. Все науки добавляют что-то от себя в русло причинности и в конечном счете поток разделяется на реальное отношение причины и следствия и их мысленную связь, противоположную первому. У Шопенгауэра мы встречаем уже деление на 4 корня. Слово «причинность» все более непрочно связывает множество отдельных течений. Главная проблема рационального мышления и построенной на нем науки распадается на множество независимых составных частей. Собираательный термин «причинность» становится препятствием на пути познания в тем большей степени, чем больше жертв прино-

сится на алтарь этого идола. Мы видим, какой акробатический танец приходится исполнять Макс Планку между причинностью, свободой воли, индетерминизмом и целостностью, а Ленард вообще против «болтовни о причинности». В определениях причинности царит такая анархия, что трудно привести их к одному общему знаменателю. Так же обстоит дело с описанием реальных процессов...

Причинность превращается в бессмысленное понятие, когда ошибочно предполагается наличие единого целого там, где в действительности мы имеем разнородное множество. Человек постоянно задает вопрос «почему?», но в вопрос этот закладывается разный смысл, предполагающий разные ответы, так что характерным признаком такого рода детерминизма является как раз индетерминизм...

Исторически категория «причинности» внесла главный вклад на победу рационализма и основанной на нем «физики» в самом широком смысле слова, откуда эта категория перекочевала в т.н. «гуманитарные науки». Она была оружием борьбы против магии и мифов всех видов. Рационализм включил и Бога в эту категорию в вариантах деизма, теизма, пантеизма, окказионализма, Провидения и предопределения...

Но действительно ли причинность преодолела магию, миф и веру в чудеса? Позитивисты объявили чудо беспричинным следствием, т.е. бессмыслицей. Но это лишь плод их близорукой фантазии. В магическом мировоззрении причинность сама имеет происхождение: за явлениями как их «причина» кроется сознательно действующая воля человеческой или сверхчеловеческой силы. А так как любой теоморфизм является вариацией антропоморфизма, то последний и заключает в себе причинность. Человек проецирует самого себя на мир и воображает себя в качестве действующей «причины». Рационализм только убирает из большей части мира человеческую волю, но «причина» как безличная, но действующая с определенной целью воля остается. Вся метафизика со всеми ее главными понятиями — послед магического мировоззрения и порождена антропоморфизмом, антропоморфной «причинностью».

Причинность никогда не была совокупностью всех ответов на вопросы «почему?», идеей всеобщей взаимосвязи вещей, движений, явлений и событий. За ней всегда скрывалась действующая воля. Следуя этой линии, Шопенгауэр и пришел от проблемы причинности к своей метафизике «мира как воли». Правда, по мере изгнания антропоморфизма, причинность становится нематериальным понятием, собирательным названием разнородных явлений. Причинность, сила и антропоморфизм вообще начинают умирать в позитивизме, который хотя и описывает природу (с помощью математических

формул), не хочет объяснять ее, испытывая болезненный и смехотворный страх не только перед всем, что отдает метафизикой, но и перед непосредственным созерцанием действительности. Эту игру доводят до конца евреи: мир становится безжизненным. Генрих Герц начинает свою «Механику» не только с устранения понятия «силы», но и с замены видимой действительности т.н. образами, т.е. системами абстрактных символов; Эйнштейн заменяет реальный мир формулами. Это полярное дополнение «действительности глазами евреев» в марксистском материализме.

В связи с этим физики-теоретики придумали пресловутое «физическое мировоззрение», картину мира в виде системы знаков, абстрактной модели, формулы... Пуанкаре поясняет: то, чего может достичь наука, это не познание самих вещей, т.е. не реальности мира, а только «отношений между вещами; вне этих отношений познаваемой реальности нет». От действительности остается только система мер и вычислений или, по М. Планку, система понятий, а по А. Пуанкаре — рамка, которую «мы», т.е. математики, сделали сами. Есть люди, которые верят в свои фетиши как в реальность. Самообразующиеся атомы, формулы — такие же фетиши. Планк требует: «Мы должны соотносить наши воззрения с результатами формул, а не наоборот». Таким образом, физики-теоретики берут на себя роль творцов мироздания.

Кроме чудес и случайностей, как якобы следствий без причин, причинность имеет еще одного партнера в лице свободы воли, о которой много говорят и пишут, хотя никто не знает, что это, собственно, такое. Свобода воли — одно из морских чудовищ, выдуманных философией. Может быть, «свобода воли» нужна только для удовлетворения логических нужд диалектиков, которым необходимо противопоставить детерминизму индетерминизм. Если для одного процесса, одного движения заданы все условия, то этим определяется сам данный процесс... Но посреди комплекса условий, определяющих движения, проходит линия, которая разделяет внешние условия и внутренние «причины». При механическом движении, например, катящегося бильярдного шара, масса, гравитация и т.д. это внутренняя «причина» движения, а полученный удар — внешнее условие...

«Внутренние» причины разделяются на три главные группы. Категории механики, физики и химии образуют первый уровень действительности. Вторая группа «внутренних» причин, описанная в категориях старой биологии, это тело и биологические движения. Третья, высшая группа внутренних причин (душа, дух), описанная в категориях т.н. гуманитарных наук, это общественный уровень.

Это не означает, что неделимая действительность распадается на три разные сферы. Речь идет лишь о трех ступенях познания. Если действительность как целое это «жизнь», то высшим уровнем будет общественная сторона жизни, вторым — телесная, а третьим — вообще материальная. Первая и вторая ступени вместе образуют «окружающую среду», вторая и третья — «жизнь человека», все три вместе — жизнь Вселенной в целом.

Диалектика «причинности» или детерминизма и «свободы воли» говорит лишь о том, что есть действительность, недоступная для средств и методов механики, физики и химии, сторона жизни, которая традиционно называется духовной. При этом детерминистические естественнонаучные теории молчаливо предполагают, что тело можно исследовать физическими методами. «Свобода воли» означает не действие без причины, а только возможность действия или движения по внутренней причине, отличной от причин механических, физических и химических движений. При этом нет взаимоисключающей противоположности тех и других причин... «Индетерминизм свободы воли» означает лишь, что жизнь, особенно сознательная, имеет свои причины действий и свою материализованную в обществе действительность, что действительность как в моей жизни, так и в жизни общества, хотя и зависит от внешних «обстоятельств», по своему характеру, пути и цели не предопределяется ими, потому что жизнь в данном случае определяет сама себя, несет причину в самой себе. Основной закон всего живого — перевес самопроизвольных сил над внешними восприятиями.

Правильный прогноз возможен и в тех случаях, когда математические методы неприменимы. Противоположность «детерминизм-индетерминизм» там, где она имеет смысл, не совпадает с противоположностью окружающая среда — общество (или природа-дух).

В физике связывают понятие силы с представлениями о мускульной силе. Но в магическом и христианском мировоззрении это слово имеет совсем иное значение.

К магическому миру близок тесно связанный с религией мир права. У греков понятие, обозначавшее причину, первоначально обозначало «вину»...

...Любая наука по необходимости остается мифом, поскольку ее понятие — антропоморфного происхождения. Врачебная деятельность Парацельса была связана с его мифом, его мифическим мировоззрением. В более широком плане это связь теории с реальностью. Современная теоретическая физика умышленно разорвала эту связь, подменила реальность формулой. Стремясь избежать метафи-

зики, она попала в объятия самой примитивной метафизики материализованных знаков. Зачем вообще нужна такая наука, если ее смысл — разрушение действительности?

Движение на втором уровне действительности

Ленард иногда называет биологию прикладной физикой и превращает «телесный механизм живого существа» посредством своего учения о больших молекулах, которые проникают в «духовный мир» и связывают дух, вследствие чего возникает жизнь, в высшей степени странную метафизiku. Но просвет внезапно открывается в совершенно ином направлении: «Я знаю, что наследственное древнегерманское мышление приписывает жизнь каждой вещи и видит во Вселенной живую личность. Так думал и Кеплер, и это соответствует и современному естествознанию в той мере, в какой оно выражает всеединство событий в мире как в целом». (Ленард. «Немецкая физика», I, стр. 159. Но тогда «жизнь» не представляет собой больше смесь материи и духа, а является изначально единым целым, а материя и дух — лишь его сторонами. Но ни в коем случае нельзя приписывать атому «дух». Жизнь никогда не заключается в одной части, а всегда в живых формах и цельных образованиях вплоть до вселенского единства и его особых форм.)

Второй уровень действительности описывается в категориях науки биологии, т.е. включает в себя «организм» или «органическую жизнь», а от человека — только тело. Здесь следует заявить решительный протест против биологии, зажатой между мертвой природой (объявленным «автономным» первым уровнем) и «духом». Этот второй уровень включает в себе телесную сторону всего живого вместе с механизмами первого уровня и ничего больше, т.е. не жизнь как целое. Если рассматривать организм не как жизнь, а только как тело, то он относится ко второму уровню действительности. Если же мир и земля воплощают в себе жизнь, то они тоже организмы и относятся ко второму уровню, включая в себя первый. Но на втором уровне первоначально строилась только биология в ее прежнем виде...

К собственно биологическим движениям не относятся движения, сознательно направляемые волей... Всеобъемлющей и центральной для собственно биологических движений тела можно считать категорию «роста».

Телесный рост осуществляется в соответствии со своими закономерностями, но в поляриной взаимосвязи окружающей среды (вне-

сных условий) и общества (души и духа). Взаимосвязь с окружающей средой описывается в категориях места обитания, оседлости или подвижности в жизненном пространстве, питания, обмена веществ и климата... Как и сила тяжести во всеобщем тяготении, категория «питания» переходит в гораздо более широкую категорию «обмена веществ» и обретает тем самым иной облик... Основной вопрос стоит так: либо неразрывно связанный с ростом обмен веществ представляет собой единообразный процесс преобразования мертвого вещества в живое, либо это форма преобразования одного живого вещества в другое. Тот факт, что в теле все физические и химические процессы осуществляются не автоматически, что организм представляет собой нечто большее, чем комплекс отдельных физических и химических процессов, что скорее эти отдельные процессы, какого бы рода они ни были, в своем осуществлении имеют своей предпосылкой живое и управляются живым целым (биологическим видом, расой и индивидуальной энтелехией) в соответствии с его собственными законами, сам по себе еще не говорит однозначно в пользу второго вывода. Этот вывод можно сделать, только ответив на вопрос, что такое вообще мертвая материя, мертва ли Земля сама по себе и органическая жизнь развилась на ней лишь впоследствии или вся жизнь происходит из Земли, и Земля сама — тело жизни. Вопросу о наличии в природе «мертвой материи» нельзя противопоставлять вопрос о сути, своеобразии и отличии от нее «живой материи». Материя мертва всегда, когда ее рассматривают как таковую т.е. технически изолируют от ее естественных взаимосвязей и состояний. Поэтому «живой материи» тоже нет. Жизнь это процесс, а материя — ее тело, процесс, управляющий отдельными физическими и химическими процессами. Решающий вопрос оказывается, таким образом, между процессом жизни вообще и процессами первого уровня действительности: либо мы имеем здесь два автономных, параллельных ряда процессов, либо жизнь можно в конечном счете свести к автономным физическим и химическим процессам, либо жизнь как высшая действительность включает в себе первый уровень действительности, либо «мертвая» Земля — тело всего живого и любая особая «материя» порождается жизненными процессами и вообще неотделима в природе от жизни, не существует сама по себе.

Большая область общих отношений между ростом и окружающей средой, включая сюда и климатические условия, описывается в категориях места обитания и его перемены...

Приспособлениям нельзя объяснить, как учит дарвинизм, само изменение вида, переход от одних основных видовых особенностей

к другим: основные особенности вида остаются стабильными независимо от окружающей среды, даже при перемене места обитания...

...Основной закон всего живого: жизнь происходит только от жизни...

...Категория «окружающей среды» получает здесь, таким образом, специфический смысл от второго уровня действительности, который определяется как телесная жизнь и рост.

Если тело и душа это полюса единой жизни, то встает вопрос о внутренних силах, внутренних причинах роста. Психические факторы для роста — отнюдь не «внешние», это сама бессознательная жизнь, познающая себя только в ощущениях. Живая форма связана с миром двояким образом: через тело — с окружающей средой и через «душу» — с обществом. Душа это (внепространственная) внутренняя сторона тела, первоначально инстинктивно-чувственная сторона жизни. Душа это ворота для взаимодействия между людьми... Общество это вторая область «внешних» условий телесного роста.

Промежуточная область совпадает в полном объеме с биологической категорией «выведения», которая предполагает человеческую целесообразность (Дарвин как животновод создал на базе этого понятия миф о происхождении видов, превратив саму природу в животновода)... Выведение нового типа в рамках биологического вида сродни перемене места обитания, как и в случае с ним, изменение обратимо, только естественную перемену места и вместе с ним среды заменяет целесообразная человеческая деятельность.

Строго говоря, о выведении пород в человеческом обществе не может быть и речи, так как человек для человека никогда не может быть просто предметом «одомашнивания». При выведении расы, как того требует национал-социалистическое мировоззрение, только принудительная стерилизация носителей наследственных заболеваний граничит с «выведением» пород домашних растений и животных. Все остальное — выбор супружеских пар, дистанцирование от чужаков, забота о здоровье — результат добровольного выбора...

...Остается вопрос о внутренних причинах роста, его особом смысле и собственных закономерностях.

Каждая форма жизни обладает собственной энергией или потенцией, которая проявляется в росте, стихийно — в виде инстинктов и чувств, способности поддаваться влияниям окружающей среды и общества. Жизненная потенция каждой индивидуальности тесно связана с тем, что называется здесь «основой жизни». Так как жизнь происходит только от жизни, основой и потенцией называется все то, что наследуется от другой жизни. Моя жизнь включена в общий поток жизни...

Духовный и физический рост, хотя и неразрывно связаны, имеют разные пределы и ритмы. Долгое и медленное духовное созревание означает долгую юность, более высокую одаренность. Это признак высших рас, пропорциональный уровню культуры. У первобытных племен, вроде негров, дети развиваются быстрее наших, но к 14-15 годам их созревание уже завершается. Конец духовного роста и культурный уровень племени функционально взаимосвязаны. Племя не повышает свой культурный уровень, потому что у него нет больше творческих сил.

В росте, специфически биологическом движении, проблема причины, смысла и цели становится гораздо более конкретной, чем на первом уровне. (От метафизической или трансцендентной телеологии, которая сводит мнимую целесообразность творения к целенаправленно действующему демиургу, следует держаться подальше. Это учение помогало при решении проблемы жизни в XVIII веке, когда наука упиралась в Бога там, где кончались вопросы и ответы на них. Телеологии в науке ловить нечего. Дарвинистский миф о выведении пород без животновода означает целесообразность без цели и без целенаправленно действующего лица. Цель, к которой ведет внутренний «смысл», не имеет ничего общего с такой телеологией). Внутренние стимулы переживаются в чувствах, равно как и направление потенции. Это определяющий признак жизни, по крайней мере, в «органической» сфере...

Основной закон выражается также как основной характер или основной тип, как форма или структура, остающаяся постоянной при всех изменениях, придающая инстинктам осмысленное направление. Это, так сказать, русло потока становления, но не внешнее, а внутреннее. Основной характер каждой формы имеет от природы три основных части: видовой тип, расовый тип и индивидуальный закон.

Законы движения первого уровня постоянны и поэтому могут выражаться в точных математических формулах. Основной характер живой формы может изменяться в определенных границах, однако он остается постоянным на всю жизнь, иначе рост был бы механическим движением. Условия изменений делются на влияния окружающей среды и на воздействие общества.

Изменения основного характера возможны уже благодаря тому, что в определенных условиях решающее значение может обрести индивидуальный характер человека, его собственный, уникальный закон развития. Основное в человеке остается постоянным при всем многообразии, иначе человечество не было бы единой биологической

реальностью. Но за собственным законом развития возникают все проблемы души, ее предсуществования и последующей жизни, ее происхождения, т.е. центральный вопрос всех религиозных и мифических представлений о «потустороннем мире».

Расовый закон имеет большое значение для индивидуальной жизни. Наследственность определяет ее содержание, но при этом быстро выясняется, что проблема «особенностей», в частности, психических особенностей и их наследования ставит самые трудные вопросы теории познания, не меньше чем проблема превращения одного биологического вида в другой.

(Примечание. Проблема «особенностей» выявляет различие между механистическим и целостным методами познания. Первый из них исходит из мельчайших элементов и конструирует из них комплекс, причем принцип конструкции часто оказывается случайным. В механистической биологии, в частности, в механистической биологии наследственности таким элементом является каждая «особенность» или соответствующий ей «ген». Но в действительности таких элементов не существует, это продукты анализа, абстрагирования. «Особенности» это простые абстракции, типизация частей. Органическая форма нечто большее, чем совокупность особенностей, как учит, например, де Фриз).

Если «материал» каждого индивидуума определяется наследственными линиями, то он сам нечто большее, чем совокупность наследственных элементов. Собственный закон развития личности определяется не наследственностью, он уникален и неповторим. Отсюда мифы и постулаты веры в бессмертие души.

Наследственные линии связывают между собой поколения. Но для образования политических союзов необходима дополнительная функция, которая определяется не только кровным родством и, таким образом, не является простым творением природы. В роли второй предпосылки выступает история. Народы не рождаются и не умирают, у них нет соответственно кульминационной точки зрелости, жизнь народов — исторический, а не естественный процесс. Народы выполняют свое назначение, свою общесторическую миссию перед человечеством своим творчеством, обращенным ко всем людям, хотя оно вырастает на определенной расовой основе. Что же касается наследственных линий, то здесь категория «роста» переходит в категорию «развития». Последняя помимо наследственных линий включает в себя изменения видов и в конечном счете все события в природе, рассматриваемой как целое. «Развитие» — самая широкая категория действительности второго уровня.

В биологической классификации, начиная с Линнея, понятие «вид» заняло особое положение, как соответствующее высшему уровню биологической реальности. Хотя такие понятия как «позвоночные» или «млекопитающие» тоже указывают на определенные реалии, они являются чистыми абстракциями по сравнению с названиями видов, такими как «кит» или «вишня». Реальность вида проявляется не только в сходстве или родстве форм, не только в общности ряда «основных особенностей», но и в особом образе жизни всех представителей данного вида. Когда животные одного вида вытесняют друг друга из общего жизненного пространства, эти квазиполитические процессы имеют совсем иной характер, нежели конфликты с животными иных видов. Закон вида определяет способность отдельных видов образовывать сообщества, вступать в симбиоз или в паразитарные отношения.

В процессе смены геологических периодов формы органической жизни на земле претерпели глубокие изменения, но наука не дала адекватного объяснения этих изменений. Она и сегодня при решении этих вопросов часто прибегает к первобытным мифам. Во всяком случае, не может быть и речи о том, чтобы связывать с этой сменой периодов одномерную схему эволюции и рисовать генеалогическое древо видов. Все «теории эволюции», возникшие в XIX веке при господстве позитивизма, дарвинизма и марксизма, это мифологические конструкции, по сути своей родственные идеалистической философии истории от Лессинга и Гердера до Гегеля, вспомогательные средства создания псевдоистории с линейной, осмысленной линией восхождения от микроорганизмов к человеку. Гердер был предшественником всех попыток такого рода, в частности, в том, что он предпосылал механическую «геологическую историю» биологической эволюции и объединял их в одну «естественную историю». У Гердера этот процесс становления мира имел внутреннего руководителя, как у Дарвина процесс происхождения видов — внутреннего животновода.

У биологических видов была разная судьба: многие исчезли, многие возникли заново (в обоих случаях мы не знаем, почему, и гипотетические мифы помогают раскрыть эту тайну столь же мало, как и научные категории вроде «мутаций»). Многие виды, такие как насекомые, отличаются удивительным постоянством форм, другие сильно изменились, если только мы верно определяем их предков (как в случае с лошадью). Каким образом один вид превращается в другой, мы не знаем. Опыт, положенный в основу дарвинизма, недостаточен для объяснения обратимых изменений, не говоря о том, что превращение одного вида в другой нельзя выдавать за непоколебимую истину,

или хотя бы за одну из возможностей. Положительные и отрицательные мутации, хотя мы не знаем, что это, собственно, такое, могли бы объяснить наследственное изменение вида.

(Примечание. Де Фриз изображает каждый вид в форме многоугольника, каждая грань которого соответствует одной из особенностей вида. Это классический пример механистического образа мысли в биологии. При положительной мутации этот многоугольник приобретает еще одну грань, например, 24^х угольник превращается в 25^х угольник, при отрицательной теряет одно из свойств. Таким образом думают объяснить превращение одного вида в другой... Но форма определяется не суммой случайно приобретенных качеств, а законом, согласно которому эти качества объединяются в одно целое. Изменение вида можно объяснить только изменением этого закона, а не мутацией свойств). Но все генеалогические древа видов остаются мифическими конструкциями уже по той причине, что человек в любом случае олицетворяет собой высший смысл эволюции, цель природы и творения. (Еще Гердер говорил, что на человеке врата творения закрылись. Природа достигла своей вершины, человек — предел совершенства. При этом совершенство каждого народа, каждого исторического периода оспаривается). Этим конструкциям противоречат биологические факты: каждый вид включает в себе свой собственный смысл, который не может быть познан и перенесен на другой: якобы высший вид, по сравнению с которым данный вид является лишь промежуточной ступенью. Все конструкции такого рода восходят к господствовавшей со времени Лейбница идее совершенствования и аналогичным идеям телеологии и Провидения, мифическому антропоморфизму и представляют собой секуляризацию теологических идей.

В противовес всем мифам о прогрессе сегодня снова утверждается другая идея XVIII века: закон стабильности биологических видов, который, правда, не исключает наследственное изменение основного характера, как и закон персональной энтелехии не исключает изменения личности на протяжении жизни. Но, как один человек не может превратиться в другого, так и один вид не может превратиться в другой. Тем не менее, все теории эволюции заключают в себе глубокий смысл, поскольку они стремятся понять и описать единство жизни поверх разнообразия видов, рас и индивидуальностей. Это единство выражается не только в последовательности появления форм, но и в их сосуществовании. Вопрос лишь в том, можно ли выражать это единство в виде псевдо-исторического, линейного, причинного ряда, «эволюции». В любом

случае мы не должны видеть в мифах о развитии позитивистского XIX века последнее слово мудрости, абсолютную истину, на которой следует остановиться.

Согласно учению Парацельса, человек это микрокосм, связанный по четырем линиям со всем Космосом. Соответственно каждая живая форма и ее рост, определяемый законом вида, подчинены также ритмам движений Вселенной, поэтому в жизни отдельных людей и народов чередуются периоды пустоты и полноты, здоровья и болезни. Это может быть естественной основой реальности и изменений в обществе, таких сугубо исторических явлений, как революции, реформации, преобразования, периоды подъема и упадка и все прочие духовно-исторические волновые процессы.

Общество. Третий уровень действительности Социальное и историческое движение

Эти движения относятся друг к другу как рост и развитие. Однако, они находятся на уровне, на котором категории естественного движения, т.е. рост и развитие, неприменимы, потому что в общественной жизни действуют причина и смысл движения, не относящиеся больше к бессознательно действующей природе, а только уходящие в неё своими корнями. Но что в жизни выше природы? Одна лишь категория сознания столь же недостаточна для характеристики уровня социального и исторического движения, как и расплывчатое понятие «дух». Рост и развитие — естественные основы истории, но не сама история.

Господствовавшее в мировоззрении XIX века понятие «развития» было заимствовано из биологии и распространено на всю Вселенную. Идеализм вытеснил «природу» как носителя и одновременно предмет развития, т.е. то, что само развивается, и заменил ее «духом». Гегель видел в истории, как и во всем мироздании, саморазвитие духа. «Дух человечества» конкретизировался, правда, как дух народов, а там, где духи народов оказывались под влиянием одинаковых идей говорили о «духе времени». Но и духи народов, и дух времени были лишь тенями абсолютного духа. Эти главные категории идеалистической философии истории вошли в представления немецкого народа, который привык смотреть на историю не политически, так как сам был лишь объектом чужой политики. Но именно политика поднимает историю над естественным развитием и духовным саморазвитием. Благодаря действию история обретает собственную причинность и собственный смысл.

Главный вопрос этого уровня: каким образом вообще человек возвысился над природой, частью которой он является, и смог создать в виде «истории» действительность возвышающуюся над природой? Дуалистическая антропология делает из человека смесь природы и духа, причем дух это особый мир в себе, противоположный природе. Мы же исходим из того, что тело и дух развиваются из одной жизненной основы. Что же остается вне природы?

Своей способностью к осмысленному действию человек отличается от животного лишь по уровню, но не по сути. То же можно сказать и о его технической деятельности...

То, что выделяет человека, чем не обладают животные, это история в самом широком и высшем смысле как совокупность сознательной общественной деятельности... В свободе творчества и принятия решений раскрывается своеобразие человека, конечный смысл его существования, пусть даже речь всегда идет лишь о немногих избранных...

Бог это не «причина». Все метафизики до Канта сбились с пути и отпали от веры, когда они объявили Бога причиной. Бог это также не цель и не мировой план (Провидение), не регулирующая идея, не моральный закон, не законодатель, не норма, не чистый разум и не абсолютный дух. Для Бога нет категории, науке он не по зубам. Совесть, вера и Откровение относятся к области человеческого, поэтому они связаны с расой и обществом как способы, которыми человек отвечает Богу и получает от него творческие способности. Человек может ощущать это как внутренний свет, как озарение, как непосредственное откровение, как «искру». Все «причины» на общественном уровне сводятся к человеку. Там, где принимаются творческие решения, совершаются действия как ответ, как реакция человека на призыв Бога. Это — вера.

Если бы Платон отказался говорить о сущности идей, он приблизился бы к вере в живого Бога. Но у него человек не слышит Бога, не воспринимает его зов, а созерцает его интуитивно. Идея у Платона — не действующая причина, действует стоящий за ней Эрос человеческой и мировой души.

К человеческой сфере относятся также цель, ценность и норма действия. Чтобы они существовали, не требуется особое «духовное» начало, особый мир и разрыв жизни на природу и дух. Но и представления человека не являются причиной, побуждающей его к действию, как мое отражение в зеркале не может быть причиной моего движения. Представления о целях, ценности и нормы это лишь возможности, с помощью которых жизненные инстинкты осознают и регулируют сами себя. Все причины соответствующих дви-

жений заключены в самом инстинкте, подобно тому как все творческие решения как ответ на призыв Бога возникают из жизненной основы человека, делают его избранным.

Не всем людям дана возможность творческих действий и возможны они лишь в определенный момент. «Направление» заданного движения остается постоянным, пока не исчерпывается сила импульса. Без новых импульсов общество снижается с исторического уровня на уровень естественного развития. Творческие решения и действия это и есть конечные «причины» на высшем уровне действительности. Они придают жизни людей смысл и указывают цели.

История нечто гораздо большее, чем сумма отдельных действий. Смысл ей придают судьбоносные прорывы.

На третьем уровне отношения причинности ясны. В этих отношениях сознательная деятельность проявляется во всех видах. Причина заключается во внутренней жизни человека, в его душе. Но результат действия, из-за различного восприятия его другими людьми, может быть весьма далек от задуманного.

В общественной жизни важную роль играют основные функции. Число этих функций точно установить не удалось. Они есть как у первобытных народов, так и у народов высокой культуры. Исторические события и расовый тип могут сильно варьировать эти функции, даже смещать их центр тяжести из одной области в другую, то в религию, то в экономику и т.д. Политика тоже бывает различной в зависимости от расы, народа и эпохи.

...Главной остается проблема соотношения данного от природы, обусловленного расой основного характера народа и выпадающих на его долю исторических решений и переворотов.

Влияние одних людей на других

...История неотделима от Судьбы. Непредсказуемые события — это не Судьба; смерть какого-либо человека это тоже не Судьба, потому что смерть ожидает всех, как королей, так и нищих. Судьба в том, как люди реагируют на события, вследствие чего эти события могут приобрести значение, которое невозможно было предсказать. Мелкие события могут стать Судьбой, если они вызывают у людей непредсказуемую реакцию, побуждают их к принятию решений, затрагивающих более широкий круг народов. Жизнь каждого народа имеет свои узловые моменты, судьбоносные для дальнейшего хода его истории. Из-за непредсказуемости (иррациональности) этих событий и их последствий Судьбу — в отличие от Провидения

— называют слепой. Кого Судьба побудит к принятию исторических решений — определяет зов Бога, который выше ее.

Судьба это проверка людей на прочность. Без Судьбы нет героев, нет посмертной славы. Героическая Судьба говорит громче всего там, где приносится в жертву жизнь, где смерть вызывает грандиозные исторические сдвиги. В центре германского мировоззрения находится Судьба, которой никто не избежит, но которой человек может и должен противостоять. Отсюда германские понятия о чести и героизме, отсюда германский характер. Зову Судьбы отвечает в человеке голос крови, особая жизненная потенция каждого. Это фактор, определяющий Судьбу и историю. Никто не может избежать своей Судьбы, но никто не может также выйти за рамки того, что предопределено ему его расовым типом.

Митгарт это сообщество людей одной крови, изначальное представление об устройстве жизни племен и их союзов, о праве, о цели жизни и Судьбе. Благодаря этим основным жизненным силам германцы стали создателями государств, инициаторами всех исторических движений, сильнейшим фактором формирования западного человека.

Выражение в действии

Мировоззрение германцев дает возможность и категории для толкования смысла всех способов выражения в действии, потому что оно само, как выражение нашего расового начала, и сегодня действительно для всех людей нашей расы и несмотря на чужеродные наслоения, чужие термины и изменение исторических форм остается в основе своей постоянным фактором немецкой истории.

Самым элементарным выражением в действии является приказание и все, что с ним связано. Там, где приказание элементарно и действует непосредственно, сразу же виден его результат. Пример — военные команды. Они всегда выражаются в элементарной языковой форме, но это не сокращенное, а полное выражение смыслового целого. Приказание это первичная форма языка.

Динамическая сила приказания порождается авторитетом вождя. На приказании как элементарной форме действия основано управление общественной волей вплоть до принятия решений, надолго определяющих ход истории...

Вся потенция, вся харизма, все призвание отдельных людей уходят своими корнями в жизненные потенции и жизненные основы общества, которые концентрируются в этих людях, ощущающих внутреннюю необходимость указывать путь к новым целям и дик-

товать всему обществу законы его исторического становления. В этом тайна приказания: оно действует только в том кругу, который выражает себя в нем, раскрывает в нем внутреннюю тенденцию общества. Только отсюда политические вожди, музыканты, поэты, художники и пророки черпают великие творческие силы. На этой основе возникают новые народы и творится история.

Приказание вождя придает этой внутренней динамике первое, непосредственное выражение. Тот, кто стоит во главе, говорит от имени всех. В нем кристаллизуется общая тенденция жизни, общая воля.

Способ выражения в действии определяется областью, в которой оно происходит. Это может быть приписание или речь вообще, техническое изобретение, научное открытие, религиозное откровение, художественное творчество.

Выражение в действии имеет два полюса: того, кто оказывает воздействие, и того, на кого оно оказывается. Поскольку во втором случае речь идет о множестве разнообразных личностей, возникает опасность раскола. Даже если движение возникает на однородной расовой основе, это еще не гарантирует единую направленность и длительность воздействия. Без руководства может возникнуть система, в которой, как в парламенте, одна лошадь будет запряжена впереди телеги, а другая сзади. О единой направленности и ее соответствии господствующему мировоззрению должно позаботиться политическое руководство. В ориентации движений осуществляется примат политики, причем слово «ориентация» имеет двойной смысл: ориентацию на поставленную цель и своего рода культурную политику, которую еще Платон считал условием существования своего государства и которую проводил греческий полис в лучшие свои времена...

Искусство относится к мировоззренческой сфере воздействия на человека. Концентрацией творческой силы и длительностью ее воздействия художественное произведение отличается от всех прочих. Но в основе этого воздействия лежит не само творчество, а общественно необходимая основная функция. Позитивисты вроде Бокля, переворачивая идеалистические ценности, считали изобретение сапог большим благодеянием для человечества, чем все искусства и вся философия вместе взятые. Такая постановка вопроса явно связана с мифологией прогресса. Мы не будем спорить, что влияние великих технических изобретений столь же сильно, как и влияние достижений «культуры». Но искусство и наука могут непосредственно влиять на формирование человека, тогда как достижения в других областях изменяют лишь внешние условия его жизни, т.е. влияют опосредствованно. Только в этом различие по смыслу и цели между «цивилизацией» и «культурой».

Познание как движение

Классическая теория познания знала только одну форму познания — научное познание. По учению Канта, любое познание осуществляется путем анализа с помощью разума. Но дело обстоит не так просто. Процесс познания это взаимодействие подсознания и сознания, внутренних и внешних факторов и т.д.

Задача науки — изучить все эти взаимодействия с помощью своих категорий и методов, т.е. изучить свое собственное содержание и свою основу. И здесь путеводной нитью служат отношения причинности...

С главной трудностью мы сталкиваемся на втором, биологическом уровне, где движения, хотя и исходят из жизненных основ, еще бессознательны. Повод к движению здесь — не осмысленный «мотив», но причина не сводится к чисто механическому воздействию. Все органические движения, хотя и произвольны, суть проявления жизни.

Наконец, сам процесс познания отнюдь не определяется одним лишь его предметом. Например, историческое исследование может иметь предметом отдаленную эпоху, чуждую самому историку. Во всех случаях сознанию необходим собственный мотор, своя «причина», чтобы познание стало возможным.

Давно известное различие между действующей причиной и основой познания в широкой сфере «причинности» обретает новый смысл. Когда речь идет о механических движениях, вполне достаточно простого перечисления и описания, если к внешним условиям не добавляются внутренние воздействия. Теоретическая физика стремится к тому, чтобы ограничиться описанием явлений, не поднимая вопрос о внутренних причинах. Но это приводит к отрыву познания от действительности, а действительность требует не только описания, но и объяснения.

В области исторического и социологического познания на третьем уровне условия познания весьма отличны, но смысл этого процесса точно такой же, как на первом и втором уровнях. Перечисления и описание вполне достаточны, если при этом не говорится о внутренних мотивах участников событий, их душевном состоянии, целях и планах. Цель историка достигнута, если он не только правильно описывает события, но и правильно объясняет их. Именно объяснение смысла и взаимосвязи событий делает картину, нарисованную историком, «правдивой», как на других уровнях соответствующее толкование делает «истинными» результаты научного познания. Если наука, например, математическая физика, довольствуется одними описаниями, отказывается от объяснения внутрен-

них причин и смысла, ограничивается перечнем внешних условий, она становится врагом «истины». Истина заключается в объяснении, она отвечает на вопросы, задаваемые действительностью. Она не зависит от вещей, а заключается в оценке вещей. Описание без объяснения делает истину бессмысленной, это атавизм и антропоморфизм, которые необходимо изжить...

Но даже действующий человек может неправильно понимать и объяснять свои действия. Часто последующие мотивировки и оправдания искажают «истину» и действительность, хотя, бывает, и неумышленно. Именно на третьем уровне результат действия нуждается в объяснении. Дать его трудней, чем на первом и втором уровнях.

Любое познание, даже творческое и революционное, связано с традицией прошлого... Все научные познания и исследования определяются историей, так как познающие и исследующие люди сами находятся в определенной исторической взаимосвязи. У ученых прошлого можно поэтому брать только полученные ими результаты, независимо от их мотивов, и рассматривать их с современной точки зрения.

Науки об обществе, например, история, имеют своим предметом самого человека с его мотивами и целями. Но между историком и его предметом обычно стоит посредник — источник. Историк познает истину, сравнивая источники между собой.

В любом случае процесс познания идет двумя путями. Внутренние причины описываемых событий не всегда лежат на поверхности: их нужно выяснять. При этом процесс познания идет в обратном направлении: от более поздних событий к более ранним, от следствия — к причинам...

С проблемой истины связана методика доказательств. Каждая наука вырабатывает свой метод решения этой проблемы. Но истину нельзя сделать функцией метода.

Любая математика, работающая по методу Евклида, выводит отдельные истины путем дедукции, исходя из ряда формальных предпосылок: аксиом, постулатов и дефиниций. «Доказательства», таким образом, целиком относятся к сфере Логоса. Но метод никогда не бывает постоянным, и истина не рождается из метода. Теорема о сумме углов выведена не из аксиомы, а путем непосредственного наблюдения на объекте. Методом доказательств воздвигаются стройные системы. Но то, что с помощью этого метода можно придти и к ложным, произвольным, банальным и противоречивым выводам, доказал в XVII веке своей системой талмудист Спиноза: даже геометрическим методом доказательств можно злоупотребить, пользуясь талмудической казуистикой. Только правдивый человек может познать истину.

В физике истина выдвигается в форме гипотез, которые постоянно сличаются с действительностью в виде нового опыта и потом на их базе строится теория. Так было и с законом всемирного тяготения. Требование логистов выводить истину только логическим путем, с помощью «чистого разума», противоречит действительности. Истина — во взаимном соответствии созерцания и мышления.

Познание это сочетание целенаправленного мышления и чистого, теоретического, т.е. мировоззренческого мышления. Неверно думать, будто целенаправленное мышление было первоначальным, а позже на его базе развилось теоретическое мышление. Мировоззренческое мышление с самого начала было характерной чертой человека. Везде и во все времена оно представлено в форме мифа. Оба вида мышления используются на всех уровнях, но всегда нужен особый мотор, мотив и смысл познания, чтобы от целесообразного мышления перейти к мировоззренческой теории, а от теории — снова к целенаправленному преобразованию окружающей среды и общества.

Смысл любого познания и сознания вообще — самоорганизация жизни. Мотор познания это его центр, в котором бессознательная, инстинктивная, чувственная жизнь постоянно превращается в сознательную жизнь, сознательные действия и в познание под воздействием окружающей среды и общества. В сознательной жизни и в творческих достижениях находит свой смысл человеческая жизнь в соответствии с назначением и законами биологического вида и жизнь вообще. Среди всех созданий только человек, как микрокосм, имеет право ставить себя на высшее место, потому что он своим обратным воздействием на природу — на свою собственную, на общество и на окружающую среду — не только преобразует ее техническими средствами, но и потому что он путем чистого познания, с помощью теории и мировоззрения принимает участие в организации вселенской жизни. Он это монада, которая отражает в себе Вселенную.

Революция и познание

Процесс познания — часть исторического развития вообще, и как теоретическое познание, и как управляющий фактор. При этом способ участия отдельного действия и отдельного акта познания в истории совершенно параллельны, ибо в конечном счете познание это тоже способ действия. Но история это нечто большее, чем сумма отдельных действий и отдельных процессов познания. Действие и познание — лишь части исторического процесса жизни народа.

Отсюда следует, что действительность третьего уровня это общественная деятельность, направляемая сознанием к определенной цели. Но кроме этого необходимо и теоретическое сознание. Здесь в последний раз встает вопрос о соотношении бытия и мышления. По отношению к историческому развитию общества теоретическое познание, и в форме науки тоже, это не просто внешний придаток, сопровождающая мелодия, зеркальное отражение, а необходимый, действенный фактор, без которого действительность не достигнет совершенства. Нет истории, нет исторической действительности без исторического сознания и нет социальной действительности без соответствующего теоретического познания. Это означает, что политическая революция невозможна без революции в науке, потому что действенная сила революции не сводится к одним лишь политическим акциям, даже при примате политики. Связь революционного политического действия с революционным мировоззрением однозначно доказывает, что революция никогда не одержит окончательной победы, если она не захватит также мышление, познание, мировоззрение, науку, чтобы они тоже стали факторами, преобразующими действительность.

Революция это путь к установлению нового правового порядка. Но здесь не обойтись без соответствующего понятия права. Революция породила новую политическую действительность в виде отношений между партией и государством. Но для этой новой политической действительности нет соответствующего определения права. Партия ставится в подчиненное положение по отношению к государству как «общественная организация», но это определение заимствовано из совсем иной политической действительности. Получается так, что не соответствующее политической действительности правовое понятие становится ее противовесом, выражением реакционной тенденции, консервативного теоретического сознания. Пока политическая действительность не получит своего понятия, своей теории, своего сознания, она не достигнет окончательной победы, ей все время будет угрожать откат к прошлому.

(Примечание. Споры о понятии «государства» могут привести к полной путанице. Это понятие соотносится с политической организацией, возникшей в Европе с XVI века. Должно ли оно сегодня сохранять то же значение применительно к политической организации иного типа?

Абсолютное государство XVIII века включало в себя кроме главы государства, армии и аппарата управления также систему сословий и все территориальные организации. «Государство» означало в данном случае совокупную форму жизни, включая общественную жизнь. Государство, созданное буржуазной революцией,

сразу попало в двусмысленное положение. «Государство» — это только армия и аппарат управления или все равноправные граждане? На этой основе возникли принципиально различные теории государства. Первую из них мы встречаем у де Лагарда, для которого государство это одни чиновники, а нация противопоставляется государству. Буржуазная эпоха должна была запутаться в этом противоречии, потому что гражданин, с одной стороны, военнообязанный, налогоплательщик, избиратель, подданный государства, а с другой — обладатель «прав человека». Двойственную позицию занимает и парламент: то ли он законодательная ветвь власти, то ли защитник прав человека. Жертвами этой путаницы стали все либеральные теории государства.

Если теория государства XIX века обычно смотрела на народ с точки зрения государства, то романтики и Гердер придумали понятие «народа», не только свободного от государства и враждебного государству, но и чисто «культурной», аполитичной общности. Поэтому государство и народ так трудно соединить сегодня в теории. К тому же сегодня партия, как орган формирования политической воли, превращается в особый политический мотор, стоящий выше государства.

Возникает не только необходимость в новых правовых понятиях. Глубокий кризис переживает и понятие государства, снова становящееся двусмысленным. Традиционное понятие государства трудно втиснуть в промежуточную позицию между народом и партией. Если бы удалось снова сделать это понятие господствующим, это поставило бы под вопрос смысл революции и создало угрозу реакции. Национал-социалистическая революция была бы тогда задним числом квалифицирована как новая глава исторического периода, протекающего под знаком «государства», а не как начало нового исторического периода с новым смыслом).

Революция изменила и понятие о собственности. Соответствующее национал-социалистическому мировоззрению понятие о собственности резко отличается как от марксистско-коллективистского, так и от либерально-индивидуалистического. И здесь действительность и понятие о собственности не совпадают и новой действительности в этой области не будет, пока не будет нового понятия. Собственность не станет социалистической, пока будет оставаться в силе либерально-индивидуалистическое понятие собственности, что постоянно грозит реакцией против порожденной революцией новой реальности. Действительности для ее самоутверждения всегда требуется соответствующее новое понятие. Слабость и половинчатость империи Бисмарка заключалась в том, что ее политическая действи-

тельность не совпадала с ее конституцией «союзного государства», содержащей в себе зародыш сепаратизма.

В сфере воспитания влияние революции было более сильным благодаря заранее созданной новой науке о воспитании, отодвинувшей в сторону либерально-гуманистическую педагогику, которая тем не менее продолжает оказывать сопротивление и, если она поднимет голову, может обречь на неудачу великие начинания революции. Нужно определить отношение всей сферы воспитания к другим областям, прежде всего, к расовому сознанию, к истории и к общей национально-политической задаче. И здесь в начале должно быть дело, но теория может подготовить путь этому делу, как французская революция имела теоретическую и литературную подготовку.

Третий пример — национальная экономика. И здесь теория становится фактором, влияющим на людей, которые участвуют в экономических процессах.

Своеобразие в данном случае заключается в том, что соответствующего понятию «экономика» предмета первоначально вообще не было, понятие само создало свой предмет, выделив из общего круга явлений свою особую сферу. «Экономика» как термин и предмет связана с эмансипацией буржуазии и развитием капитализма. Первоначально это понятие относилось только к отдельным людям вместе со всеми выводами либеральной манчестерской школы. Национальная экономика рассматривалась только как сумма частных предприятий. Отдельное «предприятие», его конкурентоспособность и рентабельность, — вот первоначальная элементарная действительность либеральной экономики. Но теперь, когда выдвинут лозунг «Общая польза выше личной», обретает новое значение понятие «Национальная экономика», оно становится основополагающей категорией.

Точно так же обстоит дело с соотношением действительности и понятия на первом и втором уровнях. Разумеется, понятие «гравитация» не создает соответствующую действительность, оно лишь ограничивает определенную сферу, типизирует явления в этой сфере и разрабатывает метод, позволяющий подчинить эти явления общему закону.

Человек постоянно ставит перед собой все новые цели и задачи. Благодаря многообразию рас, типов общества и исторических процессов возникает множество представлений о мире в виде мифов, теорий и понятий. Разумеется, действительность не совпадает ни с одним из представлений о ней. Для человека же мир таков, каким он его себе представляет. Я не найду мира «в себе», если отброшу все представления о нем. Мировая реальность «в себе» это полнота ее возможных проявлений и возможных пред-

ставлений о ней, так как микрокосм отражает макрокосм в соответствии со своими собственными законами.

Представления об истории — составная часть представлений о мире, и они формируются в соответствии с теми же законами.

Констатация исторических фактов это еще не картина исторического процесса. Даже якобы «нейтральное» описание исторических событий неизбежно содержит в себе оценку. Ни один факт не будет признан «верным», если он не согласуется с определенной тенденцией и другими фактами. Что означала смерть Генриха VI для немецкой, Карла I и Кромвеля для английской, Генриха IV или Людовика XVI для французской истории? Одной констатации этих фактов недостаточно, их нужно истолковать в рамках определенной линии, а линия эта зависит от того, считать ли суды над Карлом I и Людовиком XVI справедливыми или расценивать их казнь как политическое убийство.

Эпохи древней Греции или Карла Великого продолжают жить только в истории, но каждое новое поколение оценивает их по-своему. XIX век отличался удивительным разнообразием толкований истории древней Греции и древнего Рима, часто совершенно противоположных. В наше время идет борьба за новые представления о древних германцах, о христианстве, о Карле Великом и Видуйкинде, о Фридрихе I Гогенштауфене и Генрихе Льве. У каждой исторической личности есть свои иконопоклонники и иконоборцы. Каждое поколение чтит то, что ему нравится. Сколько разных толкований покаяния Генриха IV в Каноссе! Дело не в том, что одно из таких толкований истинно, а все прочие ложны. Перед каждым поколением стоит своя задача и оно заново открывает для себя свою истину в природе и истории. Эта истина является для него жизненной необходимостью. Но оно не должно отрываться от общей почвы, на которой оно выросло. Речь никогда не идет о прошлом как таковом. Центр тяжести любой истории — в живом настоящем и в его взгляде на прошлое. Как нет настоящего без прошлого, так нет и прошлого без настоящего — без него прошлое кануло бы в забвение, словно наши предки жили напрасно. Ни одно поколение, ни один народ не живут в силу чисто физической или биологической инерции. Если нынешнее поколение живет ради своих потомков, оно должно обеспечить непрерывную связь между прошлым и будущим. Соответствующие современным задачам представления об истории — фактор, влияющий на жизнь народа. Поэтому историки, как и ученые вообще, — творцы будущего своего народа, такие же, как вожди, поэты, художники и пророки.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ

Австрийское земельное издательство
Вена-Лейпциг, 1939

На рубеже двух эпох

С национал-социалистической революцией закончился период буржуазного образа жизни и начался период народного сообщества с присущим ему расово-политическим идеалом.

Однажды немецкий народ уже совершил революцию, которая изменила облик Запада и дала ему новые основы. В первой половине XVI века Германия была потрясена революцией до самых своих устоев. О Реформации, которая тогда исходила из Германии, можно сказать: она дала Европе и Америке основы, на которых строились следующие столетия.

Но Реформация была лишь частью великой религиозной, мировоззренческой, политической и социальной революции, которую совершил немецкий народ в XVI веке в поисках самого себя, своей формы жизни, своего единства, своей свободы и своего пути после столетий раздробленности, угнетения и чужеземного засилья. Все слои немецкого народа пришли в движение. Сюда относятся и духовные поиски, связанные с великим именем Парацельса, и радикальные социально-религиозные движения вроде анабаптизма.

Каков был смысл всего этого? Внешняя картина этой революции довольно хаотична. Отдельные движения сталкивались друг с другом, и к середине века все успокоилось и застыло. Все это проходило под знаком немецкого самосознания: им обладали и Лютер, и Парацельс, и Гуттен, и многие другие.

Несмотря на большое влияние Реформации, тогдашняя немецкая революция потерпела поражение. Почему? Потому что у нее не было единого руководства, поток пошел по разным руслам, и дело кончилось новым расколом. А оставаясь он единым, то революция могла бы преобразить мир, как говорил Ранке. Но не было вождя. Лютер не смог стать политическим вождем, и события пошли своим ходом.

Единства достичь не удалось, произошли новые политические и религиозные расколы. Тридцатилетняя война привела к краху Империи. От 16 миллионов немцев осталось 4 миллиона. Города и деревни были опустошены, народ обнищал, культура была разрушена, немецкому языку грозила участь превратиться в диалект. Сохранилась лишь неисчерпаемая основа жизни, с которой медленно, мучительно снова поднялся народ. Пока центр Европы опустел, борьбу за европейскую гегемонию вели сначала Франция и Испания, потом Англия и Франция. Их общей целью было не дать Германии снова подняться и стать сильной.

Есть поговорка: история учит тому, что она ничему не учит. Наша революция учится на примере той революции XVI века, которая потерпела поражение, потому что у нее не было вождя.

Буржуазное мировоззрение

Французская революция это не начало, а кульминация буржуазной эпохи. На протяжении полутора веков до 1789 г. буржуазия укрепляла свои позиции в рамках абсолютных монархий. Философия и наука XVII-XVIII веков создали буржуазное мировоззрение, которое 300 лет господствует в Европе и Америке. Создателями этого мировоззрения были француз Декарт и англичанин Гоббс. Германия тогда была духовной провинцией Запада.

Буржуазное мировоззрение отличается механистичностью. Мир изображается как совокупность мертвых масс, которые совершают закономерные движения под действием элементарных механических сил притяжения и отталкивания. Мир это огромная машина. По принципам механики строились также государство, экономика, общество.

Этим ни в коей мере не был опровергнут ветхозаветный миф о сотворении мира. Хотя одного из создателей нового мировоззрения, Галилея, преследовали, в XIX веке католическая церковь решила, что ее учение вполне совместимо с механическим мировоззрением. Почему бы Иегове не создать мировую машину?

Но механистическое мировоззрение разрушило учение об одушевленной Вселенной, о мире как о живой сущности.

Таким был мир у Платона и неоплатоников, у Парацельса и Кеплера, таким он был и в германских мифах.

Декарт и Гоббс превратили не только космос в машину, мертвый механизм; растения, животные и люди для них тоже были машинами. Жизнь общества объяснялась чисто механическими принципами и строилась на них. Человек отличался от животных только способностью познания и разумной, целесообразной деятельности.

Такой же была и т.н. метафизика тех веков. Как человек создает машины, так и Бог некогда создал мировую машину по своим планам и дистанционно управляет ею. Это называется «Провидением». Бог — конструктор и оператор мировой машины. Остается лишь открытым вопрос, стоит ли Бог у машины (теизм и деизм) или он сам эта самосоздающаяся и самоуправляющаяся машина (спинозизм).

Германия в лице Хаммана, Гердера и Гете, исходя из своего мировоззрения, пыталась выступить против теории мирового механизма, оживить мировоззрение, но к середине XIX века победил позитивизм француза Конта, последний вариант представления о мире как о машине.

В 1937 г. Франция отпраздновала 300-летие выхода в свет книги Декарта «Рассуждения о методе». Она праздновала свою духовную победу над Европой. Рядом с Декартом можно поставить только Гоббса.

Дарвинизм и материализм тоже целиком укладываются в рамки механистического мировоззрения.

Немцы постоянно чувствовали, что это мировоззрение совершенно недостаточно для объяснения мира и придания смысла жизни, и выступали против него.

Великая заслуга немцев — создание биологии как самостоятельной науки. Это сделали в XVIII веке фон Халлер, К. Ф. Вольф, Кампер, Блюменбах, Земмеринг, после того как в начале этого века Лейбниц и Шталь отказались от механистического подхода к растениям, животным и человеку. Тогда же немцы впервые ввели и понятие расы, которое было предано забвению в XIX веке. Немцы создали биологию, потому что они знали, что живой организм нельзя вывести из механизма, живое нельзя понять через мертвое. Хамман, Гердер и Гете сделали начало независимой, самопроизвольной жизни главным принципом мировоззрения. Но в середине XIX века победу над немецким мировоззрением снова, как и за 200 лет до того, одержал западный механистический позитивизм: мир и люди снова были объявлены машинами.

Буржуазное представление о человеке

Это представление проходит под лозунгами «естественного права» и «Просвещения». Его воплощениями в политическую реальность были конституции Французской революции и Веймарской республики.

Буржуазный мир выступил в XVII веке против абсолютной власти церкви и государства во имя разумной и дарованной от природы свободы отдельного человека.

Естественное право исходило из того, что человек в природном состоянии жил, как и другие животные, в борьбе всех против всех. Но благодаря своему разуму он выделился из животного царства.

Смысл прогресса — вечный мир, рациональное и гуманное равенство всех, кто имеет человеческий облик.

Этот буржуазный идеал имеет мало общего с реальным человечеством. Коллективизм и марксизм имеют те же самые интернациональные и естественно-правовые корни, что и западный либерал-демократизм.

После краха 1918 года Германия, как и после 1648 г., стала ареной борьбы Запада и Востока, либеральной демократии и большевистской революции, за мировое господство. Немецкий народ стал жертвой этой борьбы. Победа любой из сторон стала бы для него смертельной.

Национал-социалистическая революция положила конец одновременно и буржуазно-либеральной, и марксистско-пролетарской эпохе. Мирозрение на расовой основе находится по ту сторону противоположности буржуазии и пролетариата, либеральной демократии и коллективизма.

Теперь Восток и Запад создали единый фронт против Германии. Почему? Потому что здесь рождается новый мир и наступает новая эпоха. Потому что Германия, с тех пор, как она существует, и во времена бедствий, и во времена величия это страна, в которой принимаются мировые решения. Потому что Германия краеугольный камень человечества и его судьбы. Против нового мирового начала объединились либеральная демократия Запада и марксистский коллективизм. Эти две ветви выросли из одного корня естественного права.

Сопротивление и прорыв

У многих стало почти манией искать в прошлом предшественников национал-социализма. Это опошляет смысл революции, стирает особенности эпохи. Национал-социализм начинается с Адольфа Гитлера и ни с кого другого.

К предшественникам национал-социализма в прошлом обычно причисляют тех, кто в Германии выступал против рационально-гуманистических представлений о человеке. Среди них было много выдающихся людей, которых мы помним и чтим. Но никому из них не дано было одержать победу, провозгласить новый основополагающий принцип. Они сами принадлежали тому веку, против которого выступали, и не смогли его преодолеть.

Масонскую рациональную гуманистическую идею с ее интернационализмом Фихте в начале XIX века превратил в немецкую национальную идею. Но и для Фихте гуманность оставалась высшей

ценностью. Под нацией понимался круг приверженцев одной идеи. До реального народа было еще далеко.

Немецкие романтики, многие из которых были страстными националистами, протестовали против Французской революции и ее мировоззрения, противопоставляли вместе с Гете начало органической жизни вселенскому механизму, углублялись в подсознательную жизнь и в историю. Но они были консерваторами, и их «органическое» мировоззрение признавало лишь спокойный рост, а не политическое действие. Они были склонны к созерцательности, а в политике способны только к торможению, но не к творчеству. Они ждали, что вырастет само собой.

Романтики, в частности, Якоб Гримм, возродили интерес к германской мифологии. Но наука германистика не могла снова оживить прошлое. Живое будущее не рождается из воспоминаний о прошлом. Народ и мировоззрение могут возродиться только на живой расовой основе. Но о расе в XIX веке ничего не знали и не хотели знать.

Вся собственно немецкая биология в той мере, в какой она не попала под влияние западного позитивизма в форме дарвинизма и геккелизма, была протестом против западного механицизма и формального рационализма. Х. Ст. Чемберлен указал нам на значение расового начала в истории. Свой вклад внесли также Э. К. фон Бэр и Якоб фон Икскуль.

Что противопоставляет национал-социалистическая революция буржуазному и марксистскому взгляду на человека? Она несет с собой не только горячую веру в народ, расу и немецкое будущее, но также противопоставляет идеологии последних столетий холодное и трезвое знание действительности. Его основные положения таковы:

1) Никогда и нигде ни этнография, ни древняя история не обнаружили диких людей-одиночек, живущих по естественному праву. Такие дикари всего лишь идеологическая фикция. Всегда и везде люди жили сообществами, которые не были основаны на разуме, а в лучшем случае разумно управлялись. В действительности не существует всеобщего, одинакового разума, духа человечества и т.п. предпосылок буржуазной идеологии.

2) Все человечество, вся история, любое общество и любая культура подчинены закону развития своей расы. Каждой расе присуще свое направление развития, свой образ жизни, своя воля и свои ценности. Человек как вид создал такое богатство плодов своего творчества благодаря расам. Если американцы сегодня уверяют нас, что все люди равноценны, давайте зададим им вопрос, почему американскую цивилизацию и культуру создали не индей-

цы? Почему не ирокезы построили Чикаго? Почему культура толтеков или инков столь отлична от культуры англичан? Мы рекомендовали бы ученым из Нью-Йорка последовательно посетить в какой-нибудь дождливый день синагогу, какое-нибудь негритянское мероприятие, индейский вигвам, китайскую общину и собрание квакеров или методистов. Если они и тогда не увидят расовых различий, то нужно прописать им очки, чтобы они видели действительность не в одном лишь голубом или розовом свете, а такой, как она есть. То, что негр может выучить таблицу умножения и стать шофером, а еврей — искусным адвокатом, еще не доказывает, что нет расовых различий. Решающий момент — историческое и культурное творчество расы.

3) Народ обновляется на своих естественных основах, крови и почве, в соответствии со своими особыми законами развития.

Представления буржуазной эпохи о человеке были сконструированы из идей, это был идеал, вознесенный над действительностью и не связанный с ней. Но человек живет на грешной земле. В разреженном воздухе «чистого духа» никто не может ни дышать, ни жить. Хотя не хлебом единым жив человек, вообще без хлеба он жить не может. Хлеб это действительность, как и тело, без которого душа не существует.

Для нас сегодня особенно важно видеть, что немцы в эпоху своих великих достижений в области музыки, поэзии и философии с 1780 по 1840 г. создали чуждую миру и далекую от действительности идеологию. Поколение «бури и натиска» оказалось недостаточно сильным для революционного преобразования политической и социальной действительности в Германии и отступило, воздвигнув над действительностью то «царство чистого духа, в котором дух наслаждается самими собой», как сказал Гегель в своей вступительной речи в Берлинском университете в 1818 г. Это «царство чистого духа» и было немецкой идеологией бегства от политической и социальной действительности с ее проблемами.

Немцам предлагали реализовать себя в воздухе этого царства, в гармонии идей истины, добра и красоты. Таков был идеал личности фон Гумбольдта, такой же была теория «чистого государства» Шиллера.

Столь же бессильным оказался и порыв, последовавший за наполеоновскими войнами, и опять утешения стали искать в «царстве чистого духа», в царстве идей, где «народ мыслителей и поэтов» занимался стихами Гете, песнями Шуберта и идейными конструкциями Гегеля, пока соседние народы строили национальные государства и делили между собой мир.

Немцы не хотят больше идти по этому «идеалистическому» пути. У национал-социалистического мировоззрения есть свой идеализм, но он зовет не к бегству от действительности в идеологию, а к улучшению жизни немецкого народа. Этот новый идеализм зовет не в духовное царство, а в будущую историю III Рейха.

Народ и вождь как центральная действительность мировоззрения

Вся буржуазная эпоха, больная теорией общественного договора, всегда выводила народ из государства. Даже в тех случаях, когда провозглашался суверенитет народа, народ оставался результатом образования государства. У романтиков государство естественным образом выросло из семьи, но и у них государство было высшей инстанцией в процессе становления народа.

Эпоха национал-социалистической революции отличается тем, что в центр мировоззрения ставится народ. Он начало и конец, от своих природных основ в крови и почве до своей реализации в истории. Становление народа — смысл и содержание немецкой истории со всеми ее взлетами и падениями. Нет иного человечества кроме многообразия народных индивидуальностей. Мы признаем человечество только в его национальной обусловленности.

Нет народа и истории без вождей. Без них роковой путь ведет только в пропасть.

Общество становится народом, народ становится обществом

Человек от природы и по своему назначению — общественное существо. В одиночестве человек хиреет, его жизнь становится бессмысленной и бесплодной.

Образование немецкого народа из отдельных племен происходило после распада империи Карла Великого в ту же эпоху, что и образование французского, английского, итальянского и русского народов. Решающую роль во всех этих процессах всегда играла германская кровь.

После первой мировой войны немецкий народ находился в состоянии распада. Линии разлома определялись немецким прошлым, но им же определялось и стремление к единству. Национал-социалистическая революция осуществила объединение под лозунгом «народного сообщества».

Этот лозунг поднял немецкий народ на уровень, который до сих пор никогда не был достигнут ни одним народом, в том числе и немецким. Здесь на арену истории впервые выступает новое начало.

Либеральная идеология рассматривала государство как средство организации хаоса и индивидуального произвола.

Национал-социалистическое движение уходит своими корнями в настроения времен Первой мировой войны. В августе 1914 г. никто не думал о своих свободах и интересах. Люди разных сословий, классов и вероисповеданий объединились в едином порыве. Народное сообщество возникло из фронтового братства.

Раса в народе

Крестьянство — жизненная основа народа. Точными исследованиями установлена гомогенность немецкого крестьянства, его принадлежность к нордической расе. Нордическая кровь — связующее звено немецкого народного сообщества.

Вокруг ядра нордической расы некогда объединились родственные и ассимилируемые расы. В ходе истории, в процессе их ассимиляции образовался немецкий народ. Нордическая раса и сегодня — становой хребет немецкого народного сообщества.

Народное сообщество имеет три измерения. Во-первых, оно объединяет всех своих ныне живущих членов, во-вторых — цепь прошлых и будущих поколений, в-третьих, оно обязательно имеет доминанту, которая придает четкую форму целому и определяет его характер. Нордическая раса является решающим фактором во всех этих трех измерениях. С ней стоит, с ней падает немецкий народ. Нордическое расовое начало является доминантой также в мировоззрении.

Человек — не арена борьбы между силами высшего и низшего мира, как думали раньше, он не наполовину животное, наполовину ангел, как пелось в старом церковном гимне. Он не смесь природы и духа или тела и души, происходящих из разных миров, а живое существо единой природы и единого происхождения.

Раса означает, что в отдельном человеке и его народе единый закон формообразования в одинаковой степени действует на тело и на душу, на все сообщество и на отдельных его членов, поэтому все они развиваются в одном направлении. Расово обусловленный характер определяет и формы тела, и способ мышления, и направление действий. В основе творческих достижений выдающихся людей также лежит расовое начало. История и культура это плоды творчества доминантной расы.

Раса определяет ценности сообщества и отдельных его членов, ориентиры их бытия и становления, роста и созревания, мыслей и действий и, прежде всего — их творческой деятельности.

Ценности нордической расы можно свести к одному общему знаменателю — чести. В этом снова сказывается постоянство нордического расового начала в немецкой истории.

Расовый закон чести включает в себя честь народа, расы и отдельной личности, честь вождей и героев, честь крови в цепи поколений, честь верности, труда и творчества.

Личность

Идеал личности немецкой образованной элиты XIX века был сформулирован в 1810 г. В. фон Гумбольдтом. Он считал воспитание, образование и мировоззрение сугубо личным делом, а малейшее вмешательство государства в эти сферы — недопустимой тиранией. При этом предполагалось, что каждой личности присуще стремление к совершенству, и устранение всех препятствий на пути развития личности сделает ее гармоничной. Соответственно гармоничным станет и общество. Путь к этому лежит через «образование». Сходные идеи проповедовал еще Руссо в своем «Эмиле».

Идеал личности Гумбольдта был далек от действительности и мог существовать только в «царстве чистого духа». Коллективизм низверг этот буржуазный идеал на почву суровой действительности, стремясь принудительно подстричь всех под одну гребенку. Национал-социалистическое мировоззрение со своим представлением о личности резко противоположно и либерализму, и коллективизму.

Мы исходим из того, что человек от природы — общественное существо. И в общественном бытии он тоже подчинен законам развития расы. Но члены общества это не безликие числа, каждый из них имеет свое назначение.

Ни народ, ни тем более государство это не личности. Личность это только отдельный человек. Его задача — служение всему народу, и в зависимости от своих успехов на этом поприще он занимает соответствующее место в общественной иерархии.

Два основных принципа национал-социализма: «Общее благо выше личного» и «Каждому свое».

Германское представление о личности

Национал-социалистическое мировоззрение родилось из расовых глубинных слоев нашего народа. Это не сконструированная из «идей»

идеология и не возвращенное силой воспоминаний прошлое, как некогда пытались сделать романтики. Это стихийное событие народной жизни, подлинное рождение, а не плод какой-то науки, биологии, истории или философии.

Это вырвавшееся с революцией из народных глубин мировоззрение является новым откровением нордической расы. Раса — источник жизни и молодости народа и его мировоззрения.

Нордическое самосознание снова возродилось на еще более высоком уровне, чем в революцию XVI века, чем у немецких романтиков.

Германист Гренбех пишет о германском народном сообществе следующее: «Своеобразие этой формы жизни заключается не в том, что индивидуум растворяется в целом, а в том, что он заключает целое в себе. Никто ничего не делает ради самого себя». Один за всех и все за одного.

Раса и культура

Главная задача национал-социалистического движения это укрепление жизненной силы народа. Все прочее — путь к этой цели, средство ее достижения. Это относится и к культурному наследию. Вечность и бессмертие несет в себе сам народ, а не памятники культуры.

Но жизненная сила народа выражается в его творческих достижениях, в искусстве, поэзии и науке. Искусства всех видов имеют также мировоззренческое значение, они формируют характер человека, равно как наука и философия, возникшие на расовой основе, а не из абстрактного разума.

Творчество художников также обусловлено расой и связано с обществом, в котором они живут. Художник может выразить в своем творчестве лишь то, что он имеет в самом себе. Если в нем силен потенциал расовой жизненной основы, то этот потенциал и выразится в его творчестве. Общество понимает художника, когда он выражает его собственную внутреннюю суть, его устремления.

Расовое начало нигде не проявляется так ярко, как в творчестве. Одна раса может многое заимствовать у другой, только не своеобразие его творчества.

Творческое начало может проявляться, например, в народных песнях. Они выражают душу расы, и другие народы не могут им подражать.

Мы стараемся сегодня, убирая чуждые наслоения, выявить расовое, свое в поэзии, музыке, архитектуре, живописи, скульптуре, потому что этот путь ведет к обновлению жизни немецкого народа на расовой основе, к созданию нового народа.

Искусство — великая воспитательная сила, но оно может заключать в себе и соблазны, опасность порчи народа. Искусство действует положительно, только если оно выражает расовую душу и несет в себе расовые ценности. В любом другом случае оно становится разрушительной силой. Оно не может жить одними благими намерениями.

Зная об этой двойственной роли искусства, Платон требовал ввести в своем государстве, призванным спасти Грецию от гибели, государственный контроль над искусством.

Невозможно творить по команде. Но когда мы имеем перед собой готовые произведения искусства, мы можем судить о его ценности или опасности.

Использование науки

Немецкая наука большей частью отнеслась к национал-социалистической революции враждебно, почему и была отодвинута в сторону. Но в дальней перспективе такие отношения невыгодны для обеих сторон.

Наука может оказать большую помощь революции лишь в том случае, если она сама обновит свое мировоззрение и признает расовые ценности. От нее требуется то же самое, что и от искусства. Наука последних поколений утверждала, что она не зависит от мировоззрений. Но это было заблуждение и самообман. Постепенно было доказано, что наука буржуазной эпохи строилась на рационально-механистическом мировоззрении и сделала выбор в пользу гуманистической идеи, т.е. принципа общечеловеческого разума. Национал-социалистическая революция вернула науку на почву расовой, национальной и политической действительности немецкого народа.

Очень опасно часто высказываемое мнение, будто революция должна остановиться перед воротами науки и не требовать ее радикального обновления. Но не следует переоценивать значение науки. Последнее слово никогда не было за ней, а всегда за мировоззрением. В науке, если она не будет обновлена революцией, таится опасность реакции. Если наука останется на фундаменте буржуазного мировоззрения, она соберет вокруг себя — как и церкви — силы реакции, чтобы тормозить революцию и подрывать ее мировоззрение. Опасность особенно велика, когда реакционная наука прячется за свастику.

Любой революции грозит опасность как извне, так и изнутри. Такую опасность представляют собой и стоящие на старых основах науки, как гуманитарные, так и естественные.

Мы знаем, что внешняя победа революции не означает ее внутренней победы. Работа в нужном направлении должна вестись на протяжении нескольких поколений. Чтобы достичь своей цели, революция нигде, в том числе и в науке, не должна заключать пакт с прошлым и с реакцией. Как только революция оглянется назад, она сама станет реакцией и потеряет победу. Новыми людьми нельзя управлять с помощью науки, которая держится за принципы как раз той эпохи, которая и была преодолена революцией. Мнимая объективность науки всегда только маска, за которой прячется либеральное или большевистское мировоззрение. Но это на руку реакции, когда в лагере революции заявляют, будто революция не должна предъявлять никаких требований к науке.

Смысл революции

В периоды революции происходит сильнейшая концентрация истории в захватывающем дух темпе. Настоящая революция отличается тем, что с ней в жизни народов и в истории побеждает новое начало. Революции открывают собой великие исторические эпохи.

Нет общих правил хода революций, каждая развивается по своим законам, в зависимости от исходной ситуации, каждая уникальна и неповторима.

Между национал-социалистической революцией и Французской революцией нет параллелей — одни противоположности. Французская революция означала приход к власти буржуазии, которая уже за полтора века до того сформировала свой экономический и духовный образ жизни. За третьим сословием сразу же начало заявлять свои притязания четвертое, которое пришло к власти в результате победы пролетарской революции в России в 1917г.

Ход и смысл национал-социалистической революции были совсем иными. В данном случае весь народ совершил революцию против самого себя и своего современного состояния. В этой революции участвовали люди всех классов и сословий. Проблема государства была второстепенной, высшей целью был сам народ.

Эта революция была стихийным событием, происшедшим в толще народа. Она уходит своими корнями в бедствия и переживания военного времени. Десять лет, прошедшие после войны, были слишком малым сроком для «духовной» подготовки. Этой революцией не руководила интеллигенция. И поскольку это была обще народная революция, она не могла повлечь за собой новую, подобную тому, как буржуазная революция логично повлекла за собой пролетарскую.

В национал-социалистической революции речь не идет о господстве одного слоя над другим. Приход партии к власти это только начало долгого пути, который растянется на поколения. То, что французская революция застала в готовом виде, национал-социалистической предстоит еще создать.

Немецкая революция не привела к власти какое-либо сословие или класс. Ее руководящий слой не представляет собой замкнутую касту, путь в него открыт талантливым людям из всех слоев.

Другие революции выдвигали вождей — Кромвеля, Наполеона. Национал-социалистическая революция была начата вождем и доведена им до победы. В этом ее решающее отличие от немецкой революции XVI века. Последняя в политическом плане вообще осталась без вождей. Последствия этого известны.

Глубина революции определяется ее отношением к прошлому, к традиции. Каждая революция означает разрыв с ближайшим прошлым. Так Французская революция покончила с абсолютизмом и начала процесс рационализации во всех областях. Но в области культуры этот процесс начался еще при Людовике XIV. Ни одна революция не может начаться с нуля, она строит свое здание на фундаменте традиции. Французская революция усилила во французском национальном характере черты рационализма: они четко выступили уже в XVII веке, после революции они стали доминантными.

Национал-социалистическая революция не ищет для себя образцов в прошлом. Хотя наше прошлое очень важно для нас в мировоззренческом плане, но не как образец, а как средство познания расовых черт нашего национального характера.

История учит нас одному: германская кровь оказывала решающее влияние на процесс становления всех европейских народов после падения Римской империи.

Смысл национал-социалистической революции — восстановление расового характера немцев, который в ходе немецкой истории, начиная с краха средневековой Империи в XIII веке, много раз подвергался порче в результате чужеродных влияний. Это традиционная сторона национал-социалистической революции.

Революция обязывает

После войны Германия катилась по наклонной плоскости. Этот процесс был остановлен национал-социалистической революцией, но было бы глубочайшей ошибкой верить, что после прихода партии к власти подъем произойдет сам собой. Борьба не окончена, она только

приняла иные формы. Молодое поколение подстерегают враги и опасности не столь явные, как те, с которыми имели дело старые борцы.

В 1933 г. молодежь верила, что врагов больше нет. К 1938 г. стали ясны как внешнеполитическая угроза, так и внутренняя опасность реакции.

Но опасность сидит в каждом национал-социалисте. Необходимо снова и снова преодолевать самого себя. Никто из нас не достиг цели, мы все в пути. В каждом из нас сидит частица прошлого, и мы должны победить это прошлое в самих себе.

Каждому вождю и руководимому им народу угрожают три опасности: чуждый мир в нем самом, усталость до того, как цель достигнута, и гордость прошлыми успехами, вырождающаяся в манию величия.

Поколению, которое пришло из иного мира, трудно. Нам нет покоя, мы не должны оглядываться назад, и нет заслуги в том, что мы сделали раньше. Тот, кто не готов и не способен постоянно начинать сначала, снова вступать в борьбу, не достигнет своей цели. Пенсионерское существование могут вести только политические инвалиды.

Предателями следует считать всех тех, кто использует руководящие посты в личных целях для обогащения, наслаждений и произвола.

Национал-социалистическое мировоззрение отличается от прежних идеологий своей близостью к действительности. Поэтому руководящий слой движения должен состоять из образцовых людей, в которых требования мировоззрения воплощены в действительность.

Расовое воспитание

Греки в раннем, аристократическом периоде своей истории основывали свое общественное бытие на крови, на хорошей наследственной массе. Но они также знали, что наследственные задатки не разовьются сами по себе. Поэтому их политический строй был, в первую очередь, системой расового воспитания, продолжением которого было военное обучение, которое включало в себя не только физические упражнения, но также воспитание с помощью искусства, ритмики, поэзии, хорового пения.

Те же задачи на совершенно ином уровне стоят перед нами. Нам нужно воспитать отборный слой политических и военных руководителей.

Немцы всегда были хорошими солдатами, но политическая сторона немецкого характера под ударами судьбы захирела. Отсюда и судьба Германии в Мировую войну. После нескольких побед немецкой армии Германия потерпела поражение из-за плохого политического руководства и недостаточной силы политического характера. Поэтому

задача национал-социалистической революции — воспитать руководящий слой солдат-политиков, выработать на расовой основе политическую волю и характер как становой хребет народного единства.

Немецкая армия, выступавшая в Мировую войну, имела тот же основной дефект, что и эпигоны Бисмарка, стоявшие во главе Империи: отсутствие воли к достижению политической цели. Армия была орудием без сознания цели, т.е. без политического характера. Политика была делом партий.

Наш лозунг — солдат-политик.

НАРОДНЫЙ ХАРАКТЕР И ОСОЗНАНИЕ СВОЕЙ МИССИИ

Арманен-Ферлаг. Лейпциг, 1940

Сравнительная характерология народов

Во всех развитых культурах — у китайцев, индусов, греков — возникают философские системы, имеющие определенные взаимные соответствия: материалистические, идеалистические, логистические, скептические системы, которые несут в себе нечто общее, позволяют сравнивать культуры и осуществлять идейный обмен между ними. Но из того факта, что здесь есть материалистическая, а там идеалистическая философия, ни в коем случае нельзя делать вывод о расовых характерах в том смысле, что одна раса по своему характеру предрасположена к материалистической, а другая — к идеалистической философии. Расовый характер заключается в способе философствования, а не в общих идеях и системах. Так же проявляется расовый характер и в области политики. По нему нельзя узнать, должно ли быть государство монархическим или республиканским, демократическим или еще каким-либо. Это зависит от исторической ситуации, а не от расового характера. То же относится к жанрам и стилям искусства, жизнеустройству, культурным учреждениям и т. д. В данном случае путем сравнения можно вывести общечеловеческие типичные формы и формальные законы, лишив достижения той или иной культуры их специфического народного характера. Так возникают общее государство и искусствование, общая психология, педагогика и т. п. Это путь и метод наук, построенных на идее гуманности. На этом пути мы всегда встретим «честь», «религию» или «образование» вообще, в каждом случае упуская из вида основное.

Сравнительная характерология народов и рас должна идти совершенно противоположным путем. Ее интересует не всеобщее и однородное, а характерные различия, неповторимое своеобразие и

несравнимая уникальность характеров. Если удастся в творениях одного рода, несмотря на смену форм на разных этапах истории, выявить постоянные черты характера, то их уникальность и принадлежность определенной расе можно считать доказанной лишь в том случае, если сравнения показали, что эти основные расовые черты нигде больше не встречаются. В любом случае, сравнивая две культуры, можно доказать расовое родство определенных групп, но крайне трудно выразить в понятиях и формулах противоположности. Различия между сагой о Беовульфе, Евангелием от Марка и трактатом из Талмуда бросаются в глаза, но описать противоположности с точки зрения характерологии гораздо трудней, чем вычленив формальные общечеловеческие черты.

Из сравнения противоположностей вырастает расовое самосознание народов. В средние века и в XVI веке немецкое национальное самосознание развилось в результате борьбы с Римом, немецкое расовое самосознание — в результате осознания нашей противоположности евреям. Французская литература XIX века изобилует ссылками на «расу», придавая характер смертельной вражды определяющему всю внутреннюю и внешнюю историю Франции неприятию некогда покоренным франками, а позже добившимся эмансипации круглоголовыми расами галлов (альпийцами, басками, бретонцами и т. д.) всего франкского, а в конечном итоге — всего германского (см. «Историю двух народов» Бенвиля). Противоположная, арийская точка зрения Гобино и Ваше де Лапужа не была оценена во Франции и нашла отклик только в Германии.

Характерология народов относится к тому типу наук, который связан с расовым самосознанием.

В отношении людей к миру, в форме их активного взаимодействия с ним и в их общественной жизни выражается их характер. По взаимоотношениям между разными народами можно судить об их расовых характерах, близки они друг другу или чужды, осознать собственное своеобразие и понимать, что является чужеродным. Это все познается вместе, в своей полярности и взаимной обусловленности. Я могу познать другого, всегда только следуя своему собственному закону.

Но основной расовый характер при своем проявлении проходит через две среды, от которых его нужно освободить, чтобы представить в чистом виде: через собственный закон творческой индивидуальности и через общее единство форм или стиль исторических периодов. Это и стиль архитектуры и поэзии, и стиль ведения войны, политики, экономики, вплоть до мод и обычаев.

Эти разные по стилю периоды начинаются и проходят в соответствии с законом исторических переломных движений (по Ранке). Из творческой жизненной основы отдельного народа вырывается новая, движущая сила, которая пронизывает всю жизнь самого этого народа и волнами распространяется на другие народы, деформируясь в зависимости от сопротивления, которое встречает. Иными словами, общие стили этих культурных кругов возникают в результате того, что какой-то народ сам по-новому оформляет свою жизнь, занимает руководящее положение по отношению к другим народам и навязывает им свой закон формы. Другие народы сопротивляются, приспосабливаются, примыкают. Часто скрещиваются несколько движений такого рода. Самое сильное общее движение XVI века началось в Германии в форме религиозной реформации, в то время как сама Германия еще находилась под влиянием возникшего в Италии движения гуманизма. Окружающие народы восприняли Реформацию и придали ей различные формы, в то время как в самой Германии гуманистическое движение приняло форму немецкого гуманизма, восприняв потом волну французского Ренессанса времен Франциска I. Между тем кальвинизм из Женевы распространился на Францию, Англию и оказал обратное воздействие на Германию. Образовались удивительные круговороты. Ведь кальвинизм не возник бы без реформации Лютера. С самого начала более политизированный, чем лютеранство, и связанный во Франции с сословной революцией, в которой снова поднял голову франкский элемент, тогда как склонная к абсолютизму и центризму королевская власть объединилась с другими расами расово смешанной Франции против франкской крови, кальвинизм принес в Германию нечто, благодаря чему после столетий внутренней борьбы расколота Германия вновь обрела единство под властью буржуазного национализма.

Германия, родина Реформации и свободного христианства сект, подготовила почву для нового Запада (включая Америку), но не стала руководящей политической силой, потому что религиозной революции оказалось недостаточно для обновления Империи. Раздробленность Германии стала внешним выражением надлома национального характера, сила которого проявилась в выполнении через Реформацию всемирно-исторической миссии, но оказалась недостаточной для отражения иностранной интервенции...

Благодаря постоянству основных черт немецкого характера главная историческая проблема во все века остается той же, что и в эпоху Реформации, меняется только соотношение сил. Слабыми сторонами немецкого характера воспользовались Рим и Франция.

В XVII веке под угрозой было поставлено само существование немецкого народа. Германия попала под влияние французского, а потом английского духа.

Реформация Лютера не имела политического характера, но, несмотря на свое христианско-теологическое обрамление, она была выражением немецкого характера, а самым чистым его выражением является немецкая музыка от Баха и его предшественников до Бетховена и Шуберта. Чуждые влияния, проникавшие в нее, всегда преодолевались своими. Не столь победоносно проявил себя немецкий характер в поэзии и философии. Но многое чужеродное было преодолено в немецком натурализме от Парацельса и Гете до романтической натурфилософии с ее принципом вселенской жизни, абсолютно противоположным западному принципу вселенского механизма (Декарт, Гоббс). Аристотелизм был преодолен полностью, традиционный неоплатонизм — не в полной мере.

Совершенно искажены чужеродными влияниями были взгляды на историю и правосознание, а также художественные формы в архитектуре и живописи.

Собор Св. Петра это триумф победоносного папства в момент его краха. Собор в Шпейере с его могилами императоров это символ воли к власти Первой Империи. О готических соборах этого сказать нельзя. Они выражали немецкую суть в заимствованной с Запада форме. Западные влияния чувствуются и у Вольфрама фон Эшенбаха; противовес им — «Песнь о Нибелунгах».

Немецкое в чужеродных формах: со Средних веков это закон немецкого искусства, потому что закон немецкого характера не доходить до конца в своем самоутверждении в области форм. Германия дала миру многое: Реформацию, музыку, в меньшей мере философию, но своих стилей в искусстве она не создала, а только воспринимала один за другим и преобразовывала на свой лад чужие. Конечно, в «немецком Ренессансе» обычно больше немецкого, чем романского, но дворец Неймана в Вюрцбурге невозможно воспринимать как немецкое барокко: он говорит языком чужих, заимствованных форм...

Грюневальд и Рембрандт — чисто немецкие гении, но их немецкие формы не разнеслись по миру, как Реформация Лютера. У Николая Кузанского и у Дюрера уже надлом, Гете как законодатель изобразительного искусства перенес этот надлом в XIX век. Никто не достиг в живописи таких высот, как поэт Гете в «Ифигении». Певцы немецкой природы — Мюрике, Келлер, Раабе — известны только в Германии. Немецкие художники охотно учатся в Париже. Только в музыке немцы стали мировыми законодателями.

В области культуры гораздо легче установить соотношение между индивидуальным и расовым характером. В мифе о вожде «Песнь Магомета» Гете имеет в виду самого себя: миф в его единой форме выражает творчески преобразованный расовый характер. Это типичное самовыражение. Таков Фауст. То же самое можно сказать о Грюневальде, Рембрандте, Вальтере фон дер Фогельвейде, Эйке фон Репгове, Бахе, Парацельсе, Кеплере, авторе «Песни о Нибелунгах», Лютере, Эрвине фон Штейнбахе, если отвлечься от чужеродных черт стиля, о мастерах немецкого барокко и философах-идеалистах.

Как можно уловить расовый характер? Для этого необходим метод сравнения, чтобы выявить постоянство типа при сосуществовании во времени нескольких расовых характеров и при смене исторических эпох. При этом способы разрешения конфликтов и оформления, вытекающие из характерных расовых черт, нужно осознать в их уникальности и неповторимости, отбрасывая эфемерные, неестественные подражания и неточности вследствие неправильного понимания оригиналов переводчиками.

Тот, кто видел достаточно много образцов китайской живописи, чтобы более или менее уверенно определить картину как китайскую и отличить ее от художественных произведений других народов, непосредственно, зрительно воспринимает характерные расовые черты китайцев. Но выразить воспринятое им в словах и понятиях ему будет трудно. Китайцы объясняют это сами в своих теориях. Как и во всем китайском мировоззрении, в китайской живописи выражается вечная мифическая тема взаимодействия неба и земли, верха и низа, света и тьмы в природе, человечестве и общественной жизни. Абстрактно говоря, эта мифическая тема не собственно китайская, а общечеловеческая. Но сугубо китайская черта — постоянное обращение к этой теме при всех вариациях форм в исторические периоды, свободные от чужеродных влияний, при самых разных стилях и возможностях выражения. Сугубо китайская черта — постоянное воплощение этого принципа в сотнях вариантов в архитектуре, живописи, философии, с одной стороны, и в праве, общественной жизни и политических формах, с другой. Определение характерных расовых черт в понятиях столь же трудная задача даже для опытных синологов, как для искусствоведов отделение собственно немецкого от заимствованного, чужеродного, в памятниках немецкого барокко или в космологии Лейбница и Кеплера. Как известно, каждый легко узнает еврея или китайца, но с трудом может объяснить, по каким признакам он их узнал.

Имея дело с переводами — а вся европейская синология это «перевод» не в меньшей мере, чем Библия Лютера — модно обнару-

жить у китайских классиков логически своеобразную, нигде больше не встречающуюся форму мышления, с помощью которой можно описать в понятиях проявления китайского характера в живописи, архитектуре, праве, политике и воспитании.

В начале всех китайских познаний стоит познание вселенского Дао, и любое устройство жизни на основе этого понятия имеет единственную цель, максимально приспособить жизнь во всех ее проявлениях и особенностях к Дао Вселенной, растворить ее в нем без остатка. Эта система соответствий присутствует во всех мыслях и действиях китайцев, в их общественном порядке, как стилеобразующий принцип, и подобно тому, как стиль речей Будды характерен для всего стиля индийской жизни и мышления, искусства и правил общественного устройства, так и последовательность мыслей и образование мыслей у Конфуция и других классиков характерно для Китая. Можно взять наугад любое место из Конфуция, например: «Если понятия неправильны, то слова лишаются смысла; если слова лишаются смысла, то не делаются дела; если не делаются дела, то мораль и искусства не процветают, то наказания бесполезны; если наказания бесполезны, то народ не знает, как себя вести. Поэтому пусть Благородный позаботится о том, чтобы всегда выражать свои мысли в словах и всегда воплощать свои слова в дела». Такова сущность мудрого правления и искусства жизни. Форма изложения всегда выводит систему вселенских соответствий в стилеобразующий ряд такого рода, который сначала идет вперед, а потом опять назад. Китайский идеал это покой, долговечность, равновесие, закономерность, единообразный ход всех событий и действий. Это выражается в архитектуре, живописи, поэзии и жизнеустройстве.

Индия в расовом отношении, может быть, самая смешанная страна в мире, больше, чем Франция и США. Те индо-арийцы, которые некогда наложили отпечаток на ее стиль жизни и искусство, несмотря на попытки защитить свою кровь с помощью кастовой системы, давно вымерли. Но их стилеобразующее начало продолжает воздействовать на чужеродные народы Индии даже спустя тысячелетия. Сказки дравидов, например, носят на себе следы явного влияния «Махабхараты».

Китай это культура исторических воспоминаний, традиции и обращения к прошлому.

Индийская культура — самая внеисторическая, у ней нет исторических воспоминаний, исторического сознания, поэтому она также аполитична. В Китае доведено до высшего совершенства искусство письма: каждая записка может стать амулетом, каждый иерог-

лиф — произведением искусства. В Индии же все ее огромное духовное достояние тысячелетиями передавалось в устной традиции. В Китае возникали мощные империи, Индия, будучи «погруженной в себя», переходила от одних чужеземных господ к другим. Главная особенность Индии — мощь инстинктов и буйное разрастание всех форм жизни: фантазий и спекуляций, чувственности и созерцательности, секса и аскетизма, ритуалов и литургий, философской систематики и психотехнической методики, эпоса, храмовой архитектуры и настенных изображений. Формообразующая сила борется со стремлением к пластичности форм, и потом сама вырождается в формалистику. Только эллинизм на один момент остановил эти метаморфозы. В Индии все растет, как ленточный червь, член за членом, и никто не видит необходимости где-то положить этому предел. Индия в этом отношении — противоположность греческого мира формы и симметрии: в борьбе за форму снова и снова проявляются бесформенность, беспредельность, карикатурность.

То, что в Греции считалось самым тяжелым грехом, ненасытность, в Индии стало характерным жизненным принципом: безграничность, по крайней мере, в направлении, заданным дхармой, является основой кастовой нравственности. Буддийская сказка перечисляет 16 вещей, которыми нельзя насытиться: «Царь не может насытиться властью, брахман не может насытиться паломничеством по святым местам, жаждущий спасения не может насытиться сокращением числа реинкарнаций, избавившийся от желаний не может насытиться аскезой, энергичный человек не может насытиться напряжением сил, искусный оратор не может насытиться речами и т. д.». Когда ненасытность инстинктов доходит до отвращения к миру и жизни, снова начинается движение в обратном направлении: джайнизм ставит новые рекорды аскезы, буддизм застывает в созерцательности на своих путях спасения. Там, где греческая система имеет три элемента, у индийской — три дюжины: обряды, литургия, техника йоги, философские системы, пути спасения, эпосы, своды законов образуют бесформенную литературную массу. Столь же различны архитектура, общественный строй, пластические искусства, поэзия и культы греков и индусов.

Индийское искусство — романтическое, растительное. Ни в архитектуре, ни в пластике оно не знает замкнутых, покоящихся в себе, самодостаточных предметов. Оно не пластично, а живописно и является продолжением ландшафта, буйно разрастающегося растительного и животного мира. Как человек не противостоит природе, а чувствует себя одной из ее частей, так и его творения не

противопоставляются природе, как нечто самостоятельное, а является продолжением растительной природы. Это искусство беспокойства и пестрой подвижности, далекое от монументального спокойствия Египта. Даже устремленные к монументальному спокойствию статуи Будды вибрируют от внутренней жизни и передают свои вибрации утонченным, нервным людям. Всякое спокойствие в Индии поверхностно, под ним таится самая интенсивная жизнь, которая стремится к власти над людьми, богами, миром, символ чего — танцующий Шива, подчиняющий себе мир силой экстаза. Восседающий на троне Брама, погруженный в себя Будда и танцующий Шива это сущности одной природы, одного происхождения.

Анализ индийского стиля показывает, что архитектура, поэзия, философия, системы спасения, кастовый и государственный строй заключают в себе одни и те же элементы, скомпонованные по одним и тем же твердым правилам. От методики составления речей Будды прямой путь ведет к тектонике пагод, к структуре «Махабхараты», к сложной системе каст и подкаст, к классификациям учений, наконец, к государственному строю, даже к налогообложению и распределению доходов. Этот стиль искусства и жизнеустройства раскрывает внутреннюю структуру индуса и его высшего типа, брахмана: параллельность и взаимодействие системы воспитания и внутренней структуры данного человеческого типа.

Греческий гений прославлял человека меры, внутреннего равновесия форм на грани возможного. Такой человек был образцом, а мера и законченность форм. Из полярности гераклитова Логоса, который умножает сам себя и подчинен надзору мстительной Дике, и вечно покоящегося в самом себе бытия Парменида, из системы Платона, который учил формировать человека по меркам геометрического полиса и системы Эвклида развивались в Греции люди, полисы, боги, храмы, статуи, образование, жизнеустройство, право, наука. Подражать эвклидовским методам греков столь же невозможно, как имитировать диалоги Сократа и фризы Парфенона.

Ньютоновский антагонизм сил вот уже 200 лет является общепризнанным методом механистической науки. Неудивительно, что он родился в век рационализма, но следует добавить: он мог родиться только на английской национальной почве. Он типичен для отношения англичан в соответствии с их национальным характером к Богу, к миру и жизни: он соответствует английской двухпартийной системе, учению о балансе сил, о свободной конкуренции и правилам игры в национальной экономике, в спорте, в философском, политическом и экономическом либерализме; он лежит в осно-

ве и экономической теории А. Смита, и манчестерской школы. От учения Гоббса через Ньютона и моралистов XVIII века до Смита, Мальтуса и Дарвина учение о соотношении сил остается типично английской формой проявления характера и мышления. Способ мышления всегда неотделим от характера. Разве могло возникнуть что-нибудь подобное на иной национальной почве? Например, попытка Канта в его космогонии и философии истории пересадить английский антагонизм сил на немецкую почву и заставить его плодоносить на ней осталась эпизодом без продолжения даже для самого Канта, который в своих критических трудах никогда не шел по пути, указанному Гоббсом и Ньютоном. Если механистическое мировоззрение Запада насквозь пронизано методами Ньютона, то в этом как и в популярности дарвинизма, выражается только временное господство английского империализма.

Форма и метод мышления французов неотделимы от их национального характера и образа жизни. Из этой связи нельзя вырвать ни одного французского математика: Декарт, Паскаль, Даламбер, Ари Пуанкаре — внутренние связи их методов с национальным характером столь сильны, что на другой почве эти методы были бы бесплодны. Но они вообще сродни тем аналитическим и геометрическим методам, с помощью которых французы изучают мир и жизнь. Математическая, психологическая, социологическая аналитика Монтеня, Декарта, Паскаля, Бейля, Монтескье, Даламбера, Бальзака, Тэна, Пуанкаре и т. д. сходна по своим методам. То же относится к геометрии замков, городов и садов, геометрии поэзии и драм XVII века, позже — к геометрии государства и общественной жизни во время французской революции. Романское мышление французов имеет некоторое сходство с математическим мышлением греков. Только у Лейбница типично немецкая математика и динамика связаны с немецким характером и немецким способом мышления во всем их богатстве. Но, как показывает пример Лейбница, немецкий способ мышления трудно увлечь на такие простые и унифицированные пути, как английский и французский.

Из расовой сущности возникает вера, типичное отношение к миру и человеку, определение смысла жизни, способ познания и оформления действительности — мировоззрение, которое потом находит свое отражение в религиозных учениях и философских системах, в памятниках архитектуры и произведениях искусства, в общественном строе. Как в храмах Индии, Китая и Египта, Афин, Рима, Страсбурга, Парижа, Лондона, Москвы — везде проявляется расовый характер, так же проявляется он и образах героев в героических

эпосах — китайском «Мокулине», индийских «Махабхарате» и «Рамаяне», в поэмах Гомера, в «Эдде» и «Песни о Нибелунгах» германцев, в «Калевале» финнов, в «Шах-намэ» Фирдоуси, в сказаниях о Граале и короле Артуре кельтов. Во всех этих эпосах воспеваются тип людей ведущих, создающих культуру рас, и в них как нигде хорошо видны характерные различия между людьми разных рас.

Один из важнейших всемирно-исторических процессов это изменение расовых пропорций в народах и являющиеся следствием этого исторические движения и культурные достижения. Сначала Франция, а потом Англия были экспериментальными мастерскими этих процессов.

Как показал в своих исследованиях Ваше де Лапуж, есть две разновидности больших миграций народов. Арийцы в ходе своих миграций, хотя и захватывали низшие слои других рас, но оставляли их низшими. Противоположный случай — когда тонкий высший слой руководит большими массами иных рас. Волнами народов монгольского происхождения из Азии обычно руководил тонкий арийский высший слой. Во время великого переселения народов высшим слоем стали захваченные волной гуннов готы. То же самое произошло с кельтами: низшими слоями альпийской и других рас руководили арийцы, которые создали кельтскую культуру так же, как и индийскую. В России, Польше и других славянских странах арийскими и смешанными низшими слоями руководили германцы. У кельтов руководящие слои сменяли друг друга: римляне, германцы, во Франции — франки и норманны, в Великобритании — римляне, англосаксы и романизированные норманны. Ясно одно: по всей Европе после падения Римской империи германцы, подчинив себе низшие расы, основывали государства и создавали культуру.

История Франции характеризуется постоянной напряженностью между правящим германским слоем и подчиненными низшими расами. Уже в Средние века Рим использует как орудие галльский антигерманизм. С XV века стремящаяся к абсолютизму и централизму королевская власть («абсолютное» государство — галльского происхождения) в союзе с Римом и галльским антигерманизмом создает внутри Франции фронт против франкской знати, склонной к кальвинизму, а вовне — фронт против Германии. Тезис французского историка Бенвиля, согласно которому 1648 год это вечный идеал, кульминация и могущество Франции может быть основано только на слабости и раздробленности Германии, это только внешнеполитическое проявление внутривнутриполитической эмансипации подчиненных рас (галлов, альпийцев, бретонцев, басков и т. д.). Завершением этой эмансипации была французская революция. Ваше де

Лапуж вместе с католически настроенным графом Гобино еще выражали в XIX веке протест арийцев против господства круглоголовых, новейшая же история Франции это вообще единственная в истории попытка установить политическую и духовную власть круглоголовых. О свойствах этой формы власти лучше всего сказано в книге Леона Додэ о Клемансо и в книге Вальтера Франка «Национализм и демократия во Франции III республики». При этом, правда, необходима корректировка с учетом расового взгляда Ваше де Лапужа на французскую историю. Если во Франции Дрюмон и «Action française» создали своеобразную форму антисемитизма, то его расовые перспективы совсем иные, нежели перспективы немецкого антисемитизма Гобино и Ваше. У нас расовое сознание германцев противостоит еврейскому стремлению к власти, а во Франции Дрюмон и люди из «Action française», связанные с Римом, это галлы, которые боятся, что евреи отнимут у них плоды их эмансипации от германцев, но они не смогут остановить процесс, в результате которого Франция становится все более еврейской и все более негритянской.

Вернемся еще раз к описанным выше характерным особенностям французского мышления. Ведущая фигура французского рационализма — Декарт, воспитанник иезуитов. Его предшественник — полуеврей Монтень. Весьма символично для галльского духа, что ученик иезуитов Декарт и полуеврей Монтень стали «исконными французами». Уже в XVI веке (Нострадамус!) формируется галльско-манихейско-еврейский антигерманский фронт, первая победа которого — Варфоломеевская ночь. У Монтескье, а, может быть, и у Кондорсе еще чувствуется германское влияние, но Кондорсе связался с якобинцами и погиб. Августинец Паскаль и кальвинист Бейль разрывались внутренними противоречиями. Иллюминаты и масоны высших степеней из Южной Франции готовили окончательную победу антигерманизма в ходе революции. Галлы еще раньше пролили много германской крови в Варфоломеевскую ночь и во время драгоннад Людовика XIV. Творениями того же антигерманского расового духа были якобинство (Робеспьер) и диктатура (Наполеон), католическая реставрация (де Местр, Шатобриан, Ламенне), господство Великого Востока и коммунизма (Бабеф, Сен-Симон, Прудон, Фурье).

Нет сомнения в том, что Британская империя первоначально была германским творением. И здесь действует основной политический закон: власть можно сохранить только на той основе, на которой она возникла. Уже в XVIII веке духовными вождями стали ирландцы (Свифт, Берк) и шотландцы (Робертсон, Юм, Смит). В

Англии, которую Бенвиль уже не причисляет к германским державам, расовая трансформация правящего слоя происходила не путем революции, а путем медленного проникновения в высшие слои крови низших слоев, в том числе евреев. Дошло до того, что еврей Дизраэли стал руководить Империей. И пусть будет вечным символом тот факт, что героями антигерманской победы в 1918 году и создателями Версальской системы были валлиец Ллойд Джордж, бретонец Клемансо и баск Фош.

Расовый характер и осознание своей миссии

Родовое чувство и самосознание наличествуют в каждом обществе как жизненно необходимые для него элементы. Они определяются тем, что они исключают и чему противостоят. Соответственно они имеют два измерения: вертикальное и горизонтальное. Первое включает в себя шкалу ценностей, чувство иерархии, второе — мировой кругозор. Мифы о творении относятся, как правило, только к своему кругу интересов и ценностей, своему для племени или народа, сословия или касты. Буржуазия «суверенного княжества» Рейс-Грейц-Лобенштейн по необходимости будет иметь иное сознание, нежели господствующий слой мировой Империи. Кастовое сознание брахманов было первоначально выражением сильного расового сознания; оно и сегодня строго исключает членов любой другой касты, но готово, выходя за пределы своего расового и культурного круга, смотреть как на равного на любого человека, который выполняет дхарму своей касты, не связанную с расой. Но дхарму брахмана, закон жизни касты, не может выполнять никто, связанный с дхармами другой касты. Все мировоззрение индусов, включая миф о творении и шкалу ценностей, строится на расовом сознании и кастовой дхарме.

Средневековые сословия с их сословными понятиями чести развивались на основе осознания германцами своей господствующей роли. Их шкала ценностей наложила свой отпечаток и на пришлое христианство. Строгий дуализм рыцарского и монашеского типа, характерный для позднего Средневековья, начинается только с кльонийской реформы. Их мировоззренческие основы были столь различны по той причине, что они служили разным по своему характеру Империям. Рыцарь относился к высшей знати, к князьям, как дружинник к вождю дружины. Только возвышающаяся городская буржуазия со своей этикой труда создавала иной дуализм между честью знати и честью буржуа. Но, поскольку сознание буржуа было

направлено на иные задачи и цели, нежели сознание рыцаря, оба сословия по-разному осознавали свою миссию. Как монаха и рыцаря, так и рыцаря и буржуа разделяли разные понятия о чести. Общационального сознания еще не было.

Германцы осознавали себя господами. Это чувство имело расовую основу и было связано с происхождением, с чистотой линии от предков к внукам. По этому принципу выбирались и брачные пары. Внебрачные дети могли получить всю полноту почестей лишь в том случае, если их матери тоже принадлежали к господствующему слою. Исландскому герою Кьяртану, сыну ирландской рабыни, пришлось доказать, что его мать дочь ирландского короля. Тот, кто был низшего происхождения, из своего или порабощенного народа, оставался вне господствующего слоя.

Но одного происхождения было недостаточно. Свое благородство нужно было доказать делом. Пока этот главный закон соблюдался, сословия не могли превратиться в касты.

Предпосылкой сохранения знати было обладание земельной собственностью. Хотя германцы, как и римляне, могли быть удачливыми купцами, существование господствующего слоя не могло основываться на торговле. Основой существования этого слоя была земельная собственность. Но в нашем динамичном мире невозможно быть просто собственником. Где лень, там и гниль.

Высокий уровень расового и сословного сознания выражается в осознании своей миссии, а это сила, которая движет историей. Подобно тому, как высокий уровень расового и сословного сознания не является частным делом отдельной личности, а основой жизнедеятельности господствующего слоя, так и осознание своей миссии находит свое высшее выражение в создании Империи. История становления немецкого народа, связанная с Империей, это влияющая на историю деятельность слоя избранных, постоянно обновляющегося на расовой основе, на основе нордической расы. Он придает немецкой истории смысл, направление и силы, играет в ней судьбоносную роль. Между осознанием нордической миссии и становлением народа в немецкой истории стоит Империя как великое творение нордического гения, как завершение нордической миссии. Пока в мире есть германцы, будет существовать Империя.

Когда Крал Великий воплотил идею Империи в жизнь, завершилась тысячелетняя предыстория. Со времен Ариовиста и Арминия, кимбров и тевтонов и вплоть до Карла Великого шла борьба германцев с Римской Империей, пока Карл не сделал франкское королевство ее наследником и продолжателем.

Стремление к созданию Империи было общегерманским. Все прежние германские государственные образования были лишь этапами на пути к этой цели. Но германский Рейх имел иной расовый характер, нежели Римская Империя. Со времен Оттона Великого он основывался не на порабощении, а на объединении племен. В ходе тридцатилетней войны между франками и саксами проблема заключалась в том, кто будет руководить Империей. Походы норманнов были ее продолжением. До падения Империи общеевропейская история была общегерманской.

С XIII века Франция, обычно в союзе с папским Римом, разрабатывала программу своей гегемонии и постоянно, вплоть до наших дней, вела борьбу за нее: Франциск I, Ришелье, оба Наполеона и Клемансо, требуя провести границу по Рейну, претендовали на возврат имперской власти в Париж, но никогда, даже во времена полного бессилия Империи, не могли достичь этой цели. Французский историк Бенвиль объявил состояние Европы в 1648 году не просто французским идеалом, но единственной возможностью существования Франции.

Некогда германская, а ныне целиком попавшая под власть инородцев Англия создала свою Империю на заморских территориях. Решающие шаги в этом направлении совпали с семилетней войной и наполеоновскими войнами, закончившимися с выгодой для Англии. Однако Англия никогда не прекращала вмешательства в европейские дела, потому что знала, что судьба Империи решается в Европе, а именно в Германии. Это знали и папы во времена их борьбы с императорами. И поражение Германской Империи в Первой мировой войне папа тоже воспринял как свой личный триумф, хотя одновременно потерпела поражение и распалась католическая Австрия.

Когда северные страны проводили собственную политику, как Швеция при Густаве-Адольфе и Карле XII, они опирались на почву, подготовленную Реформацией в Германии. С тех пор как Петр Великий сделал европейской страной Россию, некогда основанную варягами, история России связана с идеей Империи и без этой идеи не имеет смысла: революция 1917 года в этом отношении ничего не изменила. История Испании, с тех пор как там воцарилась династия Габсбургов, также стала неразрывно связана с судьбой Священной Римской империи германской нации. Наконец, объединение Италии в XIX веке совпало с основанием Империи Бисмарка.

Здесь мы имеем дело с внутренним побуждением, которое не зависит от рациональной воли участников исторического процесса.

Например, Швейцария, основанная алеманами, отделилась от Империи и стала независимой. Ее независимости ничто не угрожает, тем не менее, там все сильней антинемецкие настроения — то ли от страха, то ли от угрызений совести. И во всех соседних странах ситуация и умонастроения такие же, независимо от того, германского происхождения их народы или нет: их существование и судьба по-прежнему связаны с судьбой Империи. Бессильная Империя для них опасней, чем сильная. Но они стали аполитичными странами без истории, это привески и баржи великой истории, которая воплощается в судьбе Империи. Они выступают против Империи, потому что она несет с собой творческое беспокойство, угрожая их буржуазному покою, уюту и прибылям. Выступая против Империи, они выступают против истории и судьбы вообще, как будто мир создан их буржуазно-пацифистским разумом. У них отсутствует сознание того, что от Империи зависит их бытие или небытие, их свобода. Экзистенциально они живут благодаря Империи, сознательно — враждебны ей. Отсюда их страх перед жизнью, отсюда их бегство от политики и истории в так называемую культуру (как у Я. Буркхардта), от активной деятельности — в теологию «надлома» и философию «отверженности» человека, от Империи — к прибылям, бегство в нейтралитет той птицы, которая прячет голову в песок и думает, что спаслась от действительности.

Германский характер определял миссию германцев, Империю как форму их существования, вне которой — только растительное существование, бессилие и бессильная ненависть, ненависть маргиналов, оторвавшихся от своих корней, их слабость и презрение к самим себе по причине невыполнения своей миссии. На этой почве развивается ненависть к Империи и к немцам, создателям Европы. Этим определяется и политика Англии, германская кровь которой испорчена чужеродными примесями. Уже Бенвиль не причислял англичан к германским народам. Англичане и сами не знают, причислять себя к ним или нет. И получается лишь карикатура на самобытность, когда швейцарские немцы предпочитают вести свое происхождение не от алеманов, а от племен свайных построек.

Призвание к созданию Империи и к выполнению в истории миссии народа господ возникло на древнегерманской расовой основе. Большая часть германской крови исчезла, большая часть выродилась. Немцы сегодня — единственные носители сознания германской миссии, т. е. единственные германцы с призыванием к созданию Империи, т. е. к мировой политике и мировой истории, к избавлению выродившегося и прогнившего мира.

На одной и той же расовой основе все германские народы создали один и тот же человеческий идеал, одну и ту же шкалу ценностей, что и расово близкие им греки и римляне. У всех германцев было призвание к созданию Империи, к большой политике, к историческому творчеству. Как франкам удалось стать создателями великой Империи? Они были первыми германцами, которые приняли христианство в католической форме, и папская церковь передала им римское культурное наследие. Подчинив Галлию, они заложили основы Империи, прочной благодаря поддержке франков, оставшихся на Рейне и Майне. Там оставался национальный центр тяжести Империи, тогда как политический частично переместился в Галлию. В этом заключалось отличие от других германских государственных образований эпохи Великого переселения народов: основавшие их племена были завоевателями чужих земель, оторванными от родины и быстро выродившимися на чужой почве.

Всемирно-исторической миссией франков стала защита Запада от арабов. Нет сомнений: политически принятие католической религии — особенно в бенедиктинском варианте — было для франков большим преимуществом: они стали тем самым наследниками Римской Империи. Именно благодаря этому они превратили теологию Империи в идеологию Империи и подвели под Империю идеологический фундамент. При этом германцы приспособили христианские ценности к своим. Царство Христово заняло место Асгарда. Положительную роль сыграло то обстоятельство, что Новый Завет, содержащий чуждые арийцам элементы, был составлен на греческом языке и попал к германоязычным народам через латинский язык, т. е. прошел через тройной фильтр родственных языков народов со сходным менталитетом и сходной шкалой ценностей. Аризация христианства завершилась в бенедиктинском христианстве, против «обмирщения» которого была направлена клонийская реакция. Имперская теология была первой вершиной, достигнутой германским христианством без ущерба для германской расовой основы. Имперская миссия включала в себя христианство. Второй вершиной стала Реформация.

Германская кровь принимала решающее участие в основании всех европейских государств и становлении всех европейских народов, а Империя, постоянное выражение германской сути, представляла собой действительную форму европейской истории. С германской кровью в народах и государствах становились господствующими и германские ценности, и имперское сознание. «Свобода Европы придет из лесов Германии», — так учил Монтескье, стремясь пробудить у французской знати германское сознание. Тем, что европейс-

кие народы имеют общую правовую культуру, они обязаны, в первую очередь, германскому правящему слою. На этой основе легко строить и сравнительную характерологию европейских народов. Возрождение правоведения в Средние века — тоже заслуга германцев, но этой науке впоследствии нанес удар романтизм.

Мировая война обозначила собой мировую эпоху. Кажущаяся победа Запада вызвала в стране победителей застой, тогда как для других народов революционное преобразование мира стало жизненной необходимостью.

На протяжении столетий упадка Империи в Европе господствовала анархия, потому что была сломана ее центральная ось. Карикатурой на мировой порядок была родившаяся из хаоса Лига наций, которая хотела легализовать эту анархию и сделать ее постоянным состоянием Европы, поставив тем самым под угрозу руководящую позицию Европы в мире.

Германцы — аристократический народ мировой истории. Призвание германцев в мире — Империя.

Немецкий народ в 1914 году, из-за пережитых им ранее катастроф, еще не был готов к тому, чтобы взять на себя и выполнить ту мировую миссию, для которой он предназначен своим расовым характером. Отсюда его поражение и продление существования Британской империи, которая стала мировой угрозой. Англия спровоцировала войну в 1939, как и в 1914 году. Но Англия состарилась, ее Империя стала хрупкой.

Германия сражается за основной принцип международного общества: на Земле есть достаточно места для всех. Германия сражается за свободу всех народов против пожирающего их Молоха Британской империи. Германия сражается за пролетарские, порабощенные народы против мировой тирании.

ВОЛЯ К СОЗДАНИЮ ИМПЕРИИ

**Университетская типография Карла Винтера
Гейдельберг, 1940**

Речь, произнесенная в актовом зале
Нового Гейдельбергского университета
5 мая 1940 г.

В декабре 1813 г. через несколько месяцев после битвы народов при Лейпциге, Гете сказал иенскому профессору Людену: «Я часто испытывал острую боль при мысли о немецком народе, который столь жалок в целом, тогда как отдельные немцы заслуживают уважения. Сравнение немецкого народа с другими вызывает у нас тягостные чувства, от которых я старался любым способом избавиться. Я нашел убежище в искусстве и науке, которые принадлежат всему миру, так что перед ними исчезают границы национальности. Но это сомнительное утешение, оно не заменяет гордого сознания принадлежности к великому и сильному народу, который уважают и которого боятся. Так же утешает меня мысль о будущем Германии: я твердо в него верю. Немецкий народ многое обещает, и у него есть будущее. Судьба немцев еще не свершилась. Если бы у них не было иной задачи, кроме как разрушить Римскую империю и создать новый мир, они давно бы погибли. Но, поскольку они продолжают существовать и обладают такой силой и такими способностями, я верю, что у них есть великое будущее и более великое предназначение, чем насильственное разрушение Римской империи и установления своего порядка в Средние века. Но время, когда это произойдет, человеческий глаз не может увидеть и не в силах человека его приблизить».

В эти весенние месяцы 1940 года мы можем сказать: ожидания и предсказания Гете осуществились в неслыханной мере в эти дни, в которые нам посчастливилось жить. Мы принадлежим к велико-

му народу, который уважают и которого боятся, мы обрели Великогерманскую Империю. Мы стоим на вершине немецкой истории, великой эпохи мировой истории. Еще десять лет назад никто из нас даже в самых смелых мечтах не мог надеяться, что увидит такое величие и свободу Германии. Двадцать лет назад мы были одними из самых несчастных поколений в немецкой истории. Сегодня мы можем с гордостью сказать: память о наших днях не канет в Лету.

Устами Гете говорили страдания немецкого народа в те столетия, когда у него не было Империи. Когда германцы повергли Римскую империю, немцы во главе со своими могущественными императорами, ставшими героями мифов, создали свою Империю, Центральную германскую Империю. Она была политической формой, в которой германские племена достигли единства воли и власти, вершины своего мирового значения и самосознания. До XIII века Империя в центре Европы была также осью Европы, могущественной защитницей мира и порядка в Европе. Если в Средние века можно говорить о «Западе» как о замкнутом культурном круге народов, то Империя немецкой нации была его создательницей и защитницей.

Империя была великим всемирноисторическим достижением и миссией немцев. После столетий самых тяжких бедствий и самых жестоких ударов Судьбы, эта Империя сегодня снова мощно возвышается над миром, как в свои лучшие времена. В этой всемирноисторической, решающей битве, которую мы теперь ведем, эта Империя снова взяла на себя свою прежнюю миссию: быть защитницей мира и порядка в Европе. Она была вынуждена выступить против Британской империи, этого вампира народов, эксплуататора и зачинщика всех беспорядков, войн и несправедливостей в мире на протяжении последних 300 лет. Империя — вечная обязанность немцев перед самими собой, Европой, миром и человечеством. Один народ не может выполнять сразу несколько всемирноисторических задач. Подобно тому, как он имеет только один расовый тип, он имеет лишь одну единственную политическую форму и одну всемирноисторическую миссию, в которой он постоянно реализует себя. Империя — вечное предназначение немецкого народа, вместе с ней он стоит или падает.

Период с XIII по начало нашего века знаменовался упадком и серией катастроф Империи и народа. Вина немцев заключалась в том, что они не смогли сохранить некогда достигнутое единство и в состоянии раздробленности поддавались культурным и политическим соблазнам других держав. Под чуждыми влияниями они утратили свое самосознание, бессилие сломало их характер. Многие столетия даже ведущие представители немецкого народа тяжело

страдали, не сознавая своей вины. Отсюда жалобы Гете: несмотря на высокий уровень развития искусства и науки в его время, Германия в целом оставалась в жалком состоянии.

Реформация была призвана стать основой обновления Империи и народа. Лютер в Вормсе зывал к императору. Но когда чуждые от крови императоры отвергли Реформацию, единство было окончательно разрушено и Империи был вынесен смертельный приговор, приведенный в исполнение в Тридцатилетнюю войну... Эта война оставила в центре Европы пустое, бессильное пространство, на котором другие державы вели войны за гегемонию, используя сынов немецкого народа в качестве наемников. Как шакалы, они терзали труп Империи, утоляя свою алчность. Тогда были потеряны Швейцария, Эльзас, Бургундия, Бельгия и Нидерланды. Морским побережьем владели шведы, с Востока угрожали поляки и турки. Юридически от Империи остался монстр, о котором никто не мог сказать, где он начинался и где кончался, был ли он жив или умер. Численность народа сократилась в четыре раза, до 4 миллионов, немецкому языку грозила опасность превращения в группу диалектов, а культура стала пустым местом, где сталкивались восточные и западные влияния — испанские, французские, позже английские. Те, кто им поддавался, уподоблялись немецким наемникам, воевавшим за другие страны. Немцы были тогда жалким народом с надломленным характером, их самосознание с имперской высоты снизилось до узкого горизонта мелких княжеств.

История не знает другого примера, чтобы народ после такой катастрофы не погиб, а через полтора века достиг неслыханных духовных высот, а через 300 лет снова вернулся к выполнению своей всемирноисторической миссии. Неисчерпаемость стихийных жизненных сил этого народа уже указывает на его всемирную миссию, на его достоинство благородного народа.

На грани 17-го и 18-го веков общегерманская идея жила лишь в двух людях, из которых один, принц Евгений Савойский, не был немцем по происхождению, а другой, Лейбниц, носил славянское имя. Кончина Лейбница — символ этого печального времени: у могилы этого немца, который основал Академию наук в Берлине, Вене и Петербурге, кругозор которого охватывал весь мир, который выступил с пламенным протестом против захвата Страсбурга и всю свою долгую жизнь боролся за народ и Империю, которому папа предлагал кардинальскую шапку и которого парижская Академия чтит как духовного героя, стоял лишь один человек — его верный секретарь Экхарт. И это случилось именно тогда, когда

Лейбниц помог немецкому князьку-простофиле, на службе у которого он состоял, вступить на английский трон.

На нем до сих пор сидит ветвь Вельфов, которые любят называть себя Тюдорами или Стюартами. Над их троном в Вестминстерском аббатстве возвышается каменный идол, от которого они черпают вдохновение как второсортные дети Иеговы и потомки Израиля. Согласно еврейско-британской легенде о богоизбранности, на этом камне спал праотец и архиплут Иаков, этим камнем Давид поразил Голиафа: мессия во плоти, роль которого стали играть англичане после того, как Иегова призвал их к эксплуатации всего мира...

Память о 1648 годе призывает нас сегодня к принятию решений мирового значения. Французы и англичане позаботились о том, чтобы мы не утратили эту память. Мы непрерывно слышим с Запада: Империя должна быть снова уничтожена к годовщине ее гибели, а немецкий народ снова сделан раздробленным, бессильным и подчиненным чужеземному господству, как тогда. И наш ответ таков: Великогерманская Империя начинает пересмотр европейской истории за последние 300 лет. Эта Империя снова возникла в центре Европы как ось Запада, как защитница мира.

Мы отталкиваемся от воспоминаний о 1648 годе, о том, как тогда была разорвана Империя. Часть ее попала под власть стремящихся к гегемонии западных держав, часть продолжала вести паразитическое существование в виде мелких княжеств, вне истории, мучаясь от угрызений совести и зависти. Но прежде всего мы вспомним о том, что возвышение Франции и Англии и их борьба между собой за гегемонию вообще стали возможными лишь в результате уничтожения Империи в центре Европы. Они постоянно претендовали на границу по Рейну. Британцы и французы знают также хорошо, как и мы, что корни их силы и бессилия Германии восходят к 1648 году. Мы сегодня ставим другой знак перед этим знанием и делаем иные выводы: наш Рейх — роковая страна для западных империй и плутократий.

И еще одно воспоминание. В 1713 г. Утрехтским миром кончилась война за испанское наследство, которая тоже была своего рода мировой войной. Этот год стал исторической вехой. Вскоре после этого умер Людовик XIV и солнце французской гегемонии начало склоняться к закату. На английский трон взошел тупой немецкий князек и роль гегемона стала переходить к Англии. Вместе с Лейбницем надолго умерла немецкая политическая мысль. С этого года начинается слияние французской и английской идеологии в то целое, которое мы называем западной идеологией: духов-

ный империализм Запада в Европе навязал немцам чуждые идеи. В Германии возник прусско-австрийский дуализм. Гогенцоллерны стали первыми обновителями Империи, Габсбурги — ее губителями. И сегодня последний Габсбург, Отто, противопоставляет новой Империи и новой Европе программу произвольной и эгоистической анархии в союзе со всеми врагами Германии.

Мало известно, что в том же 1713 году, как ни странно, из Франции раздался призыв к восстановлению Германской Империи ради наведения в западном мире порядка, нарушенного Францией и Англией. Человек германской крови, Кагель де Сен-Пьер, отпрыск древнего норманского рода из Северной Франции, написал «Трактат о вечном мире». Немногие европейцы, которые его прочли, включая немцев, увидели в нем лишь романтическую ностальгию по средневековой Империи. Но Кагель де Сен-Пьер был трезвым, рациональным мыслителем, а не романтическим мечтателем. И сегодня мы видим в этом французском аббате норманской крови пророка обновленной Великогерманской Империи.

Кагель де Сен-Пьер отверг политическую систему, с помощью которой Англия осуществила свои гегемонистские устремления, систему европейского равновесия, как принцип замаскированного имперского эгоизма, как моральную кулису, за которой кроется анархия и отсутствие мира в Европе. В то же время ирландец Джонатан Свифт, автор «Гулливера», издевался над британской системой европейского равновесия, постройкой столь шаткой, что она рухнет каждый раз, когда на нее садится воробей английского эгоизма. Британской системе европейского равновесия Кагель де Сен-Пьер противопоставлял союз европейских народов с новой, сильной и единой Германской Империей в центре в качестве оплота мира в Европе. Он был из тех германцев, в крови которых жила тоска по Империи в то время, когда Галлия готовилась к истреблению благородных людей германской крови, а в Британии выдвигались на первый план низшие, негерманские слои, а высшие слои германской крови вымирали.

Не еврейско-британская Лига наций в Женеве, последнее порождение имперской идеологии «равновесия», а Рейх несет народам мир. Сегодня все видят, что Англия, которая не раз сулила «новый мировой порядок», так и не могла его установить, даже если всерьез хотела, потому что у нее нет для этого идеи, основополагающего принципа. В 1914 г. такой идеи не было и у Германии.

История доказала: германцы — аристократический народ мировой истории. Немцы сегодня — единственные наследники и носители германской крови в мире, их форма существования — Империя.

После столетий слабости, политической и культурной зависимости, утраты национально-расового самосознания снова возникла Империя народа благородной крови. В этой Империи воплощен древний германский правовой принцип полной взаимозависимости прав и обязанностей всех членов сообщества.

Один народ может выполнить только одну миссию, потому что он имеет лишь один тип, один постоянный характер, и для своей внутренней и внешней политики он имеет лишь один принцип существования и действия, одну всемирно-историческую задачу. Империя — обусловленная расой и национальным характером форма существования немцев, в ней раскрывается их историческая миссия. Германский правовой принцип взаимозависимости прав и обязанностей, т. е. принцип социальной справедливости, будет распространяться и на отношения между народами. И малые народы, как уже узнали на своем опыте словаки, будут иметь право на самоопределение. В сообществе народов во главе с Германским Рейхом Европа сохранит свои ведущие позиции в мире, вновь обретет мир, разрушенный тремя веками бесправия и британского имперского произвола, когда плутократический вампир народов будет разбит на Западе. Таков исторический смысл решения, принятого в 1940 году, национал-социалистической мировой революции. Но воля к созданию Империи это воля к созданию сообщества народов, в котором будут царить право и мир, воля к созданию немецкого народного сообщества как образца этого будущего сообщества народов. Наш лозунг гласит: через победу Германии — к новому мировому порядку и миру во всем мире.

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ (ИСТОРИЮ ОБЪЯСНЯЮТ ВРЕМЯ И СУДЬБА)

Арманен-Ферлаг. Лейпциг, 1940

Раса и вера

Ряд отдельных реальностей: карета с лошадьми и кучером, автомобиль с шофером, корабль с капитаном, рулевым и командой. Что происходит? Несколько рядов целесообразных механических действий, частично с подключением органической силы, управляемой человеческой волей. Над шофером и капитаном может стоять высшая воля, например, приказы владельца, которые управляют ими, как кучер лошадьми. Все это, как правило, частичные процессы, промежуточные звенья в длинной цепи исторических событий, например, торговли или войны, технические части выполнения волевых решений, причем отдельные целесообразные действия выполняются осмысленно, т. е. согласно намерениям стоящей за или над ними волевой инстанции. Все участвующие в этом процессе элементы имеют свой характер, причем технические средства получают свой характер извне, от целесообразной деятельности человека, а органические — в зависимости от своего развития. В любом случае характер вносит в процесс переменные факторы, но в четких пределах. У человека свобода действий больше, чем у лошади, у лошади больше, чем у кареты, но неограниченной она никогда не бывает: лошадь двигает карету, кучер управляет лошадью. Таковы же отношения между инстанциями человеческого общества вплоть до высшего уровня, на котором принимаются решения.

Технический «прогресс» связан с расовым характером участвующих в нем людей. Способ обработки и использования технических орудий, любое новое изобретение как одним своим фактом, так и по своему характеру является отражением расового характера.

В эпоху позитивизма Бокль со товарищами объявили технические проблемы смыслом, содержанием и двигателем истории,

хотя речь всегда идет лишь о вспомогательных средствах для сил высшего порядка, в которых в большей степени проявляется расовый характер. Когда Александр Македонский, сражаясь во главе своего войска в пешем строю, на лошади или на колеснице гомеровских героев, поверг мировую Персидскую империю, с этим его деянием закончился долгий период конфликтов между Азией и Европой и началась эпоха, значение которой не ограничивается основанием эллинистических царств и культурной победой эллинизма в Азии, Северной Африке и Европе. Это событие тысячелетиями оказывало воздействие и на другие регионы и продолжает оказывать до сих пор. Кстати, для таких деяний вовсе не обязательно стоять во главе войска: политическое решение может повлечь за собой военные действия с использованием минимальных технических средств для передачи приказа. Этим определяется судьба долгих периодов мировой истории.

При чем здесь раса? Характер Александра, римский характер, немецкий характер, высшим проявлением которого стал А. Гитлер, накладывает в таких случаях свой отпечаток не на технические изобретения, а на длительные исторические периоды и большие пространства. Так же и в результате революции народное сообщество, право, воспитание, искусство, Империя обретают новую иерархию ценностей под воздействием расового характера .

А вера? Раса не делает историю сама по себе: характер дан ей от природы, это всего лишь природное качество, но не движущая сила истории, не сознание своей судьбоносной миссии. Но раса накладывает свой отпечаток на все, с чем соприкасается, придает всему свой смысл, свою форму, устанавливает свою иерархию ценностей. Это отправная точка событий. Но, чтобы этот характер стал движущей силой истории, к нему должно добавиться нечто, что не дано от природы, но накладывает на него такой отпечаток, что не может быть впоследствии от него отделено. Отсюда неразрывная взаимосвязь характера и судьбы. Судьба — результат того, как характер реагирует на то, что происходит. Тюхэ (римск. Фортуна), воздействуя на характер, обретает при этом заданные им очертания. Внешние воздействия могут стать катализатором потенциала судьбы. Тюхэ может действовать повсюду. Но только в способных к творческой деятельности расах, которые поэтому призваны быть господствующими расами, отдельные, избранные характеры могут стать творческими преобразователями природы и традиции. Эти люди не только делают историю, они — сама история, они заключают в самих себе смысл и движущую силу истории.

Внутри таких людей происходит то же самое, что и вовне, когда они начинают управлять событиями. Раса это карета и лошадь, связанная с определенным направлением закономерность, заданная от природы до всяких действий и событий. Но то, что внедряется в основу характера и потом выражается в творческой деятельности в соответствии с ним — это кучер, сила высшего порядка, управляющая историей. Раса не содержит в себе исторических целей и движущих сил, а только готовые возможности их восприятия. Порох взрывается лишь в том случае, если в него попадает искра. «Случай» и «внезапная мысль» (нем. Zufall и Einfall) означали первоначально то же самое, что и «судьба», пока все эти понятия не были обесценены рационализмом. Тьюэ указывает дальние цели в историческом смысле, т. е. выходящие за пределы зависимости от природы. Она делает это не бессмысленно, как хотел бы считать рационализм, но и не в соответствии с планами, целями и намерениями человека. Это сила, которая управляет действиями человека с другой стороны, нежели разум, она возвышает человека, зовет его вдаль, побуждает испытать свой характер, хотя жестокими средствами, часто ведущими к гибели. Задача характера — быть достаточно сильным, чтобы выдерживать удары судьбы. Только это делает героев.

В характере каждого человека соединены в одно неразрывное целое три составляющие: общечеловеческий тип, расовый тип и неповторимая индивидуальность. Раса это естественная предпосылка того, что заданное от природы множество жизненных качеств сохранится в образовавшихся на протяжении истории народных и индивидуальных характерах. Раса, таким образом, — определяющая компонента в любом историческом процессе и в становлении каждой личности и каждого народа. В действительности в каждой личности и в каждом народе содержится множество расовых составляющих, постоянных, расовых наследственных линий и напряжения между ними являются движущими факторами как в развитии личности, так и в истории народа. Управление историей посредством руководства народом и соответствующего воспитания характера его членов, причем это воспитание, по необходимости подчиненное примату политического руководства, имеет своей задачей **сохранить доминантность** расовой составляющей, которая играла главную роль при возникновении народа, — в случае с немецким народом это **нордическая** составляющая — или восстановить эту доминантность, если она под угрозой или утрачена. Таким образом обеспечивается единство характера при множестве составляющих.

Воспитание характера отдельных членов народа в духе нордической иерархии ценностей не может в одиночку выполнить задачу формирования национального характера. Именно в данном случае ясно видно, что, как народное сообщество — нечто гораздо большее, чем простая сумма его элементов, так и формирование национального характера не сводится к сумме процессов воспитания отдельных личностей. Воспитание индивидуальных характеров целого поколения вообще возможно лишь в том случае, если политическое руководство производит во всем народе отбор руководящего слоя по доминантным расовым признакам и соответствующей шкале ценностей и одновременно, с его помощью, проводит демографическую и социальную политику, наряду с мерами расовой гигиены, в момент смены поколений, любыми целесообразными средствами, применительно ко всему народу. Политическое руководство имеет приоритет и по отношению к воспитанию: им должны руководить вожди. Сформировавшийся народный характер вступает в действие лишь тогда, когда его расовая доминанта находит свое воплощение в отборном политическом руководящем слое. Он должен постоянно, снова и снова, пополняться и омолаживаться путем отбора из доминантной расовой составляющей народа — только тогда он сможет выполнить свою историческую миссию.

Расовые задатки, полученные от природы, воплощаются в индивидуальном и национальном характере. Каждое человеческое общество живет по собственным законам. Раса накладывает отпечаток на подрастающее поколение, на техническое и художественное творчество, гигиену, право, общественный порядок, политическую форму существования. Любые события, политика и история, развиваются по собственным расовым законам, — это сказывается на политическом и общественном порядке, на воспитании, даже на стратегии и тактике вооруженных сил.

Если раса проявляется во всех исторических образованиях, то все же не она двигает событиями. Судьба получает от расы форму и способ своего действия, но порождена она не расой и вообще не царством природы, иначе человек не смог бы возвыситься над природой, стать творцом истории, управлять природными процессами. Историю творит то, что исходит с уровня, который выше механической и органической причинности, а также рациональной финальности. Эта сила — настоящий мотор истории, но она пользуется всеми естественными и рациональными способами для воплощения своего смысла в событиях и формах, управляя рациональными, целесообразными действиями, механической и органической причинностью

как кучер — лошадьми. Первая человеческая инстанция великого исторического движения это возведенный судьбой на высшую ступень зачинатель новой исторической эпохи.

Но ниспосланное Богом воспринимается через веру. Его образ нельзя ни увидеть, ни описать в понятиях, ни рассчитать, ни предсказать. Тот, кто по воле судьбы выполняет высшую миссию, а должен делать высказываний о «бытии Бога в себе», а должен своими средствами и на свой манер выполнить свой долг, управляя событиями. «Бытие судьбы в себе» непостижимо и невыразимо, о ней можно судить лишь по форме, которую она принимает в вере ее избранника. Попытка составить представление о Боге «в себе» это главное заблуждение любой теологии. Но можно и должно ради построения общества возвестить о вере действенным словом, как это сделал Лютер. «И Слово стало плотью»...

В форме веры ниспосланное Богом пронизывает человека и творит через него историю. Бог действует через избранных людей, людей веры, и это вечное творение и есть история. Вера входит в человека как временно действующая сила и исходит из него в виде творческой силы. Дарована ли вера по милости Божьей или человек обретает ее сам? Теологи тысячелетиями спорили об этом. Если вера это способ вхождения судьбы в человека и выхода из него в виде творческой деятельности, то вера это творение Бога и Судьбы. Но человек принимает в этом участие. Хотя Судьба призывает, когда хочет, и отвергает, когда хочет, вера остается в факте избрания. Попросту говоря, что-то происходит или не происходит; приносят ли эти события с собой избавление или смерть — мы ничего не можем сделать. Когда Судьба избирает негативного, неспособного — это все равно, что доверить руль истории ребенку или идиоту. Но когда вечная Судьба и всемогущее Время хотят выковать мужа, он должен быть, по меньшей мере, мужественным от природы, готовым к восприятию великой Веры.

Исторически сильны только от природы высшие расы и зрелые характеры, потому что только они обладают действительной готовностью к восприятию Веры, к героическим подвигам и творчеству, как Лютер и Гитлер. Германцы, как раса, уже доказали своей историей, что они призваны быть руководителями. Посмотрим, смогут ли когда-нибудь делать историю австралийцы или бушмены. Когда зов Судьбы становится Верой, действием и творчеством, расово определенный характер воспринимает его, облакает силу в плоть, определяет направление и создает иерархию ценностей — это и есть творчество. Поэтому любая вера расово

обусловлена, даже если она в конечном счете исходит не от расы, а от Бога. Раса накладывает на нее свой отпечаток, определяет способ превращения природных процессов в историю. Раса это средство творения Бога, которое называется историей. Такая вера сдвигает горы и преодолевает мир по милости Божьей.

Кроме природной непригодности и гордыни призванных роковым для них может быть также отказ от своей миссии по причине бессилия. Эта судьба не вполне миновала даже Лютера и Гете. Лютер, как Гуттен и вожди крестьянской войны, призывал к возрождению Империи, с которой связана судьба немецкого народа.

Когда Империя отвернулась от Лютера, революционер превратился в теолога и церковника, в буржуазного мудреца, произносящего застольные речи. Реформация и Империя не нашли общего языка, поэтому Реформация потом распространялась по разным странам стихийно, а Империя погибла столетие спустя, потому что не смогла обрести новый смысл, новую идею и миссию.

Молодой Гете, когда он сочинял «Прометей», говорящего голосом вечной Судьбы и всемогущего Времени, мечтал о революции и уехал в Италию, страну чистого искусства и культуры. «Древние слова» 1817 года показывают, что он внутренне еще остается на линии Прометей, хотя и в смягченной форме. Но разговор с Люденем в 1813 г. уже свидетельствует о надломе. Человек революционного огня начинает отдавать предпочтение эволюционной воде. Поэт Гетца и Фауста ищет и находит спасение в гуманистической поэзии, в царстве чистой красоты и в созерцании метаморфоз в природе. Гете страдал от упадка Империи. Лютер и Гете в конечном счете бросили историю на произвол судьбы и отвергли ее. В этом сказался их душевный надлом.

И это не отдельные случаи. Формой существования общественно-политического характера немцев является Империя, к ней обращены их вера и надежды. Если Империи нет или она несостоятельна, призванный к общественной деятельности характер немцев надламывается или хватается за пустоту, не имея сил схватиться за Империю. Поэтому все творческие немцы в начале XIX века, после падения Империи, построили в эфире идеалистическое «царство чистого духа», идеологический эрзац действительности, поэтому мировоззрение поэтов и мыслителей превратилось в далекую от действительности идеологию.

Вера как изначальный факт высшей человеческой жизни должна стать предметом исследований. Но полученное в результате знание само становится продуктом веры. Любая попытка вытес-

нить и подменить веру знанием — первородный грех философии греков, схоластики, новейшего рационализма, идеализма и позитивизма — убивает жизнь истории и в действительности и может, в конечном счете, вообще превратить жизнь в болото. Это подрывает корни самого знания, если понятие становится самостоятельным и подменяет собой действительность. Любой автономный рационализм это уничтожение жизни. Поэтому рационализм и постарался растворить природу в своих автономных понятиях, а историю, если не отрицает, то обесценивает и пытается остановить. С системами немецкого идеализма произошло то же самое, что и с Французской революцией, пацифизмом, марксизмом и Лигой Наций. Тот, кто говорит «да» истории, говорит «да» Судьбе и обладает живой верой, действенной силой высшей жизни, от которой зависит все знание действительности. Никакая теология этого не улавливает.

Только вера дает высшее знание о жизни, потому что она сама движет событиями. Вера дает и мудрость жизни, мудрость руководства жизнью. Тот, кто знает о судьбе, знает и о своем праве, своем здоровье, своих силах и своих пределах. Зная меру, он может упорядочить свою жизнь, свое здоровье, управлять своими силами. Только тот, кто может быть для самого себя вождем, врачом, судьей, воспитателем, способен руководить другими, лечить, судить и воспитывать других. Его вера это его спасение. Счастлив и блажен тот, кто благодаря силе своей веры знает свою меру и соблюдает ее, но действует в соответствии с ней в полном объеме. Тогда он следует зову Судьбы.

Ныне живущее поколение немцев пережило после 1914 года грандиозные исторические события. Его жизнь была трудней и богаче событиями, чем жизнь многих предыдущих поколений, и все же она была легче, потому что оно снова обрело в Великогерманском Рейхе свою меру, свою форму и смысл своей жизни...

По-разному, как жребий, распределены меры и права среди людей и народов. Этим измеряется их призвание к руководству историей.

А ко всем рационалистам и позитивистам, особенно когда речь идет о познании движущих историей сил, применимы слова Гераклита: «Неверие это причина того, почему божественное большей частью ускользает от познания».

Судьба

Наряду с мировоззренческим понятием «честь» «судьба» — решающее слово для нордического человека и его мировоззрения, о чем свидетельствуют предания северных германцев «Никто не избе-

жит своей судьбы», - это фраза встречается в них постоянно. Это мировоззрение вместе с его основными представлениями имеет расовое сходство с мировоззрением древних греков, равно как рационализм поздних греков сходен с рационализмом германцев. Вера в судьбу никогда не умирала, хотя рационализм со своим стремлением к буржуазной секулярности отрицал судьбу и пытался вытеснить ее из действительности. Это был трюк еврея Спинозы — истолковать судьбу как естественную причинность и объяснить ее рационально. Но, несмотря на то, что рационализм со своим главным идолом — «причинностью», - с помощью которой он надеялся объяснить все тайны мироздания, не справился с этой задачей, а только оставил после себя невероятную путаницу, вера в судьбу в народе стала, так сказать, нелегальной, оказалась вне философии и религии, как и германское мировоззрение вообще продолжало существовать нелегально, вне различных форм христианства, вплоть до нынешнего прорыва. За это время понятие судьбы полностью выродилось и утратило свой смысл.

Когда в XVIII веке под влиянием Лейбница произошла секуляризация и интеллектуализация христианских мифов, возникло учение о «Провидении», божественном мировом плане, представление о рациональной закономерности мира и его постепенном развитии, которое возвело человеческую целесообразность и ограниченную техническую способность к расчетам с уровня человеческой ограниченности на уровень божественной безграничности, человеческую мудрость — на уровень божественного всеведения, независимо от того, ставился ли этот антропоморфный бог как творец мира (демиург) вместе со своими планами (провидением) как особое существо за пределы мира, как у теистов, или становился имманентной движущей силой мира, как у пантеистов. Но Судьба не подчинилась и Провидению этого божественного рационализма, она осталась неопределимой, т. е. иррациональной, вне всяких планов. Точно так же, как родственное Судьбе время, а именно, историческое время, которое, когда настает час, с помощью действия воплощает в жизнь Судьбу (у греков это Керы — божества гибели), а не время, которое можно определить по часам или по звездам, и не измеримое время любых механических движений, остается неопределимым. Время и Судьба вместе задают мысли самую трудную загадку, до сих пор остающуюся неразгаданной: до сих пор не удалось перенести основные силы жизни из области ощущений в область рационального знания. Эти основные силы жизни никогда не удавалось устранить с помощью рациональных

схем и заменить ими. Примечательно, что наглядное, образное изображение этих основных сил не удалось дать также в греческих и германских мифах. Слова, выражающие эти силы, не дают ни зримого образа, ни рационального понятия. Какой миф описал в образах или рациональных понятиях Мойру, Тюхэ, Кер, Ананке или властвующую даже над богами Судьбу: Ни Гомеру, ни Платону, ни авторам германских мифов это не удалось. Разве сестры, застывшие в вечном покое на фронтоне Парфенона дают ощущение подвижной и движущей Судьбы? Римляне со своими наспех придуманными богами, тесно связанными с ритуалами, никогда не проникали в глубины жизни и не стремились их познать.

Здесь необходимо заранее сделать две оговорки и одновременно указать на различия между пониманием Судьбы на Западе и на Востоке.

1). Судьба властвует над человеком, поскольку он является творческим, свободным, делающим и переживающим историю существом. Судьба властвует в истории, а не в природе, не в закономерности механических или биологических процессов. Судьба также не написана на звездах, и демоны звезд ее не определяют. Судьбу нельзя рассчитать по созвездиям. Рассчитанная судьба это уже не судьба, а причинность и техника. Природа, поскольку в ней тоже действует творческая сила, подчинена законам и причинности. Именно потому, что над человеком властвует судьба, он — единственное дитя природы, выросшее из ее сферы и способное творить историю. Звезды указывают на уникальность новорожденного, на его место во Вселенной, в которой все взаимосвязано, на пересечение микрокосма с макрокосмом (Парацельс). Но в судьбе индивидуальность, неповторимое тело и характер — факты, которые действуют вместе с ней и которые именно ради этой индивидуальности не могут быть рационально рассчитаны. Ни по каким звездам нельзя рассчитать исторический процесс. Судьба складывается из характера и событий в той мере, в какой вообще можно приблизиться к ее пониманию путем анализа и описания. Но для формирования характера, чтобы достичь победы, нужна еще вера в свое призвание. Астрологическое суеверие близко по сути к рационально-причинным суевериям. В обоих случаях предпосылкой является вера в то, что мир это комплекс, меняющееся сочетание постоянных меняющихся условий, которые можно рассчитать по формуле. Но за позитивистскими формулами не стоит ничего, кроме рационалистической мании величия, а за астрологическими расчетами — пришедшее в Европу из Азии вслед за манихейством или гностицизмом мифическое представление, будто в момент рождения сочетание планет определяет, какая

душа входит в тело, каков будет его характер и какова судьба. Это идея Фатума как одержимости человека демонами звезд, между которыми существует космическая связь, поэтому исходящие от них послания можно рассчитать по звездам, - это та же причинность! Гностическая христология толкует драму спасения именно как изгнание этих демонов звезд и спасение человека от них. Но судьба человека зависит не только от духов звезд, но и от его воли, одаренности, способностей, призвания, милости живого Бога, которые невозможно рассчитать. Так учил Лютер в соответствии со своей верой и своим германским мировоззрением. Это тоже акт освобождения, хотя и не рационалистический.

2). Судьба это не рок и не фатум. Рок, слепой и безвольный, это лишь одна из возможных форм Судьбы, зависящая от того, чья это судьба. Восточный фатализм, большей частью связанный с верой в демонов звезд, это не арийская вера в судьбу. Волны азиатских народов и потоки азиатских идей никогда не оставляли за собой в Европе ничего, кроме грязи и развалин. Архитектурные и философские знания, переданные нами арабами, были заимствованы от греков. Германская вера в судьбу не имеет ничего общего с азиатским фатализмом с его «бичами божьими» и астрологическими суевериями.

Если судьба складывается из событий и характера, на который они влияют, в этом уже заключается требование самосовершенствования, а не простого подчинения со сложенными на животе ручками судьбе или стечению обстоятельств. (Пример самой абсурдной философии истории, результат позитивистского оболванивания. «История Англии» Тревельяна, в которой говорится, что Кромвель оказал бы большее влияние на историю Европы, появившись он пару десятилетий раньше или позже. Историю якобы делает благоприятное стечение обстоятельств). Но за характером стоит кровь, раса. Когда внешние события наталкиваются на расовый характер, способный оказать им сопротивление, то в борьбе рождаются герои, одерживающие победу, даже если они трагически гибнут. Победа призванного Судьбой делает историю. Эта победа разрывает цепи неизбежного, рокового, открывает новые пути и устанавливает новые законы. В победе героя Судьба становится силой истории. Фатализм и демонизм Востока не знают истории в этом смысле, а знают только катастрофы и роковые события, падение царств, вырывающиеся из степей подобно потопам, мировым пожарам и другим явлениям природы волны народов и «бичей божьих», символами которых могут служить кометы. Фатум разрушает, Судьба творит историю с помощью героических характеров.

В последние десятилетия мировая мысль либо целиком попала под власть причинного детерминизма, либо — в соответствии с дуализмом природы и духа — отвела человеку в царстве причинного детерминизма ограниченное пространство, нишу, где благодаря свободе могут происходить беспричинные события. (Это учение недавно благодаря Гейзенбергу проникло даже в физику и взорвало механический догматизм, оставив от него груды развалин). В царстве причинности «детерминизм» включает также судьбу и необходимость, а в царстве свободы — цель, познание и нравственное действие. Вне философского мышления понятие «судьбы» становится беспредметным и в конечном счете вырождается вследствие совершенно произвольного и бессмысленного употребления.

Могут столкнуться два совершенно осмысленных ряда событий и произойдет событие, которое не входило ни в чьи намерения и не имеет никакого смысла. Это, например, смерть от несчастного случая. Здесь есть причинность, но нет ни необходимости, ни судьбы...

«Необходимость» наступает лишь в том случае, если в ней есть нужда. Судьба начинается именно там, где нужда превращается в необходимость. Любая смерть, естественная, от несчастного случая или по чьей-либо злой воле, может не стать для умершего судьбой, так как умерший больше ни в чем не нуждается. Смерть создает необходимость и судьбу там, где она вызывает нужду: в кругу близких умершего, людей, связанных с ним, жизнь которых резко меняется.

Смерть Генриха VI Гогенштауфена стала исторической судьбой для Империи и народа: она повлекла за собой ряд событий, который через два поколения привели к падению Империи. Падение Бисмарка повлекло за собой ряд событий, который привели к ноябрю 1918 года. Таким образом, случаи и отдельные события это еще не судьба. Она начинается с характеров, на которые влияют эти события, с их реакции: победят они или погибнут. Валленштейна погубила его вера в астрологию, а его гибель стала судьбой для его армии, для Империи, для немецкого народа. Бедствия каждой большой войны становятся для народа его судьбой, испытанием его характера. Речь идет о том, быть ему или не быть.

Судьба задает вопрос: Что будет с детьми, которых смерть отца свергла в нужду? Ответить на этот вопрос могут только характеры этих детей: ни причинность, ни расчеты, ни предписания, ни так называемая свобода выбора здесь никакой роли не играют. Судьба это ответ на вызов, действие или бездействие перед лицом опасности. В судьбе есть только решение — победа или поражение? — но ника-

кой свободы выбора и никакого произвола. В необходимости решения заключена неизбежность: никто не избежит своей судьбы.

Случай перестает быть слепым и бессмысленным каждый раз, когда принимается заключенный в нем вызов, когда он становится стимулом героического или спасительного действия. Линия судьбы идет вверх, когда случаю противостоит вера, человек долга. Керы, неповторимые часы свершений, это тайна времени, творящего историю. Ее творят вместе судьбоносные люди и часы. Избранные знают свой час и толкуют знаки времени. Но ремесло авгуров и астрологов, расчеты судьбы здесь бессильны: судьба неподвластна рациональности и технике. Событие, влекущее за собой важные последствия, может казаться незначительным: судьбоносное значение ему придают Керы, часы решения, в которые оно происходит, и вера, на которую воздействует. Вся техника авгуров и астрологов, равно как и теургия это организация неверия.

Король Вильгельм Прусский — вероятно, вместе со своим государством — был на грани краха, когда он, вопреки своим симпатиям, призвал Бисмарка. Это было вызвано необходимостью. За этим последовал ряд событий, победы при Дюппеле, Кениггреце и Седане, и Пруссия стала Империей...

Все это находится вне мира буржуазного рационализма, секуляризма и морализма и опирается на столпы политико-исторического мира, указанные Макиавелли — *virtu, necessita, fortuna*. Никакой авгур или астролог этого не рассчитает, только ясновидящие увидят, призванные услышат, избранные поймут. Высшая сила, Бог будет проявляться через них. Тогда и они, и общество, с которым они связаны, будут иметь общую судьбу.

Так что нельзя считать «случай» бессмысленным: это знак призвания. Избранный приобретает благодаря ему «способность», не в смысле технического умения, а способность выполнять повеления судьбы в определенный час, как учили Лютер и Парацельс, а также Макиавелли. Призванный шагает через время как победитель, преодолевая нужду, пользуясь случаем, творя историю. Нужно ждать, пока мимо пройдет божество, и, подпрыгнув, схватиться за полу его плаща, как говорил Бисмарк. И тогда пробьет час героя.

Исторические мифы

В настоящих мифах не встретишь противоположные для нас понятия «природа-история», если только не исказить их и не толковать неправильно, если теория, объясняющая мифы, связывает их

смысл с историческим становлением, то для нее не будет различий между теорией и действительностью или практикой. Мифы более непосредственно соотносятся с жизнью общества, в котором они возникают. В форме повествования, рассказа о событиях или истории они дают ответы на вопросы этого общества о своем происхождении, своем будущем и предназначении. Они служат зеркалом жизни, общество видит в нем себя, познает себя и ищет путь к своему предназначению, т.е. к себе самому. В мифе каждая раса, каждый народ, каждое общество в зависимости от своего предназначения и своей воли отвечает на вопросы «Почему?» и «Для чего?» или «Откуда?» и «Куда?» Форма мифа непременно теснейшим образом связана с языком: каждому обществу присущ свой, особенный антропоморфизм.

Неверно как рационалистическое, так и романтически-натурфилософское толкование мифов, которые ищут в мифах замаскированное естествознание, отвлеченную теорию, т.е. ответ на теоретический вопрос о причинной связи природных процессов. «Природных мифов» никогда не было, их выдумала романтическая натурфилософия на основе своего совершенно неверного толкования мифов. Поздние мифы могут содержать в себе космогонию, но она лишь помогает человеку, который ищет в них ответа на свои вопросы, понять свое место в мире и в своей эпохе. Гесиод называет время, в которое он жил, «железным веком», но это определение относится к человеческой истории, а не к истории природы. Жизнь человека трудна, и он воспринимает ее как кару судьбы за какую-то свою вину. В противоположность этому он рисует картины потерянного рая и мечтает снова обрести его в виде царства милосердия или разума. Любая космогония это зеркальный образ самого человека в мифической истории его происхождения. Рассказ о становлении мира включает первого человека в миф лишь в той степени, в какой это касается его надежд, желаний, ожиданий, стремлений: он служит ориентиром на будущее.

Миф никогда не отвечает на теоретические вопросы, почему регулярно восходит солнце, почему размножаются растения, животные и люди, почему совершается годичный круговорот. Все это воспринимается как заданная реальность. Миф всегда отвечает на вопросы, которые волнуют человека, ближе его касаются, на вопросы, рожденные нуждой, страхом, заботой. Даже когда человек спрашивает о звездах и годичном круговороте, о своем происхождении, он все равно интересуется своей судьбой, судьбой своего рода и сообщества. Каждый вопрос и каждый мифический ответ обращен в будущее в тем большей степени, чем больше угроза, никогда речь не идет о чистом «бытии». Миф говорит о судьбе, а поэт облакает его в словесную форму.

Теоретические вопросы это позднее, рациональное ответвление от мифа, причем в них уже принципиально различаются теория и практика, природа и история, прошлое и будущее, реальное и желаемое. Теория не добавляется к жизненно важным вопросам как нечто принципиально новое: она уже содержалась в мифах как в нераздельном целом. Мифы отвечали потребностям в мировоззрении, вопросы «Почему?» и «Зачем?» были в них и теоретическими, и практическими; мифы объясняли и указывали смысл, утешали и обнадеживали. Теория, в конечном счете, тоже уходит своими корнями в ненадежность, в опасности и трудности жизни, а не в ее спокойствие. Адам не от райской скуки и любопытства вкусил плод с древа познания, а, ощутив потребность «стать как боги», стремление к высшей жизни. Это было поставлено ему в вину. Ветхозаветный миф о рае тоже возник у народа, который вел жизнь в нужде и трудах, думал о своей вине и искал лучшую, идеальную жизнь в прошлом и будущем. Миф возникает из предвидения и позволяет предвидеть; он неотделим от переживания и осознания человеком своей судьбы. У растений и животных нет чувства судьбы, нет мифов и истории. Миф это путь от нужды к необходимому действию, к избавлению от нужды.

В этом смысле настоящий миф никогда не бывает теоретическим объяснением природы, как думают рационализм и натурфилософия, а всегда объясняет судьбу, т. е. историю. Иными словами, миф никогда не имеет теоретического смысла, а всегда только политический, указывающий на будущее жизни общества. Миф об Аиде не объясняет, почему люди должны умирать, он лишь констатирует, что смерть это судьба, грозящая любой жизни, а Дионис утешает надеждой на новую жизнь, на победу над смертью. Историко-политические мифы рассказывают о мировых пожарах и потопах, страшных зимах и сумерках богов и обещают новое возрождение мира. Учение о великих циклах и мировых эпохах — очень древнее. Миф уже по своей форме является историей, пример чего — Геродот, рассказы Плутарха о «Тезее», «Ликурге», «Ромуле» и «Нуме». Он порождается волей к жизни, к творчеству. Миф о Тезее преподносился и поздним поколениям как образец афинского чувства свободы. Переход к логосу, к «ratio», к спокойному «бытию» делает философов, начиная с Гераклита и Парменида отрицателями мифов и судьбы и тем самым — врагами поэтов: логос противостоит вере.

Первоначальной формой существования мифа является поэзия. Философия и наука — ее рациональные ответвления, ее более поздние потомки. История ближе к мифу, чем системы рационального познания.

Первоначально миф в форме поэзии вместе с соответствующими культами и искусствами не был литературным произведением, он был рассчитан на память и на передачу в устной традиции. История, даже в виде примитивных хроник, предполагает наличие письменности, литературную обработку, т.е. уже содержит в себе элементы рационализма. Поскольку в мифе мы имеем подлинно исторические воспоминания, живость поэтической устной традиции превращает твердую материальность деяний и событий в текучую идеальность мифических образов и традиций, постоянно наполняемых новым смыслом. То же самое происходит с живым языком. Поэтому миф больше касается современного и будущего, чем прошлого, больше судьбы и политики, чем реальной самодостаточной природы.

У всех циклов сказаний греков, римлян и германцев — гомеровского цикла, цикла мифов о Геракле и Тезее, Ромуле и Нуме, Нибелунгах и Дитрихе — на лбу написано их политико-историческое значение. Ядром этих сказаний служит историческое событие, война за освобождение и последующее основание государства. Нет ни одного мифа, который можно было бы отделить от его историко-политического фона: боги живут и действуют всегда только при посредстве героев, племен, государств и народов, они никогда не живут для себя. Это силы судьбы, которые ниспосылают людям здоровье или болезнь, благословение или проклятие, помощь или гибель, справедливость или несправедливость. «Природа» богов именно такова, отсюда и смысл мифа: это тот же смысл, который правит в истории как судьба, но которому остается неизвестной природа как таковая, та природа, которую изучает натурфилософия и естественные науки. А каков смысл, например, солнцеворота? Связанные с ним праздники и культы имеют целью воздействие на природу и людей.

Таким образом, если миф нельзя отделить от истории, потому что он неотделим от судьбы, потому что он придает словесную форму силам судьбы, это не просто поэтическое изложение истории, которое передается в устной традиции и искажается произвольными добавлениями. История для него — средство, но его смысл это высшая, присущая ему истина: он больше объясняет жизнь и историю, чем описывает их. Из исторической действительности, из воспоминаний и традиции миф возвышает образы и деяния героев на уровень сверх-действительности, где они встречаются с самими божественными силами судьбы. Поэтому в мифах герои общаются с Одним, Зевсом, Марсом, Афиной, Афродитой, Дике, Тюхе, эринниями, эмнеидами, Атой. Историческая традиция превращается в мифах и сказаниях в сверх-действительность и указывает людям путь вперед, к

их предназначению. В политическом смысле историческая традиция обретает свою полноту в мифе, мотивом которого является вера.

В своей поздней философии Откровения и мифологии Шеллинг высказывает мысль, которая сначала кажется парадоксальной: Миф формирует народ. Ей созвучна другая мысль: Язык формирует народ. Обе они имеют глубокий смысл, если исходить из правильных посылок. Положение о мифе должно звучать так: миф это светоч, который создает для себя раса, призванная образовывать народ, чтобы он освещал ей путь в историческое будущее. Возникающий народ создает для себя миф, чтобы указать цель и подготовить путь.

Литературный миф Евангелий значительно отличается от первоначальных мифов, но принцип здесь тот же. Евангельский миф, с самого начала литературно обработанный, возник на почве эллинизма, указывая отягощенному грехами человечеству путь к спасению. По своему политическому смыслу он ведет не к образованию народа в государстве, а к вселенской Церкви. Богочеловек пришел в мир, чтобы преодолеть его грехи и открыть душам путь к спасению. Его жизнь это борьба со злокозненными демонами, которые поработают людей, а его победа заканчивается жертвенной смертью на кресте. Сам по себе неполитический миф о спасении сразу же становится политическим, так как он противопоставляет Царство Божие одержимому бесами земному царству, Римской Империи. Образцом этого Царства Божия становится Церковь. Сам по себе неполитический миф о спасении сразу же становится политическим, так как Богочеловек локализуется в Палестине во времена первых императоров, к нему привязывается еврейская мессианская идея, и Ветхий Завет преподносится как историческая предпосылка его явления. Местом возникновения этого литературного мифа должен был стать эллинистический плавильный котел — Александрия.

Лютер еще точно знал, что Евангелия это не исторический рассказ, а свехистория, Священная история, стоящая выше всех историй. В священном предании процесс всегда современен, всегда повторяется и снова действует. С самого начала отягощенный призываниями на историческую реальность, мифический процесс превращается позже в историю Церкви, но, поскольку он исторически локализован и связан с окончанием еврейской истории Ветхого Завета, он не может стать абсолютной предысторией, как сами мифы Ветхого Завета, как римские мифы у Тита Ливия и германские у Снорри Стурлусона. Так возникает странная мифическая промежуточная история между христианской Церковью и древним еврейством, т.е. предыстория и конец истории одновременно. Поэтому

рано, уже у отцов Церкви мы встречаем ту «философию истории» или теологию истории, которая сделала еврейство низшей ступенью христианства, а язычество — предварительным этапом еврейства.

Теологический либерализм хотел всерьез историзировать евангельский миф, который ускользал из пальцев. Исходя из ложной предпосылки, будто Евангелия это испорченный чужими вставками рассказ о реальных событиях, откуда нужно вырезать описания всяких чудес, занимались этим до тех пор, пока якобы подлинный исторический остаток не стал величиной, приближающейся к нулю, причем даже этот остаток не удавалось локализовать историческими методами. Такая историзация убивает смысл мифа — надежду на спасение. Попытка превратить веру в знание в данном случае и с помощью таких средств потерпела неудачу.

Вера, которая находит выражение и обретает форму в мифе, это не половинчатое и несовершенное знание, а сила, заставляющая захваченного ею человека двигаться вперед, к определенной цели, сила в самом подлинном и изначальном смысле этого слова, сила, которая, хотя и не сдвигает горы в море, однако делает историю, приводит в движение целые народы и эпохи, низвергает одни государства и создает другие. В этом германцы и греки нашли общий язык с Евангелием, ибо евангельский миф это творение эллинистической, а не еврейской веры, хотя он и локализуется на еврейской почве. Может быть, александрийские греки и евреи вместе отомстили таким образом проглатывающей народы Римской империи. Когда вера «возвышается» до знания, чем занимались — разными средствами — схоластика, рационализм и историзирующий либерализм, она тем самым обесценивается и умерщвляется. Это делает любая теология своими доказательствами бытия Божия и любая метафизика. Любая рационализация веры и любая историзация мифа поворачивает временную ось из будущего в прошлое, она делает из силы веры, толкающей вперед, к определенной цели, знание, обращенное назад, к предполагаемым началам, которое при ближайшем рассмотрении оказывается невежеством. Таковы все истории творения и происхождения, претендующие на роль познанной истории. Теология, метафизика и историзм убивают веру, надламывают силу, творящую историю, ослабляют политическую волю и творческую деятельность. Все это плохие эрзацы веры и мифа.

Уродливым гибридом веры и знания являются все философии истории, все теории эволюции XIX века, восходящие к теологизированному мифу. Теории эволюции природы, именуемые также «естественной историей», которые странным образом видят в биологичес-

ких видах не сосуществующие, а последовательно возникшие формы, насильственно запикивают их в свое генеалогическое древо, объявляют человека самым совершенным организмом и мерилем всех прочих организмов. Так гипотетическое совершенство становится конструктивным принципом эволюционных теорий. В основе их лежит безумная идея, будто последнее по времени по одной этой причине непременно должно быть лучшим и высшим и наоборот.

Но принцип совершенства превращается в данном случае в бессмыслицу, так как совершенно любое существо, выполняющее свое предназначение, и его нельзя оценивать, используя в качестве мерила другие существа. Ложные критерии — общий признак всех теорий поэтапного развития истории, государства, общества, экономики, права: для их творцов они сами, все их современники и все, что их окружает, — максимум достижимого или по меньшей мере достигнутого до сих пор в мире совершенства. Пафос богоподобия позитивистов 1900 года значительно превосходит при этом прогрессивное высокомерие людей эпохи Просвещения — чем более плоскими становятся идеи, тем выше их возносят.

Если сравнить друг с другом ряд трехступенчатых теорий развития, то схема во всех трех случаях окажется одна и та же, различается лишь место, которое конструкторы отводят в них самим себе и своему времени. Христиане эпохи Климента Александрийского чувствовали себя благодаря своему христианству на вершине того, чего только может достичь человечество, хотя и ожидали Страшного суда и наступления Тысячелетнего царства: евреев и язычников они видели где-то далеко внизу. То же самое можно сказать и о христианах 1000 года. Но приход в мир христианского Откровения и античная культура были так далеки от них по времени, что их угнетало сознание собственного эпигонства: они как бы скользили с вершины вниз и не надеялись больше подняться. Среди них царили апокалиптические настроения конца мира и гибели богов.

Однако около 1200 г. отрицательный знак сменил на положительный южно-итальянский аббат Иоахим Флорский, который быстро нашел много революционных последователей. Для него далеко позади были не только рай, грехопадение и язычество — христианство со своим Евангелием было для него тоже пройденным этапом. Он ожидал наступления Третьего царства и появления нового, Вечного Евангелия, провозвестником которого он себя чувствовал. Такое же настроение какое-то время было и у революционных учеников Св. Франциска, и у многих радикальных религиозных революционеров XVI века в Германии. Так же относился раздраемый проти-

воречиями Паскаль к культуре и знанию. Он объявил считавшихся недостижимыми образцами «древних» детьми по сравнению со своими современниками, которые сделали так много новых открытий и изобретений. Лессинг следовал по стопам Паскаля и Иаохима, только он рационализировал религию вообще и, гордый прогрессом, смотрел на прошлое как на «темные века»: теперь же человечество приближается к совершенству.

Незадолго до того Руссо, как флюгер, обращал свой нос то оптимистически в будущее, то пессимистически в прошлое: рай, максимум достижимого для человека, брезжил для него впереди, в конце истории, и одновременно — в ее начале, поэтому ему грозила судьба Буриданова осла. Наоборот, подлинные деятели прогресса нашли в себе и вокруг себя зеленую лужайку Просвещения и были убеждены, что она прокормит тощих коров фараона. Новый аспект делу Лессинга придал Кант: если верно, что все поколения до нас существовали лишь затем, чтобы мы могли на их плечах наслаждаться высшим счастьем совершенства, то мы обязаны приносить такие же жертвы ради наших потомков, подготовить почву для их полного счастья.

Все универсалисты и гуманисты смотрели на человечество как на одно целое, включающее в себя все, что имеет человеческий облик, с общим назначением. Поэтому этапы воспитания гуманности должны быть для всех обязательными и одинаковыми. Правда, есть еще многие, кому еще не посчастливилось наслаждаться плодами Просвещения. Что ж, они обделены природой, они отстали, это второгодники божественной школы: пусть более медленно, пусть окольным путем, но, в конечном счете, и они, выдержав экзамен на гуманистическую зрелость, попадут в рай, в царство совершенства, если те, кто достиг большего прогресса, им помогут. Рационалистическая Европа со своим политическим и культурным империализмом приняла на себя мировую миссию именно там, где застряло христианство. Хилизм в обоих случаях один и тот же.

Проблемы мифа, рационализированного до уровня философии истории, при этом перескакивались, но не решались. Если расы и народы имеют меньшее значение по сравнению с единым человечеством, если неравенство это только рецидив несовершенства, то одну эпоху нужно разделить на несколько эпох.

Когда парижанин 1770 года обнимался с гуроном, как с братом, не понимая, что раса и судьба сделали парижанина парижанином, а гурона гуроном, однако, не признавая его своим современником, человеком того же уровня, либо потому, что чувствовал себя на несколько ступеней выше благодаря своему просвещению, либо

потому, что, начитавшись Руссо, завидовал ему как более благородному и счастливому человеку, он в любом случае помещал гурона на более раннюю, якобы общечеловеческую ступень развития. Народы, сосуществовавшие во времени, таким образом разводились по разным этапам развития, что разрушало столь понятную одновременность их настоящего и превращало проблему времени вообще в неразрешенную загадку. То же самое произошло сто лет спустя, когда сосуществование человека и обезьяны, льва и кенгуру, рыб и насекомых захотели расположить во временной последовательности и назвали это генеалогическим древом. На настоящем генеалогическом древе предки современных видов, жившие 1000 лет назад, никак не могут быть современными, а у Геккеля они попадают в современность, причем сама эта современность и одновременность ставится под сомнение или с помощью невероятных гипотез переносится в отдаленное прошлое как этап, предшествующий современности. Это просто фокус! Таким же образом возникли теории постепенного развития современного общества, экономики и т.д. Все эти теории со временем безнадежно запутываются и их нельзя спасти даже с помощью излюбленного метода аналогий. Практически проблема превосходства человека над животными и человека над человеком всегда решается путем империализма: превосходящий доказывает и оправдывает свое превосходство тем, что навязывает свое господство тем, кого он превосходит. Такова практика всех теорий эволюции последних веков.

Если теперь натуралисты исходят из того, что все люди когда-то были обезьянами, то было бы столь же последовательно предположить, что все обезьяны должны когда-нибудь стать людьми. Почему же этого не происходит? Почему обезьяны остались на своем уровне и не вымерли, тогда как человек благодаря отбору и лучшему приспособлению поднялся выше?

Если не считать шпенглеризма, которое по аналогии с временами года, пытается обнаружить весенние, осенние типы и т. д., чтобы осчастливить их один за другим таинственной «одновременностью», причем потом образуются явные круговороты, принципом оформления этих теорий всегда является аналогия между этапами развития человечества и возрастными периодами отдельных людей, которые искусственно или произвольно ограничиваются детством, юношеством и зрелостью. При этом можно провести аналогию между развитием человечества и этапами развития отдельной личности и представить процесс воспитания отдельной личности как сокращенное повторение процесса поэтапного развития человечества.

Принцип этой философии истории тот же, что и в биологических спекуляциях романтической натурфилософии (Окен, Меккель), одну разновидность которой (теорию Меккеля) материалист Геккель присвоил под именем «основного биогенетического закона» и объявил величайшим открытием, смутив тем самым плоские умы своих современников. Но это привело также к окончательному банкротству всех исторических, естественнонаучных и социобиологических спекуляций, к концу секуляризованных мифов, ибо человек начинает понимать, что его предки не должны быть рыбами по той причине, что его зародыш на определенной стадии развития имеет жабры, что парижанин не был когда-то гуроном, а оба они — гейдельбергскими людьми, и гурон не станет парижанином, а у немцев матриархат и гаремы не были формами, предшествующими современной семье. С помощью аналогий нельзя доказать ничего, кроме незнания фактов. Расовая теория призвана покончить с этой путаницей, ибо в соответствии с расовым принципом любой человек и в истории может стать лишь тем, для чего он предназначен и к чему предрасположен. Негр не может стать германцем, а германец — негром, и по своей культуре тоже.

Сильней всего движущая сила веры проявляется в хилизме, когда миф сочетается с ожиданием страшного суда и тысячелетнего царства. Но тут обнаруживается также, что эта сильная, движущая историей вера заставляет мыслить как раз неисторически, ибо ожидаемое Царство Божие претендует на абсолютность и окончательность, завершает историю, указывая ее конечную цель. Отсюда берут свое начало все неисторические теории исторического развития, как христианские, так и рационализованные, секуляризованные теории буржуазной эпохи. Идеалистические философии истории с их нацеленным на царство гуманности и разума в конце учениями Лессинга, Канта, Фихте и Гегеля являются, как признавал сам Кант, выражением хилизма, как признавал Лессинг, продолжением и рационализацией учений Климента Александрийского и Иоахима Флорского, только рационально-педагогическая идея способности к совершенствованию заменила идею спасения, идея гуманности — Царство Божие, а непрерывность развития — катастрофу Страшного суда.

Когда в XIX веке после краха идеализма из почвы позитивизма полезли как грибы после дождя теории эволюции природы, общества, экономики, истории вплоть до Лампрехта, Шпенглера и Брейзига, то это были лишь эпигонские отзвуки. Сила веры была заменена в них гипотетическим знанием, научной догматикой. Возникли многоступенчатые сооружения, кирпичами для которых служили

эмпирические факты, накопленные этнографией, естествознанием и историей. В рационально сконструированных метафизических системах понятия разложены по полочкам, как лекарства в аптечных шкафах. Это заметно уже в диалектической философии истории Гегеля, где превращенная еще Лессингом, Кантом, Гердером и Фихте в идею гуманности сила веры полностью трансформирована в мнимое знание. Если у Джан-баттисты Вико, а позже у Шеллинга ясно видна взаимосвязь теории исторических этапов с языческим мифом, с учением Гесиоида о четырех веках, то у Лессинга — секуляризация и рационализация хилиастических теорий учителей Церкви.

Вводя как можно больше эмпирического материала в свою структуру, позитивистские эволюционные теории пытались замаскировать свою чуждость действительности и свое происхождение от метафизики, свою природную слепоту, как в «естественной истории творения» Канта и Геккеля и свою враждебность истории, как в системах якобы исторических и социологических эволюционных идеологий. При этом повсюду мы находим рациональную и логичную систему понятий, части которой сосуществуют и образуют иерархию якобы во временной последовательности. Так же расположенные друг над другом геологические пласты соотносятся с последовательными периодами. Т. н. «естественная история» работает, таким образом, теми же методами, что и псевдоистория философии истории во всех вариантах своих эволюционных теорий. Термин «философия истории» заключает в себе такое же внутреннее противоречие, как и «естественная история»: природа и история такие же противоположные понятия, как философия и история. Историей правят время и судьба, а не разум, как хотели бы и как думают идеалисты.

Можно доказать, что метафизика Лейбница, система монад, это секуляризованная с помощью принципа непрерывности, идеи способности к совершенствованию и оптимизма схоластическая система. Данте поэтически описал мировую систему Фомы Аквинского, так что отдельные ее части, например, рай, Тинторетто смог даже нарисовать. Лейбниц с помощью своего оптимизма убрал очистительный огонь и ад, а с помощью принципа совершенствования и непрерывности распространил рай на всю Вселенную и стер таким образом грань между нашим и потусторонним миром. Мир стал рассматриваться как система, которая поднимается по ступеням от минимального к божественному совершенству. Если вывести этот мир из состояния покоя, привести в движение, объяснить его иерархию последовательными этапами развития и заменить Бога идеей гуманности, мы получим космогонию Гердера, причем развитие Вселенной и при-

роды продолжается человеком на метафизических этапах якобы исторического развития, что потом Гегель в своей философии истории довел до конца истории, упаковав неподвижную систему понятий в поэтапный прогресс. На новом, материалистическом уровне марксизм и позитивизм продолжали заниматься этим метафизическим ремеслом во всех мыслимых вариантах, прилагая теорию поэтапного развития к природе, социологии, экономике, истории.

Неисторический хилиазм этих рационализированных и секуляризованных мифов о человеческом совершенствовании проявляется в идеологии Французской революции в такой же мере, как в развивавшемся параллельно и близком к ней по сути немецком идеализме. Конструктивная идея в обоих случаях одна и та же: как только человечество достигнет своего совершенного состояния, чему предшествует идеализм или революция, историческое движение прекратится, поскольку его цель будет достигнута: история завершится, она упразднит и сделает излишней саму себя. В любой эволюционной теории, включая марксистские и позитивистские, заключена исторически обузданная эсхатология.

Яркий пример хилиазма, творящего народ и историю — еврейский мессианизм. Евреи, рассеянные среди других народов, могли бы вести такой же растительный образ жизни, как цыгане. Но они сознательно остались народом с историко-политической опорой в виде постоянно хранимой веры в собственное еврейское мировое господство. Они обязаны этим только своей вере в Мессию, несмотря на всю ее банальность в каббалистически-талмудической форме. Хотя следует решительно отвергнуть утверждение, будто христианство это форма еврейского мессианизма, несмотря на то, что «Христос» это только греческий перевод слова «Мессия», еврейский мессианизм в той форме, которую ему придал в середине XVII века еврей-сефард Манассия Бен Израиль из Амстердама, несомненно, повлиял на веру британцев и на идеологию британского мирового господства: Манассия создал ее для Кромвеля. В XIX веке Дизраэли закончил дело Манассии и Кромвеля, надев на себя индийскую имперскую корону. Он соединил еврейский и британский мессианизм и, обосновав еврейско-британскую расовую теорию, сделал еврейскую расу для британцев воплощением их собственных устремлений.

Французское Просвещение XVIII века, у истоков которого стоял португальский еврей Мартинес Паскуалес, пошло соответствующим путем: мессианская идея Каббалы внушалась низшим расам во Франции: во имя этой идеи галлы во время революции восстали против германцев, к чему призывал аббат Сьейес в своей программ-

ной брошюре о третьем сословии. Законченную форму французского мессианизма дал Сен-Мартен.

Хилиазм отрицательного типа лежит также в основе всех философий истории, которые, будучи рожденными пессимистическим настроением, трактуют ход мировой истории как скатывание к концу. Как правило, по достижении дна пропасти, возрождается ожидание Царства Божия. Таким образом, хотя эта линия первоначально идет в противоположном направлении, нежели линия непрерывного прогресса оптимистического Просвещения, в принципе они близки. Культурный пессимизм Руссо, согласно которому все хорошо, что исходит из рук Творца, но все портится в руках человека, берет за точку отсчета движения истории под уклон грехопадение и изгнание из рая, но лишь до тех пор, пока не появилось евангелие Руссо «Назад к природе» - после этого начинается подъем, который в конечном счете позволит снова обрести рай. Фихте в своих «Основных чертах нынешней эпохи» развивает эту схему исторической линии с изломом: современность представляет собой середину истории как самая нижняя точка грехопадения, к которой в прошлом вел путь вниз из рая совершенства в начале дней, а позже благодаря разуму снова начнется подъем к заслуженному царству человеческого совершенства. Почти одновременно Шиллер в своей «Орлеанской деве» дает эту историко-идеологическую, хилиастическую схему на примере жизненного пути своей героини от момента ее призвания до ее явления. Все это секуляризация еврейско-христианского мифа о рае и грехопадении, страшном суде и тысячелетнем царстве, с примесью идей то Августина, то Пелагия.

Соответствующие взгляды на жизнь с верой и хилиастическими надеждами лежат в основе арийских, особенно греческих — представленных уже у Полибия — и германских мифических представлений о великих мировых эпохах, периодической гибели и возрождении мира, которые в эллинизме и христианстве образуют смеси с восточными мифами и хилиазмом. В «Муспилли» соединяются христианский и германский хилиазм. В «Естественной истории небес» Канта это учение о мировых периодах с использованием в качестве метода антагонизма сил Ньютона превращается якобы в науку, но это лишь материалистический вариант веры в зоны. Материализация и стремление к приданию научной формы породили позже ужасное учение о вечном возвращении того же самого: поскольку постоянно появляются одни и те же сочетания причин и условий, как явствует из мировой формулы Лапласа, начинаются одни и те же мировые процессы, вплоть до отдельных событий. Кант стал про-

межуточным звеном между греками и позитивистским учением Ницше о вечном возвращении. Здесь снова проявляется неисторичность конструкции, мифический характер линии: из необратимых временных процессов возникают замкнутые круговороты. Собственно, историческая линия, которую вообще никогда нельзя сконструировать и проследить на протяжении одного периода с собственной, определенной роком задачей, проходит, хотя она может варьировать также по кривым, всегда от одной эпохи, одного начала через кульминацию к одному концу, причем этот конец никогда не является хилиастической целью, как в идеологии процесса.

Все философии истории, все теории поэтапного развития представляют собой секуляризованные мифы. Они занимают неудобное промежуточное положение между верой и знанием, двигаются по мере рационализации от веры к знанию, но, делая веру надломленной и слабой, они остаются недостаточными, гипотетически сконструированным, надуманным знанием, т.е. это — ни рыба, ни мясо.

Метафизика истории

Вера это сила, коротая движет человеком, сила долга и целеустремленности. Когда вера осознает самое себя и принимает форму идеи, возникает миф, жизненный ориентир общества и его членов. Вера это движущая сила истории, миф — ее ориентир.

Под историей следует понимать живой ход событий на пути из настоящего в будущее. В мифе долг, ожидания и надежды, хилиазм принимают форму идеи, осознанной цели. Но нет будущего без прошлого и нет воплощения в действительность без самой действительности. Дерево, которое должно расти, должно одновременно уходить своими корнями глубоко в землю. Поэтому цель, которую намечает миф, связана с образами прошлого: и то, и другое поднимается над историей, начало и конец истории видятся как зеркальные отражения друг друга, но не воспринимаются при этом как круговорот. Но надисторический ориентир означает то же самое, что и греческое слово «идея» в его первоначальном значении (давно известно, что идеи Платона это секуляризованные боги Олимпа).

Происхождение определяет идеал: воспоминания о великом прошлом, традиция отражают также врожденный расовый характер, который при любых сменах эпох и изменениях внешних форм остается одним и тем же. Он связывает начало и конец истории в одну постоянную идею и дает прошлому и будущему жизнь в настоящем. Все это вместе заполняет «высшее сознание» общества и при более поздней

дифференцированной разработке с учетом опыта распадается на полярные образы природы и истории, которые вместе составляют мировоззрение и представление о человеке. Но в области «высшего сознания», т.е. мифа или мировоззрения, нет желания, которое не основывалось бы на вере. Сила веры и долга это главное содержание «идеи».

Ниже высшего сознания с его дальновзоркостью и напряжениями находится область повседневного сознания, эмпирического, направленного на ближайшие, достижимые цели, т.е. технического знания, желания и умения. Оно относится к повседневной жизни общества с его потребностями и задачами, такими как пропитание, одежда, хозяйство, работа, порядок, продолжение рода и т.д. В этой области сознания цель определяется знанием, разумом, точно так же как в высшем сознании она определяется основанной на вере идеей, обращенной в далекое будущее. Между этими двумя областями нет разрыва, они заходят одна в другую, дополняют одна другую, взаимно обуславливают друг друга. Дальние исторические цели достигаются только путем постепенного воплощения идеи в действительность повседневной жизни, иначе эта идея растворится в далекой от действительности мечтательной идеологии. В низшей области происходит постепенное воплощение идеи, а из высшей при этом осуществляется руководство, ориентированное на дальнюю историческую цель, благодаря чему тысячи технических, рациональных направленных на конкретные цели дел повседневной жизни общества согласуются и координируются. Если такого руководства нет, общество распадается под воздействием центробежных, эгоистических устремлений его элементов.

В вере действует и раскрывается судьбоносная сила — Бог — только в вере и ни в чем больше. Вера это движущая историей сила, которая заставляет идти вперед, к высшей цели, исходящей от Бога, а при взгляде в прошлое указывает на происхождение от Бога. Вера пронизывает, если она подлинная и сильная, всю жизнь общества, приводит его в движение, заставляет идти вперед, возвышает его жизнь и деятельность до уровня истории. Все настоящие мифы обусловлены верой и поэтому историчны, они никогда не бывают рациональными и природными. Природой и разумом управляет судьбоносная сила, направляющая их к определенной цели. Поэтому все мифы о происхождении и творении содержат в себе больше веры в будущее, чем знания о прошлом. С точки зрения знания все мифы не «истинны»: их смысл, их правда это движущая сила веры.

Когда рациональное знание проникает в высшую область и становится в ней сувереном, возникает то уродливое образование,

которое носит название «метафизики». Она возникает каждый раз, когда происходит секуляризация веры, когда вера превращается в рациональное знание, «возвышается» до уровня системы. Но не зря Лютер называл разум «шлюхой», а не королевой («разум» в немецком языке — женского рода. Прим. пер.). переход веры во власть разума, процесс, который начался с превращением христианской веры и мифа в догму, т.е. в рационализированные формы учения и знания, нашел свое продолжение в схоластике, принципом которой со времен Ансельма Кентерберийского было «возвышение» веры до уровня знания, что в конечном счете привело к победе рационализма буржуазной эпохи. Все это называется «метафизикой», но убивает движущую мифом веру, делает Бога доказуемым и доказанным идолом, которого знают, но в которого больше не верят, и заменяет судьбоносную силу истории статичным, рациональным знанием, логически сплетенной системой понятий. Самый худший эрзац религии метафизического типа это «*Apor intellectualis Dei*» Спинозы.

Мы не будем здесь разбирать, как метафизика возникла из рационализма греков и следовать за ней по схоластическим лабиринтам. Ясно одно: схоластика надломил движущую силу христианской веры, оставив после себя рационализированную систему догм и совершенно политизированную церковную систему: папство. Когда католическая церковь сегодня так гордится тем, что у нее есть метафизика, она лишь сама свидетельствует о том, что живая вера, которая некогда способствовала победоносному шествию раннего христианства по миру, в ней ослабла, угасла и превратилась в статичное знание сомнительного характера. Когда Лютер вернулся от разума к вере, он этим положил начало великой исторической эпохе и снова привел в движение застывший мир. Когда Лютер обратился к мифическому раннему христианству, он возродил хилиазм, создал картину будущего нового мира, новый миф о происхождении и будущем. Но после него сразу начал чинить препятствия своей догматикой Меланхтон: движением вместо веры Лютера завладели схоластика и метафизика, они отклонили его, задержали в церковности, превратили живую веру в псевдознание. Это дело завершила метафизика буржуазной эпохи, которая провозглашала суверенитет разума в XVII веке. Брала ли она свое начало от Меланхтона, или, как у Декарта, от иезуитов или от Кальвина — всегда она уходит своими корнями к Аристотелю, который превратил миф в рациональную систему, веру в знание, силу в теории, т.е. в созерцание без движения. Так родился аполитичный буржуазный человек.

Как греческое, так и родственное ему германское мировоззрение первоначально было мифическим, как и представление об истории. Христианизация германцев сначала в принципе ничего не изменила: миф о Спасителе это настоящий исторический, имперский миф, и если еще пронизанные германским духом летописи монахов раннего средневековья не достигали свободной высоты героического описания истории, как у Снорри Стурлусона, ими все равно двигала вера, связанная с историей и идеей Империи. Германцы-христиане воссоздали Империю. Только клюнийская «реформа» и засилье инородцев надломили веру: вместе с политикой пап они открыли путь лишенной веры и внеисторической метафизике и схоластике, подготовили победу политического рационализма Церкви. Метафизика всегда внеисторична, потому что она лишена веры, потому что в ней веру вытесняет статичное знание, рациональная система, а силу заменяет разум. Это доказывает как метафизика буржуазной эпохи XVII века, так и схоластика XII века. Правда, в одном случае сохранилась историческая власть Церкви, в другом — историческая власть европейских империй, но обе они были завершением и концом, а не эпохой и началом. Церковь убила движущую силу христианства в своей рациональной и политической системе, а Британская мировая империя убила движущую силу Реформации. Ньютон стал схоластиком буржуазно-империалистической эпохи, как Фома Аквинский — систематиком Церкви. И Кант шел по пути Ньютона, как Декарт — по пути иезуитской схоластики. Мечта Канта о «Ньютоне истории» предполагала включение истории во Вселенский механизм, после того как это уже было проделано с природой.

Если метафизика буржуазной эпохи продолжала схоластически доказывать бытие Божие, т.е. вытеснять живую веру рациональными гипотезами, заменять живого Бога якобы доказанным с помощью понятий идолом, то в своих эпигонских формах она превратилась в настоящую схоластику. Взять хотя бы т.н. метафизику природы: она объявляет мир машиной — в соответствии со своими рационально-техническими потребностями, а Бога — машинистом. Решающий удар нанес Ньютон. Такова «вера» буржуазной эпохи, о которой говорил еще Лютер: «Тьфу на тебя, шлюха-разум!» Упразднение Бога, они убили природу. «Человек-машина» — великий лозунг буржуазно-технической эпохи: природа становится машиной, техническим аппаратом. Мировой механике соответствует другая сторона буржуазного мировоззрения, объясняющая общественную жизнь: индивидуалистически-механистическое «естественное право».

XVII и XVIII века бесцеремонно обращались со своим «богом». Метафизикой они называли жупел, фетиш, который используется каждый раз, когда он нужен для того, чтобы заткнуть им пробел в знании и системе: они знали о нем все, делали из него все, что угодно, и горе ему, если он не выполнял их желаний. Скоро и его объявили низложенным и возвели на его место «природу» или «разум» или баланс и того и другого: природа делает то-то и то-то, природа не делает скачков, природа движется вперед то медленно, то быстро, то она экономна, то расточительна, то умна, то глупа, то бессильна, то зряча, то слепа, то добра, то жестока: природа в любом случае должна подчиняться всем целям, потребностям и мнениям человека, она, как бог, не что иное, как фетишеподобное отражение человеческих потребностей и мнений. Сотни определений природы, на которые была так щедра буржуазная эпоха, пытались привести к общему знаменателю: она проявляет черты то Ньютона, то Руссо, то Канта, то Гегеля, то еще чьи-то — как бог. Наконец у «натурфилософов» вроде Дриша от бога, природы и разума осталось лишь стыдливое «это» и «ничто», которое хочет, планирует, оформляет — или не делает — то, чего хочет философ. Вся эта метафизика умирает, в конечном счете, вместе со своим богом и своей природой от своей смехотворности. Остается лишь машина, делающая саму себя.

Буржуазная метафизика это мировоззренческая гипотеза, а не вера и знание: технически ориентированное человечество объявляет машиной мир, природу и само себя. Этим кончается позитивизм XIX века в конце буржуазной эпохи. Эта метафизика чужда природе и враждебна истории, исторически слепа. Одного Канта, которому зачем-то понадобился «Ньютон истории», достаточно, чтобы доказать враждебность истории, характерную для этой эпохи. К этому примыкают и все философии истории, эволюционные гипотезы: это эрзац настоящей веры и настоящего знания одновременно. Империи, власть, политику, историю, волю, судьбу, войну они хотели бы упразднить как зло вслед за верой и богом, они объявляют все это несуществующим, по меньшей мере, не достойным человека во имя своей рациональности, бесстрастной, моралистической, якобы совершенной, в действительности же нежизнеспособной и потому отрицающей гуманности.

Гете прорвался через метафизику к живой природе, Ранке — к подлинной истории, но им не суждено было одержать победу в те времена.

СЧАСТЬЕ И СИЛА

КНИГА ГЕРМАНСКОЙ ЖИТЕЙСКОЙ МУДРОСТИ

Арманен-Ферлаг. Лейпциг, 1943

Предисловие

Кто вообще может публично исповедываться? Для меня в этом всегда заключалось некое противоречие. Хотя я с самого начала моей писательской карьеры откровенно говорил о том, во что я верю или не верю, я всегда очень этого боялся, потому что не мог убедительно обосновать перед самим собой вопрос о моем праве на публичную исповедь. Поэтому все признания я по возможности облакал в форму философских и научных познаний, не для того, чтобы надеть на них маску, а для того, чтобы доказать и обосновать или, как минимум, изложить в ясных понятиях то, что в конечном счете вряд ли может быть доказано и обосновано, поскольку это область одной лишь веры. Возможно, я немного застрял в XIX веке, и это обстоятельство мне мстит. Тот, кто не может просто умолчать о том, с чего он начинал, не избежит ложных толкований. Я последовательно или даже одновременно принадлежал ко всем «религиозным» и политическим направлениям, к каким сегодня вообще может принадлежать человек, от политического католицизма и пиетизма до радикального антихристианства, от коммунизма до реакции, от тевтономании до космополитического универсализма, и тем не менее, сегодня есть мало людей моего возраста, чей жизненный путь был бы более открытым, прямолинейным и однозначным, чем мой. Мы прошли через столько исторических кризисов, как ни одно поколение до нас. Всем приходилось менять кожу, даже тем, чей характер и чья вера при этом не были сломлены.

Я всегда говорил только о своей вере, не прибегая ни к каким официальным формулировкам. Я и сегодня отвергаю такие слова как «христианство» или «антихристианство» не из страха и не из тактических соображений, которые, как и терпение, не принадлежат

к числу моих врожденных или благоприобретенных добродетелей, а потому что в признаниях в приверженности к понятиям, разложенным по ящичкам, я вижу либо бессмыслицу, либо выражение неверия. История не позволяет составить представление о христианстве самом по себе, так как она знает лишь множество противоположных и враждебных друг другу христианств. Если кто-нибудь скажет мне, во что он верит, я смогу ему сказать, в чем моя вера совпадает с его верой, а в чем противоположна ей. Я никогда не боялся явной вражды, как и однозначного согласия. Я не могу и не хочу говорить о своем кредо с помощью одних слов и многозначных терминов, я не пользуюсь словами при богослужении. Никто не сможет оспаривать мое однозначное отношение к философскому идеализму или идеализму, но в их лице я имею перед собой нечто, поддающееся точному определению, а в лице «христианства» — нет. Если история где-то оставляет нам двузначные или многозначные проблемы, я за это не отвечаю. Я не знаю, можно ли вообще говорить о каком-либо предмете, исходя из определенной веры, более однозначно, чем в данной книге.

Но я еще не ответил на поставленный в начале вопрос. Каждый имеет право исповедываться, но может ли он делать это, говоря от имени невидимого общества или движения, может ли он говорить, ссылаясь на общие нужды, исходя из сознания высшей задачи и долга, из понимания истины? Это должны решать другие. В результате человек движется по кругу, из которого трудно выбраться. Меня, во всяком случае, заставляет говорить задача, стоящая перед немецким народом, и я также лично предрасположен к этому благодаря той позиции, которую я занимал в моих прежних работах по отношению к друзьям и противникам.

Но, при всей однозначности высказываний, они не должны принимать форму вероисповедания. Догматические формулировки кажутся сегодня смешными скорее, чем дерзкими не только мне, человеку, не чувствующему в себе призвания быть отцом церкви. Вытесненная у нас философией с ее абсолютистскими претензиями форма житейской мудрости — наши предки, правда, обычно облакали ее в форму поговорок, а я в «афоризмах» не силен — с концом этой философии снова обретает свои права. Хотя она сродни проповеди веры, она вообще впервые позволяет увидеть на просвет мир веры и воли. То, что я отваживаюсь говорить о «германской» житейской мудрости, когда речь идет о вере, связано с моими глубочайшими убеждениями. Я уже заранее слышу нестройные крики возмущения. Пускай! Я к ним уже давно при-

вык, равно как и к систематическому замалчиванию со стороны органов «общественного мнения» и столь же боязливой, как и тупой науки. Почин сделан — и это главное.

Гейдельберг, апрель 1941.

Вступление. Призвание германцев

Сейчас не время основывать новые религии или создавать новые метафизические построения. Религии и метафизические учения надо скорее демонтировать, чтобы высвободить вечную веру в живого Бога, временной заменой которой они были, и дать новый простор ее развитию. Она позволит осознать назначение человека и смысл человеческой жизни... Тогда будут отрезаны пути к какой бы то ни было теологии.

«Смысл жизни» можно найти лишь там, где индивидуальная жизнь стремится подняться над собой, к высшему... Но в этом случае следует различать две ориентации, два жизненных назначения. От нас, немцев, сейчас требуется выходящее далеко за рамки теоретического различия решение со строгим выбором: или-или. Подготовить, направить и по возможности прояснить это конечное мировоззренческое решение — цель данной книги.

Наше решение должно быть принято и будет принято в направлении, указанном в книге «Человек в истории». Здесь будет дано более глубокое и четкое описание тех основных сил индивидуальной жизни, которые выводят ее за рамки природного бытия и творят историю. Эти силы — вера, судьба, счастье, призвание, волнение, прощение, творчество, внутренний долг или необходимость. Они обращены назад, к Богу, как конечной причине, и вперед, к истории. Эти силы — а скорее, одна единственная сила — придают смысл жизни, указывают ее цель, из них возникают те события, которые объединяются в понятие «истории»...

История имеет два склона: по одному из них события приходят к нам из прошлого как традиции всех видов, как воплощенная реальность, как данность, как основа современности, по другому события восходят от нас в будущее; они определяются в наше время силой веры, судьбы, творчества, счастья, долга, необходимости, призвания и прощения, у каждого человека по-своему. Поэтому второй склон истории — общая задача, заданная реальность, подлежащая осуществлению жизнь народа...

...Определение смысла жизни, отличное от героико-политического, основано на древнем, глубоко укоренившемся заблуждении чело-

века относительно самого себя, на устремлении в ложном, невозможном направлении, против чего предостерегал Ницше своим лозунгом: «Оставайтесь верны земле!» В сотнях вариаций постоянно проявлялось стремление оторваться от земли, от тела, от материи, убежать от реальной жизни, заменить ее идеологией и перепрыгнуть через нее, вместо того, чтобы преобразовать ее, веря в лучшее будущее, в борьбе, в труде, в самоутверждении, победе и преодолении. Называть ли это ложное направление вечно привязанного к земле и реальности человека обожествлением или самообожествлением, одухотворением, образом рая, а путь в этом направлении магией, теургией, заклинаниями или мистическим погружением, спекулятивным идеализмом, аскезой, переселением душ, рациональным прогрессом или как-либо еще, во всех случаях он уводит ввысь от реальности. Создав образ сверхчеловека, Ницше нарушил собственную заповедь: «Оставайтесь верны земле» и вступил на путь к трансцендентному, к нигилизму. Тут и воля к власти не помогла.

Свыше, от Бога, нисходят Откровение, счастье, милость, сила, призвание, судьба. Ввысь зовет вера, но не для того, чтобы увлечь верующего в надмирные пространства, куда человек не может и не должен подниматься, потому что закон и реальность его жизни дали ему меру, смысл, цель и пределы, которые он не может преступать. Только полученная свыше сила поможет преобразовать жизнь и создать новую реальность, преодолев то, что в существующей реальности мешает достижению цели.

Добро должно победить Зло в борьбе и труде, в героической победе и трагическом поражении. Таков героический смысл жизни, история — его путь и воплощение. Он противостоит всем видам бегства от мира, соблазнительной идеологии, ложным обещаниям и любому принуждению со стороны Бога, духов или Дьявола. Воля к политической власти и историческим преобразованиям возвышает волю до сверхчеловеческого уровня.

Наше решение гласит: Над нами Бог, перед нами историческая задача. Оставайтесь верны земле и героически преодолевайте трудности.

От жизненных реалий нельзя уйти и не надо уходить. Это не поможет, если вы будете проклинать жизнь, тело, природу, историю или саму материю и заклейте ее как Зло. Ваши проклятия помогут столь же мало, как и ваши обеты, как и самомнение вашего обожания, вашей покорности Богу, вашего сверхчеловечества, вашей аскезы, вашего погружения в себя и бегства от мира. Вы не можете нарушить закон вашей жизни и отменить ее смысл, вы можете его только извратить. Сверхчеловек это бегство от непобежденной реальности, а

не ее преодоление. Сидя в Сильс-Марии, можно было сочинять прекрасные дионисические стихи, но не строить государство, Империю.

Все великие люди и преобразователи истории верили в Судьбу. Они жили в реальном мире, но, благодаря вере в свою миссию, изменяли реальность. Если человек не знал меры, начинал мнить себя сверхчеловеком, человекобогом или богочеловеком, Норны обращали его в ничто...

Наше решение гласит: Над нами Бог, перед нами историческая реальность, реальная задача. Мы отвергаем формулу: Бог внутри нас, нам предстоит обожествление. Начало этого пути — Ничто, а его конец — Хаос.

Посмотрите, что стало с идеологами, теургами, мистиками, аскетами и магами всех времен и народов. Это обманутые обманщики! Факиры всех видов никогда еще не делали историю и не строили империи. Всех этих магов, жрецов и монахов можно отправить в их нирвану — это их царство.

Приняв это решение, мы, немцы, возвращаемся к своему расовому типу, к германской вере, к своей крови и своему смыслу жизни. Мы отвергаем все инородное, инорасовое, что есть в нашей крови и наших идеях, то, что мы тащили с собой полтора тысячелетия, что загрязнило нашу кровь, исказило нашу веру, направило нас к ложным целям, испортило наш расовый характер, вызвало раскол и шатания.

Счастье и сила, вера и воля возвышают нас над чисто органическим, растительным, животным, природным, наполняют жизнь человека высоким смыслом, делают его способным творить историю. В результате переноса силы в чисто природную сферу возникает «причинность», фактор, определяющий наши представления о природе. Причинность это обращенная в прошлое цель, неосознанный смысл. А в результате переноса силы в потусторонний мир возникает все чуждое природе: религия, магический мир. Природа и история — призвание германцев, это реалии жизни. Потусторонний мир + магия = религия — азиатское изделие, враждебный жизни иллюзионизм и нигилизм.

Высшее сознание. Миф и идеология

Сознание направляет человеческую жизнь к конкретным целям. Это техническое средство, в основе которого — жизненная сила, преображенная в волю. Это сознание ограничено как и все исходящие от него возможности практического или технического

оформления внутренней жизни, тела, общественных порядков и среды. Все это осуществляется как ряд и сумма отдельных целесообразных действий. Выше располагается слой, именуемый высшим сознанием, который толкует жизнь для управления ее реалиями и целесообразными действиями. Содержание высшего сознания выражается в мифе, в рационализированной форме именуемой идеологией. Миф творят поэты, идеологию — философы. У греков борьба философов против поэтов означала рационализацию высшего сознания с вытеснением сил Судьбы, с преобразованием сил веры, воплощенных в очеловеченных образах богов, в якобы рациональное знание, в мнимое познание лежащей за явлениями «истинной» реальности, т.е. в метафизику. Соответствующий процесс рационализации и секуляризации христианского мифа происходил начиная со схоластики позднего Средневековья и закончился в буржуазную эпоху, когда суверенный разум был объявлен богом.

Высшее сознание необходимо человеку для ориентации жизни на далекую цель через повседневные целесообразные действия... Высшее сознание, особенно в мифе, формируется верой; в качестве идеи и идеологии оно рационализируется, причем вера превращается в метафизическое псевдознание. Этот процесс называется секуляризацией, под чем подразумевается привнесение потустороннего мира в этот мир, в природу или в разум.

Этой рационализации противостоит признание и осознание власти Судьбы, силы веры, счастья и творчества как движущих сил жизни, общества и истории. И для нас высшее сознание должно выполнять ту же задачу, что и в мифе: направлять жизнь и действия к дальним целям. Мы больше не снижаем миф до уровня разума и природы, но и не возвращаемся к его прежним формам — антропоморфизму богов, символической истории. Мы видим власть Судьбы и силу веры в подлинной истории...

Пойдет ли высшее сознание правильным жизненным путем или ложным идеологическим, зависит от значения и применения идеи. Ложный путь объявляет идею мотором и целью жизни, на правильном пути она действует только как регулятор жизни. Ложный путь — это когда идея уводит из действительности в нереальный мир, правильный — когда она руководит борьбой за политико-историческое преобразование общества.

Заслуга Канта в том, что он отказал идее в ее притязаниях на роль подлинной реальности, двигателя жизни, т.е. сделал невозможной метафизику, сохранил за идеей лишь роль простого регулятора действий и мыслей. Если бы он на этом остановился, он помог бы

нам решать и наши нынешние задачи. Вместо этого он провозгласил свой «категорический императив» единственной подлинной реальностью нравственной жизни, т.е. снова вернул в практическую философию выброшенную из области теоретической философии метафизику вместе с доказательствами бытия божия и т.п. Поэтому назначение человека, по Канту, Шиллеру, Фихте и им подобным — возвыситься до уровня чисто разумного существа, очиститься от всего земного и материального, от природы и тела, перескочить через все реалии и возможности жизни. Поэтому идеалисты, гуманисты и моралисты это секуляризованные гностики, рационализованные христиане и каббалисты. Они хотят превратить самих себя, людей, в чистых духов, в идеи, в призраки. Их царство — небеса, астральный мир...

Идея так или иначе наполняет высшее сознание. Ее опасность заключается в том, что она увлекает людей из реальности к себе, туда, где нет никакого пути, никакой реальности и никакой возможности жить. «Вверху» оказывается утонченный мир с притязаниями на реальность, эфирный, астральный, чистый, нематериальный, духовный, рациональный, гуманный, божественный мир... а не просто отражение единственной настоящей реальности. Избавимся ли мы от материи, т.е. от страданий, грехов, болезней, несчастий, убежав от них в астральный мир? Кант пытался доказать, что да, в своем астральном учении о переселении душ в «Естественной истории и теории неба» еще в 1755 г. Это делали Лессинг и все идеалисты, равно как аскеты, гностики, каббалисты, турги, маги. Они различаются только методами.

Оставайтесь верны земле! Оставайтесь верны крови, телу и пределам! Жизнь движет естественная жизненная сила, которая преобразуется в сознательную волю и целенаправленные действия. Тот, кто отрезает себя от природы, перерезает нити жизни. Разум — только регулятор и укротитель инстинктов. Направляющие общественную жизнь к большему, дальним целям, творящие при посредстве избранных историю силы Судьбы и веры нисходят свыше. Они не уведут человеческий разум от реальности, но разум никогда ими не овладеет, их нельзя использовать по мере надобности или по расчету...

... Жизнь и действие возникают не из идей; идеи — регуляторы, но не двигатели. Двигатели жизни — природа, инстинкты, воля, цели и целесообразные действия. Если, по Канту, идея, категорический императив, не только регулятор, но и движущая пружина нравственной жизни, ее единственный мотор, история должна остановиться, ибо регулирующая идея это не сила, она не создает движение. Но такая остановка желательна для идеалистов, она произой-

дет, по их мнению, когда человек очистится до уровня чистой гуманности, рациональности или идеальности и улетучится до тех пор, пока новое грехопадение не сбросит его с высоты.

В этом соблазн идеи. Человек должен убежать от природы, от тела и материи как сил Зла, греха, болезней, слабости, несовершенства, ограниченности, опасностей туда, где нет никакого пути и никакой возможности идти. Бегство, перепрыгивание — вот его идеалистическое назначение. «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный». Итак, богоподобие надо развить до богоравности... Но обещанного совершенства никогда не удавалось достичь, те, кто его обещал, такие же обманщики, как все колдуны, каббалисты и теурги. Разум также не ведет человека к сверхчеловечеству и божественному совершенству, как и магия или мистика, он лишь регулирует инстинкты и общественную жизнь...

Последний эпигон неоманихейства и неокатолицизма в Германии Г.Ф. Даумер еще в 1874 г. противопоставил в своей книге «Чудо» эту ложную идеологию плоскому материализму Давида Штрауса... Уже в предисловии он говорит о «недостойном человека рабстве» в материи, с чем связаны нужда и опасности жизни, и вызывает к вмешательству сил небесных, ссылаясь на чудеса в Лурде... Этот сверхчеловек неокатолицизма отличается от других сверхчеловеков только методом.

Идеалистическому бегству от действительности противостоит героический человек, судьбоносный борец, который делает историю, указывает обществу реальные цели, но не сулит людям «прогресс» до уровня божественного совершенства; он человек действия, а не идеолог. Он знает по опыту, что в жизни сумма зла, страданий, болезней, несчастий, опасности и ограничений неизменна и постоянна, так как эти негативные стороны жизни такая же ее неотъемлемая часть, как и позитивные, и жизнь вообще возможна только благодаря борьбе противоположностей. Героический человек вступает в эту борьбу, ведет за собой общество и достигает своей цели. Но он не дает идеологического обоснования и ставит лишь реальные цели; границы между Богом и человеком и для него остаются неизменными... Героическая борьба это победа над временем, ее результат — история.

Секуляризация христианского мифа

Схоластика начала с рационализации догмы с целью возвысить веру до уровня разума. Лютер перетолковал христианский миф в духе своей веры и противопоставил разум вере как определяющей

силе жизни. С иезуитского учения о свободе воли начинается секуляризация христианского учения о спасении в собственном смысле слова, которая в XVIII веке была доведена до конца как путем перевода спасения в плоскость постепенного, рационального спасения своими силами, названного прогрессом человечества, так и с помощью техники самообожествления в теургической практике неоманихейства и теософской каббалы. Немецкий философский идеализм осуществлял секуляризацию, в основном, средствами разума согласно принципу свободного самоопределения человека.

Обрисует вкратце основные элементы этой секуляризации:

1) Просвещение намеревалось обойтись только природой и разумом. Но в закономерности природы оно обнаружило план и целенаправленную идею, которые оно приписывало либо Демиургу, либо божественности разума, т.е. заменило Творца планом, который составляет сам собой, и саморазвивающейся, целенаправленной мыслью. Так XVIII век пришел к своей метафизике, наследнице мифа о Творении.

2) Лейбниц со своей метафизической теорией монад дал секулярную форму схоластической Теологии, как Данте в стихах и Тинторетто — на картине «Рай». Метафизика Лейбница это дантов рай. Иерархия близости к Богу и совершенства идет непрерывной линией от вершины конуса через всю Вселенную до его основания, где обитают самые несовершенные существа. Отсюда идея лучшего из миров, отсюда превращение Зла в простое несовершенство и слабость. Все существа были приведены в движение, им давалась возможность с помощью разума самим постепенно подниматься по лестнице совершенства к вершине. Христианский миф о спасении был заменен рациональным учением о совершенствовании и прогрессе. Так делали Лессинг, Гердер, Кант и все идеологи рациональной теологии истории, именуемой теорией прогресса. Разумное самоопределение или свобода человека — принцип и двигатель всего.

3) У Лейбница мы встречаем на лестнице от человека к Богу промежуточные существа — ангелов, духов и т.д. В космогонии Канта духи проходят процесс одухотворения и дематериализации, а человек из своего среднего положения на земле, полуматериального, полудуховного, совершает своего рода странствие души от центра тяжести, Солнца, к периферии, становясь все менее материальным и все более одухотворенным: так преодолевается пропасть между человеком и промежуточными существами, духами. И опять прогресс заменяет спасение от Зла, от материи и плоти... Оживляющим, движущим началом материи становится духовная субстанция.

4) Лессинг сам признавал раннехристианские и восточные истоки своей идеологии прогресса путем воспитания человеческого рода и использовал миф о странствии душ. Так путем рационализации теургически-каббалистической практики самообожествления рождался сверхчеловек. В результате прогресса человечества его совокупность, дух, доходит до конечного совершенства, поскольку отдельные души в круговороте повторных смертей и рождений достигают конечной свободы. Это восхождение человек совершает, как целое, будучи в здоровом уме и твердой памяти... Так писал холодный и рациональный масон.

5) Духи восточных мифов стали в идеализме идеями, как Платон превратил в свои идеи олимпийских богов. Платон своим учением об эманациях сущностей из идей, первоначально гностических промежуточных существах и силах дал схему будущих идеалистических теорий развития и прогресса вплоть до Гегеля, только «дух» в этом позднем неоплатонизме стал еще более формальным и рациональным.

6) Рациональную идеологию прогресса Лессинг встроил в три стадии Откровения отцов церкви, соответствующие трем потенциям Троицы. Это повторялось во всех рациональных вариациях вплоть до философии истории Гегеля и Канта и в многочисленных «эволюционных теориях», тех мифических карточных домиках, которые так любил строить позитивистский XIX век.

7) Гностическая схема мироздания имела нисходящую и восходящую ветви. Прошлое — это падение Духа (Софии) с небес через сферы в материю; настоящее — борьба Спасителя за освобождение заключенной в материи души и возвращение ее к божественному совершенству, которое она некогда имела, но утратила. Эта древняя схема повторного обожествления лежала в основе как неоманихейской каббалистики еврея Мартинеса Паскуалиса, так и теургической теософии Сен-Мартена: оба они были иллюминатами-мессиянистами. Немцы одновременно полностью рационализировали и секуляризовали эту схему, сделали из нее ложную картину истории, т.е. философию истории. Самые примечательные примеры — «Воспитание человеческого рода» Лессинга и «Основные черты современной эпохи» Фихте. У Лессинга грехопадение переносится в доисторический период: то, что он называет историей, представляет собой трехступенчатый подъем. Свою просвещенную современность он ставит в начало третьей и последней ступени, т.е. Третьего царства, окончательной победы разума, начавшейся с рационализацией всего прошлого, всех откровений, фантазий и мифов. Фихте, наоборот, ставит

в центр освобождающий самого себя человеческий разум, второго гностического Христа. Все прошлое до этого, как и у Руссо, — сплошное падение, современность — законченная греховность и в то же время — начало нового подъема к конечному богоподобию человека, рациональному совершенству, которое, как у Лессинга, Канта и других, равнозначно совершенной гуманности. Фихте становится Спасителем, так как он указывает людям, как они могут освободиться от греха и с помощью разума снова обрести свое изначальное совершенство, богоподобие и богоравность.

Теология и метафизика эпохи, которая сама называла себя «иоанновской», т.е. эпохой гностического и рационального христианства, христианства чистой логики, имеет еще многие черты процесса секуляризации. Сюда относится учение о современном Христе, идеальном человеке, богочеловеке и сыне божьем, который укажет людям путь к гуманному самообожествлению и божественной гуманности, а также рациональные доказательства бытия божьего и бессмертной субстанции душа.

Вся этическая, «религиозная», педагогическая и историко-философская сторона немецкого идеализма, окончательная секуляризация христианских и восточных мифов, укладывается в русло общемасонского движения и без него невысказима как и общеевропейский XVIII век обрел бы совершенно иной облик без множества пересекающихся масонских течений. Тогда умерло христианство; тогда в Германии победил рационализм, а в Галлии вместе с иллюминатством поднялась последняя волна ориентализации и объевреивания Запада.

Неокатолицизм

Последние большие отростки на ветвистом древе христианства это, на протестантской ветви — пиетизм, а на католической — родившееся из иллюминатства иезуитство как реакция на Реформацию и янсенизм — как реакция на иезуитство. Во второй половине XVIII века все эти ветви отмерли. К 1800 году христианство было окончательно мертво. Немецкий идеализм завершил процесс секуляризации христианского мифа. Во Франции же из мешанины галльских низших рас снова забурилась древняя реакция. Неоманихейство на базе Каббалы, рожденное истинно южнофранцузским иллюминатством, распространилось по Наполеоновской империи, в которой галлы оттеснили и в политической плане последние остатки франкского господствующего слоя. Вместе с Каббалой и неоманихейством возродился и якобы умерший друидизм. Все это дало ответвления в виде масонского

Великого Востока, неокатолицизма эпохи Реставрации и романтического коммунизма, самым прекрасным творением которого было «Новое христианство» сенсимонистов, а после и марксистского «научного социализма», использовавшей гегелевский метод боковой ветви позитивизма, который достиг полного господства в Европе. Его отец О.Конт, как основатель религии и толкователь мира по схеме трех этапов развития, также прошел иллюминатскую школу графа де Сен-Симона. Началось с масонства высоких степеней, с французского иллюминатства еврея Мартинеса и галла Сен-Мартена, с неокатолической реставрации галльского графа де Местра со товарищи, а потом с того же дерева упали, как гнилые плоды, коммунизм и позитивизм. Германия, которая боролась за свою духовную самобытность, была затоплена этими течениями: в эпоху идеализма и романтизма и после 1830 года все сильнее становились чуждые влияния и все слабей сопротивление им...

Новалис считал себя реставратором христианства и в то же время намеревался основать новую религию. Ему вторил всезнайка и самодовольный эклектик Фридрих Шлегель, пока не женился на еврейке и не нашел благодаря ей последнее прибежище у неокатолического реставратора, славянского святого Хофбауэра. Произошел возврат к таким основателям религий, к числу которых принадлежали Мартинес Паскуалис и Сен-Мартен, — к ним часто еще добавлялись Пико делла Мирандола и французский национальный святой, Лже-Дионисий Ареопагит. Нечто подобное происходило тогда и на других направлениях. Основатели религий, которые одновременно были неокатолическими реставраторами, свидетельствовали о смерти различных видов христианства и о начале идущей с Востока последней волны манихейства и каббалистики. Неокатолицизм, иллюминатство, масонство высоких степеней, коммунизм — все это, в принципе, то же самое. Их мифы, идеологии и практические методы сходны, это ветви одного дерева, у них одни политические принципы: равенство рас и народов, универсальный человеческий коллектив во главе с обожествленным вождем, Цезаропапизм, — таков у них у всех путь к превращению человека в бога. Спор между ними идет лишь о том, кокой обожествленный диктатор возглавит человечество: Робеспьер, Наполеон, генерал ордена иезуитов, папа, гроссмейстер Великого Востока или основатель коммунистической религии вроде Сен-Симона или Маркса. Их объединяет вера в Мессию, в которого верил и Новалис.

Основатели религий, маги-мошенники, шизофреники и другие большие в качестве духовных вождей: такова особенность эпохи начи-

ная примерно с 1750 года. Сведенборг, Мартинес Паскуалис, Сен-Мартен, Сен-Жермен, Калиостро, Мессмер, иллюминаты-реставраторы аббат Фурнье и де Местр, Робеспьер и Наполеон, Сен-Симон, Виктор Гюго, Жерар де Нерваль и другие большие романтики вроде них, после де Местра — множество католических реставраторов вплоть до Пия IX и стоящих за ним карбонариев выступали в роли богочеловеков и основателей мессианских религий.

Типичен этот южнофранцузско-савойский граф де Местр, который на протяжении 40 лет своей жизни сочетал в себе иезуитство, масонство высоких степеней и иллюминатство (он был приверженцем еврея Мартинеса) и при этом сознательно возвышал друидизм. В последнем из своих произведений он говорит о тайне всего этого, в принципе, однородного движения: речь идет лишь о том, кто будет всеобщим божественным господином.

В «Санкт-Петербургских вечерах» (1817) де Местр говорит о принципе иллюминатства, в приверженности которому он сам признавался и, вероятно, имел степень когена: «Их главная догма заключается в том, что христианство, каким мы его знаем сегодня, — настоящая синяя ложа, созданная для простонародья, но «тот, кто хочет» (Сен-Мартен) может подняться постепенно до высшего знания, которым обладали первые христиане, которые были настоящими посвященными... Это учение представляет собой смесь... т.е. Гносис. «Сверхъестественные знания — великая цель их трудов и их надежд; они не сомневаются, что человек может вступить в связь с духовным миром. Это самообожествление путем теургии по гностически-каббалистическому образцу. Этим путем иллюминатов Мартинеса и Сан-Мартена следовали и неокатолики Фурнье и де Местр. Единственное отличие иезуита-неокатолика де Местра от каббалистов-иллюминатов — отвращение последних ко всякой духовной власти и иерархии. Иллюминаты сами хотели быть богами и господами, а не подчиняться богу-папе де Местра. Этот пришедший из Франции и реставрированный галлами по еврейскому образцу неокатолицизм восточного происхождения утвердился в Риме в лице Пия IX и с тех пор курия снова стала прислугой Франции. Праотец этого неокатолицизма — португальский еврей-каббалист Мартинес Паскуалис, отец — иллюминат и иезуит де Местр. Многие реставраторы католицизма шли тем же путем, от аббата Фурнье, аббата Баррюэля и Дома Жерле до Ламенне со товарищи. Из той же иллюминатской и масонской религии вышли почти все вожди Французской революции, включая аббата Сьейеса, Робеспьера и Наполеона. Ею с 1770 года были заражены все высшие слои французского общества, знать и особенно женщины. Та

же почва питала позже сенсимонистов и коммунистов, французских литераторов-романтиков и, наконец, «Аксьон франсез». Это многоликий атеизм, который заменяет веру в бога лживой или суеверной, т.е. идеологической магией, называйся она каббалой, теургией, теософией, спиритуализмом или как угодно.

Слабая, обманом лишенная Империи и тем самым расового характера, политической самостоятельности и собственной истории Германия не могла угнаться за галлами-иллюминатами и рождала лишь карикатуры: еврея Лейхта, хозяина кафе Шрöpfера, выкреста барона Хунда, пасторов Роза, криптоиезуита Штарка, иезуита барона Гугомоса, многих коронованных особ и основателей ордена Вейсгаупта и фон Книгге. Все это происходило в рамках масонства Строгого послушания, розенкрейцерства и иллюминатства, часто с католическим уклоном. Однако реставрационное движение впервые расцвело под покровительством княгини Амалии Голицыной, урожденной графини фон Шметтау, посольский дворец которой в Гааге разрывался между Дидро и Казановой. Ее русские родственники рано попали под влияние Мартинеса. Мессиянистка Амалия пошла по пути неокатолической реставрации, пытаясь обратить графа Штольберга, Гемстергейса, Якоби, Гаманна, Гете. В этом она особенно успеха не достигла, но не все вышеназванные лица смогли избегнуть иллюминатской заразы. Затем пошли романтические основатели религий и реставраторы, которые собирались вокруг иезуита Хофбауэра в Вене, иллюминаты, неокатолики Баадер, Гррес, К.Л. фон Галлер, Даумер, Рингсайс и все теургические доктора романтической т.н. натурфилософии.

Вокруг толпились иллюминаты-теософы: пасторы Клейкер и Лафатер, врачи Юнг Штилинг, Шуберт и Кернер, страсбургский кружок теософов вокруг Зальцмана и госпожи фон Беклин, швейцарцы вроде Лафатера, баварцы вроде Эккартсгаузена и баронессы фон Крюденер. Широкий поток лился из этих мутных источников на Германию весь XIX век.

После 1800 года начинается мощное пробуждение немецкого национально-расового самосознания, оборонительное движение против всего чуждого, враждебного, восточного, что угрожало с Запада. Возродилось немецкое мировоззрение с его полярностью природы и истории... Теперь настала пора очистить немецкое жизненное пространство от слоя грязи, оставшегося после прорыва последнего восточного потока из Галлии, от теургии, магии, спиритизма, астрологии, теософии, спиритуализма. Наше бытие — жизнь, наша цель — история, наша сила — вера, наш руководящий принцип —

раса. Мы отвергаем восточную идеологию обожествления и сверхчеловечества, древний ложный путь, во всех ее формах и вариациях. Эта идеология называется «религией» по той причине, что в ней нет ни веры, ни Бога, она побуждает человека нарушать в своей гордыне отведенные ему пределы и увлекает его в Небытие. Эта идеология — главная причина искажения реальности, порчи расы и веры, она на протяжении столетий является самым страшным врагом Империи, какого только знала немецкая история.

Еврей-иллюминаты XVIII века внедрили гностико-каббалистический мессианизм в политический мир Франции. Сен-Мартен был пророком этого мессианизма. Робеспьер и Наполеон — его воплощениями, Великий Восток, неокатолицизм и сенсимонизм — его ответвлениями. Все они вместе образовали восточное эрзац-христианство и создали галльскую политическую идеологию с ее притязаниями на гегемонию вплоть до Клемансо, «Аксьон франсез», Барреса и политики после Первой мировой войны. Все это кончилось в Виши.

Сверхчеловеки

Бог внутри нас

Все, что человек говорит о Боге, было и останется человеческим мнением и определяет только его отношение к Богу, не имея ничего общего с Богом «в себе». Бога нельзя заключить в понятия... Образы служат только указателями на жизненном пути.

Выражения типа «Мое сердце во мне» и «Птица летит надо мной» содержат точные и адекватные понятия расположения в пространстве, а выражения «Бог надо мной» и «Бог во мне» только символизируют личное отношение к Богу и правила личной жизни. Философские понятия «трансцендентного» и «имманентного» имеют точно такой же смысл, что и простые слова «над» и «внутри», но они создают видимость знания там, где на самом деле речь идет только об отношении к вере...

Однако, эти «над» и «внутри» ставят человека перед необходимостью выбора. Если он выбирает «внутри», он обожествляет самого себя, делает из самого себя Бога, либо непосредственно, либо завуалированным способом через сопричастность к божественной сути. Обожествляться могут личность, народ, государство, человечество, разум, дух или природа. Все это мы пережили за последние столетия и тысячелетия. Всюду, где есть притязания на сверхчеловечность, есть определенная, часто личная форма самообожествления. Пример — Ницше. Весь рационализм это человеческое самообожествление

применительно к человечеству, природе, разуму или духу. Это проблема Гегеля и Фихте, а еще раньше — Спинозы: притязания на сверхчеловечность в завуалированной, опосредствованной форме.

Когда рационалист делает разум богом, возможны два варианта: либо человек обладает изначально божественным разумом или разум — только задаток и возможность сделать его путем упражнения тем, чем он предназначен быть, т.е. тем, что он предназначил самому себе. Место божественного бытия занимает тогда становление божества. К этому становлению рационализм прилагает типичную для него идеологию совершенствования — рациональное продолжение методов обожествления. Отсюда все свойственные рационализму теории воспитания и прогресса, представляющие собой секуляризацию и рационализацию религиозных, в частности христианских, догм о спасении и соответствующую практику.

Это указатели путей к обожествлению человека, к богочеловеческому совершенству под лозунгом «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный». Люди в этом или в ином мире становятся как минимум близкими к Богу промежуточными существами, в иерархии которых святые стоят выше архангелов. Принципиальных отличий от Данте здесь нет. О взаимосвязи иезуитов с практикой самообожествления иллюминатов и гностиков, восходящей к Каббале, писал еще Бруно Бауэр в своей статье «Иезуиты» в Государственном и общественном словаре Вагенера 1862 года и видел в этом антигерманский расовый принцип.

Мистика, магия, Каббала, иллюминатство — все это, в конечном счете, разные по методам и практике, но однородные по цели указатели путей к человеческому самообожествлению. Магия и Каббала устанавливают иерархию промежуточных существ в виде духов звезд, над которыми человек может обрести власть с помощью магической и теургической практики, так что они не только будут служить его целям, нарушая законы природы, но и он сам, как говорится в еврейском мифе о рае, «станет, как один из нас», когда отведаст плодов от запретного Древа жизни.

От этих «духов» происходит в конечном счете любая метафизика. Превращение «духов» в «Дух», к которому человек причастен и силой которого он может способствовать своему самообожествлению — скорее рациональная практика, тогда как верующие в духов больше работают с аскезой, магией и теургией, — делает «Дух» имманентным и в итоге мы имеем всевозможные формы пантеизма с основной догмой причастности человека к божественной сути как предпосылке его самообожествления.

Если Гете в последние годы занимал чисто созерцательную позицию как не политический и не трагический человек, то как пантеист он оставался в русле самообожествления, хотя Мефистофель у него иронизирует над Фаустом как над «сверхчеловеком». Но, с другой стороны, Гете верил в Судьбу. Поэтому он сказал: «Не должен человек равняться с богами», поэтому его тянуло к ранним грекам, к Прометею, к орфическим гимнам. Здесь уже не было никакой имманентности, никакого пантеизма, никакого «Бога внутри нас», никакого благочестия в современном смысле слова и никакой религии природы, т.е. религии полей, лесов и лугов...

...У Лютера человек веры «благочестив» в германском смысле этого слова: он чувствует себя избранным, призванным быть первым, быть вождем, прокладывать путь, поэтому, например, рыцаря Георга Фрундберга могли в те времена называть «благочестивым ландскнехтом»...

Пиетизм принес с собой размягчение чувств, новое «благочестие» вытеснило германское благочестие и веру в Судьбу. Это уже не подчинение божьей воле, Судьбе, не мужественное принятие трагического решения, а самообожествление под маской смирения.

Бог над нами

По Лютеру, Бог обитает не только на небе, но и в аду, так что он может обитать и в нас. Но речь идет в конечном счете не о месте обитания, а о воздействии, о том, либо мы сами боги, либо мы сопричастны божественной сути, либо мы сами можем стать божественными сверхчеловеками, если будем, как Ницше, ходить на цыпочках перед каждым образом прошлого и спрашивать: «Свет мой, зеркальце, скажи: Я ль на свете всех умнее?», пока не будет перейдена грань, и человек сам объявит себя новым Христом. Это, между прочим, только последнее следствие, секуляризация иллюминатско-каббалистической практики, полагающей, что человека можно поднять на разные уровни сверхчеловечности, призывая себе на помощь богов и духов. Античные и христианские методы превращения смертного человека в бессмертного относятся к этой же категории, как и индийское учение о переселении душ. Индусы в своей практике самообожествления продвинулись настолько далеко, что более тысячи лет назад утратили политическую свободу.

Человек веры ощущает действующую в нем силу, которой он не является и не может стать, силу, которая дает ему толчок,

приказ и которой он подчиняется, как камень бросившей его руке. «Надо» мной все, что не я, что сильнее меня. Не имеет значения, признает ли «это» существующим какая-либо теория или нет, есть ли доказательства его существования или нет... Человек не знает о стоящей над ним силе, именуемой Богом, ничего, кроме того, что переходит от нее к нему, в той мере, в какой она раскрывает ему себя, движет им, определяет его призвание. Но он не знает, где она обитает, каковы ее свойства. По своему внутреннему чувству долга он судит о том, чего она хочет от него. Становясь ее избранником, он не становится ни богом, ни сверхчеловеком. Но он может руководить другими людьми, делать историю, сокрушать государства, строить империи и быть непобедимым... Однако удача может покинуть его, если его отвергнет движущая им сила. А это происходит каждый раз, когда человек перестает знать меру.

Если человека не может сделать божественным его призвание, то как могут быть божественными природа, разум, человечество, материя или что-то еще? Познайте самих себя, человекобоги! Посмотрите на себя в зеркало! Только ослепление делает вас человекобогами, сверхчеловеками.

В «Бога над нами» верили Бисмарк и Лютер, потому что оба они подчинялись своей судьбе и своему призванию. Это были люди реальности, а не науки, сплетающие паутину из понятий, люди истинного знания, а не ослепленные ослепители, вроде Гегеля со товарищи, полубогов идеологии на кафедрах или в масонских ложах; исторические деятели, а не практики мистического погружения, не каббалисты, авгуры, астрологи и тому подобный сброд.

Вы все боги

Германцы до сих пор верят в Судьбу, как верили в прошлом. Германские боги были силами судьбы, посланцами одной вечной, всеобъемлющей, раскрывающей себя в тысячах образов силы Судьбы. У германцев была низшая практическая магия, но никаких следов теургии с целью сомообожествления. Они не нуждались в спасении, даже будучи христианами, поскольку не воспринимали свою жизнь, даже если она была трудной, как тяжелый груз. Их мировоззрение было жизнеутверждающим, они принимали свою судьбу и умели уйти, когда настанет их час. «Да будет воля твоя».

Такую веру мы находим во многих христианствах. Германцы восприняли христианскую веру именно с этой стороны и придали

ей новую форму. Эта арийская сторона сделала возможным возрождение после всеобщего умирания, которое в конце античной истории захватило и христианство. У античных христианств кроме арийской стороны была и восточная, еврейская, каббалистическая сторона. В Псалмах говорится: «Вы все боги», а Книга Бытия учит, что есть Древо жизни, плоды которого дают вечную, т.е. божественную жизнь. Отсюда вера в возможное самообожествление т.н. Нового Завета и многие из первоначальных течений христианства. За всем гносисом Иоанна и Павла, за всеми мистериями стоит безумие человеческого обожествления. Превращение Бога в человека — лишь зеркальный образ или мифическая подготовка превращения человека в бога.

Самообожествление эллинистических и римских властителей было роковым даром Востока Западу, влияние которого проследживается до Наполеона, прежде всего, во французском и английском абсолютизме. Ни один германский император или король не обожествлялся, как Тюдоры, включая Елизавету, и Стюарты, как Людовик XIV. Но настоящие изобретатели и виртуозы самообожествления — церковные иерархи и иезуиты, папы и священники. Философы всегда охотно подражали сверхчеловекам этого сорта. Когда Гегель увидел в Наполеоне «Мировую душу на коне», он явно имел в виду себя как «Мировую душу на кафедре».

В гностическом, манихейском, неопифагорейском, неоплатоническом, христианском и еврейском массовом самообожествлении, во всеобщей оргии сверхчеловечества, во всеобщей неврастении, истерии и шизофрении, как результатах расового смешения, погибли Римская империя и античный мир. Христианство тоже было в агонии. Какую картину человеческой слабости и несовершенства являют собой богочеловеки той эпохи! От всей позднеантичной литературы, как христианской так и иной, веет одним и тем же духом, как и от саркофагов, выставленных в Римских термах, духом, который должен действовать на здорового человека как рвотный порошок. Явно, козел стал тогда идеалом человеческого самообожествления.

Попеременный перевес арийских и восточных элементов в христианстве в точности соответствует соотношению между верой в Судьбу и самообожествлением. Новую победу Востока над позднеантичным христианством, с которой началось отравление средневекового германского христианства «мистикой» принес Калиостро той эпохи, вошедший в историю под воровской кличкой «Дионисий Ареопагит». Это был уже сформировавшийся каба-

лист, пророк самообожествления. Его «Земная и небесная иерархия» представляет собой лестницу человеческого самообожествления, продолжением которой является «эволюционная теория» Дарвина и Геккеля. У Дионисия путь идет от человека через небесную иерархию к Богу, у Дарвина — от комков материи через животный мир к человеку. Таковы же все «Теории прогресса» Гердера, Канта, Лессинга и других — секуляризация учений Дионисия, гностиков, неоплатоников и мистиков. Женщина-апостол «Нового христианства» основанного Сен-Симоном, мадам Вуалькен, признавалась: «Благодаря новой догме я обрела разум существа, прогрессирующего в Боге, оставаясь во времени... Вы в Боге! Вы приходите от Бога!» В лице еврейского банкира Олинда Родригеса, который объявил себя «Главой сенсимонистской религии», религия, основанная Дионисием Ареопагитом, достигла свой законченной формы...

Майстер Экхарт долго боролся, стараясь снова выкарабкаться из мутной воды «мистического союза», в которую он попал, с помощью познания воли, призывающей человека по милости божьей. Лютер преодолел свое временное увлечение мистикой, вернувшись к германской вере в Судьбу.

Самообожествление — смертельная болезнь человека, вера делает его господином, свободным творцом, который никогда не заболает этой болезнью...

Нет смысла проследивать дальше путь от французских каббалистов, иллюминатов, ранних романтиков, сенсимонистов, неокатоликов и романтиков к их позднему потомку Ницше с его сверхчеловеком и волей к власти, которая есть воля к самообожествлению. Все это не немецкое. Все романтики, в том числе и немецкие, — больные люди, находившиеся под чужим влиянием. Сен-Симон дал следующую формулу сверхчеловека, ухаживая за мадам де Сталь: «Мадам, вы самая необыкновенная женщина в мире, а я — самый необыкновенный мужчина. Вдвоем мы могли бы родить еще более необыкновенного ребенка». Прототипом образа сверхчеловека в романе Жорж Санд «Спиридион» был Мартинес Паскуалис.

Иллюминатско-каббалистическая эпоха, параллельная эпохе Просвещения, началась с маркиза д'Аржана. Его «Каббалистические письма» с их земными, воздушными и прочими духами производят впечатление карикатуры на «Земную и небесную иерархию» Дионисия Ареопагита. Потом волна иллюминатства накрыла Францию и Германию. На ней всплыли лжемессии Калиостро и Робеспьер. Эпоха неверия кончилась общим суеверием.

Здоровье и болезнь

Болезнь в историческом аспекте

Не так давно жизнь человека, его здоровье и болезни считались просто явлениями природы, а «медицина» была прикладным естествознанием. А разве это не остается само собой разумеющейся истиной и сегодня?

«Прогресс» поднял нас еще на одну ступень: Природа это большой механизм, жизнь человека — машина, болезнь — неполадки в этой машине. Естествознание обращается с природной машиной как техника — с искусственной; механистическое естествознание наряду с анатомией, физиологией и патологией указывает врачу, как устранить неполадки в живой машине и снова ее отрегулировать...

Но врачи существовали у всех народов задолго до появления естественных наук.

Мало того: казалось бы, ближе всего врачам из этих наук должна быть, по идее, биология, а не физика или химия. Однако позитивисты сделали еще один шаг и поставили мир вверх ногами. В результате в XVIII-XIX веках, главным образом, в Германии появилась особая порода врачей. Они опираются не на биологию, а являются скорее техниками, становясь врачами через хирургию, физику и химию. Символична в этом плане карьера Гельмгольца.

Это не лежит в природе вещей, а имеет политические причины. Пруссия, главное государство в Германии в XIX веке, в период между Венским конгрессом и июльской революцией 1830 г. взяла на себя самую тяжкую историческую вину, подавив молодой немецкий национализм эпохи освободительной войны против Наполеона, в которой участвовали также многие врачи и натурфилософы...

Когда Гегель в 1830 г. достаточно жалким образом сошел со сцены своего Мирового духа, он не достиг своей цели — стать мировым духовным диктатором от имени этого Духа и скрыть за этим политическую реальность. Никакие политические и диалектические фокусы не помогли. Действуя в интересах прусской закулисной политики, министр культов фон Альтенштейн и его советник Шульце с помощью шумной пропаганды и организационных мер (в виде изданий того странного кентавра, который именуется сочинениями Гегеля) вознесли гегельянство как иллюзорную форму мирового господства Пруссии. В 1848 г. произошло ее банкротство.

Через два года после смерти Гегеля тот же Альтенштейн со своим Шульце провели соответствующую работу в области есте-

ственных наук, где диктатура гегельянства была бы посмешищем. Тогда в Париже диктатором в этой области был Кювье. В Берлине на такое же место выдвинули молодого уроженца Рейнланда, эклектика, врача и натурфилософа Иоганнеса Мюллера, ученики которого потом почти полностью подчинили немецкую медицину и естествознание позитивизму, пока к 1900 году для всех мыслящих людей не стала явной пустота и бессмысленность этого предприятия, равно как и позитивистская мания величия «Мировых загадок» Геккеля, из которых умственно неполноценная публика сделала религию...

... Болезнь не есть нечто чуждое, враждебное, некогда привнесенное в природу и жизнь, как в истории с грехопадением. Это одно из постоянных свойств и явлений жизни. Хотя ее функция первоначально негативная, после кризиса она снова стимулирует жизнь. Это двигатель жизни, ее испытание, проверка, средство отбора в тех случаях, когда в человеческой жизни сильнее всего проявляются разрыв и дисгармония между природой и историей, между ростом и волей, между причинностью и целью.

Медицинской науки, если посмотреть на нее с исторической точки зрения, не существует. Но она необходима при правильном понимании жизни в ее постоянном напряжении между полюсами естественных инстинктов и исторической судьбы... Это не то, что до сих пор называлось «историей медицины».

Большие, периодически повторяющиеся эпидемии, вызываемые чисто природными причинами, оказывают сильное влияние и на историю народов. Но не обусловлены ли они также исторически? В человеческой жизни никогда нельзя рассматривать независимо друг от друга историческую и природную обусловленность, поэтому не может быть и чисто естественной науки о человеческой жизни и находящейся под ее влиянием среде. К подобным эпидемиям психозам это относится в еще большей степени, чем к эпидемиям: они причинно связаны с историческими судьбами и событиями...

В военные и мирные, хорошие и плохие времена эпидемии можно остановить или победить с помощью политической дисциплины в сферах демографической политики, расового отбора, политической медицины и врачебной деятельности всех видов, ибо болезнь и здоровье в значительной мере зависят от дисциплины и волевой установки, от силы веры, самоутверждения и сопротивления общества и его членов...

...Было ли это чисто природным явлением, когда после страшной эпидемии середины XIV века, «Черной смерти», резко увеличилась плодовитость людей и домашних животных? И что такое

«природное явление?» Эпидемии действуют как Судьба, они ставят перед людьми и народами вопрос об их жизненной силе и сопротивляемости, о силе их экзистенциальной воли к самоутверждению и выполнению своей миссии...

Спаситель

...Во времена последнего вторжения Востока в Германию в образе галльского иллюминатства немцы опять заболели чужеродной демонологией, которая отпраздновала свое возрождение в Германии в виде «мистики» Ппреса Новалис, одновременно основатель новой религии и христианский реставратор, начал с того, что представил свою болезнь как истинное здоровье... Романтизм выдвинул позже целый ряд больных врачей с иллюминатскими методами лечения, которые выдавали свои собственные болезни и болезни вообще за истинное здоровье, заново открывая старые пути спасения и обожествления: человек меняет кожу, чтобы стать сверхчеловеком. А разве Ницше со своими метаниями и болезнями не проповедывал настоящий культ самообожествления? Такому «христианству» Гете в порядке насмешки противопоставлял свое язычество, называя все романтическое больным, а все классическое — здоровым и снова поставил природу на твердую землю в противовес иллюминатско-неокатолической неприроде, именуемой сверхприродой...

Фактором, определявшим представления о человеке в буржуазную эпоху, был разум, отношение которого к природе пережило всевозможные метаморфозы от вознесения над природой через отождествление с ней до осуждения в человеке всего природного, инстинктивного, чувственного. Стремление сделать человека чисто разумным существом было секуляризацией христианско-гностического мифа о спасении с его проклятием плоти: аскеза превратилась в одухотворение, магическая теургия — в напряжение разума, терапия спасения — в рациональный прогресс. В этом приняли участие все идеалисты прогресса от Лессинга и Канта до Гегеля: они хотели создать «царство чистого духа» на земле, секуляризованное Царство Божие христиан...

...Позитивисты сделали из медицины прикладное естествознание, из жизни, здоровья и истории — машину, из болезни — технические неполадки и дефекты конструкции в машине жизни. Позитивистский врач и политик Вирхов выглядит карикатурным школьным учителем рядом с человеком Судьбы Бисмарком. От имени всех позитивистов этого толка действовал Эмиль Дюбуа-Реймон, обладатель диктаторс-

кой кафедры Иоганнеса Мюллера, его берлинского учителя, спикер всех врачей и естествоиспытателей своего поколения, предшественник Геккеля. Дюбуа-Реймон хвастался своей чисто галльской кровью. Его более молодой современник Леопольд Ранке отличился уничтожительной атакой на историю, непревзойденной по своей ограниченности и глупости. Мы даем здесь собирательный образ врач-позитивиста, для которого лечение — прикладное естествознание, чисто техническая проблема, в период полного расцвета этого направления. Можно взять для примера любого другого ученика Иоганнеса Мюллера: Вирхова, который позорил Бисмарка, Гельмгольца, который перевирал взгляды Гете на природу, Геккеля, который привел к победе обезьянью религию умственно неполноценной публики.

Заболевание общества

Как народ общество становится живым целым, в котором взаимодействуют природа и история, формой сверхличной жизни, но народ физически и реально существует не рядом со своими членами, а через них. Поэтому здоровье и болезни его членов проявляются непосредственно на теле народа. Между здоровьем и болезнями народа и его членов нет аналогий и параллелей, одни вытекают из других, как следствия, т.е. являются одними и теми же реалиями жизни. Различие заключается лишь в том, что судьбоносный целитель и политический вождь народа сочетаются в одном лице, пример чего — германские вожди и короли, тогда как заболеваниями отдельных лиц занимается особое сословие врачей...

В процессе смены поколений формируется национально-политическое целое, которое наполняется определенным смыслом. В этом суть, содержание и назначение истории, которую творят своими делами избранные судьбоносные целители, вожди. Мощное, сознательное, упорядоченное движение к цели означает, что народ здоров; смятение умов, беспорядок, вырождение, утрата ориентации, упадок дисциплины и нравов — свидетельства заболевания народа, они обуславливают эпидемии и психозы, как, в конечном счете, и заболевания отдельных людей. Причинами могут быть перенапряжение и нарушение установленной меры, а также ее недостижение из-за слабоволия. Народ болен, если больны его члены и там, где страдает один член, страдают все члены и целое.

Правда, понятие взаимодействия или взаимопричинности недостаточно охватывает такие жизненные явления, как здоровье и болезнь, когда речь идет о взаимоотношении целого и его членов,

так как целое и его члены это не отдельные позиции или причины, они всегда живут друг в друге и друг через друга. Когда чумой заболевает один человек, это симптом начала эпидемии, но не ее причина. Эта эпидемия, как и война, предъявляет свои требования скорее к политическому руководству народа, чем к сословию врачей, так как политическое руководство при всех эпидемиях должно координировать действия врачей.

Война означает неизбежную болезнь народа, так как она влечет за собой падение нравов, нарушение привычного жизненного ритма, а не только человеческие жертвы. Как кризисы роста в индивидуальной жизни, все исторические кризисы открывают настежь двери для зла и болезней. Августовский психоз 1914 г. уже характеризовался множеством связанных с ним самоубийств. Политический и социальный хаос военного времени породил в конце войны серьезные эпидемии, а послевоенное время, главным символом которого была инфляция, период политического бессилия и социальной смуты, было симптомом заболевания народа, выразившегося в эпидемиях, психозах, болезнях отдельных лиц, смертях от истощения, самоубийствах, потере людей и сил. Политическое обновление принесло с собой естественное оздоровление народа: усилилась воля к продолжению рода, улучшились нравы и законы, жизнеустройство, состояние экономики, питание... Исцеляющее воздействие политического руководства доходит до естественных основ народной жизни и оздоравливает их...

Болезни не вторглись когда-то внезапно в жизнь, это неотъемлемые проявления жизни. Поэтому неправильно спрашивать о причине конкретной болезни. Болезни всегда латентно присутствуют в жизни как возможности с тем же бесконечным диапазоном вариаций, как и у других проявлений жизни...

Болезни обостряются под влиянием стечения обстоятельств, которые можно разбить на три группы: 1) внутреннее состояние заболевшего человека (ослабление от перенапряжения, кризисы роста и т.п.), 2) ослабляющие влияния общества, 3) факторы естественной и технической среды... На первое место следует поставить внутреннее состояние...

...Каждый человек имеет свое назначение и свою меру. Если он соблюдает меру во всем, он здоров, если нарушает ее — заболевает...

...Вера и политическое действие — полюса истории... Вера это не особая область, именуемая религией и подведомственная церкви, она не раскалывает жизнь на разные, часто враждующие лагеря. Таким расколом общественной жизни вследствие обособления «религии» христианство совершило смертельный грех против жизни

народов в интересах священников, которые, ссылаясь на мнимую «сверхприроду», превратились из слуг народов в их повелителей.

С ликвидацией духовенства с его притязаниями на роль посредников и магической практикой, падет не только церковь, но и чужеродная высшая сфера «религии», включая совершенно окаменевшее культурное наследие языческой античности, а так же застывшие, неживые «откровения», догмы и вероучение, пришедшие из далекого чужого мира и грозящие удушением жизни нордических народов. Откровение, в сущности, то же, что и вера, но с обратным знаком направления. Откровение посылается Богом призванному к вере человеку, вера — восприятие божественного призыва... Откровение и вера — силы современной жизни, они указывают путь в будущее, творят историю. Но и они устаревают. И если вместо новой веры появляется выходящая за рамки человеческих возможностей фикция веры, если место живой веры занимает суеверие, то вся историческая действительность становится самообманом людей, а вера — бессмысленной фикцией. Наш жребий тогда — «органическое», животное существование, прикрываемое все новыми фикциями, именуемыми идеологиями.

Мы не знаем ни видимой, ни невидимой церкви, а только народное сообщество, живущее между природой и историей, и наше личное призвание, как и наша национальная миссия — стать образцом для всего мира, законом развития человечества до следующей великой эпохи. Мы выполняем свою мировую задачу в условиях кризиса и германизации христианства, как Лютер в XVI веке. Но наше «мистическое тело», как связующий принцип общества, уже не потусторонний мир, а народ, живущий между природой и историей: ему не нужна никакая мистика.

Национально-политическая патология

Определяющей основой истории народа является его расовый характер: эта величина, остающаяся постоянной несмотря на смену поколений, обеспечивает живую непрерывность на фоне меняющихся судеб, форм и эпох. Но двигатель истории это ниспосланная свыше сила, проявляющаяся в творческой деятельности. Поэтому национально-политическая характерология является для историков необходимой предпосылкой. Но, подобно тому, как с типом и характером отдельного человека связаны тип и характер его болезней, так и национально-политическая характерология будет неполной без национально-политической патологии. Если известны определяющие цели

и пределы народа в его истории, то сразу же встает вопрос о типе и степени склонностей к нарушению этих пределов или их недостижению, к утрате самого себя в погоне за ложными целями и чужими образцами, к ослаблению воли и потере ориентации. Негативные стороны характера, которые проявлялись, например, в немецкой истории в форме государственной раздробленности, утраты веры в самих себя, неспособности ставить высокие цели и видеть широкие горизонты, словом, в том, что называют неполитическим характером немцев, относятся к категориям зла в истории и болезней народов.

Есть четко определяемые типы болезней людей вообще, таких как эпилепсия или туберкулез, но сомнительно, можно ли их даже у «дикарей» относить исключительно к числу явлений природы, тем более что дикари с их колдунами и шаманами как раз считают болезнь и исцеление «неестественными». Хотя животные и растения не имеют ничего похожего на «историю», их здоровье и болезни — не просто явления природы, если они включены в сферу целенаправленной человеческой деятельности. Вероятно, периодические заболевания картофеля и репы вызываются скорее их искусственным односторонним развитием, а не появлением железных дорог, как утверждали некогда мужики и попы. Эта гипотеза применима также к профессиональным заболеваниям и вообще ко всем заболеваниям, связанным с войной, техникой, специальностью, социальным порядком или беспорядком из-за одностороннего развития какого-то одного принципа или типа. Здесь типы болезней выступают как исторические явления с соответствующими причинами.

Я не знаю, есть ли вечные и общечеловеческие, четко определяемые типы болезней. Вероятно, этого вообще никто не знает, потому что это невозможно знать. Даже такие болезни, которые определяются как расово и исторически обусловленные, сильно варьируют и выходят за пределы, когда их еще можно идентифицировать по основным признакам. Компонентами процесса каждой болезни, наряду с индивидуальностью, возрастом и полом больного являются его расовый тип и историческая ситуация, включая социальное положение, и общая историческая задача, миссия народа, в которой больной участвует на свой особый манер. Теми же факторами определяются и способы лечения (диагностика, терапия, диета, гигиена), воспитания и любые другие виды воздействия одних людей на других. Панацеи, не учитывающие определяющие компоненты конкретных форм жизни, могут принести только вред.

Но как можно учесть такое разнообразие компонентов заболеваний и их процессов? Все они сводятся к одной доминанте, к экзис-

тенциальной воле к жизни. От ее типа, силы и направления зависят способы лечения. Эту волю не следует путать с мечтаниями слабых людей, с судорожным цеплянием за жизнь тех, кто боится смерти, с желаниями детей схватить луну или с боязнью делового человека упустить из-за болезни выгодную сделку. Сила экзистенциальной воли выражается скорее в спокойствии, хладнокровии и отстраненности от таких вещей, в самоутверждении, а не в погоне за определенной целью. Как говорил Гете, «то, чего хочешь в юности, исполняется в старости». Эта воля выполняет свое назначение и тогда, когда достижение цели уже не приносит больше наслаждения, как в испанской поговорке: «Бог дает орехи тем, кто не может их разгрызть»... В любом случае полнота этой экзистенциальной воли, выражающейся в высоком уровне самоисцеления, самовоспитания и самодисциплины, характеризует политического, героического человека, что в нашем расово-историческом смысле означает здорового и приносящего исцеление человека, судьбоносного Спасителя.

Господство и дисциплина — средства служения героя в противоположность женской или христианкой «любви-служению», которая хочет господствовать путем служения. Таков же закон исцеления и воспитания. Больная, не способная к достижению своей цели воля — предмет политической патологии.

Образцом национально-политической патологии является немецкий романтизм. С концом империи, когда грозило иностранное владычество, началось мощное немецкое пробуждение, которое оказало сильное влияние на представления той эпохи об истории и природе. Не случайно тогда, впервые после бед 30-летней войны, во Фризии снова раздался клич «Германия, пробудись!» В этом выражалась воля к оздоровлению народа и империи. Сегодня настало время открыть то, что пробуждалось и усиливалось в Германии в период между 1800 и 1830 годами: воля быть самими собой, воля к свободе, воля к победе и к созданию Империи. Вместе с новым национально-политическим самосознанием тогда же возникли начатки характерологии немецкого и окружающих народов, для чего имелись самые благоприятные условия, но все это сегодня совершенно неизвестно. Врачи, у которых пробудилось расовое и немецкое национальное самосознание, завершили тогда работу по созданию немецкой биологии и открыли путь национальному искусству врачевания.

Все это из-за реакции в Пруссии было на целое столетие изгажено, извращено, изгнано, закрыто и забыто. Самым тяжелым грехом прусской политики после 1815 года были репрессии вместо руководства, поставившие под угрозу прусскую, немецкую миссию. Из-за

этого в Империи Бисмарка полностью отсутствовала культурная политика и возобладал дух позитивизма.

Но кризис Империи открыл также настежь двери для национально-политических болезней. Шизофреники, астеники, эпилептики, люди, страдающие мигренью, объявили свои болезни высшей степенью здоровья, путем к оздоровлению: они становились духовными вождями и особенно охотно и успешно — врачами, психиатрами, психологами бессознательного, демонического, потустороннего. Из-за этих болезней распространились чужеродные эпидемии: иудаизм, каббала, демонизм, иллюминатство, неокатолицизм, теургия, магическая медицина. К концу ставшего совершенно неромантическим XIX века итог подвел еврей Ломброзо, принципиально уравнивая гений и безумие. Где-то рядом с ним оказывается Ницше, заболевший манией сверхчеловечности.

Характерный школьный пример — Э.Т.А. Гофман. Предметы игры его фантазии были болезненными и чужеродными, а поскольку он сам был больным, его игра превращалась в серьезное занятие, фантазии — в веру, страх и демоническую реальность... Гофман демонизировал и технику в образе людей Вокансона. В «Духе земли» он иронически использует в качестве заклинаний предложения, взятые наугад из французской грамматики.

Арсенал и лексикон для подобной патологии дает современный манихей В. Лейббранд в двух своих книгах «Романтическая медицина» и «Волшебная палочка Эскулапа-метафизика врачевания» (1939г.). Что это, только «объективные» воспоминания о прошлом? Нет, в неоманихействе и неокатолицизме автор ищет исходные точки и средства для нового болезнетворного вторжения чужеродного начала в лице иллюминатских «врачей» нового типа. Защититься от этих учений поможет дисциплина на основе германского расового самосознания.

О том, что болезнь это не частное, личное дело, особенно ясно свидетельствуют наследственные заболевания. Наследственность делает отдельных людей и поколения станциями большого, единого потока жизни, формирующего и несущего общество в процессе смены эпох, причем законы личной жизни неотделимы от целого, от взаимосвязей сверхличной жизни. Проблема наследственности вообще, поскольку на нее может повлиять целенаправленная человеческая воля, — политическая проблема. И перед врачом встает здесь вопрос, требующий принятия ответственного политического решения. Либо он будет руководствоваться фикцией, что все болезни, по крайней мере, в принципе, излечимы, либо сочтет, что безнадежно

испорченные индивидуальные жизни следует ампутировать ради здоровья целого, как это делает хирург с больными членами тела и судья — с отдельными членами общества...

Имеют ли руководители государства право распоряжаться жизнью и смертью людей? Тот, кто оспаривает это право, должен отрицать все — войну, законы, суды, тюрьмы, принудительное лечение, в частности, в психиатрических лечебницах, т.е. самые основы существования государств. Пацифистский либерализм не обеспечивает безопасность, наоборот, он ведет к анархии и разложению народной жизни как основы личной жизни...

К своему счастью, человек не может вырваться из пределов, установленных для типа, к которому он принадлежит, или оторваться от природы, что грозит ему саморазрушением, даже если перед ним маячат фантомы сверхчеловечества или магической власти над богами и демонами. Но что человек может и должен делать, это противостоять всем вызовам Судьбы. Только это — дело экзистенциальной воли, из которой рождается победа. Только это составляет свободу, героизм, величие и творческую силу человека. Фаталист сидит, сложа руки, с опущенной головой, и ждет удара, человек, верящий в Судьбу, поднимается, как герой, всем чертям назло.

Национально-политическая терапия

Поскольку человек живет в истории, над ним властвует Судьба. Это относится также к здоровью и болезням, которые зависят больше от счастья, веры, политических решений и руководства, чем от рациональных методов и технических средств, которые в конечном счете являются лишь средствами осуществления принятых решений и велений Судьбы. Когда в жизни народов политико-исторические кризисы открывают двери эпидемиям, психозам, заболеваниям отдельных людей и эпидемиям самоубийств, то исцелением может стать оформление нового порядка общественной жизни политическим вождем, имеющим харизму и кайрос (греч. «надлежащая мера»). Врачи являются исполнителями его решений, так же как полководцы, судьи, учителя и т.д.

Вождь и врач имеют один и тот же кайрос. Как учит Парацельс, врач должен помнить, что не он определяет час здоровья или действие своих лекарств: все в руке божьей... Это политическая точка зрения, когда Парацельс называет человека «Упорядоченным существом», в котором счастье, здоровье и болезнь взаимосвязаны. В этом качестве человек является общественным существом, счастье, здоровье и порядок зависят от «искусности» вождей и врачей.

Но харизма и кайрос не существуют без расы: только вместе с ней они определяют историю и миссию. Поэтому болезни и врачебное искусство у греков иные, чем у негров, у германцев иные, чем у евреев. Поэтому самые худшие извращения народного характера были следствием появления у германских народов еврейских врачей и лейбмедиков-каббалистов при немецких королях. Еврейские врачи принесли с собой заболевание народа, которое заметней всего проявилось в искажении высшего сознания: этим путем проникли к нам в позднем Средневековье народные суеверия, колдовство. Каббалистическое наводнение конца XV века было связано с еврейскими врачами. Парацельс в противоположность этому делал упор на своеобразном немецком врачебном искусстве. «У каждой страны свои болезни, свои лекарства и свои врачи. Увлечение иноземным подобно дереву, не дающему плодов. Поэтому мне смешно, когда немцы знают арабский, греческий, халдейский и прочие языки и не знают немецкого, предпочитают иноземные лекарства и не знают немецких, привозят лекарства из-за моря, хотя лучшие растут у них в саду». Поэтому Парацельс стремился убрать все чужеродные наслоения и развить немецкое мировоззрение из врожденного жизненного принципа. Все учение Парацельса пронизано идеей политического вождизма и естественного порядка общественной жизни. Спаситель — неразделимое единство основателя империи, врача, пророка и учителя... Вообще, политическое руководство и установление порядка в народном сообществе в соответствии с его природным типом и его естественными условиями жизни с ориентацией на его историческую миссию это основа народного здоровья, предпосылка выздоровления и лечения: политическая терапия. Расовое сознание Гиппократов заставляло его избегать всего инородного, в его случае — персидского. Врачебное искусство на расовой основе обеспечивает здоровье общества, чужеродное врачебное искусство делает общество больным, чужим самому себе, направляет его на ложный путь, не соответствующий его типу и назначению, хотя в отдельных случаях чужеземный врач может вылечить больного. Ни одна болезнь не может больше рассматриваться в национально-политическом аспекте без связи с обществом, его природным типом и исторической миссией. То же самое относится к воспитанию, праву, искусству, науке, экономике и технике. Разве не было опасным заблуждением вводить в Германии английские методы воспитания? Разве импорт экспрессионистами негритянского искусства не принес столько же вреда, что и еврейский психоанализ? Можем ли мы

долго жить с римским правом без самоотчуждения и отказа от своего назначения? А международный капитализм является на самом деле методом англосаксонского империализма, не соответствующим нашему национальному типу и назначению.

Все в обществе, начиная с политического руководства, это жизненные процессы, протекающие между природой и судьбой, которые в определенный момент и при определенных обстоятельствах, например, при перенапряжении, могут перерасти в определяемую характером носителя болезнь, которая требует и соответствующих, особых методов лечения. При этом отмеренная каждому мера определяет его здоровье, его внутреннее право, на что он может решиться, а на что нет, чем и насколько он может наслаждаться, и чем нет. Его ответственность тоже определяется его мерой. Болезнь выражает нарушение меры. Тот, кто призван быть вождем, способен быть и целителем, судьей, воспитателем, даже если он пользуется услугами технически образованных специалистов. Не они определяют действия вождя, а он — их действия.

Когда Парацельс говорит о «возрождении» человека, это не религиозный символ, речь идет о реальной человеческой жизни: Как кто-то может стать молодым, если он стар? Вариант этого вопроса: Как может стать здоровым, тот, кто болен? В жизни отдельного человека, как и в истории народа, возврата не бывает, движение всегда — только вперед.

Поскольку отдельный человек, как член общества, не живет сам по себе, возрождение членов общества возможно только как возрождение народа...

Подлинно историческая эпоха это время обновления жизни народа. Призванная верой и ниспосланная Судьбой сила освобождает от всего чужеродного и устаревшего, от исторических шлаков и мусора, доходит до живых природных основ и приводит их в действие. Из них возникают новые стимулы, новая воля, новая общность, новое рождение, новая цель и здоровье. В этом конечный смысл революции, поворота времен, возрождения. Отдельный человек может довольствоваться тем, что он снова обрел свое счастье, но для целого это значит немного, пока прорыв не захватывает все целое и через врачей, учителей, судей и всех людей творческого труда преобразуется в народную волю и силу или, наоборот, подтачивает политическую волю, как это делали раннее христианство и восточные религии спасения Римской империи, церкви и секты со Средних веков — в Германской империи с одновременным отрывом от природы и истории...

...Наше призвание — не в таком Царстве, какое живописала раннехристианская или средневековая церковь. Наше призвание — не нигилистическое потустороннее спасение от жизни ради прозрачного существования, а наполнение нашей национальной жизни максимально возвышенным содержанием, что позволит нам стать образцами для других и творить историю.

Смерть народов

Смерть отдельных форм остается в истории чисто естественным фактом, даже если она, как, например, смерть на войне, является следствием чисто исторических решений. Но, поскольку жизнь человека всегда протекает между природой и историей, между ростом и Судьбой, его вечная жизнь — в равной степени история и природа. Героический и трагический человек продолжают влиять на исторические события, вступая в Валгаллу или обретая «новую природу» со сменой поколений и форм. Земля не может потерять жизнь: сказка физиков о смерти Вселенной в результате энтропии устарела. Но народы могут через несколько поколений утратить волю к жизни: тогда наступает смерть народа.

Никогда смерть народа не бывает естественной, как смерть отдельного человека. Ни один народ не вымирает просто так и не известен ни один случай, чтобы исторический народ исчез в результате природных катастроф, эпидемий и войн... Смерть народа в действительности — политическое и историческое событие, она наступает всякий раз, когда народ утрачивает способность выполнять свою миссию и из-за внутренней слабости и болезни становится игрушкой политических сил. Вместе с политической свободой он теряет свою самобытность и самоопределение, отклоняется под влиянием чужой крови и чужого духа от своего типа и назначения, становится материалом для новых национальных и политических образований. Современные французы уже не древние галлы и никогда не станут ими, несмотря на все усилия, прилагаемые со времени Французской революции. Нынешние греки — не древние греки, хотя они цепляются за старое название. Итальянцы — не римляне, а что такое нынешние англичане и чем они хотят быть, они и сами не знают. Никогда снова не обретут величие афинская, римская или британская империи. Немцы — единственный народ, способный на германское возрождение. Хотя и они включили в себя другие расовые компоненты и восприняли их кровь, а также испытали на протяжении своей истории сильнейшее влияние чужеродного духа (идей

и культурного наследия), чужеродная кровь никогда не была у них преобладающей и жизненная основа не была безнадежно испорчена. Немецкий народ снова возрождался, с огромным трудом, но неустойчиво, чтобы выполнять свою историческую миссию... И пока народ выполняет эту миссию, пока он сохраняет свой расовый тип и еще не осуществил свое расовое назначение, он не умрет, он может возродиться. Иначе немецкий народ умер бы в самом роковом для Германии XVII веке, после Тридцатилетней войны.

Индивидуальная смерть — неизбежное явление природы, смерть народа зависит от Судьбы, которая в конечном счете управляет природной силой народа и оплодотворяет ее. Смерть народа это, собственно говоря, смертельное заболевание; как и болезнь отдельного человека она взаимосвязана с экзистенциальной волей, волей к самоутверждению. Естественная смерть совершенно не зависит от этой воли. Пока народ имеет эту волю, он не погибнет... Можно сказать, что у греков и римлян тоже есть наследники, хотя они уже не настоящие греки и римляне... Если смерть народа предопределена роком, она неизбежна, но ее предвестником является ослабление национально-политической экзистенциальной воли... Смерть народа бессмысленна, даже если она принимает героические и трагические формы, как конец остготов и других германских кочевых племен. Это смерть по своей вине.

Народ может спасти от смерти появление избранника Судьбы — исцелителя; ниспосланный свыше вождь и врач может возродить народ, перейдя пределы и меру человеческого вопреки естественной смерти. Это признак окончательного ослабления воли, который делает рок неизбежным, если к переживающему бедствие народу не приходит больше вождь и целитель. Такой народ может трагически погибнуть, как остготы. Но он может и в гибели сохранить свое величие и стать символом для будущих поколений, живым уйти в область мифа.

Исторические примеры доказывают, что только древний народ обладает способностью к возрождению для долгой историко-политической жизни, к омоложению после упадка, к подъему после поражения. Все, в том числе и германские народы господ, сколь бы велики ни были их исторические достижения в идее образования государств от Испании до России и от Исландии до Сицилии, гибли по тому же закону, что и покоренные ими народы. Остготы намеревались стать господствующим слоем у гуннов, т.е. победить первоначальных победителей. Когда настал час гибели гуннов, готы могли спастись, но погибли, несмотря на все заверения, которые Теодорих Великий давал господствующему слою Италии. Это всегда лишь вопрос времени:

вестготам было отпущено больше времени, вандалам меньше, но слезы последнего короля вандалов так же не могли остановить рок, как и героический меч Тотилы. Франки в Галлии господствовали более тысячи лет, но потом с ними стало то же, что и с римлянами. Римлян в конечном счете постигла та же судьба, что и карфагенян и греков, франкскую знать в Галлии — та же, что и побежденных галлов. Теперь в Англии англо-саксы ждут своей участи, после того как норманская знать давно вымерла. При этом всегда имеет место сплетение вины и Судьбы. Гибель становится расплатой за вину, которая заключается не в том, что было завоевано господство, а в том, что завоеванное господство не было удержано, что народ господ не соблюдал дисциплину, что его упадок и вырождение вследствие загрязнения крови стали безнадежными. Расплатой для французской знати стала к тому же гибель на гильотине.

Немецкий народ, на котором тоже лежит вина, следствием чего была болезнь, возродился и предстал перед миром более могучим и великим, чем когда-либо снова призванным к выполнению своей миссии. Он может сегодня без страха вспоминать о роковом для него 1648 годе, который не стал годом его смерти лишь по той причине, что он остался связан корнями со своей жизненной основой, откуда он получал новые силы, откуда вырастали новые таланты, благодаря чему к нему постоянно приходили все новые политические вожди нации — врачи, пророки и воспитатели.

Способы воздействия Рационализм и магия

Ньютон выдумал пустое пространство и, чтобы вообще можно было понять движение, ввел в него фиктивные силы, действующие на расстоянии, которые безоговорочно подчиняются математическим формулам. Декарт еще не зашел так далеко, как Ньютон, но с его «Рассуждений о методе» началась в 1637 г. эпоха рационализма. Обособившийся формальный разум развалил рациональный метод, провозгласил его суверенным, оторвал от естественной почвы, от природных и исторических условий, сил и целей, превратил в самоцель и подчинил ему все: природу и людей, тело, душу, веру, инстинкты, страсти, Бога и мир. Но метод мышления и наук — только одна сторона, которая дополняется и доводится до конца путем обособления и объявления суверенными всех практических методов действий. Эпоха автономного рационализма это эпоха техники, достижениями которой люди этой эпохи гордятся и сегодня.

Средствами и инструментами рационализма являются чистые, суверенные понятия в форме языкового логоса («бытия», категорий и т.д.) и математического логоса, уравнений, выраженных в числах, кончая дифференциальными уравнениями. Объявляя себя самого суверенным, разум возводит вместе с методом на высший уровень чистые понятия, «бытие», категории, числа, уравнения. В итоге все сводится к формуле: понятие = смысл = мир = дух = Бог. Эта высохшая кость, многократно обглоданная со времен древних греков, именуемая реализмом понятий, перебрасывается из одних рук в другие, как истинная основа мира, как раскрытая тайна мира и природы, жизни и духа, не только в философии, но и в неразрывно связанной с ней науке о природе, именуемой физикой, которая видит свою задачу в том, чтобы сделать природу ненатуральной, разрушить ее и не оставить от нее ничего кроме дифференциальных уравнений. Эта задача была выполнена в период кризиса физики после 1900 года.

Лейбниц протестовал против такого подхода, но сам потом к нему же вернулся. Он, изобретатель дифференциального исчисления, прообраз которого был уже у Николая Кузанского, противопоставил пустому пространству Ньютона наполненное жизнью пространство, чисто материальным и механическим атомам — обладающие восприятием и спонтанностью монады. Он пытался найти в жизни глубочайшую основу мира, природы и сделать ее предметом изучения естественных наук. Напрасно! Кант связал Ньютона с Аристотелем и основой мира у него снова стало тождество бытия и понятия, продолжением чего были абсолютное Я Фихте с его мнимыми действиями и абсолютный дух Гегеля с диалектическим развитием понятий, подменяющим собой мировой и исторический процесс. Кончилось это «онтологией» эпигонов. Гете протестовал против этого во имя живого мировоззрения, но его протест был заглушен победными криками абсолютного понятия.

В конце XIX века и «физика» завершила разрушение природы на свой манер. Мах, который шел тем же путем, что и Пуанкаре, сказал с торжеством о Герце, что этот «физик» не только изгнал из природы силу, но и сжал «физическое содержание» до внешне почти не заметного остатка, приблизившись к картезианскому идеалу растворения природы в математике. С таким же торжеством еврей-неоканტიанец Кассирер приветствовал теорию своего соплеменника Эйнштейна... Вместе с природой была убита и отправлена в небытие не только сила, но и материя. Одновременно истребительный поход против исторической реальности, начатый Дюбуа-Реймоном, закончил Хайдеггер со своей онтологией. Таков был конец нигилизма:

круговорот, именуемый прогрессом, начавшись с Декарта, через Ньютона, Канта, Гегеля и Эйнштейна снова вернулся к Декарту.

Там, где понятие и метод отрываются от своей природной основы и цели и объявляют себя суверенными, они не приносят в жизнь ничего, кроме бедствий, разрушения, разложения, болезней и нигилизма. Благо приносит лишь те действия, которые служат цели, смыслу и миссии, соответствующим природной основе (расе!), во всех областях: в охоте и рыболовстве, в земледелии, животноводстве, колонизации, медицине, воспитании, юриспруденции, экономике, технике, искусстве, военном деле и политике... А суверенный метод только разрушает того, кто им пользуется...

Еще до того, как XIX век начал свою двусмысленную, а потому безуспешную борьбу против суверенного рационализма, за возврат к реальности в природе и истории, он пережил в самом своем начале контрудар, когда в противовес ему вторглась волна магии вместе с романтическим иллюминатством и его многочисленными ублюдками вроде неокатолицизма и неохристианства во всех его формах, от сенсимонизма до теософии и антропософии. Иллюминатство противопоставило суверенной методике рационализма суверенную методику магии (теургии). Пути разные, цель одна: самообожествление, обожествление человечества, сверхчеловек. На этом пути встречаются Сен-Мартен и Ницше, Мартинес Паскуалис, Наполеон и Гегель. Конец в обоих случаях — нигилизм.

Ньютоновские силы, действующие на расстоянии, у иллюминатов заменяет воздействие на расстоянии с помощью заклинаний и колдовства... Материализм и спиритуализм живут рядом друг с другом и постоянно перетекают один в другой, потому что дух это не что иное, как тонкая материя, легче поддающаяся магическому воздействию. Связующим звеном между ними всегда был «эфир». Дух и материя встречаются в понятии «субстанции», причем дух хочет быть «нематериальной», тонкой материей и все же оставаться материей, что представляет собой полную бессмыслицу.

Методы антропософии, теософии и спиритизма это лишь утонченные грубой практики колдовства, они столь же механистичны и рационалистичны, как и методы рационализма... Разница в результатах: методика рационализма принесла огромные успехи, а антирационалистическая методика это лишь карикатура на нее и никогда не производит ничего, кроме сиреневого тумана.

Должны ли мы выбирать между рационализмом и магическим иррационализмом? XIX век это долгий, извилистый путь со многими отступлениями, безуспешная борьба за помещение человеческой

жизни в промежуток между природой и историей. Мы вышли из природы, история — наше назначение. На это мы должны ориентировать наше мировоззрение, методы нашего мышления и действий... Эпоха суверенной методики во всех областях жизни закончилась.

Мир колдовства

Когда английский премьер-министр или подражающий ему негритянский вождь ложится спать в цилиндре, это неудобно и смешно, но служит выражением определенной линии поведения. Цилиндр в данном случае является символом общественного положения. Символы всех видов, от знамен и корон до рун, это символы веры, средства объединения. Знаки в этом качестве могут заменять жесты, слова, песни, молитвы и т.д. Колдовство же это обман и суеверие.

Суеверие начинается с того, что и в этом случае средство, будь то образ действий или определенная вещь, обособляется и рассматривается как носитель действенной силы, способной выполнять желания, убивать, исцелять, приносить удачу на охоте и т.д. Наделяя себя магической силой, человек становится на путь самообожествления. С этим связана вера в демонов, духов, ангелов, чертей, богов и разные силы, которые человек может подчинить себе с помощью магической практики. При этом часто хорошо уживаются вместе настоящая вера и фетишизм.

Есть множество видов магической практики, но все это лишь утонченные варианты грубого колдовства. Медитации, обряды, аскезы, мистерии, монашеские упражнения, дыхательная гимнастика, наркоз, все методы теософии относятся к той же категории, что и рецепты колдовских книг. Эта практика может способствовать увеличению человеком своих сил в желательном направлении. Однако, как правило, обособление этой методике, продолжением которой являются гипноз, внушение, психоанализ, может заключать в себе опасность отрыва от природы и заболевания даже в тех случаях, когда возможным было целительное воздействие, как только речь заходит об умерщвлении плоти, если эта цель не ставилась с самого начала. Все эти методы, включая иезуитские упражнения, давно уже поставляли множество пациентов психиатрическим клиникам из числа людей, имевших соответствующие задатки и слабости. У северных народов мир колдовства был сферой деятельности одних лишь мошенников или пизофреников вроде Сведенборга.

Колдовство это классический случай нарушения меры, неизбежно ведущего к болезни, распаду и вырождению. Достаточно рассмот-

реть поближе всех этих духовидцев, врачей-магов, теософов, теургов, основателей религий, пропагандистов иллюминатства и неокатолицизма, ясновидцев, сверхчеловеков и истериков всех видов в период между 1750 и 1850 годами. «Религия» тогда на самом деле стала болезнью. И каждый раз стимулы исходили от евреев с их мессианством. Не случайно евреи, начиная с позднего Средневековья, поставили северным народам так много врачей, особенно лейб-медиков при власти имущих. Их методы лечения, хотя в отдельных случаях они и помогали, имели конечной целью систематическое ослабление этих народов и расчищение почвы для своего мессианского царства.

Трудно представить себе, до какой степени евреям, начиная с еврейского врача-философа Маймонида, удалось повлиять на схоластику, церковь, государства и народы Запада своими ложными представлениями о природе и потустороннем мире и своей каббалистической практикой, к которой относятся также магическая медицина, все теологическое учение о ведьмах, христианская каббала, демонология, методы иллюминатов и упражнения иезуитов. Всю этнографию надо основательно пересмотреть заново, дабы отличить свое от чужеродного. Задача этой науки — национальная гигиена: забота о своем и очищение от всего чужеродного в народных обычаях и верованиях. Речь идет о характерологии народов и рас, а не об «общей теории развития».

Врождение веры шло у германцев двумя своеобразными путями. Один привел к нигилизму, другой — через обособление средств и методов — к фетишизму. Первый путь хорошо описал Уланд в одной из своих баллад: это нарушение экзистенциальной волей положенных ей пределов, что влечет за собой несчастье и гибель людей, племен и народов. Второй путь означает отдачу своей и чужой жизни во власть злых сил Утгарда. Это каралось смертной казнью. Германское христианство защищало себя от колдовской практики всех видов самыми жестокими средствами, пока проникавшая в Средние века на север восточная волна не сделала больным народ, империю и историю. Переносчиками были евреи, священники и монахи. Север надо было убить так же, как уже убили средиземноморские страны.

Древнегерманское благословение по своему первоначальному смыслу и использованию не было колдовством, как и поднятие руки в приветствии. Колдовство начинается с того, что слово, жест или иное средство делается самостоятельным и становится предметом злоупотребления. Колдовство это демоническая физика, химия и медицина, это вторжение в нордический мир враждебных и разрушительных азиатских сил.

Мир колдовства, родина религии — это Азия, антимир европейской воли к действию, к политическому действию, к историческому творчеству.

Наивысшей степени еврейская порча западного христианства достигла в лице Пико делла Мирандола, который похвалялся, что завершил дело Фомы Аквинского, и говорил: «Ни одна наука не убеждает нас в божественности Христа больше, чем магия и каббала». Эти слова получили благословение папы Александра VI, Родриго Борджиа, в его послании от 18 июня 1493 г. В Германии аналогичные взгляды проповедывал гуманист Рейхлин. Это была эпоха «молота ведьм».

История против религии

Географически Европа кажется выступающим на Запад полуостровом Азии. Но, хотя над ней всегда нависает азиатская опасность, Европа имеет свой смысл существования и ведет постоянную борьбу с Азией за самоутверждение и гегемонию. Европейские принципы это вера в Судьбу, природа, расовое сознание, политическая воля, рациональная техника, дисциплина, историческое развитие и героическая борьба, отраженная в эпосах. Все это входит в «историю», в естественно-историческое мировоззрение. Противоположный азиатский принцип — «религия»: мир колдовства и колдовской практики (таинства, аскезы, медитации, мистический союз, гнозис, теософия, техника возвышения типа йоги) на службе самообожествления, жажды спасения, бегства из этого мира в потусторонний, богочеловечества и сверхчеловечества, бегства от действительности, одним словом, — нигилизма.

Повсюду, где Азия поглощала нордических людей, ее принцип одерживал победу над этими расами и приводил их к гибели. Об индоарийцах напоминает лишь эпос. У персов, вымирающих под игом ислама, остались лишь поздние воспоминания о самих себе в «Шах-наме» Фирдоуси.

Факел европейского принципа, исторического творчества, греки передали римлянам, а те — германцам. Греко-римская эпоха, длившаяся тысячу лет, закончилась победой Азии. 2000 лет назад носителями европейского исторического принципа стали германцы...

Вот уже 800 лет на созданном германцами «Западе» продолжается борьба за победу крови и идеи между нордическим принципом «природы и истории» и азиатским принципом «религии», представленным евреями, попами и монахами. Под германским руководством создавались империи, государства и церкви Европы, отражались на-

шествия арабов, монголов и турок, наносились контрудары, совершались крестовые походы, колониальные империи англичан, франков и русских (если не считать эпизода с Наполеоном) переносились в Азию, и в то же время Европа сама переживала внутреннюю ориентализацию в результате деятельности фирмы «Религия» и ее филиалов, таких как мистика, теософия, каббала, схоластика, иллюминатство.

Европа пробудилась для самой себя и своей истории во время осады греками Трои и в «Илиаде» Гомера, воспевшего эту борьбу. Уже тогда расовое самосознание греков проявилось с такой силой, что они наделили «варваров» своими героическими идеалами, своими богами, своей верой в Судьбу и тем самым включили побежденных в свой круг. Героями «Илиады» стали их вера в Судьбу, их дисциплина, их воспитатель и врач Хирон, их мудрые провидцы. Через персидские войны и трагедии Эсхила традиция «Илиады» нашла свое сознательное завершение в Александре Великом, ученике Аристотеля. Этот македонский герой воплощал в себе вершину греческого мира и одновременно его последний кризис.

С «Одиссеей» начинается встречный поток из Азии. В этой поэме появляется азиатская богиня-колдунья Цирцея, родственница ночной богини Гекаты, которая превращает греческих героев в животных, в свиней.

Вскоре после смерти Александра в названном его именем городе на Ниле был воздвигнут большой идол, вывезенный из Синопа и носивший имя Серапис, бог подземного мира, Апис-Осирис и восточный демон звездного неба. Когда 500 лет спустя монахи отрубили голову этому идолу, из него вырвалась целая толпа демонических чудовищ. Демоны довели до окончательной гибели греков и римлян. Ориентализм, именуемый религией, одержал победу над империей, расой и историей. Гомер это героическая история, Аполлоний — магическая религия.

Весь античный период можно охарактеризовать с помощью трех эпосов, причем второй и третий из них — эпосы лишь по названию. Воля живого греческого мира простирается от «Илиады» Гомера до «Аргонавтик» Аполлония Родосского, в которых этот мир умер. Второй период — от «Аргонавтик» до «Дионисиак» странного христианина Нонна... Героинями поздних «эпосов» являются женщины: герои-мужчины вымерли. Правда, между Аполлонием и Нонном на вершине Римской империи еще стоит «Энеида» Вергилия.

В центре «Аргонавтик» не гомеровский герой Ясон, а злоеца азиатская колдунья Медея из Колхиды, племянница богини-колдуньи Цирцея и служительница ужасной Гекаты. Медея превращает «героя»

Ясона, который сеет зубы дракона и пожинает сыновей дракона в бога, богочеловека, а потом, после коварного убийства его брата, — в вампира.

Вот во что превратилось геройство Ахилла под влиянием Азии: место героической борьбы заняла ее видимость, за которой кроется колдовство. Боги Греции стали азиатскими демонами... Греция была погребена под азиатским первобытным илом, именуемым религией. Руководящая роль перешла к римлянам, которых, как и все Средиземноморье, ждала такая же смерть в азиатском демонизме и нигилизме. Да будет это вечным предостережением для германцев: Берегитесь Азии! Религия для вас — смертельная болезнь, независимо от того, исходит она от пап или от англо-азиатского империалиста Дизраэли. Религия для нас германцев, как и чума, — азиатская болезнь...

Для развития своего типа и выполнения своей миссии арийцам тоже нужны свои методы мышления и действий, которые должны соответствовать природе, быть целесообразно-рациональными и политическими, т.е. рассматривать деятельность и жизнь в аспекте взаимодействия полюсов природы и Судьбы. Опасность вырождения грозит лишь в том случае, если средство, разум, оторвется от своих связей с расой и Судьбой, станет самостоятельным и суверенным, а человек оторвется от своих природных корней и потеряет из вида свое назначение...

...Героические греки «Илиады» пришли под Трою со своей системой воспитания, своими врачами и учителями, прообразом которых был Хирон, со своими вождями. Все в их жизни, все их способы мышления и действий были пронизаны расовым сознанием, направлены на осуществление политической воли, на героическое поведение. Поэтому они стали вождями и носителями того, что мы называем историей. То же самое, с вариациями, повторилось с римлянами и германцами.

Расово-политическое воспитание это система отбора, создание благоприятных условий для всего, что соответствует своему типу и своей цели, и подавление всего, что им чуждо. В любом политическом образовании возникает элита, которая обновляется со сменой поколений. К ней принадлежат все те, кто полностью соответствует образцам, данным в эпосе. Таково воспитательное значение поэзии.

Как в обществе, так и в отдельном человеке могут быть противоречивые черты, которые всю жизнь ведут борьбу друг с другом за то, чтобы стать определяющими как в характере, так и во внешности. Мы знаем арийцев с четвертью еврейской крови, которые в молодости выглядели арийцами, а к старости стали походять на евреев. Проявлению тех или иных черт должна способствовать система воспитания со своим отбором, чтобы развитие шло в направле-

нии исторической и политической миссии расы. Таков закон жизни европейского человека, определяющий все его способы мышления и действий, его здоровье и болезни.

Чтобы народ имел целенаправленную политическую волю, необходимо цельное мировоззрение, создателем которого может быть поэт, мудрец или пророк. Мировоззрение нельзя выбрать произвольно или создать по команде. Оно учит людей смотреть своими глазами на реальность, самих себя и цель и понимать их своим умом, чтобы сохранилась раса, чтобы она не отклонилась от своего назначения и пути.

Назначение немцев это создание Империи... Борьба за Империю всегда была расовой борьбой своего против чужого, происходящего в конечном счете из Азии и организованного церковью. В этой борьбе, которая наполняла историю Европы с начала нашей эры, т.е. со времен Арминия и до наших дней, перевес был то на одной, то на другой стороне. В самом начале этой истории мы видим вторжение Азии в Германию. За римскими солдатами и колонистами шли сирийские и еврейские торговцы, неся с собой азиатских богов и демонов, культы и амулеты: мир колдовства, иллюзионизма, разрушения расы и воли начал свое наступление еще до появления христианства. С этого момента и до наших дней идет борьба между расовым самоопределением и самоутверждением и впервые воплотившейся в Римской империи, потом в римской церкви, а после Дизразли и в Британской империи азиатчины, мессианского мира колдовства.

Неправильно видеть в истории борьбу религий и империй между собой. Свообразие европейской истории со времен Троянской войны составляет борьба рас, призванных творить историю и создавать империи, против религии, колдовского иллюзионизма как азиатского изделия и средства борьбы. Сначала греки, а потом римляне были побеждены Азией. В XIII веке казалось, что такая же судьба постигнет и Германскую империю. Процесс во всех случаях был одним и тем же: эллинистические царства с помощью религии были превращены в царские церкви. Вознесенный со времен первых Птолемеев азиатский царский бог Серапис стал победителем греческой расы. Римская империя начиная с Диоклетиана также превращается в имперскую церковь, сначала с помощью азиатского синкретизма, потом с помощью азиатского христианства. После этого античный мир умер окончательно. Христиане тогда восторженно кричали: «Серапис стал Христом!» Они сами не знали, насколько они правы. Греки и римляне умерли в результате победы Азии. В своем прекрасном очерке «Гибель античной религии», который следовало бы назвать «Гибель античности от религии», Альбрехт Дитрих дает словарь религии, т.е.

азиатского колдовского иллюзионизма, погубившего греков и римлян. Хотелось бы возразить Дитриху только по одному пункту: он часто видит истинно греческие творения там, где на самом деле уже имели место азиатские влияния, как, например, в орфических учениях о потустороннем мире и бессмертии души. Во всей греческой и римской истории, начиная с «Илиады», не было почти ни одного момента, когда не шла бы политическая и духовная борьба с азиатчиной и каждый раз, когда греки и римляне вроде бы политически побеждали Восток, Азия отвечала тем, что подчиняла победителей своей религии и это было концом их расы и их миссии.

Во времена средневековой Империи казалось, что германцы одержали верх над азиатчиной. Однако с XIII века Империя заболела азиатчиной; с помощью римской церкви азиатчина снова поднялась и затопила Север. Со времени Лютера германский мир ведет борьбу за свою свободу и самоутверждение, хотя в тяжелые времена на него одна за другой накатывались чужеродные волны... Наш лозунг: История против религии! Европа во главе с германцами против азиатчины!

Техника возвышения

Что думает азиатский человек о себе самом, как он довольствуется тем иллюзионизмом, который называет религией, нам, германцам, вообще непонятно. Мы, со своей стороны, считаем идеалы азиатских религий, поскольку привыкли судить по плодам, в соответствии с ценностями и масштабами нашего естественно-исторического мировоззрения, иллюзионистскими и нигилистическими, непонятными для других. Но есть мера реальности, перед которой вольно или невольно должны склониться все. Тот, кто становится господином других, руководствуется масштабом, который выше всех фикций и иллюзий. Что пользы индусам от того, что они считают себя высшими людьми, если они не могут освободиться от рабских оков английского империализма? Даже Ганди не может этого не признать.

Япония работает на своей жизненной основе точно так же, как политический европейский человек. Она не знает бегства от этого мира и давно уже так переработала буддийскую методику спасения, что из нигилистической техники спасения возникло рыцарское самурайство, и, следуя тому же закону, Япония стала ведущей великой державой Дальнего Востока, используя политическую и рационально-техническую методику.

Китай стал великой державой и перестал ей быть согласно одному и тому же закону. Следуя закону Дао (де Гроот переводит

это слово как «универсизм»), полурациональному (Конфуций), полумагическому (Чжуан Цзы), в любом случае — традиционалистскому, китайцы долго сопротивлялись ассимиляции, в частности, маньчжурами, пока китайский колосс окончательно не ослабел, став добычей внутренних противоречий и внешних врагов. Назначение Китая оставалось историко-политическим, пока в безвольную эпоху не перешло в «культуру».

Индо-арийцы создали последний памятник самим себе в виде великих эпосов. Позже они исчезли в расовом хаосе Индии, оставив после себя множество застывших каст. Каста брахманов очень рано разработала мистически-теургические методы самообожествления. Воины, некогда носители героических идеалов, совершили акт самоубийства, создав радикальные религии спасения от пресыщения тропической пышностью жизни. Когда принц Будда однажды душной, знойной ночью увидел красоток своего гарема во всем безобразии, он бежал от жизни. Его побудили к этому четыре причины: болезни, старость, смерть и мерзости жизни... Восьмеричный путь буддийского погружения в нирвану, после того как Будда отверг насильственный аскетизм своего конкурента и предшественника Джайны, — один из главных методов возвышения в Индии... Человек хочет любой ценой выйти за пределы реальности, подняться к богам, к высшей власти, к единению с Брахмой, совершенству и святости. К этому стремится вся Индия. Что индусы считают своими достижениями, мы не знаем, а то, что мы видим, это потеря самих себя, своей жизненной силы, Арийского расового начала и политической воли. Со времен Александра Великого — если не считать нескольких эпизодов — Индия не имела политической самостоятельности, исторической миссии, историко-политического сознания: все растворилось и погребло в религии. С тех пор Индия переходила от одного чужеземного властителя к другому, и Ганди в этом ничего не изменит. Китай отличается тем, что в нем над магической религией был надстроен политико-этнический рационализм Конфуция. На этом держалась империя, пока по ее фундаменту не пошли трещины. В Индии политическая воля была истощена религией и ее методами возвышения, известными под общим названием йоги. Индия — страна без истории.

Что означает Индия для нас, германцев? Этот вопрос включает в себя и отношение к погибшим арийцам Персии, у которых политико-героическая противоположность Добра и Зла задолго до гибели выродилась в мир колдовства и спасения. Отвечаю: это арийский соблазн, романтическое любовное томление, опасность болезни, разложения воли и смерти. Существует неразрывная связь между Персией и постоянно

возрождавшимися у нас со времен Августина и Средних веков (катары, Данте) манихейством, неоплатонизмом и прочей гностикой.

Все это было давно. Гораздо важнее то, что происходило у нас с конца XVIII века. Перевод «Авесты», который сделал Анкетиль Дюперрон, навсегда останется незабываемым достижением. На немецкий язык эта книга была переведена масоном высокими степеней Клейкером, что совпало по времени с переводом работ Сен-Мартена. В «Магиконе» Клейкера азиатские пророчества перемешаны с идеями французского иллюминатства. Как можно судить по Лессингу и Гердеру, перевод Анкетилия открыл все шлюзы перед потоком манихейства и иллюминатства. Азия вторглась в Европу, и все немецкие романтики, которые подпали под ее влияние, стали больными людьми, у них ослабла воля и жизненная сила, тогда как Гете и ему подобные противостояли наступлению Востока тем, что превратили восточные темы в свободную игру своей фантазии, а не в религию и не в методы исцеления, которые делают людей больными. На протяжении всего этого периода увлечения Востоком среди поэтов, философов и врачей целью было самообожествление, вплоть до шопенгауэровской воли к избавлению от воли путем буддийского созерцания собственного пупа и до воли к власти как воли к самообожествлению и сверхчеловека. Шопенгауэровская болезнь с особой силой захватила немецкую молодежь после краха в 1848 г. попытки создания Империи.

Французское иллюминатство второй половины XVIII века, основанное евреем-каббалистом Мартинесом Паскуалисом, было двигателем разложения опустившейся франкской знати и галлизации Франции. Политической кульминацией стали мессиянство Робеспьера и азиатские устремления Наполеона, которые привели к падению его эпизодической империи. Наполеон при этом постоянно испытывал тягу к исламу, сильнейшему политическому волевому стимулу Азии, который некогда уже довел до роковой порчи орден Тамплиеров. А Южная Франция была родиной скрытого, периодически возрождающегося манихейства.

Здесь не хватит места, чтобы рассказать во всех подробностях, каким соблазном стала Азия для галльских сенсимонистов, романтиков, позитивистов и еврейских финансовых авантюристов, вплоть до Фердинанда Лессепа и панамского скандала; до какой степени Бальзак, Стендаль, Флобер, Виктор Гюго, Анфантен, Базар, Жерар де Нерваль и Жорж Санд с их большой галльской совестью, убегая от франкского и германского начала, бросились в объятия ориентализма и стали от этого больными. От этого не был свободен даже граф Гобино, который поместил прародину своих возлюбленных

германцев в Азию и сочинял стихи на азиатские темы. Все было направлено на азиатское самообожествление: сверхчеловек — это собирательное название религии, враждебной истории, политике и империи, заболевание воли... Ницше был обязан этим французским романтикам не меньше, чем Шопенгауэр...

...Вся индология позже превратилась в пропаганду буддизма на Западе при поддержке с флангов, с одной стороны, теософией, антропософией, маздеизмом и другими сектами, а с другой — еврейским монизмом, Ломброзо и Фрейдом с его психоанализом.

Немцы, даже тогда, когда они ищут собственное утраченное Я, постоянно поддаются соблазну, увлекаются чужим и далеким, творят себе кумиров, и этим их слабым местом пользуются евреи. Романтики и Шопенгауэр подарили нам вместо семитской якобы арийскую азиатчину. Расовое назначение германцев — воля и историческое творчество. Для них буддизм, в том числе и в форме шопенгауэровского избавления от воли путем созерцания, это яд и кастрация самих себя. По Германии около 1900 г. прокатилась еще одна волна буддизма в форме теософии Блаватской, а позже — антропософии Штейнера. Для якобы беспристрастной и объективной науки характерно, что расцвет немецкой индологии той эпохи основывался большей частью на иногда замаскированной, иногда открытой пропаганде вслед за Шопенгауэром индийского безволия. Целью было разложение возродившейся после Бисмарка политической воли немцев к самоутверждению и историческому творчеству, подрыв прусского государства и Империи...

Понятно, что подобной деятельностью руководили евреи. Видным пропагандистом буддизма в вильгельмовской Германии и оптовым продавцом мировой скорби был франкфуртский фабрикант точильных камней д-р Артур Пфунгст...

Франкфурт, родина Гете и Ротшильдов, был около 1900 г. маленькой Швейцарией внутри Империи, центром сопротивления Империи и прусскому государству, их подрыва любыми средствами. Именно отсюда раздувалось мнимое «недовольство» в Южной Германии. Во главе этого государства стояла могущественная газета «Франкфуртер Цайтунг»...

Евреи имели свои рычаги во всех партиях, социал-демократия зависела от них... Борьба еврейских и масонских партий и их органов против другого врага Империи, ультрамонтанства, была лишь видимостью. После краха Империи в 1918 г. оба течения, с общего благословения Великого Востока и папы, слились в «Веймарскую коалицию», чтобы вместе окончательно столкнуть Империю в пропасть.

В вильгельмовскую эпоху возник ряд мировоззренчески-этических союзов, вроде Союза монастов. Это были организации оппозиционной Империи буржуазной интеллигенции, в которых подвизались Ф.В. Фростер, Гурлитт, Геккель и др. Их поддерживали масоны. На этом поле вел свою буддийскую пропаганду Пфунгст, тесно связанный с «Франкфуртер Цайтунг», учеными-индологами и еврейскими главарями марксистов вроде Адлера и Бернштейна...

...Среди множества личных связей Пфунгста следует выделить две. Стремясь объединить все организации «свободомыслящих» в один картель под своим руководством, он в 1904 г. на конгрессе свободомыслящих в Риме примазался к Геккелю, кумиру Союза монастов, и ему удалось наладить тесное сотрудничество с Геккелем. В 1906 г. Пфунгст писал Геккелю о своем намерении создать «Союз союзов»... Геккель поддержал эту инициативу. Ее направленность в достаточной мере характеризуется такими именами, как Ферстер, Адлер, Бернштейн, Гурлитт, Хорнзффер и Ломброзо.

Особенно важным был союз между двумя евреями, Пфунгстом и Ломброзо. Пфунгст стал апостолом Ломброзо в Германии. Это лучше всего раскрывает его собственную тенденцию. Книга Ломброзо «Гений и безумие» — одна из самых наглых еврейских пакостей, какие когда-либо компрометировали приличную науку. Фундаментом этой книги служит навозная куча бессвязных утверждений, выдуманных и бессмысленных суждений, которые близко граничат с безумием, но не имеют ничего общего с гением. Эта книга воспеваает евреев как цвет европейского духа, а разрушение и разложение открыто провозглашаются в ней как цель...

Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты. Друг Ломброзо разоблачает намерения и сердцевину точильного буддизма и наждачной мировой скорби Пфунгста. Вся индология, в том числе Рис Дэвидс, Т.Шульце, Макс Мюллер, Ольденберг, Иеллеруп, Лейман, вся поэзия и политика, вся импортированная индийская методика, включая теософскую и антропософскую, это маскировка конечного намерения: достичь еврейского господства путем подрыва самосознания, политической воли и расовой основы немецкого народа. Все это современники сверхчеловека и его родня по духу.

Раса и способы лечения

Основной закон расы гласит: любое воспитание, все виды формирования человека и правовые формы, а также все способы лечения, вообще, любой образ действий должны соответствовать расо-

вому типу и расовым ценностям, иначе они приведут к болезням и вырождению. Если расовое назначение германцев — политическая воля, творящая историю, то все способы действий германцев всегда должны быть направлены на эту цель.

Европа за последние столетия своей истории пережила целый ряд способов действия, в частности, способов лечения, которые, будучи связанными по сути своей с азиатчиной, могли привести лишь к заболеванию арийских народов, если только они не были с самого начала ориентированы на разрушение расы. Классический пример этого — упражнения баска Игнатия Лойолы, которые во многом соответствуют индийской йоге. Сюда же относятся теософия, новая герметика, «животный магнетизм», магическая медицина всех видов и, наконец, психоанализ. Во имя расовой гигиены, против которой они направлены, все эти явления в германском мире необходимо беспощадно искоренить. Этого требует самозащита расы.

Т.н. арианство, своеобразное христианство готских народов, вообще не знало монашества и соответствующих ему ценностей и методов. Германский католицизм включил в себя бенедиктинское монашество таким образом, что оно превратилось в очень позитивное волевое сообщество, а его аскеза — в форму дисциплины. Это монашество на протяжении нескольких веков играло в империи положительную роль носителя культуры. Вторжение ориентализма в конце Средних веков создало другое монашество, необходимое руководителям церкви, с иначе ориентированной дисциплиной послушания и соответствующей системой упражнений, в лице ордена иезуитов, этих папских янычар. Иезуиты стремились создать всемирный коллектив из людей всех народов и рас, абсолютным господином которого был бы вознесенный ими на высшую ступень непогрешимости божественный папа. Сами они намеревались играть при нем роль главного штаба и лейб-гвардии и разработали военно-монашескую систему воспитания и упражнений, которую распространили как дисциплинарное средство на всю церковь. Годный на все дипломат, политик, солдат, вождь и воспитатель на службе абсолютного папы отрывал верующих от родины, природы, расы, лишал их собственной воли: служить антиимперии могли только унифицированные, пригодные для любых целей орудия, лишённые своей природы и личности номера. Хорошо известно, сколько болезней принесла с собой эта система упражнений. Такова и была цель: иезуиты оставляли у себя лишь тех, кого можно было любым образом изменять с помощью этих методов, кто при этом не погибал.

В западное монашество, которое уже в Средние века принесло северным народам такие страшные дары, как вера в ад, чертей и демонов, с помощью которой укреплялась папская власть, баск Лойола, изобретатель извращенных упражнений, внес новую струю ориентализма: эзотерическую теургию и обожествление человека путем полного разрыва с природой. Не случайно его упражнения назывались «духовными». Сам будучи отпрыском ископаемой расы, Лойола ненавидел все живые высшие расы и ориентировался на «свет с Востока», поэтому он был таким большим другом евреев, окружил себя, в основном, евреями, наполнил ими свой орден и часто открыто сожалел, что он сам не еврей, так что у испанцев возникал вполне закономерный вопрос, не создается ли в данном случае синагога под видом христианского ордена? Лютер давно уже констатировал объевреивание церкви. После того, как еврей-иезуит Лайнес сыграл решающую роль при формулировании на Триентском соборе новой системы церковных догм, в объевреивании церкви силами еврейского иезуитского ордена был сделан значительный шаг вперед.

Иезуитские упражнения это католическая форма йоги. Они предполагают наличие манихейско-гностических рамок: мир это поле битвы между Христом и Люцифером, возглавляющими армии добрых и злых демонов. Человек со своей свободой воли стоит между ними, и названные упражнения открывают ему путь к спасению души. Поэтому Лютер так резко выступал против «оправдания делами». Свобода воли в данном случае ведет к отказу от себя и уничтожению собственной воли. «Спасенный» находится в состоянии полного безразличия, для него здоровье и болезнь, богатство и бедность, честь и позор — все едино. Путь к этому ведет через умерщвление своего Я и своей воли путем созерцания, погружения, сосредоточения и развития фантазии, пока человек не становится безвольным трупом — если он не умирает и не попадает в сумасшедший дом — и не обретает возможность говорить с Христом и отождествлять себя с ним. Для этого надо самому пережить все грехи, страдания и унижения, пройти через ад, прожить вместе с Христом весь его жизненный путь вплоть до распятия... Эта система включала в себя точную бухгалтерию, повседневный тщательный подсчет совершенных грехов и прогресса, достигнутого на пути к совершенству. В результате человек становился орудием, трупом, средством в руках тех, кто в его глазах воплощал Христа. Он превращался в раба церковной иерархии.

Все виды иллюминатской техники — вариации этой системы упражнений, будь то теософия, теургия, масонство высоких степеней, магическая медицина или экзорцизм. Сама эта система, в свою очередь,

— лишь «одухотворенная», эзотерическая форма грубого колдовства, каббалистического самообожествления. Здесь магическая, соответствующая йоге техника становится суверенной и может использоваться для любых целей. С помощью иезуитов папа опередил евреев и иллюминатов, каббалистов и теософов, романтиков, идеалистов и позитивистов, Робеспьера и Наполеона, Мартинеса и Сен-Мартена, Сен-Симона и Маркса Папа воистину победоносный, единственный настоящий Мессия. Средство его господства — система упражнений. В настоящее время конкуренцию ему в какой-то степени составляет лишь Фрейд, по крайней мере, в англо-саксонских странах...

Иезуитские и родственные им упражнения, все формы исцеления от греха представляют собой смертельный грех перед природой и жизнью, воистину смертельную болезнь, потому что сама жизнь воспринимается как нечто греховное. Иезуиты были праотцами и прообразами сверхчеловека: один должен властвовать на огромном кладбище рас и личностей. Их система предвещает смерть расы, героизма, политической воли, конец истории и наступление царства колдовства, поповщины и церкви — нового ледникового периода...

Варианты иезуитской йоги в плане способов исцеления, вплоть до еврейского психоанализа, в изобилии предлагало иллюминатство начиная с XVIII века. Все их искусство состояло в «исцелении» слабовольных людей, в подрыве их воли и корней и в подчинении их чужой воле. Одновременно и на той же самой почве, что и мошенники из числа масонов и иллюминатов (Сен-Жермен, Калиостро, Казанова, Мартинес, в Германии — Лейхт, Роза, Хунд, Штарк, Гугомос, Вейсгаупт, Книгге), возникают в больных расах месмеризм, животный магнетизм как форма гипноза, новая герметика — египетская магическая медицина, сомнамбулизм, теософия, возрожденные формы первобытной магии, предшественницы психоанализа, и все прочие методы внушения и психиатрии, которые делают здоровых людей больными, желая вылечить больных. Это настоящий антимир, дополнение к рационализму и рациональному идеализму, подобно тому, как политический messiанизм является зеркальным отражением рациональной «иоанновой» христологии: в том и другом виде христианство окончательно умирает.

Но вместе с началом XIX века в Германии началось пробуждение расового и исторического сознания, стремление создать новую Империю вместо старой...

Евреи, прежде всего, не творцы, они торгаши и посредники. А первоисточник, возможно, был в Египте, этом великом сфинксе мировой истории. Разве и христианство не было в конечном счете египетским изделием?

Душа и дух

Если тело и жизнь неразделимы, то не требуется больше никакой «субстанциальной души». Понятие души настолько отягощено мифическими и метафизическими представлениями азиатского происхождения, что от него надо отказаться. Его корни — не германские. То же самое относится и к «духу». Ибо что такое душа или дух как демиургическая, отделимая от тела, противопоставляемая плотной материи тонкая, исходящая из высших сфер «первоматерия», если не существует ни высших, ни низших сфер и никаких промежуточных существ, ни ангелов, ни демонов, ни чертей, ни добрых и злых духов, душ и потустороннего мира, а ориентированные на «дух» и «душу» магические и разрушительные способы воздействия разоблачены как исходящие от восточной религии с ее иллюзорным бегством от жизни? То, что разумно можно было бы назвать духом и душой, чувства, воля, сознание, мышление — это произведения и функции жизни, столь же неразрывно связанные с телом, как и сама жизнь.

Повсюду, где дуализм противопоставляет душу телу и дух — материи, все способы воздействия — воспитание, исцеление и вся связанная с ними магия — направлены на уничтожение тела, на обесценивание и уничтожение природы. «Духовные упражнения», герметические, магнетические, гипнотические, сомнамбулические, теософские, йогические, психоаналитические, психологические и психиатрические методы — все хотят освободить душу, якобы заключенную в теле, как в тюрьме. Своим исцелением души они делают больными тело и жизнь, отрывают от расовых корней. Они восходят к гностическому бегству от мира и самообожествлению. Служа универсалистским целям, они обесценивают и разлагают все конкретные, естественно-исторические формы.

Направленное на умерщвление тела и разрушение природы во имя спасения души манихейство полностью раскрыло себя в упражнениях Лойолы. Человек должен сам смотреть на себя, как на некую язву, спуститься в ад, услышать вопли и стенания, почуять запах серы. Он должен понять, что его душа заключена в теле, как в тюрьме, и что он обречен на жизнь в одной юдоли плача с неразумными животными. Он должен вслед за Христом спуститься в материальный мир из высших сфер, быть распятым на кресте материи, победить зло, Дьявола и дьявольскую природу и достичь в итоге полного тождества с Христом.

Но тот, кто умерщвляет плоть, уничтожает жизнь, волю, расу. Но этого как раз и хотят иллюминаты, гностики и манихеи. Но что

потом делать со своей призрачной душой, своим астральным телом? Вращаться в высших сферах? Где? И зачем?

Греки «Илиады» знали двойную систему воздействия, мусическую и гимнастическую, но эта двойственность не имела ничего общего с метафизически-мистической, которую под нее позже подвели: с двойственностью тела и души. Гимнастические и мусические упражнения были в равной мере ориентированы на человека в целом, на тело и жизнь, а не то чтобы гимнастический метод предназначался для тела, а мусический — для души. Это уже выдумки орфиков, которые обесценив тело, обожествили душу. Оба метода различались только методами воздействия и органами восприятия. В одном случае это был слух, в другом — осязание; в одном случае речь, пение, музыка, в другом — видимые и осязаемые движения. Даже платоновская иерархия ценностей, основанная на дуализме тела и души, не соотносит гимнастику с телом, а музыку — с душой. Мужество, храбрость, рассудительность, чувство меры, справедливость — высшие ценности платоновской этики — характеризуются всю жизнь членов общества, гопплитов, а не качества отделимой от тела души. Ибо что могла бы сделать эта душа с мужеством и храбростью перед лицом врага, если бы тело в этом не участвовало по принципу: «Дух животворит, плоть же не пользует нимало», свойственному только мифически-метафизическому дуализму Востока.

То, что сказано о воспитании, относится и к медицине всех обладающих расовым сознанием и волей к историческому творчеству, т.е. политических народов. Различие между целителями тела и души стирается, как мы не видим этого различия уже в образе Хирона. «Психические болезни» выделяются тогда в особую группу только по внешним признакам, а не потому, что в основе их лежит какой-то особый принцип. Здоровой или больной всегда можно назвать только жизнь человека в целом, и врач, в зависимости от ситуации, применяет то один, то другой способ воздействия, а то и все вместе. Путей много, цель одна.

С методической точки зрения можно различать физиологию и патологию, но будет разумней, если мы не хотим принести вред, не проводить больше различия между физиологией и психологией, а между физиологией и психиатрией лишь в такой же мере, как между физиологией и патологией. В сфере последовательно биологического мировоззрения психология и психиатрия блуждают, как жалкие призраки, от живых к мертвым и обратно, не зная, кто они сами, что им следует делать и к какому миру они принадлежат, с тех пор как «субстанциальная душа» ускользнула у них из рук и

вернулась на свою азиатско-иллюминатскую родину. Но пока существуют обеспечивающие пенсию кафедры психологии, философии и других призраков, нам не удастся избавиться от призраков давно умерших: им искусственно готовят бессмертие Вечного жиды. Может быть, в будущем эти кафедры останутся за одними иезуитами, особенно если вымрут психоаналитики. Кроме психологии, есть еще одна жалкая «специальность»: философия, которая тоже больше не знает, зачем она собственно, еще бродит по земле. Именно эти науки сегодня лучше всего отнеси к категории психических заболеваний. Их устранение упростило бы все наше национально-политическое бытие и прояснило бы его смысл.

Разве нас, немцев, не влекли всегда дальние странствия с целью найти для себя то-то другое, нежели то, что предназначено нам природой и к чему мы призваны Судьбой? Неужели мы обречены на то, чтобы вечно, даже после великого переворота, в процессе которого мы должны были найти самих себя, вздыхать и стонать под развалинами устаревшего и чужого прошлого? Чужое всегда делало нас больными и слабыми, а возвращение домой — здоровыми и сильными, оно возвращало нас к нашей воле, расе и миссии. Когда же, наконец, произойдет необходимое для этого упрощение и прояснение мышления, сознания и понятий? Когда мы сможем, наконец, поставить наше мировоззрение с головы на ноги?

Заключение: вера и воля

Место происхождения всех религий — Азия. Религия чужда нашему расовому типу и сознанию. Ее сфера — иллюзионизм самообожествления.

Соответствует нашему типу и нашей цели для нас, германцев, живая вера в Бога и Судьбу, которая рождает волю и воздействует, как творческая сила, на живую действительность, творя историю и преобразовывая природу. Вера рождает волю и силу, религия их разрушает. Религия враждебна жизни нашей расы; здоровье зависит от веры, воли и силы. Религия со своим колдовством, потусторонним миром и спасением — причина болезней. Вера, сила и воля ниспосылаются свыше вместе с призванием и талантами и делают жизнь здоровой.

Воля определяет дела, при посредстве которых творится история. В этом смысл нашей жизни, назначение германской расы. Экзистенциальная форма воли называется характером. Воля формирует характер, в делах заряженный силой характер находит свое воплощение. Но характер определяется расой и Судьбой.

По мере того, как воля творит историю, благодаря, прежде всего, творческому призванию и своей силе, создается определенная картина истории, которой соответствует картина природы. Обе они в конечном счете связаны с верой. А религии азиатского происхождения со своими магическими средствами воздействия, наоборот, крутятся вокруг души и духа и всегда зовут во враждебный жизни потусторонний мир, нигилистический и в тех случаях, когда он называется истинной и вечной жизнью или сулит пришествие сверхчеловека.

Религия это дело попов, колдунов, психотехников и врачей-магов, а картина истории это, прежде всего, дело политиков, вождей, полководцев и воспитателей. Картина природы — дело ремесленников, врачей, техников. Но обе картины зависят от воли, действующей между полюсами истории и природы, они неотделимы друг от друга и являются полюсами единой картины живого мира. Жизнь это общий знаменатель природы и истории.

Если мы захотим вообще объединить природу и историю в едином мировоззрении, следуя принципу Все-жизни, нам надо будет сначала избавиться от прежнего раздвоения картины природы на механику (физику) и биологию. Этот дуализм возник в результате того, что с XVII века, со времен Галилея, техники, т.е. люди, имеющие дело только с вещественным миром, получили абсолютный приоритет, что выразилось позже в том, что и философия стала технической и механистической. В особой степени это касается всей теории познания, которая, как и натурфилософия, встала на позицию познающего, обладающего волей и действующего субъекта по отношению к вещи: природа считалась мертвой машиной, рассматривалась как «бытие вещей согласно общим законам» (Кант), под чем подразумевался Вселенский механизм. И это несмотря на то, что химия в своем развитии со времен Парацельса намного опередила физику Галилея: она сначала была составной частью учения о живой природе, до того, как сторонники механистического мировоззрения создали сумасбродное представление о мертвой, неживой природе, природе-машине, и исходила из эффективного взаимодействия между врачом и больным. Химия, таким образом, относилась к сфере живой природы. Лишь позже — окончательно после того, как Французская революция обезглавила Лавуазье — физики и техники монополизировали химию для себя, т.е. для математики и техники, и так продолжается до наших дней. Попытка романтической натурфилософии снова вернуть физику и химию в область живой природы, принципа Все-жизни, была неудачной из-за решающего перевеса техники. Это задача будущего. Через единую картину

природы мы должны придти к единому мировоззрению на основе принципа Все-жизни. Путь к нему указывает понятие «силы».

Именно немецкие врачи, при сильном содействии немецких исследователей природы, таких как Лейбниц и Гете, исходя из своей задачи соединения воли и познания, подчинили отношение человека к вещам, техническое отношение, живому отношению между людьми, между обществом и его членами. В противовес безраздельному господству технического и механистического принципа, т.е. мертвой природы-машины, эти врачи создали самостоятельную биологию (Тревиранус «Биология», 1802-22). Они стремились к принципу Все-жизни и основанной на нем единой картине природы, но им удалось лишь отвоевать для биологии как одной из специальных наук независимую область, органологию, морфологию и физиологию, поскольку победоносное наступление механистического мировоззрения продолжалось (в виде позитивизма). И неовитализм колебался между Все-жизнью Гете и вселенской механикой Канта.

Когда удастся сделать самое трудное, восстановить единую картину природы, устранив раскол на физику и биологию, недолгим будет путь к единому мировоззрению на базе полярности природы и истории. Разве техники и врачи не влияют на природу и на историю так же, как политические вожди, воспитатели, юристы, экономисты? Все они исходят от природы, переходят к историческому творчеству, преследуют общие цели и оказывают обратное воздействие на природу, окружающую человека, и на природу самого человека. Если все они участники одного и того же дела, исторического творчества и преобразования природы, то все они, хотя и пути и методы их профессиональной деятельности различны в зависимости от конкретных целей и задач, имеют единую волю, единую веру, единое мировоззрение и все стремятся к одной и той же цели. И одна и та же вера шагает вместе с ними, рождая в них единую волю и обеспечивая единство их действий.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЗДАТЕЛЬ РАСОВОЙ ПЕДАГОГИКИ ЭРНСТ КРИК

(Предисловие)	3
Эрнст Крик как воспитатель расового сознания	5
Школьный учитель	7
Беспокойный человек	10
Раса — это судьба	15
Снова против течения	21
В чем же суть мировоззрения Крика и почему оно пришлось не ко двору в III Рейхе?	23
«Национально-политическая антропология»	27
Последний аккорд	35
Общая оценка	42
Эрнст Крик и современная Россия	44

ПРЕОДОЛЕНИЕ ИДЕАЛИЗМА

Карл Винтерс Университетсбуххандлунг. Гейдельберг, 1942

Предпосылки	48
Личность и культура	53
Этапы преодоления	57
Метафизика	63
Наука о воспитании	68
Политика	70
История	74
Естествознание	75
Заключение	79

НЕМЕЦКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕЯ

Изд. Ойген Дидерикс. Иена, 1917

Немецкое национальное сознание	80
Новое человеческое достоинство	90

ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА (Основы сравнительной педагогики)
5-е изд. Ферлаг Квелле унд Майер. Лейпциг, 1941

Ценности. Типовые группы воинов и политиков	97
Типовые группы священников и ученых	101
Эфебы и греческие мужские союзы	107
Древний Рим: граждане и государство	112
Брахманы и касты	115
Германский рыцарь и дружина	119
Католический монах и монастырь	122
Религия	128

ГАРМОНИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Арманен-Ферлаг. Лейпциг, 1940

Музыка, воспитание и государство	136
--	-----

НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Изд. «Индустриферлаг Шпет унд Линде», 1936

Раса и воспитание	148
Значение конфессий и церкви	150
Борьба за мировоззрение	151

НАУКА, МИРОВОЗЗРЕНИЕ, РЕФОРМА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Арманен-Ферлаг. Лейпциг, 1934

Предисловие	153
Конец научной идеологии	155
Кризис в антропологии и медицине	159
Расово-национальная политическая историософия	166
Смысл и задачи будущей философии права	174
Десять принципов целостной науки	175
Мировоззрение и наука	177
Немецкий идеализм между двумя эпохами	180

ВОЖДЬ

«Фольк им Верден», 15 октября 1935	184
--	-----

НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Том 1. РЕАЛЬНОСТЬ

Арманен-Ферлаг. Лейпциг, 1936

Предисловие.....	199
Универсальная биология.....	200
Проблема биологии.....	200
Жизнь как реальность.....	203
Вселенский принцип жизни.....	207
Жизнь и сознание.....	209
Национально-политический образ человека.....	214
Народ как целое.....	214
Проблема целостности.....	214
Принципы целостности.....	215
Отдельный человек как целое и как элемент.....	216
Закон жизни народа.....	217
Национально-политическая картина человека.....	219
Религия.....	219
Кровь и почва.....	223

НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Том 2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ

Арманен-Ферлаг. Лейпциг, 1937

Введение.....	227
Процесс жизни и деятельность.....	228
Принадлежность к сообществу.....	230
Области жизни и общественные объединения.....	232
Нравы и нравственность.....	233
Право и справедливость.....	234
Ценности и цели.....	239
Политика и история.....	241
Политика, война, история.....	247

НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Том 3. ПОЗНАНИЕ И НАУКА

Арманен-Ферлаг. Лейпциг, 1938

Сознание. Критика теории познания	251
Движение, пространство, время	256
Наука. Сущность науки	263
Истина в науке	267
Полярность действительности между окружающей средой и обществом	270
Наука об окружающем мире. Материя	273
Причинность	276
Движение на втором уровне действительности	280
Общество. Третий уровень действительности.	
Социальное и историческое движение.	287
Влияние одних людей на других	289
Выражение в действии	290
Познание как движение	292
Революция и познание	294

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ

Австрийское земельное издательство. Вена-Лейпциг, 1939

На рубеже двух эпох	299
Буржуазное мировоззрение	300
Буржуазное представление о человеке	301
Сопrotивление и прорыв	302
Народ и вождь как центральная действительность мировоззрения	305
Общество становится народом, народ становится обществом	305
Раса в народе	306
Личность	307
Германское представление о личности	307
Раса и культура	308
Использование науки	309
Смысл революции	310
Революция обязывает	311
Расовое воспитание	312

НАРОДНЫЙ ХАРАКТЕР И ОСОЗНАНИЕ СВОЕЙ МИССИИ

Арманен-Ферлаг. Лейпциг, 1940

Сравнительная характеристология народов	314
Расовый характер и осознание своей миссии	325

ВОЛЯ К СОЗДАНИЮ ИМПЕРИИ

Университетская типография Карла Винтера. Гейдельберг, 1940

Речь, произнесенная в актовом зале Нового Гейдельбергского университета 5 мая 1940 г.	331
--	-----

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ (Историю объясняют время и судьба)

Арманен-Ферлаг. Лейпциг, 1940

Раса и вера	337
Судьба	343
Исторические мифы	348
Метафизика истории	361

СЧАСТЬЕ И СИЛА.

КНИГА ГЕРМАНСКОЙ ЖИТЕЙСКОЙ МУДРОСТИ

Арманен-Ферлаг. Лейпциг, 1943

Предисловие	366
Вступление. Призвание германцев	368
Высшее сознание. Миф и идеология	370
Секуляризация христианского мифа	373
Неокатолицизм	376
Сверхчеловеки	380
Вы все боги	383
Здоровье и болезнь	386
Болезнь в историческом аспекте	386
Спаситель	388
Заболевание общества	389
Национально-политическая патология	391
Национально-политическая терапия	395
Смерть народов	398

Способы воздействия. Рационализм и магия	400
Мир колдовства	403
История против религии	405
Техника возвышения.....	409
Раса и способы лечения	413
Душа и дух	417
Заключение: вера и воля	419

В книжной серии
«БИБЛИОТЕКА РАСОВОЙ МЫСЛИ»
Г О Т О В Я Т С Я   К   И З Д А Н И Ю :

В.Б. Авдеев
«РАСОЛОГИЯ»

Первое на русском языке фундаментальное изложение основ классической расовой теории с ее новым авторским объяснением.

Под расовой теорией или расологией сегодня принято понимать единую философскую систему, находящуюся на стыке естественных, точных и гуманитарных наук, посредством которой все специальные, культурные, экономические и политические явления человеческой истории объясняются действием наследственных расовых различий народов, данную историю творящих. Все обилие фактов, накопленных антропологией, биологией, генетикой, психологией и сложными дисциплинами о врожденных расовых различиях народов проецируется на сферу их духовной жизни. В основе каждого исторического явления расовая теория стремится выделить биологическую первопричину, его вызывающую, т.е. наследственные различия представителей человеческих рас. В свою очередь, различия биологического строения ведут к различиям в поведении, а также к различиям в оценке явлений. Таким образом расовая теория, или расология, — это наука, изучающая биологические факторы мировой истории. Шире она исследует и оценивает биологические предпосылки любой деятельности вообще, а также помогает диагностировать качество человеческого материала.

Сам термин «расология» впервые предложен к употреблению В.Б. Авдеевым, ибо в русском языке его не существовало. Расологию ни в коем случае нельзя отождествлять с обыкновенной антропологией. Если антропология изучает количественные различия параметров тела представителей человеческих рас, то расология стремится оценить их качественно, интерпретируя наследственные различия в контексте исторического процесса.

Изучение влияния расы на человеческую культуру и историю формально находилось под запретом во времена коммунистической диктатуры, основанной на классовом, социальном подходе и как огня боявшейся любых форм биологического детерминизма в философии. Однако распад Советского Союза с последующим ростом этнорасового сепаратизма и бандитизма на всем постсоветском пространстве показал всю нищету и убожество методов социологии, культурологии и политологии, не способных объяснить происхождение данных процессов и дать соответствующие рекомендации по их профилактике и предупреждению. Распад США в результате кровопролитной гражданской войны уже не за горами.

И только такая наука, как расология, способна дать ответ на два вечных проклятых русских вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?».

Книга изобилует огромным количеством антропологических фактов, не известных в академической науке современной эпохи, умалчиваемых из соображений мнимой политической корректности. Приводятся также десятки высказываний классиков науки о природе человеческих рас, считающихся «не удобными» в наше время. Сочинение В.Б. Авдеева написано живым русским языком в доступной форме и в яркой, экстравагантной, афористической манере, что делает ее доступной для множества читателей, не имеющих специального антропологического и психологического образования.

Объем книги свыше 500 страниц.

«ФИЛОСОФИЯ ВОЖДИЗМА» *Хрестоматия*

Первое издание на русском языке в своей области. Сегодня термин «вождь» почти повсеместно употребляется в негативном контексте из-за драматических событий европейской истории. Однако даже многие профессиональные философы, психологи и историки не знают, что в Германии на рубеже XIX и XX веков возникла и сформировалась целая самостоятельная академическая дисциплина — «вождеведение», явившаяся результатом сложного эволюционного синтеза таких наук, как педагогика, социология, психология, антропология, этнология, психоанализ, военная психология, физиология, неврология.

Зародившись на кафедрах старейших немецких университетов, она не имела никакого отношения к национал-социализму, но мощный начальный триумф Третьего Рейха, опьянение и восторг перед магической личностью Гитлера, необычный подъем экономики и общий национальный энтузиазм среди рядовых немцев — все это результат воплощения на практике теоретических концепций вождеведения. Система воспитания в Германии тех лет была превращена в настоящий конвейер по производству вождей разного уровня для нужд народного хозяйства и вермахта. Это уже был не культ, но именно технология создания сильной личности.

Сегодня полки книжных магазинов буквально завалены беллетристическими опусами, нещадно эксплуатирующими идею оккультного происхождения национал-социализма, а вот об этой прагматической стороне предельно рационального использования человеческого фактора Вы не найдете ни одного серьезного исследования. Если отбросить весь «коричневый романтизм», который так бесстыдно

используют средства массовой информации в целях борьбы с гидрой мифического русского фашизма, то следует трезво осмыслить, что современная Россия нуждается не столько в высокотехнологичных результатах немецкого труда, сколько прежде всего в философии и психологии, лежащих в основе создания всех творений материальной культуры.

По каким именно физическим кондициям следует распознавать вождя? Как правильно выстроить иерархию психологического общения с начальниками и подчиненными? Как достичь максимальной консолидации национального духа? Как поднять уровень эффективности управления сложной административно-политической системой? Как из трусливого и недисциплинированного сборища новобранцев создать совершенную, боеспособную армию нового типа?

На все эти вопросы и множество иных, близких по смыслу, дает ясные и предельно четкие ответы такая наука, как вождеведение, существование которой тщательно скрывалось поколениями кабинетных профессоров марксизма-ленинизма.

В сборник «Философия вождизма» включены лучшие хрестоматийные тексты, максимально отражающие суть проблемы, а само издание снабжено большим теоретическим предисловием В.Б. Авдеева. Общий объем издания свыше 400 страниц.

Книги издательства «БЕЛЫЕ АЛЬВЫ»

можно приобрести:

в Москве — в книжных магазинах «Молодая Гвардия», «Библио-Глобус», «Дом книги», «Москва», «Русское зарубежье», «Белые облака», «Путь к себе», «Помоги себе сам», в книжном клубе в СК «Олимпийский» (места 259, 130, 127, 183), в книготорговых оптовых фирмах «КОРФ у Сытина», «Мастер-книга», «Омега-Л», «Юрайт», «Кнорус», «Амрита-Русь», «Академкнига», «Топ-книга» (Новосибирск), «Когорта» (Краснодар)

в С-Петербурге — через редакцию газеты «За русское дело» (198103, С-Петербург, а/я 170, e-mail: zrd@mail.cl.spb.ru)

Эрнст Крик

ПРЕОДОЛЕНИЕ ИДЕАЛИЗМА

ОСНОВЫ РАСОВОЙ ПЕДАГОГИКИ

Серия «Библиотека расовой мысли»

Редактор серии С.Н. Удалова
Компьютерная верстка Е. Седова, С. Удалов

Лицензия ЛР №064741

---

*Подписано в печать 21.05.2004 Формат 84x108/32
Печать офсетная Печ. л. 13,5 Тираж 3000 экз. Заказ 4452*

Издательство «Белые альвы»

109542 Москва а/я 82, Светлане Николаевне Удаловой

Тел./факс (095) 235-8797, 377-7453

E-mail: lebedy@online.ru

Сайт: <http://influx.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов В ИПО

«Типография профсоюзов «Профиздат»

109044 Москва, Крутицкий вал, д. 18

БИБЛИОТЕКА
РАСОВОЙ
МЫСЛИ

ISBN 576190185-4

9 785761 901858 >

Белые альбы